

ВОЕННО- МОРСКОЙ ШПИОНАЖ

История противостояния

XX *военные
тайны
века* П.А. ХУТХАУЗЕН, А. ШЕЛДОН-ДЮПЛЕ

Питер
А.
Хухтхаузен

Александр
Шелдон-Дюпле

Военно-морской шпионаж. История противостояния

Эта книга — первый отчет о деятельности военно-морских разведок в период, начавшийся в последние месяцы Второй мировой войны и завершившийся в 1991 г. развалом Советского Союза. В основу книги легли интервью с офицерами разведки советского военно-морского флота и ВМС западных стран, источники, важные публикации из западных архивов и новейшие исторические исследования, а также ошеломляющие откровения с обеих сторон «железного занавеса» и ледящие душу эпизоды многочисленных секретных баталлий, которые вели между собой два самых мощных государства планеты.

Красочное и динамичное повествование рассказывает о том, как немецкий изобретатель стал «отцом» крылатых ракет для американских ВМС; о том, как советский морской офицер — сотрудник ГРУ работал с генералом французских ВВС, который снабжал Кремль необходимой информацией до, во время и после кубинского ракетного кризиса; об инциденте в Тонкинском заливе в 1964 г.; о катастрофах американских кораблей-разведчиков «Либерти» и «Пуэбло» и метаморфозе, которую после этого претерпели разведывательные суда, и о многом другом.

Военно-морской шпионаж. История противостояния
Вече
Москва
2013
978-5-9533-5752-4

П.А.Хухтхаузен, А. Шелдон-Дюпле
Военно-морской шпионаж. История противостояния

ОТ АВТОРОВ

Авторы искренне благодарят граждан разных стран, оказавших им неоценимую помощь при работе над этой книгой:

В России — Адмирала Флота В. Чернавина, вице-адмиралов В. Селиванова и Ю. Квятовского, контр-адмиралов И. Иванова и Л. Чернавина, и капитанов 1-го ранга Н. Муру, Л. Вторьгина, Е. Ливанова, И. Курдина, С. Апрелева и Н. Шигина, полковника Н. Григорьева и нашу переводчицу И. Смирнову.

В Швеции — контр-адмирала Э. Свеннсона, кэптана Э. Соннерстедта, кэптана Л. Ведины, а также продюсера Л. Боргнеса и профессора О. Туандера.
В Великобритании — Д. Робинсона, лейтенант-командера (в отставке) британских королевских ВМС, и А. Шора, бывшего сотрудника военной разведки Великобритании.
В США — доктора Э. Маролда, К. Ллойд и Г. Хелмса из исторического центра ВМС в Нейви-Ярд (Вашингтон, федеральный округ Колумбия), А.Д.Бейкера; К. Карлсона, профессора Д. Хаттендорфа, Л. Феррейро, Н. Фридмана, Н. Польшара, кэптана П. Шварца, и Р. Файт, нашу гостеприимную хозяйку.
В Японии — посла Йоя Кавамура.
В Германии — кэптана У. Маренгольца, полковника В. Глобке.
Во Франции — вице-адмирала Луи де Контенсона и кэптана С. Тебо (историческая служба министерства обороны), контр-адмирала А. Беллота (бывшая историческая служба ВМС), контр-адмирала Ж.-М. Матей, кэптана К. Хуана и Б. Прецелина.
Авторы несут всю ответственность за допущенные ошибки.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

На страницах этой книги говорится о событиях, которые проливают свет на решающую роль военно-морской разведки в период с конца Второй мировой войны в 1945 г. до падения Советского Союза в 1991 г. Секретные архивы обычно хранят тайны до последнего дня своего существования, тогда как менее важные документы становятся доступны широкой публике через пятьдесят или шестьдесят лет. Попытки рассекретить документы иногда помогают сократить срок этой задержки, что примечательно для Соединенных Штатов. Личные воспоминания зачастую подвержены влиянию самовлюбленности, политических или профессиональных симпатий, личной дружбы, ненависти и угасающей памяти. Авторы никогда не забывали об этих недостатках и теперь предлагают вам беспристрастный отчет о ключевых событиях той схватки, которую вели за кулисами «холодной войны» военно-морские разведки. Большая часть материалов о периоде с 1945 г. по 1962 г. взята из западных архивов и недавних российских исследований, книг и статей, малоизвестных на Западе во время работы над этой книгой. Что же касается периода после 1962 г., то авторы книги дополнили названные источники интервью, своим личным опытом и знаниями из первых рук.

Ветеран войны во Вьетнаме П. Хухтхаузен специализировался на борьбе с подводными лодками, и ему довелось послужить как на море, так и на берегу; помимо этого, он был военно-морским атташе Соединенных Штатов в Белграде, Бухаресте и Москве. В промежутках между исполнением обязанностей атташе в указанных городах он курировал проблемы деятельности военных атташе и организации агентурной разведки в разведывательном управлении министерства обороны США (РУМО) в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия).

А. Шелдон-Дюпле работает во французской объединенной исторической службе в городе Винсен (Франция), кроме того, в штабном колледже министерства обороны в Париже он занимается исследованиями и читает лекции по истории советского ВМФ. По контракту (1987-1999 гг.) с французскими ВМС он занимал должность аналитика по военно-морским вопросам. Большая часть материалов с российской стороны поступила от капитала первого ранга в отставке Л.А. Вторыгина, который сотрудничал с авторами книги более пятнадцати лет. За плечами Вторыгина тридцать девять лет успешной службы в советском ВМФ. После службы на эсминцах на Балтике он сумел пройти строгий отбор и поступить учиться в Военно-дипломатическую академию в Москве, после окончания которой с отличием служил за границей в качестве офицера военной разведки. Буэнос-Айрес (Аргентина), куда в конце 1950-х годов он был назначен помощником военно-морского атташе, был его первым местом службы за рубежом. После этого (1960-1965 гг.) он служил в советском посольстве в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия). Во время кубинского ракетного кризиса в 1962 г. Вторыгин колесил по Восточному побережью США и отправлял сообщения об американских силах, готовящихся к вторжению на Кубу. В 1970-х и 1980-х годах он служил в штабе флота в качестве советника во Вьетнаме и военного аналитика.

Личные воспоминания П. Хухтхаузена и Л. Вторыгина, которые читатель найдет на страницах этой книги, придадут живости информации из других источников. Как бывший офицер военно-морской разведки и атташе в Белграде, Бухаресте и Москве, П. Хухтхаузен делится своими воспоминаниями в главах 5, 10, 15, 17. Для написания глав 2, 4, 6, 9, 14 и 16 А. Шелдон-Дюплс использовал рассекреченные материалы из американских, английских, французских и шведских архивов. Остальные главы авторами были подготовлены и написаны совместно.

ВВЕДЕНИЕ

В течение многих лет широко бытовало мнение, что самым большим успехом военно-морской разведки союзников во Второй мировой войне являлось вскрытие японских военно-морского и дипломатических кодов. Этот успех привел к решающей битве у атолла Мидуэй в мае 1942 г., в ходе которой ВМС США нанесли поражение японскому флоту. Однако другой, менее известный успех радиоразведки ВМС в 1945 г. позволил США получить последние требуемые компоненты для производства первой атомной бомбы, в которых нуждался «манхэттенский проект». Впоследствии США использовали эту бомбу для того, чтобы завершить войну с Японией.

Хотя в средствах массовой информации и сообщалось о том, что Гитлер потерял интерес к программе создания ядерного оружия после акта саботажа, успешно совершенного командос — знаменными «героями Телемарка» — в 1941 г. на заводе тяжелой воды в Рюкон, Норвегия, это может быть и неправдой. Недавние исследования свидетельствуют, что нацисты, вероятно, накопили такое количество расщепляющих материалов, которого могло хватить для производства атомной бомбы. Как пишет в своей книге «Критическая масса» К. Хайдрик, в период с июня 1940 г. до конца войны нацисты захватили в Бельгии, Чехословакии и Норвегии 3500 тонн соединений урана и хранили их в соляных шахтах Штрассфурта (Германия). Количество урана, который был у нацистов, в три с лишним раза превышало количество урана, имевшегося у США в рамках программы «манхэттенский проект». К. Хайдрик оспаривает утверждение о том, что немецкие ученые достигли успеха в создании центрифуги для обогащения захваченного ими урана, с другой стороны, российские источники утверждают, что у немцев могло быть налажено небольшое производство по обогащению урана на норвежском побережье Баренцева моря.

Когда война подошла к границам Германии и вероятность поражения стала неминуемой, Берлин санкционировал передачу большого количества окиси урана Японии. Однако возглавлявший ядерную программу сухопутных войск Японии генерал Т. Кавашима еще 7 июля 1943 г. через посольство своей страны в Берлине запросил у Германии уран. Американцы и англичане перехватили телеграмму генерала от 18.11.1943 г. Спустя сорок лет Кавашима заявил в своем интервью, что Германия отправила в Японию морем две тонны необогащенной окиси урана. Из Европы в Японию ушли три подводные лодки, на борту которых были оружие и пассажиры: «I-30» (июнь-октябрь 1942 г.), «I-8» (июнь-декабрь 1943 г.) и «I-29» (декабрь 1943 г. — июль 1944 г.). До Японии удалось добраться только «I-8». «I-30» и «I-29», в результате блестяще скоординированных действий разведок союзников, попали в ловушку и были потоплены в октябре 1942 г. и июле 1944 г., соответственно. Две других японских лодки, «I-34» и «I-52», не сумели своевременно достичь европейских портов. Союзникам стало известно из материалов перехвата, что «I-52» должна будет идти с грузом в 800 кг окиси урана. После этого в период с февраля 1944 г. по май 1945 г. семь немецких подводных лодок пытались достичь портов Японии. Три из них («U-1059», «U-180» и «U-864») были потоплены на переходе в Атлантическом океане, а три добрались до японских баз: «U-1062», доставив в Пенанг пассажиров и груз, погибла в сентябре 1944 г., а «U-195» и «U-219», которые в декабре 1944 г. дошли с грузом до Джакарты, были в мае 1945 г. переданы в состав японского императорского флота. Две последние лодки перевозили ракеты «Фау-2», они также могли перевозить и те две

тонны окиси урана, о которых говорил Кавашима в 1983 г. Судьба седьмой лодки долгое время оставалась загадкой. В марте 1944 г., всего за два месяца до падения Третьего рейха, из перехвата радиосообщений между Берлином и Токио выяснилось, что Германия собирается передать уран Японии. Разведка союзников вскрыла, что в Токио пойдет «U-234». В апреле 1941 г. японская императорская армия доверила создание атомной бомбы физику-ядерщику Иошио Нишина, который состоял в переписке с Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном. Для производства урана-235 предполагалось обогатить уран, захваченный в Корее, Китае и Бирме. Одновременно, учитывая имеющиеся скудные запасы нефти, японский императорский флот поручил профессору Бунсаку Аракацу произвести изучение вопроса о ядерной энергии. В 1944 г. три японские подводные лодки были заняты перевозкой немецкого урана в Японию, однако были потоплены у берегов Малайзии. В начале 1945 г. была уничтожена японская подводная лодка «I-52», перевозившая уран из Германии в Японию. Позднее, в «шаре и феврале 1945 г., две немецкие подводные лодки опять предприняли попытку доставить уран в Японию. Одна из лодок, шедшая в Японию, была потоплена, а вторая, не сумев достиг берегов Японии, которые были блокированы союзниками, на обратном маршруте была тоже потоплена. Немецкие и японские лодки пытались также доставить окись урана на совместную японо-немецкую базу подводных лодок в малайском Пенанге (Палау-Пинанг), с которой груз мог быть переправлен в Японию быстроходными надводными кораблями. Блокада японского побережья союзниками была настолько успешной, что подводные лодки считались более уязвимыми в случае атаки кораблями союзников, чем более быстрые надводные корабли. Присутствие немецких подводных лодок в Индийском океане осуществлялось в рамках программы «Муссон». 09.02.1945 г. корабль британских королевских ВМС «Венчур» у побережья Норвегии произвел торпедную атаку немецкой подводной лодки «U-864», направлявшейся в Пенанг, и потопил ее. Эта лодка шла точно с таким грузом, что и «U-234». В марте 1945 г., когда истекали последние месяцы гитлеровского рейха, военно-морские разведки США и Великобритании получили из нескольких источников информацию о том, что немцы собираются предпринять еще одну попытку переправить на подводной лодке большое количество окиси урана, захваченного в Бельгии, Чехословакии и Норвегии. Эта информация была подтверждена криптографами, взломавшими шифры противника и читавшими военно-морскую и дипломатическую корреспонденцию немцев и японцев. В конце марта союзникам стало известно о том, что немецкая подводная лодка «U-234» будет перевозить окись урана и некоторые изделия военного назначения в Японию. Возможная перевозка могла стать последней попыткой агонизирующего Третьего рейха передать важнейшие технические материалы и знания своему союзнику. Нацисты надеялись, что отправляемый груз сумеет помочь Японии создать ядерное оружие. Мало кто знает, особенно в сегодняшней Японии, что японские армия и флот собирались в 1945 г. создать собственные атомные бомбы. Есть даже несколько спорных заявлений о том, что за несколько недель до сброса американцами атомной бомбы на Хиросиму японцы могли испытать в Корее небольшое ядерное устройство. По мнению некоторых исследователей, для создания собственного атомного оружия Японии требовалось дополнительно некоторое количество обогащенного оружейного урана. Американский исследователь Р.К. Уилкоккс приводит несколько примеров тот, что Токио ускорило свои исследовательские работы, однако они не доказывают, что Япония стояла на пороге создания атомной бомбы. Если бы японцы преуспели в создании одного или нескольких атомных боеприпасов, то они бы сбросили их с самолетов, взлетевших с подводных лодок, — носителей самолетов, на крупнейший город Западного побережья США. В начале войны японские подводные лодки уже подвергали Калифорнию обстрелу. Вечером 16.02.1942 г. японская подводная лодка «I-17» всплыла и произвела 16 артиллерийских выстрелов по нефтеперерабатывающему заводу возле Санта-Барбара. П. Хухтхаузену в то время было три года и он находился среди эвакуированных с пляжа; армейские самолеты тем временем спешно атаковали японскую подводную лодку. Это было первое нападение японцев на материковую часть Соединенных Штатов, которое запомнилось обстрелом пригорода Эллууд. Следующей ночью более миллиона жителей Лос-Анджелеса были разбужены дважды: сначала сиренами, оповещавшими о воздушном налете, а затем противосамолетным огнем зенитных орудий. Как докладывал начальник штаба сухопутных войск США генерал Д.С. Маршалл президенту Ф.Д. Рузвельту, в течение примерно получаса 37-я бригада береговой артиллерии вела огонь, израсходовав 1430 снарядов, по «не менее чем 15 самолетам... которые

не принадлежали ни американским сухопутным войскам, ни флоту». Таинственные самолеты летали на разных скоростях — от, как сообщалось, «очень медленно» до 200 миль в час и на высотах от 9000 до 18 000 футов. Надлежащего разъяснения по поводу этого загадочного воздушного налета, в котором обычные самолеты не участвовали, так и не последовало, однако Западное побережье с тех пор считалось находящимся в зоне досягаемости японских самолетов, базирующихся на подводных лодках, или же тех, на которых агенты противника могли действовать с американского континента. Груз, который тремя годами позже перевозила «U-234», мог дать Японии последний шанс изменить ход войны, если бы она применила ядерное оружие на континентальной части США. Был ли это обогащенный уран, предназначенный для сборки радиационного оружия и последующего удара по Западному побережью?

Специалисты королевских ВМС в Блетчли-Парк (Англия) получили информацию об убытии лодки «U-234» из перехваченных сообщений, которые были расшифрованы. Материалы перехвата свидетельствовали о том, что Германия, в последней отчаянной попытке помочь своему союзнику, отправляет большую (водоизмещение 1763 тонн) лодку — постановщик мин тип «ХВ» с 560 килограммами ценнейшей окиси урана в Японию. По мнению К. Хайдрика, это был обогащенный уран. В качестве стратегического груза лодки был также немецкий ученый — морской офицер в звании корветтен-капитан (командер). Доктор Хайнц Шлике, эксперт по радио, РЛС и взрывателям, являлся изобретателем инфракрасного дистанционного взрывателя, который был крайне нужен как японцам, так и американцам для практического подрыва своей атомной бомбы.

В Японии, как и у американцев на «манхэттенском проекте», не было достаточного количества ядерного топлива и подходящего взрывателя для инициации цепной реакции деления. «U-234» также имела на борту разнообразное техническое оборудование, которое сопровождали два офицера ВМС Японии, несколько реактивных самолетов в разобранном виде, и известного генерала люфтваффе Ульриха Кесслера, который вез с собой проекты создания ракеты «Америка» — будущей ракеты, которая, будучи запущенной с территории Германии, могла бы достичь Нью-Йорка.

Подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Й.Г. Фелера вышла из норвежского порта Кристиансанд 15 апреля 1945 г. 10 мая 1945 г., т.е. через два дня после немецкой капитуляции, на «U-234» приняли приказ гросс-адмирала Деница о сдаче в плен. Командир лодки Й.Г. Фелер объявил по радио о своем намерении прибыть на англо-канадскую базу в Галифаксе, однако позже изменил свое решение и направил лодку в Соединенные Штаты, надеясь, что там с немецкими пленными будут лучше обращаться. Сразу после того, как командир подводной лодки объявил экипажу свое решение, два японских офицера, находившиеся на борту лодки, покончили с собой. «U-234» была пленена преследовавшим ее эскортным эсминцем ВМС США «Саттон» («DE-771») у побережья Новой Англии, и под его конвоем направилась на ВМБ ВМС США в Портсмуте, что в Нью-Гемпшире. Как только лодка причалила в Портсмуте, доктор Хайнц Шлике и его инфракрасный дистанционный взрыватель были отправлены в Вашингтон (федеральный округ Колумбия), а восемьдесят золотистых цилиндров с ураном были отосланы в Лос-Аламос. В течение нескольких недель «манхэттенский проект» неожиданно удвоил производство обогащенного урана и к концу июля уже имел его в количестве, достаточном для создания двух бомб. На борту крейсера ВМС США «Индианаполис» («CA-35») первая американская бомба отправилась на тихоокеанский остров Тиньян. Там она была погружена на бомбардировщик «B-29» ВВС сухопутных войск США и, не испытанная на полигоне, была сброшена на Хиросиму. Остальное принадлежит истории. Так случилось, что пока Красная Армия через порты Балтийского моря продвигалась на запад, захватывая на своем пути всю полезную германскую технологию, советская разведка всего на несколько недель запаздывала к желанным трофеям с подводной лодки «U-234» — урану, реактивным самолетам и бесценным секретным пассажирам лодки.

Соперничество среди победителей было самым ранним вестником приближающейся «холодной войны».

Начиная с 1945 г. и на протяжении почти полувека «холодной войны» разведка Запада сидела в окопе и сдерживала натиск первоклассных советских и восточноевропейских интеллектуалов, которые доказали свое подавляющее превосходство, хотя их страны взорвались изнутри после падения Берлинской стены

Столетия царского правления и репрессивной Русской православной церкви, за которыми последовало несколько десятилетий советского коммунизма, основательно подорвали личную инициативу у граждан СССР. В этом контексте самые умные люди естественно тяготели к тем сферам деятельности, которые обещали высшую степень безопасности и влияния, т.е. службе в вооруженных силах и разведке. С имевшимся подавляющим приоритетом (если исходить из сопоставления с тем, что делалось в стране, и тем, что действительно нужно было делать), который был отдан развитию военной мощи и разведке, лучшие из лучших окапывались в высших эшелонах разведывательных служб. Оказавшись наверху, они наслаждались привилегиями, которые не были доступны простым Ивану или Марье на небогатых улицах Москвы или Ленинграда.

Контрастом к этому была ситуация на Западе, где на службу в разведку обычно попадали случайно. Очень немногие учились с целью последующей службы в разведке. Вторая мировая война, однако, вызвала потребность в формировании групп государственных служащих, набранных из талантливых и творческих людей, которые бы специализировались в разведке. И хотя западные демократии питали врожденное недоверие к тем, кто работал в тени, победа в войне принесла заслуженное признание и даже славу незаметным рыцарям мира разведки. Безопасность иногда брала верх над эффективностью. Британская разведка критически относилась к негибкости американцев: «Американская концепция безопасности полностью отлична от нашей; каждый офицер и солдат с рождения проникнут чувством ответственности по отношению к органам национальной безопасности, и он просто страшится переступить через правила (даже тогда, когда это дает некоторую гибкость) из-за боязни рискнуть своей головой».

В течение сорока пяти лет военно-морская разведка играла решающую роль в усилиях Вашингтона по поддержанию военно-морского превосходства над набиравшим силу флотом Советского Союза и помогала Москве в ее асимметричных действиях по овладению ключевыми технологиями и тактической информацией, необходимыми для компенсации недостатков советской промышленности и вооруженных сил. У обеих сторон были веские причины бояться друг друга. На страницах этой книги рассказывается о том, как военно-морские умы сыграли свою весьма специфическую роль в создании более четкой картины, показывающей намерения и возможности вероятного противника.

В книге обсуждается влияние известных и малоизвестных случаев военно-морского шпионажа на ход «холодной войны». Новые открытия и дополнительные исследования затронут, в числе прочих, следующую тематику:

- Специальные подразделения Я. Флеминга и соревнования между союзниками за овладение военно-морскими технологиями нацистов;
- Морской офицер-коммунист, пытавшийся возглавить разведывательную службу де Голля;
- Допросы американцами возвращающихся домой бывших военнопленных стран Оси, матросов-перебежчиков и преследуемых властями проституток для сбора разведывательной информации о ситуации по другую сторону «железного занавеса» и в Корее;
- Англо-германское проникновение в советские территориальные воды с целью поддержки антикоммунистического сопротивления в бывших государствах Балтии;
- Военно-морское мышление и военные планы Сталина и их влияние на западную разведку;
- Официальное советское расследование гибели линкора «Новороссийск» и его последствия;
- Новый взгляд на военно-морскую дипломатию Хрущева и значение инцидента с Крэббом;
- Манипуляции с советскими подводными лодками, о которых сообщали Соединенные Штаты во время Суэцкого кризиса 1956 г., с целью повлиять на англо-французские планы войны;
- Работа офицера советского ВМФ — сотрудника ГРУ с генералом ВВС Франции, который передавал в Кремль требуемую информацию до, во время и после Карибского ракетного кризиса;
- Отслеживание американской разведкой наращивания советской военной мощи на Кубе и связанных с ней уловок;
- Ошибка разведки, которая привела к эскалации американской вовлеченности во Вьетнаме;
- Удачные и неудачные судьбы разведывательных кораблей и разъяснение причин нападения на корабль ВМС США «Пуэбло»;
- Революция в военно-морской разведке в 1980-х годах; американские и советские системы слежения за океаном;

— Интриги американских военно-морских атташе в Белграде, Бухаресте и Москве;
— «Трясина» разведки: проблема с ядерными реакторами и радиоактивными отходами военно-морского флота после распада СССР.
В книге также представлены новые факты по операциям психологической войны, самые свежие признания о подводных вторжениях в территориальные воды Швеции и про то, как флоты времен «холодной войны» пытались разобраться в странных встречах, которые никак нельзя было отнести к действиям противной стороны. В книге также приводится инструкция советской военно-морской разведки относительно «необычных физических явлений и объектов», самым ранним появлением которых мог быть не объясненный до сих пор воздушный налет на Лос-Анджелес в феврале 1942 г.

Глава 1 ДОБЫЧА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

За долгие годы Второй мировой войны выяснилось, что большинство образцов немецкого вооружения военной техники намного превосходят вооружение и технику союзников. Не было секретом, что немецкие танки имели лучшие характеристики, чем основные танки западных стран и, до появления на поле боя сталинского танка «Т-34-85» имели перевес над всеми танками Красной Армии. Немцы использовали первые турбореактивные двигатели на истребителе «Me-262», который, начиная с 1944 г., принимал участие в боях. Это расчистило дорогу целой серии новых немецких самолетов, которые стали выпускаться немецкой промышленностью, несмотря на мощные стратегические бомбардировки союзниками территории Германии. Широкое использование этих новых самолетов было сорвано нехваткой подготовленных летчиков, а не отсутствием материальных возможностей производства. Другим зловещим знаменем для союзников являлось успешное применение немецкой ракеты «А-4», более известной как «Фау-2», а также маячившая впереди угроза от ракет «А-6» и «А-9», прозванных «Америка». Эти ракеты имели такую дальность пуска, которая позволяла им достичь Северной Америки.

Боевое применение планирующих авиабомб «Фриц-Икс» и «Хеншель-293» и доработанного радиоуправляемого варианта последней ознаменовало появление первых крылатых ракет. В заключительные годы войны это оружие показало свою необычайную силу — им были уничтожены один линкор союзников, один крейсер, а также несколько эсминцев и торговых судов. Если бы в 1944--1945 гг. немцы приняли на вооружение достаточное количество новых ракетных систем ПВО «Вассерфаль» и «Шметтерлинг», то это могло бы иметь катастрофические последствия для тяжелых бомбардировщиков союзников. В мае 1945 г. передовое подразделение ВМС США по техническому использованию вошло в балтийский город Киль еще до прихода туда 21-й армии союзников и обнаружило готовые опытные образцы новых немецких подводных лодок типов «Wa-201»

[1]

, «XVII-B» и серий «XXI» и «XXIII»; эти лодки стояли у пирсов в ожидании подготовленных экипажей. Один из членов подразделения, англичанин по национальности, заметил, глядя на лодки: «Эту войну мы бы не скоро выиграли».

Отчего же существовал такой большой разрыв в военной технологии между союзниками и военной машиной Германии? Не являлось секретом, что в нацистской Германии с 1930-х годов политики и военные руководители нянчились с учеными и инженерами, предоставляя им неисчислимые льготы. И наоборот, американские и английские военные

старались держаться подальше от ученых и передовых новаций и не доверяли современной технике. Не далее как в 1939 г. учебные наставления для танкового корпуса британской армии все еще призывали использовать танки в роли конницы. В дополнение к этим обстоятельствам последующая военная блокада союзниками поставок Германии минеральных веществ, нефтепродуктов и химических материалов заставила немецких ученых разработать потрясающее воображение количество образцов синтетического топлива, материалов и даже продуктов питания, что во многих отраслях увеличило их технологический отрыв от союзников. Мнение о том, что союзники выигрывали войну, поскольку обладали более совершенным оружием, доказало свою абсурдность. Они выигрывали войну, потому что у них было больше запасов, а военная машина нацистов разваливалась не из-за отсутствия современной военной науки, а по причине неумелого руководства. Как было установлено в современных исторических исследованиях, на полях сражений немцы были разбиты союзными армиями преимущественно благодаря жесткому индивидуализму и инициативе конкретного солдата. Как сказал в свое время министр ВМС США Д. Форрестол, «именно парень с винтовкой и пулеметом является тем человеком, который, в конце концов, побеждает на войне и расплачивается за нашу свободу».

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОЕННО-МОРСКИХ РАЗВЕДОК СССР, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США В ГОДЫ ВОЙНЫ

22.06.1941 г., узнав о нападении нацистов на Советский Союз, британский Форин офис сделал беспрецедентный шаг, проинформировав Москву о том, что финны и, следовательно, скорее всего, и их немецкие партнеры, читают советские шифры. Ранее Москва подозревала, что имеется секретное «капиталистическое» соглашение между Берлином и Лондоном, которое развязывало Гитлеру руки в отношении «плана Барбаросса» — плана немецкого вторжения в Советский Союз. Однако жест Форин офис, на ровном месте давшего Советам важную подсказку, и его предложение направить в СССР делегацию из представителей трех видов вооруженных сил плюс речь Черчилля в поддержку Советского Союза были тепло встречены Сталиным. План военного сотрудничества между двумя странами был разработан за месяц. В июле 1941 г. в Лондон прибыла советская военная миссия, которую вскоре возглавил контр-адмирал Иван Харламов; Великобритания, в свою очередь, направила в Москву «Миссию 30», морской секцией которой руководил адмирал. К маю 1942 г. обмена разведывательной информацией по военно-морской тематике стали интенсивными. Каждый вторник представители Адмиралтейства встречались с Харламовым. Разведывательная информация по немецким морским вооружениям и балтийскому театру, включая финские береговые батареи и порты, передавалась советскому адмиралу — и это несмотря на симпатии населения Британии к целям войны финнов. Советский ВМФ, в свою очередь, передавал королевским ВМС детальные характеристики немецких линкоров и тяжелых крейсеров. Тем временем королевские ВМС создали на Черном море офис связи, который возглавил офицер в звании «кэптен». Его информация по оборонительным сооружениям Болгарии и Румынии на Черном море была настолько ценной для Красного флота, что он немедленно получил доступ к ежедневным разведывательным сводкам советского Черноморского флота. Позднее Черноморский флот стал наиболее эффективным источником разведывательной информации при составлении силами союзников подробных боевых приказов. Стремясь к справедливому обмену, советский ВМФ использовал британскую военно-морскую миссию связи на Черном море как встречный канал для получения информации по военно-морским силам противника. К августу 1942 г. Москва также позволила Лондону организовать станцию радиоперехвата, которая называлась «Хижина Игрек» в Полярном (Кольский полуостров). Эта станция снабжала Адмиралтейство информацией о перемещениях немецких кораблей, что было очень важным в обеспечении проводки конвоев союзников в Мурманск и Архангельск. После того как конвой «PQ-15» понес потери, вызванные отсутствием авиационного

прикрытия, Советы усилили активность своей авиации по прикрытию конвоя «PQ-16». Но после катастрофы с «PQ-17», который был почти полностью уничтожен немцами, потому что англичане убрали все корабли сопровождения, Черчилль приостановил отправку конвоев в Россию, и разъяренный Сталин ограничил обмен информацией по линии разведки. Тем не менее, несмотря на стычки с местным советским командованием, совместная советско-британская работа по вскрытию кодов в рамках «Хижина Игрек» в Полярном продолжалась весь 1943 год. Главной заботой королевских ВМС тогда было грубое обращение с английскими моряками со стороны советских властей, что могло принести вред деятельности станции перехвата «Хижина Игрек». Как жест доброй воли, Великобритания разрешила двум советским сотрудникам изучать в Англии английскую практику радиоперехвата и предоставила в распоряжение миссии советского ВМФ в Лондоне образец немецкой шифровальной машины «Энигма». Для поддержки усилий советских ВВС по уничтожению немецкого линкора «Тирпиц» королевские ВВС разместили на Кольском полуострове подразделение воздушной фоторазведки. И хотя в некоторых вопросах сотрудничество продолжалось, адмирал Джон Годфри, директор британской военно-морской разведки, не сумел, несмотря на все свои усилия, получить разрешение на открытие военно-морской миссии во Владивостоке. Ему также пришлось отказаться от посылки в Москву лейтенант-командера Я. Флеминга, своего блестящего и энергичного помощника, который, опасаясь адмирал, мог бы вызвать нежелательные затруднения, действуя как разведчик Годфри в британской военной миссии и дурача русских. Действительно, сбор информации о стране пребывания был так же важен, как поддержка советских военных усилий. Когда на одном из приемов Сталин попросил ээптана Д. Дункана, военно-морского атташе США, определить характер его миссии, тот прямо ответил, что он «находится в России с целью сбора информации». Советский лидер оценил это заявление как «наиболее честное и прямое» из всего, что он услышал за целый вечер.

18 августа 1943 г. Посол США в СССР адмирал У. Стэнли, а также ээптан Дункан и его заместитель, командер М. Аллен, встретились с адмиралом Н. Кузнецовым. Главком Красного флота рассказал американским офицерам о советских Северном и Тихоокеанских флотах, особо подчеркнув, что данная информация не должна передаваться британским королевским ВМС.

Пытаясь сыграть на противоречиях между американцами и англичанами, Советы тем не менее признавали лидирующую роль, которую играли США в ходе войны. Так, ВМС США было разрешено иметь во Владивостоке помощника военно-морского атташе, что позволяло дополнить ту информацию о советском ВМФ, которую собирали в Мурманске, Архангельске и на Черноморском флоте другие офицеры связи ВМС Великобритании и США. В 1942 г. советский Красный флот передал ВМС США общую информацию о ВМС Германии, а также данные о действиях немецких кораблей-рейдеров, способах дозаправки немецких подводных лодок и секретную информацию о толщине брони и минах. В ответ США передали Советам книги-классификаторы силуэтов кораблей Японии и стран Оси. Советская информация по немецким, японским и советским минам оказалась весьма ценной для союзников. Лейтенант ВМС США Г.Б. Бессинджер направил 45 докладов в центральный аппарат военно-морской разведки. Однако в июле 1944 г. это сотрудничество прекратилось, поскольку адмирал Э. Кинг, ГК ВМС США, принял решение отозвать из Владивостока западные миссии в связи с отсутствием конкретных результатов. Тем не менее старший советский метеоролог продолжал оставаться в США вплоть до конца войны. Поскольку СССР долгое время не присоединялся к боевым действиям союзников против Японии, обмен разведывательной информацией по этой стране был очень деликатным делом. 02.02.1944 г. посол А. Гарриман поднял этот вопрос перед Сталиным. Советский лидер дал «добро», и двадцать восьмого февраля советский капитан 1-го ранга встретился с новым американским военно-морским атташе адмиралом Олсенем. На встрече было решено, что стороны представят друг другу документацию по военно-морским силам Японии и перечень интересующих их вопросов.

В начале марта начались, наконец, формальные обмены военно-морской информацией по этой щекотливой тематике. Советский ВМФ передал военно-морской миссии США информацию по конвоям, береговым сооружениям на острове Сахалин, тактике действий

на суше, подготовке военно-морских сил и потерям. Данный материал был отослан в центральный аппарат военно-морской разведки и, случайно, в Белый дом. Американскую сторону, однако, попросили «не обсуждать и не менять тактику действий своей военно-морской разведки, как надводной, так и воздушной». 22 ноября 1944 г. адмирал Кинг указал личному составу военно-морской миссии США в Москве, что, поскольку СССР «все еще поддерживает дружественные отношения с Японией, то мы не можем делиться с ним информацией о боевом плане ВМС Японии».

В период между февралем и маем 1945 г. союзники улучшили качество информации, передаваемой Советскому Союзу, включая в нее данные, полученные из расшифрованных немецких каналов связи под названием «Источники “Ультра Мэджик”». Немецкие силы, однако, утрачивали способность эффективно действовать по конвоям, направлявшимся в Мурманск и Архангельск, и поэтому уровень обмена информацией по военно-морской тематике значительно снизился».

Англо-американское сотрудничество по Советскому Союзу также не блистало совершенством. По причинам, которые могли быть связаны с сомнениями относительно защищенности американских шифров или простым соперничеством, британские ВМС решили не делиться с американцами информацией, полученной от советской стороны через английский офис связи на Черном море и касающейся материалов допроса пленников моряков румынских ВМС. Но наиболее ценная информация, полученная британскими королевскими ВМС от советского флота, относилась к новому мощному оружию.

30 июля 1944 г. охотник за подводными лодками советского ВМФ «МО-103» нес патрульную службу вблизи северного входа в Бьёркосунд (Финский залив), а поблизости от него выполняла свои задачи эскадра советских минных тральщиков. На тральщиках заметили перископ подводной лодки и дали сигнал «МО-103» атаковать противника глубинными бомбами. Бомбы серьезно повредили немецкую подводную лодку «U-250», которой командовал Вернер Шмидт, она ненадолго всплыла и тут же затонула. Шесть членов команды, включая командира, избежали гибели и были взяты в плен. Вскоре после этого финская береговая артиллерия обстреляла тот участок моря, где затонула лодка, а немецкие торпедные катера дважды попытались прорваться к месту гибели лодки. Чересчур бурная реакция на потерю «U-250» показалась советскому командованию подозрительной, и оно приняло решение поднять лодку.

После того как лодку подняли и отбуксировали в Кронштадт, она подверглась осмотру, в ходе которого были обнаружены ценные документы, шифры и кодировочная машина. Однако подлинное сокровище представляли найденные торпеды, три из которых являлись новыми и еще неизвестными акустическими торпедами «Т-5». Их быстро доставили в береговое помещение флота и разрядили. Представителям британских королевских ВМС предоставили 10 часов на ознакомление с подводной лодкой «U-250», и они посчитали осмотр достаточно полезным, хотя русские успели убрать с лодки радиоаппаратуру и документацию. Когда англичане узнали об акустических торпедах «Т-5», то поставили вопрос о них на самом высоком уровне — 30 ноября 1944 г. Черчилль спросил Сталина, не может ли Великобритания прислать самолет, чтобы забрать одну из торпед в Англию. Сталин ответил следующим образом: «К сожалению, в настоящий момент мы не можем отослать одну из них в Великобританию. Возможна следующая альтернатива: мы можем прямо сейчас передать в военную миссию чертежи и описания торпеды; а когда проверки и испытания будут завершены, сама торпеда может быть передана в британское Адмиралтейство; или же британские специалисты немедленно отправятся в Советский Союз для детального изучения торпеды и изготовления необходимых чертежей». Королевские ВМС приняли второе предложение Сталина, и в январе 1945 г. группа британских специалистов по торпедам во главе с командером Э. Коннингвудом прибыла в Ленинград для изучения этого оружия.

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ Я. ФЛЕМИНГА И ЗАХВАТ ВОЕННО-МОРСКОЙ
ТЕХНОЛОГИИ СТРАН ОСИ

По мере того как победа союзников становилась все более очевидной, сами союзники ускоренно работали над планами последующего использования поразительного технологического превосходства

Германии. В результате на Союзной конференции в Ялте в 1943 г. руководители Союзных государств, среди прочего, ясно очертили планы по разделу нацистской военной промышленности после безоговорочной капитуляции Германии. Фактически же планы использования немецкой науки и оружейных технологий появились задолго до Ялты. В Великобритании к весне 1942 г. одаренные богатым воображением головы уже думали над планами создания боевых групп из инженеров и техников, которые, под охраной королевских морских пехотинцев, в ходе рейдов по оккупированной Европе, захватывали бы немецкое оборудование, шифры и документы. В последующих десантных операциях в Африке, Сицилии и Нормандии эти подразделения могли бы стать передовым отрядом войск союзников.

Идея первоначально была выдвинута Я. Флемингом, специальным помощником директора британской военно-морской разведки. За образец для своих спецподразделений Флеминг взял немецкие части, которые первоначально были использованы для вторжения на Крит. Тогда специальные подразделения командос сопровождали основную штурмовую группировку и захватывали британские документы, коды и другие важные материалы. В своей памятной записке от 20.03.1942 г., адресованной директору военно-морской разведки адмиралу Годфри, Флеминг охарактеризовал немецкую операцию «как одну из наиболее выдающихся новаций немецкой разведки». Для проведения будущих операций на оккупированных Германией территориях он предлагал создать подобные подразделения и в британской военно-морской разведке.

Первые британские подразделения указанного типа находились под командованием королевских ВМС и участвовали, сначала безуспешно, в неудачном налете на Дьепп в августе 1942 г. Позже подразделениями ста., командовать Роберт Красный Райдер, командер королевских ВМС и кавалер креста «Виктория» — высшей британской награды за храбрость в бою. Подразделения стали временно называться «Специальная инженерная часть». Всего были созданы три таких части. Одна из них, которая называлась «36-й отряд», была нацелена на сбор технической информации и была укомплектована личным составом, подготовленным к «захвату специального оборудования». Первая операция отрядов прошла успешно — они благополучно высадись в г. Алжир и захватили итальянский штаб за два с лишним часа до подхода основных штурмовых сил англичан.

При подготовке к высадке в Нормандии в 1944 г. Флеминг снова стал командиром специальных технических подразделений, которые теперь назывались «30-я штурмовая часть» и имели прозвище Краснокожие. В составе подразделений насчитывалось более 300 человек, условно сведенных в две группы, — меньшая по численности основная группа, укомплектованная личным составом ВМС, и большая по составу группа прикрытия из морских пехотинцев. Подразделения набрались опыта в Северной Африке, где в поисках документов и связной аппаратуры противника они буквально просеивали те участки местности, где прошли бои. После успешных действий во Франции часть вернули в Англию, где стали готовить к предстоящим операциям в Германии. Несмотря на удачные операции в ходе взятия Парижа, личный состав части, которая никому не подчинялась, заслужил репутацию отъявленных мародеров, которые постоянно «грызлись» с регулярными войсками, ведшими боевые действия на фронте. Самые примечательные успехи пришли при захвате портов в северной Германии, где эта часть обнаружила новейшее немецкое оружие и подводные лодки.

Осознав эффективность британских спецподразделений, американцы решили не оставаться в стороне. В 1944 г. адмирал Э. Кинг, ПС ВМС США, организовал Техническую миссию ВМС, в которую входили две сотни специалистов, включая инженеров, ученых, экспертов по оружию; миссия имела собственные самолеты, все виды транспорта и много денег. Перед миссией поставили задачу «прочесать» Европу в интересах ВМС США. Здесь уместно привести эпизод из деятельности британской «30-й штурмовой части», относящийся к освобождению Парижа в августе 1944 г. Как сообщалось в одном из докладов части, вслед за морскими пехотинцами «она неслась по пустынным парижским

бульварам в предвкушении успеха в прочесывании нескольких десятков штабных учреждений немецкого флота. На вилле Ротшильда, где располагалось одно из главных учреждений штаба немецкого флота в Париже, морским пехотинцам пришлось принять короткий бой с оборонявшимися немцами. Большинство помещений штаба были пусты, а важные материалы оказались уничтоженными. Не желавший верить в немецкую методичность Грэнвилль (один из британских командиров) обвинил в случившемся французскую разведку: «Они побывали здесь до нашего прихода», — сказал он. В его подозрении была правда, потому что некоторые союзники не всегда делились результатами своих поисков.

Среди многочисленных технических подразделений, занимавшихся прочесыванием захваченных немецких территорий, была и группа «Алсос», являвшаяся разведывательным подразделением американского «манхэттенского проекта» в Оук Ридж, штат Джорджия, где полным ходом шли работы по созданию атомной бомбы. (Слово «алсос» на греческом языке означает «роща») («роща» по-английски звучит как «гров»), и группа «Алсос» была названа именно так в честь руководителя «манхэттенского проекта» бригадного генерала Лесли Гровса.) В состав группы входили связанные с техникой военнослужащие ВМС, сухопутных войск и некоторых служб. В их задачу входило определить реальное состояние работ по проекту создания немецкой атомной бомбы и собрать максимально большее количество окиси урана.

В начале 1945 г., когда линия фронта приближалась к Берлину и с запада, и с востока, союзники начали координировать свои действия по сбору самой передовой научно-технической информации от теряющей силы немецкой армии. Вскоре после Ялтинской конференции, на которой союзники согласились сотрудничать в сборе трофеев, стало ясно, что в гонке за трофеями Советы занимаются обманом и надувательством, пытаются добраться до них раньше других. Союзники поступали аналогичным образом. География быстро меняющейся линии фронта в 1945 г. давала некоторое преимущество западным союзникам, особенно в области управляемых и неуправляемых ракет.

Американцы первыми добрались до подземного завода по производству и сборке ракет в горах Гарца, расположенного в местечке под названием Нордхаузен, прозванном немецкими оружейными промышленниками «Миттеверк». После того как подразделения американской третьей танковой дивизии, составлявшие ударную группу «Велборн», прорвали в окрестностях Нордхаузена оборону фанатично сражавшихся шести эсэсовских рот, инженеры и ученые, входившие в состав «Велборн» обнаружили в «Миттеверк» практически не разрушенный завод по сборке технически сложных ракет дальнего действия и морских крылатых ракет. И апреля 1945 г. члены технической команды «Велборн», пробираясь через жуткие останки сорока тысяч рабочих-рабов, скончавшихся прямо на рабочем месте, нашли сотни целых ракет «Фау-2», ожидавших отгрузки к местам их боевого применения, и несколько морских крылатых ракет «Хеншель-293», которые были построены и собраны также на этом предприятии. Несколько сотен ракет «Фау-2» и новые ракеты ПВО «Вассерфаль» были вывезены с территории предприятия и доставлены в Антверпен для последующей отправки в исследовательские центры американской армии в США. Тем временем американские военные медики занялись лечением более семисот оставшихся в живых рабочих, напомилавших своим видом ходячие скелеты. Пораженные увиденным американские должностные лица, в чьи обязанности входило расследование военных преступлений, стали приходить в себя от первых ужасающих находок. Вскоре после этого они обнаружат другие подобные лагеря, но еще больших размеров.

Нордхаузен являлся первой из двух подземных производственных площадок, сооруженных немцами после того, как авиация союзников в сентябре 1943 г. разбомбила основной немецкий ракетный центр в Пеенемюнде на острове Узедом в Балтийском море. Гитлер быстро принял решение перебазировать заводы под землю. Он приказал изготовить пятьсот тысяч ракет «Фау-2», которые бы стали его мифическим секретным оружием. К этому оружию относились и как еще не испытанные в боях зенитные ракеты, так и успевшие хорошо зарекомендовать себя морские крылатые ракеты — названные системы вооружений воспаленный мозг Гитлера считал достойным ответом союзникам на неминуемое поражение. Первая партия рабочих-рабов прибыла в Нордхаузен из Бухенвальда; на месте подземной выработки небольшой шахты по добыче аммиака они должны были пробить 46

подземных туннелей длиной примерно по 200 метров каждый, в которых должно было быть налажено секретное производство и сборка ракет. По расчетам, на этом предприятии ежедневно погибали 1800 человек — от голода, истощения, или были просто убиты эсэсовцами. Когда рабочие, вручную пробивавшие туннели, умирали, то ведущий специалист по ракетам доктор Вернер фон Браун лично приказывал прислать им замену из других концентрационных лагерей, что эсэсовцы с охотой выполняли. Браун, майор СС, был тем человеком, который вскоре стал руководить космической программой США. Вторая подземная площадка для производства ракет строилась в Эбензее. Этот небольшой городок, уютно расположившийся в Австрийских Альпах в районе под названием Зальцкаммергут, был местом натурных съемок для большинства сцен в фильме «Звуки музыки». На этой площадке, являвшейся одним из сорока четырех отделений австрийского концлагеря Маутхаузен, рабочие-рабы, как и в Нордхаузене, прорубали в горах туннели и готовились собирать большую часть из тех пятисот тысяч «Фау-2», приказ на производство которых отдал Гитлер. Лагерь Эбензее так и не был достроен, и в последние дни войны в нем находился нефтеочистительный завод. На строительных работах, проводимых в спешке, погибло более восьми тысяч узников концентрационных лагерей. Незадолго до появления американских войск на подземных ракетных площадках немецкие ученые и инженеры поспешно покинули их и бежали в Баварию, где, попрятавшись в горах, стали ожидать своей участи. Отношения западных союзников с Красной Армией внешне выглядели корректно, хотя они уже стали быстро ухудшаться. Как было решено в Ялте, Нордхаузен вскоре должен был войти в советскую зону оккупации, поэтому техники союзников забирали с собой все, что представляло хоть какую-то ценность, а остальное — если была возможность — взрывали. Войсковые командиры на местах приказывали подчиненным им техническим группам союзников забирать все, что могло пригодиться, и это вопреки приказам высшего командования союзников оставлять все на месте в нетронутым виде до прибытия в оговоренную зону оккупационных войск той или другой страны-победительницы. Точно такая же тактика, но с гораздо меньшим жеманством использовалась и Советами. Целые фабрики, конструкторские бюро, верфи, обнаруженные советскими войсками на освобожденной ими территории, которая, согласно договоренности между союзниками, должна была войти в британскую зону оккупации, спешно демонтировались и полностью, до самого маленького болтика, отправлялись в Советский Союз. Эбензее был освобожден Восьмой бронетанковой дивизией сухопутных войск США и должен был остаться в американской оккупационной зоне в Австрии. И хотя с технической точки зрения там было оставлено мало чего ценного, планы по работе над ракетами на этой площадке были найдены абсолютно нетронутыми.

Пятого июля 1945 года Красная Армия, наконец, заняла «Миттеверк», который входил в советскую зону оккупации. Это случилось через два месяца после освобождения Нордхаузена американскими войсками. Когда Советы поняли, что там находилась основная площадка по производству немецких ракет дальнего действия, они прислали туда провести расследование Сергея Королева, будущего главного конструктора советской космической программы. После этого Королев начал детальное изучение всех немецких ракетных точек, находившихся в советской оккупационной зоне, начав с Пеенемюнде, находившегося на севере, где после налетов бомбардировщиков союзников было спрятано много ценного материала.

Однако к этому времени специалисты-артиллеристы американских сухопутных войск уже успели отравить в США четырнадцать тонн архивных материалов по ракетам, которые были спрятаны немцами в одной из шахт и подняты американцами до прибытия советских войск.

Вскоре союзники вступили на священную землю северогерманских портов Балтийского моря. В составе войск находились английские и американские группы технической разведки и сбора ценного материала. Разведывательное донесение, которое вы найдете ниже, передает примечательное ощущение того, что творилось в последние минуты Третьего рейха:

«Среда, 2-е мая.

Коммандер Хиндс и лейтенант-коммандер Блэклер (из «30-й части») были заранее направлены в Любек... Комендант порта перед нашим появлением покончил с собой. Я

приказал командеру Хиндсу следовать в Травеюенде, а лейтенант-командеру Блэклеру присоединиться к находящемуся поблизости бронетанковому подразделению, которое должно было занять Нойштадг. Вскоре после этого я сам убыл в Травеюенде, который только что был захвачен частями командос и представителями «30-й части». Мне доложили, что немецкий старший офицер, находящийся за рекой, изъявил желание сдаться, поэтому я изъял рыбацкую лодку и направился на базу люфтваффе Привалл; офицер, однако, не появился... Позднее выяснилось, что он был офицером люфтваффе, а не военно-морским офицером, и его страх относительно плена был связан с тем, что он полагал, что находится в русской зоне. На восточной стороне реки Траве, в Привалле, я обнаружил большое скопление автомашин разных типов; они были забиты немецкими офицерами, в том числе и в высоких званиях, солдатами, преимущественно с оружием, женщинами, багажом и т.д. Ко мне приблизился прусский полковник, восседавший на жалком подобии коня, и потребовал, чтобы этим людям разрешили переправиться через Траве на пароме. Он также спросил, как далеко отсюда находятся русские. Мне доставило большое удовольствие сообщить ему, что русские наступают ему на пятки, но в данный момент форсировать реку не собираются. Нет никаких сомнений, что в это время немцы испытывали величайший страх относительно русских.

Пятница, 4-е мая.

При поддержке восьми танков группа лейтенант-командера Блэклера заняла казармы учебного центра подводников, над которым в это время был поднят флаг Красного Креста. При опросе коменданта, фрегаттен-капитана Шмидта, охраной была предотвращена попытка застрелить его другим немецким офицером. Было очень трудно с перемещенными лицами, преимущественно русскими, которые не подчинялись указаниям; другая трудность заключалась в поиске приюта для пассажиров судна «Ахен», стоявшего у причала недалеко от школы подводников. Судно было сильно перегружено, большинство пассажиров — а их было от трех до четырех тысяч человек — страдали от голода и нуждались в медицинской помощи. Блэклер поднялся на борт судна и увидел, что оно находится в крайне антисанитарном состоянии. Он посчитал тогда, что судно необходимо вывести из гавани и затопить, однако на следующий день в четыре часа утра оно загорелось. Блэклер возглавил эвакуацию людей с судна, а потом успешно отбуксировал его в море. Потом Блэклер показал мне тела нескольких пассажиров судна — около пятидесяти человек — которые были выведены эсэсовцами из трюмов «Ахена» и расстреляны утром того дня, когда Блэклер появился в городе. По рассказам очевидцев, жертвы были отобраны эсэсовцами наугад из остальных пассажиров и при входе в гавань они были расстреляны у якорной цепи этой плавучей тюрьмы. Погибшие, вероятно, были поляками или русскими. Я осмотрел большинство тел; каждая жертва была убита автоматной или пулеметной очередью в голову, отчего они были страшно обезображены. На жертвах не было заметно следов выстрелов в сердце. Трудно представить, что мог значить подобный садизм на этом этапе войны. Позже мне рассказали, что недалеко от входа в гавань на скалах была найдена большая баржа. На ней было обнаружено много трупов (от шестисот до тысячи); люди были расстреляны из автоматов, а их головы были изуродованы ударами топора. Очевидцы показали, что эта и другие баржи пришли на буксире откуда-то с востока, и ее пассажиров семь суток держали в трюмах и не выпускали на палубу.

Старший военный начальник, которым являлся бригадный генерал Миллз-Робертс, приказал жителям Нойштадга убрать мертвых с баржи и захоронить их. Сделать это надо было, однако, после того, как фельдмаршалу Мильху (Эрхард Мильх, статс-секретарь геринговских люфтваффе), прибывшему для сдачи в плен, покажут на барже тела и место казни. Последующее замечание Мильха о том, что жертвами оказались какие-то там поляки или русские, привело бригадного генерала Миллз-Робертса в такую ярость, что он выхватил из рук фельдмаршала его жезл и стал колотить немца по плечам до тех пор, пока не сломал жезл. Позднее были арестованы несколько эсэсовцев, которых подозревали в причастности к этому убийству».

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА, КОТОРАЯ МОГЛА ВЫИГРАТЬ ТРЕТЬЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

До восьмого мая, дня немецкой капитуляции западным союзникам, оставалось всего четыре дня, а подразделения английской «30-й части» еще только подходили с запада к желанному немецким военно-морским портам. Кэптен ВМС США Альберт Мумма был прикомандирован к подразделению, которое направлялось в Киль, где находился главный штаб нацистского флота. Этот город был вотчиной адмирала Карла Деница, «отца» немецкого подводного флота и — на короткое время — преемника А. Гитлера. По пути в Киль, однако, произошло много разных событий. Передовое подразделение обнаружило, что немцы методично уничтожают все свои лаборатории, очистили большинство концентрационных лагерей от узников и сожгли секретную документацию. В Любеке подразделение обнаружило судно на подводных крыльях, способное развивать скорость до 50 узлов; человеко-торпеды; и подводную лодку-малютку, в которой могли разместиться два человека. Но самой ценной находкой оказалось предприятие «Вальтерверке», на котором выпускали скоростные торпеды и подводные лодки, топливом для которых служила перекись водорода. Работа на предприятии была прекращена накануне, 3 мая, и британские спецподразделения нашли у пирсов две подводные лодки, «U-1408» и «U-1410»

[2] , вредительски изуродованные самими немцами.

Несколько тысяч человек личного состава немецкого флота спокойно сдались небольшому передовому отряду англичан. Среди сдавшихся был и владелец завода Гельмут Вальтер. Будучи твердолобым нацистом, Вальтер поначалу не шел на сотрудничество с англичанами и был преисполнен решимости уничтожить все ценные новинки. Позднее, после получения письменного приказа от бывшего командующего немецкими подводными силами адмирала Деница, Вальтер начал сотрудничать с англичанами. Находившийся в одном из подразделений «30-й части» командер британских королевских ВМС Айлен позднее вспоминал:

«7 мая Вальтер стал раскалываться, для начала рассказав о том, что перед сжиганием все документы были сняты на микроплёнку, бидоны с которой были спрятаны в угольных погребках. В течение первых двух недель мы находили новые виды оружия с темпом две единицы в день. Камеры сгорания были вытасканы из залитых водой воронок от бомб, ключевая информация по торпедо была выкопана из земли, миниатюрная подводная лодка, развивавшая скорость двадцать пять узлов, была поднята со дна озера, узлы к реактивному двигателю самолета «Мессершмит» были сняты с поезда на границе с Данией; были найдены и несколько прототипов нового оригинального оружия, включая дальнобойные пушки, устройства для траления мин и реактивные гранаты».

Одним из самых любимых «достижений» Вальтера являлась подводная лодка серии «XXI»

[3]

. ПЛ серии «XXI» являлась первой действительно подводной лодкой — с изящным обтекаемым корпусом, с водоизмещением 1600 тонн, на дизель-электрическом ходу, с аккумуляторными батареями, которых не было у ее предшественниц и которые обеспечивали скорость движения под водой в 18 узлов. В то время лодка серии «XXI» превосходила все западные подводные лодки по дальности плавания, скорости хода в подводном положении, возможностям пассивного гидролокатора и гидролокационной (безэховой) защите корпуса.

Когда английские и американские передовые подразделения обнаружили целехонькие немецкие подводные лодки типа «XVII-B» и серий «XIX» и «XXIII»

[4]

, то они снимали с них все, что только могли, после чего проинформировали аналогичные советские передовые подразделения о том, что часть лодок затоплена, а остальные повреждены так, что не подлежат восстановлению. Вот что писал в этой связи Том Бауэр, автор книги «Заговор скрепок: охота за нацистскими учеными»:

«Пока с подводных лодок и на заводе "Вальтерверке" поспешно демонтировали оборудование, Адмиралтейство вступило на путь сознательного обмана. В совершенно секретной телеграмме из Лондона говорилось, что, если русские будут интересоваться уцелевшим оборудованием, офицеры союзников должны тактично отвергать их запросы. Три корпуса прототипов подводных лодок не должны затонуть, однако на вопросы русских следует отвечать, что лодки затоплены, а их механизмы повреждены... Избегать малейшего намека на значимость этих лодок. Довольное маккиавеллиевым вероломством своей "политики отрицания", Адмиралтейство сообщило в Вашингтон: "Нет ни одного важного корабля, который бы попал в руки русских неповрежденным. Нами также захвачены все уцелевшие подводные лодки, важные надводные корабли"».

Надувательством занимались обе стороны. Советы начали дурачить своих союзников вскоре после того, как Красная Армия захватила немецкий исследовательский центр по торпедному оружию в Гдыне (Польша). После обмена письмами на высшем уровне между Черчиллем и Сталиным англо-американская техническая группа собралась в Польшу. Однако Советы мастерски одурачили союзников: группа выехала по маршруту Швеция—Румыния—Иран и в Польшу так и не попала. В другом похожем случае Советы пригласили англо-американскую группу на освобожденную ими часть территории Пруссии возле Кенигсберга осмотреть захваченное ими немецкое оборудование и сказать после этого, что этот район еще не освобожден Красной Армией. Союзники позднее узнали, что к тому времени в руках советских технических групп были планы всех важных военно-морских проектов в Гдыне, которые были переправлены в Ленинград, чтобы позже стать основой советского военно-морского строительства.

РАЗДЕЛ НЕМЕЦКОГО ФЛОТА

Согласно планам, одобренным в Потсдаме в июле 1945 г. и выполнявшимся Союзной Контрольной Комиссией в Берлине, уцелевшие корабли германских ВМС должны были быть разделены между союзниками. Главнокомандующий советского ВМФ Адмирал Флота Н. Кузнецов рассказал в своей автобиографии о сложностях, возникших на переговорах: «В середине июня 1945 г. генерал армии А.И. Антонов, начальник Генерального штаба, сказал, что я должен буду выехать в Берлин для участия в работе конференции союзников. На рассвете 14 июля наш самолет взлетел с Центрального аэропорта и взял курс на Берлин. Мы (маршал Жуков, генерал армии Антонов, Вышинский, который тогда являлся заместителем министра иностранных дел, и я) прибыли 16 июля на только что сооруженную железнодорожную платформу для встречи советской делегации, которую возглавлял Сталин.

Точно в назначенное время к платформе подошел паровоз с несколькими вагонами. Из одного из вагонов вышел Сталин. На нем была обычная серая шинель, хотя он уже имел звание Генералиссимуса. Тепло поприветствовав нас, он не стал задерживаться на станции и направился к машине. Вместе с Молотовым и Жуковым он поехал в Бабельсберг, где находилась резиденция советской делегации.

Хотя на Дальнем Востоке война еще продолжалась, члены делегаций были в победном настроении. Тем не менее, перед главами правительств СССР, США и Великобритании стояли и другие важные и трудные вопросы.

Меня самого беспокоил вопрос о разделе захваченного нацистского флота.

Несмотря на победу и внешне превосходные отношения между союзниками, здесь, в Потсдаме, в отличие от конференции в Крыму, многие масштабные политические проблемы вызвали дебаты. Я отчетливо помню сердитый обмен мнениями между

Сталиным и Черчиллем по поводу раздела немецкого флота. Англичанин упрямо не соглашался на равный раздел флота, на чем настаивал Сталин, мотивировавший свою позицию той ролью, которую сыграли советские войска и флот в разгроме Германии. Очень часто трудные вопросы откладывались «до лучших дней», и делегации переходили к обсуждению других вопросов. Так произошло и в этот раз.

Однако когда до окончания работы конференции осталось день или два, я встревожился и напомнил Сталину о захваченном флоте. Главнокомандующим военно-морскими флотами трех стран — СССР, США и Великобритании — было поручено собраться вместе с представителями министерств иностранных дел и составить проект предложения по этому вопросу.

Адмиралы Кинг и Каннингхэм и автор этих строк встретились на верхнем этаже замка Цецилиенхоф. Мне повезло председательствовать на этой встрече. Я решил любой ценой настаивать на решении, приемлемом для Советского Союза — так мне приказал Верховный Главнокомандующий. Мы спорили до тех пор, пока, наконец, не пришли к неординарному решению — разделить захваченный флот на три «примерно равные части» и тянуть жребий. Я опасался, что Сталин может быть недоволен таким решением, но все прошло удачно. Так или иначе, союзники разделили между собой более 500 военных кораблей и 1329 единиц вспомогательных судов. Мы получили 155 боевых кораблей». Решение о разделе немецкого флота давало советскому ВМФ значительное прибавление. Послевоенные военно-морские репарации Советскому Союзу от военных флотов стран Оси, которые были гарантированы Союзной конференцией в Берлине в 1945 г., помогли восполнить советские военные потери и остановку производства в судостроении. Советский Союз получил от Германии недостроенный и поврежденный авианосец «Граф Цеппелин» водоизмещением 20 000 тонн, линкор «Шлезвиг-Гольштейн» водоизмещением 13 000 тонн, легкий крейсер «Нюрнберг» водоизмещением 6000 тонн, десять эсминцев и десять подводных лодок, из них четыре подводные лодки «Тип XXI». Позднее Советский Союз получил

от Италии линкор «Юлий Цезарь» водоизмещением 24 000 тонн, легкий крейсер «Эммануэль Фильберто», четыре эсминца, четырнадцать торпедных катеров и две подводные лодки. Из Японии по репарациям было получено шесть эсминцев и много малых боевых кораблей.

Кроме того, наступавшие части Красной Армии в 1945 г. захватили множество военно-морских трофеев в советской зоне оккупации в северной Германии, преимущественно в балтийских портах. Там были обнаружены неповрежденные недостроенные корабли, целые отсеки подводных лодок и механизмы силовых установок, фабрики и масса научно-технической информации. Советские войска захватили неповрежденные и частично готовые немецкие подводные лодки, в том числе новейшую дизель-электрическую серии «XXI». Три таких лодки Советский Союз получил в качестве военных репараций, еще около двадцати недостроенных лодок этой серии были перевезены из Данцига в Ленинград, однако достраивать их не стали, и они впоследствии были либо затоплены, либо отправлены на металлолом.

Советы быстро осознали ценность тех изделий немецкой промышленности, которые были найдены в балтийских портах. В оккупированном Берлине советское командование создало специальный штаб, который занимался просеиванием больших объемов информации по захваченным технологиям. Бесценной находкой для последующего развития советских дизельных ударных подводных лодок стали разработанные в Германии системы турбинных двигательных систем Крайслауфа, обеспечивавшие высокую скорость хода и большую дальность плавания в подводном положении без забора воздуха через шноркель. Но самым ценным долговременным трофеем явилось центральное германское конструкторское бюро подводных лодок в Бланкенбурге, захваченное в 1945 г., от которого советские кораблестроители позаимствовали немецкую систему производства лодок с двойным корпусом из модулей, предварительно изготовленных промышленным способом. Этот высокоэффективный метод заключался в строительстве целых секций подводных лодок на предприятиях, удаленных друг от друга, доставке этих секций по защищенным внутренним водным путям к месту сборки, и конечной сборке всей лодки в одном цеху; подобная практика применяется и сегодня при строительстве современных атомных подводных

лодок. Советы также получили начальное превосходство над Западом по морским крылатым ракетам, использовав немецких инженеров по ракетам и подводные контейнеры для ракет «Фау-2», захваченные в Пеенемюнде, и стали первой страной в мире, чей флот мог широко применять противокорабельные крылатые ракеты.

ПО СЛЕДАМ «ОТЦА» МОРСКОЙ КРЫЛАТОЙ РАКЕТЫ

Наибольший интерес для военно-морских технических подразделений союзников, рыскавших по портам северной части Германии, представлял доктор Герберт Вагнер, инженер и изобретатель из Вены, работавший на авиационном заводе «Хеншель» в Химмельберге под Берлином. Вагнер сконструировал и построил первую в мире боевую крылатую ракету и современную ракетную систему ПВО «Шметтерлинг». Вагнер был также создателем оригинальной планирующей бомбы «Хе-293», доработанной позднее в крылатую ракету (мы уже упоминали о ней во введении к этой книге). Вместе со своими приятелями Вагнер убежал на юг, под защиту нацистских укреплений, однако был обнаружен и арестован в старомодной горной деревушке вблизи Обераммергау. Генералом Гровсом в этот район были посланы несколько подразделений «Алсос». Одно из них, которым командовал командер ВМС США Генри Скейд, наткнулось там не только на доктора Вагнера, но, к своему удивлению, на его коллегу Вернера фон Брауна и полдюжины ведущих ученых по ракетам большой дальности, работавших до этого на подземном заводе в Нордхаузене.

Американское подразделение первоначально спрятало их в небольшом городке Бад Закса к югу от Ганновера, потом, в интересах безопасности, быстро переправило ученых в Париж. Это был предусмотрительный ход, поскольку сейчас известно, что в тот период по американской зоне оккупации рыскали спецподразделения Красной Армии, пытавшиеся похитить у американцев тех же самых немецких ученых. Быстрые действия американской спецгруппы спасли этих наиболее нужных специалистов от поимки их русскими и последующей отправки в самые глухие уголки Советского Союза. Много немецких специалистов позднее было на самом деле захвачено русскими.

Американцам повезло: доктор Вагнер согласился с ними сотрудничать, к тому же он понял, что у американцев он сможет обеспечить себе блестящее будущее и наилучшим образом использовать свои знания и опыт для личной выгоды. Его крылатая ракета «Хе-293» класса «воздух—земля» была невероятно удачной. Первоначально она называлась планирующая авиабомба; доктор Вагнер ее создал и испытал на авиационном заводе Хеншеля. Его талантливый заместитель Ганс Мюльбахер, тоже из Вены, создал для ракеты систему наведения. Мюльбахер — фигура очень колоритная, когда писалась эта книга, ему был девяносто один год и он все еще играл на концертной скрипке. Он был изобретателем в области стереофонии. Авиационные инженеры Рейнхард Ладе, Отто Польшман и Вильфрид Гель доработали ракету, и ее можно было запускать с самолета. Она имела фюзеляж самолетной формы, приземистые крылья; вес ракеты составлял 550 килограмм, и несла боеголовку, которая являлась упрощенным вариантом немецкой авиационной мины «СЦ500» весом 295 килограмм. В планы Вагнера входила переделка конфигурации ракеты, которая должна была напоминать корпус самолета «БВ-143», с тем, чтобы ракету можно было сбрасывать в море, где она погружалась бы в воду и становилась торпедой. (Последующая работа Вагнера в ракетном испытательном центре ВМС США в Пойнт Мугу, штат Калифорния, привела к созданию противолодочных торпед «Асрок» и «Саброк».)

Первые испытания «Хс-293» проводила 100-я авиационная эскадрилья «Викинг» с аэродрома Пеенемюнде-Западный в начале 1942 г. После этого испытательную эскадрилью перебросили в Афины, где ракету запускали сначала с самолета «Хейнкель-111», а потом с «Дорнье-217Е». Целями для ракеты являлись корабли союзников в Бари, Италия, и потери были ошеломительными. В конце 1942 г. ракета применялась в бою с целью тактической поддержки немецкой 6-й армии в Сталинграде. Оснащенная позже новой системой

наведения на цель, ракета использовалась против кораблей союзников при высадке в Сицилии и, позднее, против кораблей, обеспечивавших высадку в Нормандии. И если летающей бомбой «Фриц-Икс» был потоплен (09.09.1943 г.) всего один корабль, которым был линкор «Рома», то послужной список морских побед ракеты «Хе-293» выглядит таким образом:

Потоплено:

- 1 крейсер британских ВМС «Спартан» 29.01.1944 г. близ Анцио;
- 4 эсминца (три ЭМ ВМС Великобритании и один ЭМ ВМС США);
- 1 эскортный эсминец ВМС Великобритании;
- 1 корвет ВМС Великобритании;
- 1 госпитальное судно ВМС Великобритании;
- 2 десантных корабля (британский и американский);
- 6 транспортов и грузовых судов.

Серьезно повреждены:

- 4 эсминца (два британских, два американских);
- 1 фрегат ВМС Великобритании;
- 2 корвета ВМС Великобритании;
- 6 транспортов и грузовых судов.

Захваченная в Анцио ракета «Хе-293» и поднятый на Корсике бомбардировщик «Хейнкель-177», ранее сбитый над этим островом, помогли союзникам разработать меры противодействия этому оружию путем постановки помех системе радиуправления ракеты, что повлияло на ее технические характеристики.

ВЕРБОВКА НАЦИСТСКИХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРУЖИЮ

Сотрудничество ученых Третьего рейха было незаменимым при обучении союзников работе с технологиями, доставшимися им в качестве военных трофеев. Были бы возможны некоторые важные послевоенные достижения и были бы они достигнуты так скоро, не будь согласия немецких ученых? Самым серьезным оружием была баллистическая ракета «Фау-2», которая в завершающие дни войны уже продемонстрировала свою разрушающую силу на городах Великобритании и Бельгии. «Фау-2» была проектом немецких сухопутных войск, но она проходила модификацию для обеспечения возможности запуска из контейнеров, буксируемых в море подводными лодками. Даже если считать, что применение ракет на море не являлось делом первостепенной важности для СССР и западных союзников, все равно «Фау-2» послужила основой для советской ракеты «Р-11», которая 16.09.1955 г. стала первой баллистической ракетой, запущенной с подводной лодки. Это произошло за пять лет до пуска первой американской ракеты «Поларис» в июне 1960 г.

Ранее, в 1945 году, Советы в своей оккупационной зоне осели вокруг ракетных центров в Пеенемюнде и Нордхаузена и организовали что-то вроде счетной палаты для захваченных нацистских ученых. Штаб руководства советскими научно-разведывательными подразделениями, который возглавил майор Борис Черток, располагался в элегантном доме под названием «вилла Франка» в Блейхероде. До этого, после бомбежек Пеенемюнде авиацией союзников, там проживал Вернер фон Браун. Советская разведка организовали там явку, надеясь прельстить немецких ученых, которые либо еще не решили, кому помогать, либо уже попали в руки спецподразделений Чертока.

Вот что Б. Черток пишет в своих мемуарах «Ракеты и люди»:

«Наш штаб назывался "RABE", что было сокращением от немецких слов «Raketenbau und Entwicklung» («производство и разработка ракет»). Появилась «крыша» — мы организовали место, где могли укрыться немецкие ученые, которых разбросала война. С нашей стороны это была явно партизанская операция, которая могла привести к дипломатическим осложнениям с союзниками, особенно если учитывать, что граница была всего в шестнадцать километрах от нас и сразу же за ней находился городок, в котором, по данным

нашей разведки, командование американцев собрало несколько сотен немецких специалистов.

Нам, однако, по-прежнему были нужны настоящие специалисты по ракетам из Пеенемюнде. Для этого я организовал вторую секретную программу, которую доверил Василию Харчеву. Его задача заключалась в создании сети агентов и, если потребуется, в личном проникновении в американскую зону, для перехвата специалистов, прежде чем тех отправят в Соединенные Штаты. Харчев присвоил этой программе название "Операция Ост" (Восток). Семену Чижикову поручили — в счет "Операции Ост" — доставать для Харчева коньяк, масло и другие деликатесы. Начальник штаба дивизии согласился открывать границу между нашей зоной и американской зоной по запросу Харчева. Особое задание выполнял Пилюгин... и вернулся с несколькими десятками наручных часов, которые предполагалось использовать как сувениры и «взятки» для американских пограничников. Василий Харчев почти не спал, поскольку ему приходилось еще интенсивно заниматься немецким и английским языками.

Первый успех операции «Ост» состоял в том, что нам удалось завоевать доверие и привести в штаб "РАВЕ" Фрица Вибаха, настоящего специалиста по боевым пускам "Фау-2". Совсем неожиданно наша операция "Ост" получила поддержку со стороны американцев. Однажды рано утром меня разбудил телефонный звонок от коменданта города. Он сообщил, что его патруль задержал два джипа с американцами, которые, очевидно, каким-то образом проникли в город и пытались увезти с собой немецких женщин. Женщины подняли такой визг, что прибыл наш патруль. В кабинете коменданта задержанные американцы стали скандалить. Они объяснили, что женщины, которых они хотели увезти на машинах, являются женами немецких специалистов, которых собираются отправить в Америку. Я попросил коменданта угостить американцев чаем и папиросами "Казбек" и пообещал, что скоро к нему подъеду.

Я разбудил Чижикова и Харчева и приказал им взять коньяк, хорошей закуски и немедленно организовать стол. Когда я появился в кабинете коменданта, то застал там ужасный шум. Четверо американских офицеров, стараясь перекричать друг друга, разговаривали с комендантом через двух переводчиков — немца, который переводил с английского на немецкий, и русского лейтенанта, переводившего с немецкого на русский и наоборот.

Я назвал американцам как советский представитель по немецким ракетным специалистам. Я попросил наших американских друзей успокоиться, сделать перерыв в их утомительной работе, присоединиться к нам и подкрепиться на "вилле Франка". Они сказали "о'кей", и кортеж направился на нашу виллу. Чижиков меня не подвел. Когда американцы увидели стол, у них загорелись глаза. Все четверо молодых янки расплылись в улыбках, за которыми последовали возгласы одобрения... Мы узнали, что в сентябре-октябре все немецкие специалисты, которых американцы до этого называли военными преступниками, будут отправлены из Витценхаузена через Францию в Соединенные Штаты. Однако у некоторых из них в советской зоне оккупации, в частности, в Блейхероде, оставались жены и любовницы, без которых немцы категорически отказывались уезжать. От имени своего командования американцы просили нас помочь им вернуть этих женщин. Неделий позже через нашу новую сеть женщин-агентов мы получили сообщение о том, что фрау Греттруп, жена одного из немецких специалистов, хочет с нами встретиться. Она сказала нам, что ее муж Гельмут Греттруп, был заместителем фон Брауна по радиоуправлению ракетами и по электрическим системам в целом».

Супруги Греттруп поселились на отдельной вилле; им были назначены высокая зарплата и дорогие — если сравнивать с другими немцами — продовольственные пайки. Греттруп остался и возглавил группу немецких специалистов, которые работали на Советский Союз. Позже та же группа советских военных сделала неудачную попытку проникнуть в американский лагерь и похитить фон Брауна и Вагнера.

Советы тут же начали работать с материалом, который они нашли в своей оккупационной зоне. Как сообщалось в британской разведывательной сводке, русские сумели собрать небольшую партию ракет «А-4» и начали их испытательные пуски из Пеенемюнде и Гдыни.

ПЕРЕБРОСКА НАЦИСТСКИХ УЧЕНЫХ В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Операция «Скрепка» шла полным ходом. Она была объединенной программой сухопутных войск и ВМС США по захвату ведущих немецких ученых — особенно тех, кто работал с ракетами и вооружением — и их быстрой доставке в Соединенные Штаты. Операция «Скрепка» развивалась, хотя одновременно с ней шла охота на нацистских военных преступников. «Скрепка», весьма сомнительная программа, вызывала гнев у тех американцев, которые горели желанием поймать основных нацистских военных преступников и предать их суду в Нюрнберге. После поимки таких лиц, как доктор Вернер фон Браун и Герберт Вагнер они были переправлены в Соединенные Штаты, потому что американские офицеры разведки сухопутных войск и ВМС, стараясь выполнить требования иммиграционных властей и государственного департамента по денацификации, фальсифицировали их документы.

Соединенные Штаты не теряли времени в гонке с СССР. В феврале 1945 г. артиллерийское управление сухопутных войск США создало в южной части штата Нью-Мексико испытательный полигон «Уайт Сэндз», на котором должны были испытываться новые ракеты, включая захваченные у немцев «Фау-2». Из сдавшихся американцам четырехсот немецких ученых-ракетчиков сто человек были отправлены в Соединенные Штаты по программе «Скрепка». Они прибыли в США в ноябре 1945 г. на борту пассажирского лайнера «Аргентина» и в январе 1946 г. были отправлены в Форт Блисс, расположенный поблизости от «Уайт Сэндз», для оказания помощи в пусках «Фау-2». После неудачи с первым пуском 16.04.1946 г., в мае состоялся следующий пуск, который был успешным. Он ознаменовал начало шестилетних испытаний ракеты «Фау-2». Исследовательская лаборатория ВМС сначала использовала «Фау-2» для проведения измерений в верхних слоях атмосферы. ВМС также проводили свои собственные испытания на борту авианосца ВМС США «Мидуэй» (в сентябре 1947 г.) и на полигоне «Уайт Сэндз». «Фау-2» предоставила Соединенным Штатам и Советскому Союзу первую возможность по запуску больших ракет.

Присутствие немецких ученых, работавших на американские сухопутные войска и ВМС, не пользовалось популярностью в США в период, последовавший сразу после окончания Второй мировой войны. Многие американцы были против предоставления работы тем, кто, несмотря на их личную лояльность США, буквально всего несколько месяцев назад работал на нацистский режим. Федерация американских ученых направила письмо протеста правительству США, заявив, что это является публичным оскорблением народам тех стран, которые сражались на стороне союзников. На этот протест ВМС США представили ответ, который был напечатан в «Ревю офиса военно-морской разведки» в 1946 г.:

«Тем американским ученым, которые занимаются петициями, мы выдвигаем следующее предложение: если они в самом начале своего протеста сделают поправку и заявят о том, что ввоз в Россию сотен немецких ученых для работы в русских лабораториях является «оскорблением» американскому народу, то мы с удовольствием прочтем их протест вторично. Если после этого они убедят Россию, что она должна незамедлительно депортировать захваченных ученых обратно в Германию, мы тоже пойдем вперед и еще раз подумаем по поводу их протеста. Пока два этих условия не будут выполнены, мы должны продолжать верить, что оборона и безопасность Америки находятся в лучшем состоянии с немецкими учеными — с их знанием бомб «Фау-1» и «Фау-2», атомной энергии, космических лучей и всех прочих ужасных сил разрушения, — работающими в наших лабораториях, а не у русских».

Мировая война закончилась, и победители всюду прибирали к рукам трофейные нацистские технологии, однако неопределенность геополитических границ в Европе заставляла обе стороны изо всех сил стараться заглянуть в святая святых друг друга.

Глава 2
ПРОНИКНОВЕНИЕ, 1945-1952 гг.

И Восток, и Запад начали полномасштабный военно-морской шпионаж и тайные операции уже в первые два года, последовавшие за крахом Германии. В то же время обмен информацией между советским ВМФ и американскими ВМС продолжался. Советским ученым и офицерам даже разрешалось посещать оборонные предприятия на континентальной части США для исследований и закупок. Однако по мере ослабления Большого Альянса ВМС США стали понемногу прикрывать свои двери.

В январе 1946 г. американское правительство потребовало от своего московского посольства и военно-морского атташе в СССР подтвердить факт убытия из Советского Союза всех американских технических специалистов, работавших там в некоторых ключевых областях (электронные лампы, радио, РЛС, инфракрасное и ультрафиолетовое оборудование), а также тех, кто занимался медицинскими, физическими и химическими исследованиями. Вашингтон также запросил у посольства список компаний, продолжающих вести бизнес в СССР.

В январе 1946 г. растущие опасения относительно активной советской разведки вынудили ВМС США предупредить флотские командования за границами Соединенных Штатов о недопустимости использования обычной почты при передаче секретных документов через районы, «находящиеся под влиянием русских». Однако первое подлинное признание о размахе советского шпионажа в Северной Америке было получено от шифровальщика ГРУ (Главное разведывательное управление), который работал в посольстве СССР в Оттаве. Показания Игоря Гузенко, Канадской королевской конной полиции и ФБР (Федеральное бюро расследований) были первым звеном для безопасности ВМС США. Гузенко рассказал, что доктор Ричард Стейнберг, работавший в исследовательской Лаборатории ВМС США, передал советскому агенту в Канаде секреты новейшего дистанционного взрывателя, благодаря которому, считали многие специалисты, была выиграна Вторая мировая война. Дистанционный взрыватель являлся радиолокационным устройством, разработанным в исследовательской Лаборатории ВМС США, он в двадцать раз повышал точность стрельбы зенитной артиллерии, а в доработанном инфракрасном варианте использовался для подрыва атомной бомбы. Работа доктора Стейнберга в исследовательской Лаборатории ВМС была связана с дистанционным взрывателем, однако не совсем ясно, обладал ли он полной технической информацией для компрометации этого секрета. Ученый-атомщик и шпион Юлий Розенберг был обвинен в передаче копии дистанционного взрывателя Советскому Союзу и вполне мог быть основным источником этой утечки. Сегодня представляется забавным, что министр ВМС США Джеймс Форрестол 01.11.1945 г., то есть всего за несколько дней до появления признаний Гузенко, отдал разведке ВМС распоряжение «проводить расследования среди личного состава ВМС и гражданских лиц, подчиненных ВМС, по фактам реального или возможного шпионажа, саботажа или подрывной деятельности, и в тех случаях, когда дело касается безопасности секретной информации ВМС».

После этого распоряжения Форрестола отдел борьбы с саботажем, шпионажем и подрывными действиями, входивший в офис военно-морской разведки, приступил к детальным и нешумным расследованиям, сделав упор на организации, которые назойливо призывали личный состав ВМС стать их членами.

«ВЕНОНА»

Тем временем все яснее становился масштаб советской подрывной деятельности. Общественное мнение Великобритании вроде бы приняло теорию советского саботажа для объяснения того, каким загадочным образом могли загореться двенадцать судов, включая лайнер «Куин Элизабет», всего за несколько первых месяцев года. Британская военно-морская разведка сообщала о том, что советское МВД (Министерство внутренних дел) интенсивно использует бывших эсэсовцев и активных нацистов в качестве шпионов. В одном из сообщений говорилось о том, что немецкие матери ищут помощи у Красного Креста в Берлине, пытаясь найти следы «тысяч» мальчиков в возрасте от тринадцати до семнадцати лет, которые исчезли и, как говорят, находятся в учебных лагерях, где их, согласно новой идеологии, готовят к недостойным поступкам. Казалось, паутина советской разведки была заброшена на весь земной шар. Из раскрытых японских шифрованных сообщений выяснилось, что во время войны Токио получил доступ к очень важным американским документам, касающимся деятельности возглавляемого генералом Дугласом Макартуром командования

в Юго-Западной части Тихого океана. Японцы смогли это сделать, перехватывая сообщения советской разведывательной сети, активно работавшей тогда в Австралии по английским программам атомного и биологического оружия, а также управляемых ракет, которые должны были испытываться в австралийских пустынях. В Австралии дело с безопасностью было поставлено плохо, особенно в лабораториях, где проводились детальные исследования.

Однако худшие опасения подтвердились в июле 1946 г., когда Мередит Гарднер, криптоаналитик из подразделения радиоразведки сухопутных войск США, начал аналитическим способом восстанавливать шифровальную книгу НКВД (советская секретная полиция). Расшифрованная информация получила кодовое наименование «Венона». В период с августа 1946 г. по май 1947 г. то же подразделение радиоразведки расшифровало перехваченные советские радиogramмы, которые указывали на прямую связь операций НКВД в Латинской Америке с «манхэттенским проектом» и министерством обороны США. Некоторые из этих радиogramм указывали на наличие советских «кротов» в этих двух организациях. Были обнаружены и идентифицированы сотни конспиративных имен, за которыми скрывались агенты, организации, люди и географические пункты. Конспиративное имя «Капитан» было присвоено президенту Рузвельту, за «Вавилоном» скрывался Сан-Франциско, министерство обороны США являлось «Арсеналом», «манхэттенский проект» назывался «Энормоз», а за именем «Антон» прятался Леонид Квасников, руководивший шпионскими операциями советского НКВД по «манхэттенскому проекту». «Антон», кроме того, руководил сбором разведывательной информации, касающейся реактивных самолетов, РЛС и управляемых ракет ВВС сухопутных войск и ВМС США. В серии радиogramм раскрывались действия НКВД по слежке за советскими матросами, покинувшими свои торговые суда в разных американских портах. Многие расшифрованные сообщения рассказывали о том, как вербуются для шпионской работы американские граждане, публично заявившие, что они коммунисты. Это расходилось с бытовавшим ранее мнением, что советские спецслужбы не будут прибегать к услугам коммунистов из опасения быстро попасть под наблюдение. К сожалению, ни одна из радиogramм «Венона» не была расшифрована в реальном масштабе времени, и приходится только гадать об истинных масштабах коммунистического проникновения.

Офис военно-морской разведки девятого августа 1946 г. потребовал от американских военно-морских атташе, разбросанных по всему земному шару, «собрать любую возможную информацию, относящуюся к политическим убеждениям видных ученых в странах их аккредитации». Офис военно-морской разведки мотивировал свои требования тем, что «ученые с коммунистическим уклоном держат Москву в курсе не только относительно своих работ, но и другой информации, которая становится им доступной». Офис военно-морской разведки был особенно обеспокоен тем фактом, что ученые стремились делиться своими идеями со своими коллегами, невзирая на их политические пристрастия, и это, по сути дела, являлось идеальной воронкой для «сливания» информации в Москву.

Принимая дальнейшие меры защиты от советского проникновения, министр ВМС Форрестол нацелил усилия сил безопасности ВМС на следующие направления: расследование подрывной деятельности и проведение расследований по биографическим данным с целью определения подлинной лояльности гражданских работников, занятых в ВМС. Службы безопасности ВМС и ФБР внедрились информаторов на американские торговые суда для выявления членов экипажей, подозреваемых в подрывной деятельности. В октябре того же года правительство запустило федеральную программу по избавлению от лиц, подозреваемых в нелояльном поведении. При обнаружении свидетельств нелояльности ВМС передавал дело для дальнейшего рассмотрения в ФБР. Соединенным Штатам требовались квалифицированные ученые, не имевшие сомнительных биографий. Необходимость в таких ученых усиливалась по мере ускорения темпов разработки новых и все более сложных видов вооружений. Эти медленно проводившиеся тщательные расследования серьезно затруднили набор персонала для работы по важным программам. В июле офис военно-морской разведки впервые ввел проверки на детекторе лжи (полиграф). Это электромеханическое устройство используется для обнаружения и записи психологических изменений, которые возникают у человека в результате его эмоциональной реакции на некоторые вопросы и являются, в большинстве случаев, произвольными.

Офис военно-морской разведки посчитал, что применение только полиграфа для проведения проверки на безопасность является недостаточным и он должен использоваться просто как ценное вспомогательное средство. Офис военно-морской разведки признал также, что эффективность полиграфа может быть снижена при проверке человека, подготовленного надлежащим образом. Как результат, службы безопасности не могли использовать результаты проверки на полиграфе в качестве доказательств в суде. Полиграф еще не нашел широкого применения, когда Джозеф Барр начинал работать в компании «Сперри джайроскоп», являвшейся важным субподрядчиком ВМС и ВВС сухопутных войск и участвовавшей в совершенно секретных исследовательских программах по наведению ракет и РЛС. В 1946 г. Барру было тридцать шесть лет, и он был инженером по военной электронике. Кроме того, он был талантливым музыкантом и ярким коммунистом, в оперативном отношении подчинявшийся Юлиусу Розенбергу. Как позднее признал Розенберг, Барр передал ему и в СССР исчерпывающее описание американских исследований по системам наведения ракет. Больше года Барр имел доступ к совершенно секретной информации, хотя никто не проверил его биографию. В июне 1947 г. «Сперри джайроскоп» попросила ФБР сделать проверку Барра, в результате которой были выявлены его коммунистические связи. Компания разорвала контракт с Барром, и в январе 1948 г. инженер подыскал себе более безопасное место в Скандинавии и Франции, намереваясь в конце концов переехать в Советский Союз.

Барр отдался своему увлечению музыкой и поддерживал дружеские отношения с французским композитором Оливьером Мессианом. Однако арест двоюродного брата Ю. Розенберга 16 июня заставил его навсегда уехать на восток. В Москве он стал новым человеком по имени Джо Берг из Южной Африки, затем его отправили в Прагу, где он стал работать в государственном тресте электроники и телекоммуникаций. Берг, он же Барр, позднее был отозван в Москву, где он под руководством главнокомандующего советского ВМФ С. Горшкова разрабатывал новейшие боевые системы. Несколько десятилетий американская разведка была в полном неведении относительно местонахождения Барра. Когда через месяц после его бегства атташе по правовым вопросам американского посольства во Франции заехал к нему по его месту проживания в Ноилли-сюр-Сен, то ему сказали, что тот отсутствует.

Один случай, которым занималось ФБР, касался офицера ВМС, чья деятельность впоследствии широко освещалась. лейтенант Эндрю Рот, офицер резерва ВМС, обладал широкими связями в ВМС, работая для прикрытия журналистом. Было установлено, что он использует свои многочисленные связи газетчика для сбора информации о последних военно-морских разработках.

В феврале 1947 г. министерство ВМС США стало разыскивать Рота. По некоторым сведениям, он в то время совершал кругосветную поездку в качестве представителя газет «Нью-Йорк нейшн», «Монреаль Стар уикли», «Телепресс» и «Июмиури-Хочи».

Сообщалось, что он является «антибританцем» и что «у офиса военно-морской разведки есть веские основания считать, что он работает на коммунистическую партию». От военно-морских атташе потребовали осторожно проинформировать американских послов и министров тех стран, в которых они были аккредитованы, «с тем, чтобы те были в курсе дела». Рот позднее избежал обвинения, выдвинутого против него Большим жури в августе 1948 г. после того, как он был взят ФБР при передаче секретных документов Филиппу Джаффе, советскому шпиону. Джаффе являлся редактором нью-йоркского журнала «Амерэйша». Рот избежал тюремного заключения, потому что ФБР использовало против него незаконные методы слежки. Ему удалось бежать в Англию, где он стал обозревателем газеты «Гардиан».

Осознавший размах советских проникновений Запад столкнулся с другой трудностью — проблемой контрразведки. Тысячи расследований и проверок безопасности перенапрягли ресурсы ФБР и офиса военно-морской разведки. Так, в феврале 1948 г. офис военно-морской разведки имел в общем 15 000 незаконченных расследований, каждый месяц к ним прибавлялось еще 850 расследований, и большая их часть так и осталась незавершенной. Среди самых запутанных дел того времени был случай с американским моряком, уволенным из ВМС с диагнозом «психопат». Пройдя курс лечения, он сумел устроиться в торговый флот с твердым намерением действовать впоследствии как агент офиса военно-морской разведки. Во время заходов его судна в порты Копенгагена и Хельсинки он контактировал с американскими атташе на предмет его вербовки. Эта попытка окончилась неудачей, а его поведение привело к тому, что всех американских атташе в странах, расположенных на берегах Балтийского моря, призвали остерегаться фаната профессии разведчика.

МОРЯКИ И РЫБАКИ

Торговые и рыболовные суда Советского Союза и стран Восточной Европы были подходящими платформами для проведения разведывательных операций, поэтому очень часто они использовались для высадки или взятия на борт агентов в различных уголках земного шара. Эти судна могли также вести разведку вблизи военных баз и сообщать по радио о любом встреченном ими американском, британском или другом западном военном корабле. Потенциальные возможности торгового судна или же траулера для участия в тайных операциях стали в тот период абсолютно очевидными для западных разведывательных служб. В связи с увеличившимся количеством донесений о том, что агенты востока проникают в Соединенные Штаты, офис военно-морской разведки в начале 1947 г. мобилизовал своих военно-морских атташе на отслеживание советских агентов и революционеров, тайно перебрасываемых в Западную Европу, Соединенные Штаты и Латинскую Америку на советских и восточноевропейских торговых судах. Шестнадцатого сентября 1947 г. Вашингтон информировал своих военно-морским атташе в Москве, Афинах, Риме, Париже и Мехико о том, что в конце февраля пароход «Россия» доставил в Нью-Йорк 13 агентов НКВД. Позже тот же пароход высадил 12 агентов в Мексике; наконец, в июле, группа из 17 оперативных работников, спрятанных среди пятисот евреев из Хайфы, проникла якобы в Соединенные Штаты. В целом пароход «Россия» мог доставить в разные страны Запада около 190 агентов. Помощник военно-морского атташе в Одессе прислал имена подозрительных лиц, проживающих в США, которые контактировали или же намеревались установить контакт с прибывающими в США из Одессы советскими судами.

Седьмого марта 1947 г. атташе сообщил имена двух человек (Владимир Руль и Григорий Кересман), предположительно, коммунистов, которые встречались со старпомом советского торгового судна «Сухона» в терминале Клермонт в городе Нью-Йорк. По информации военно-морского атташе, сестра Кересмана была в Советском Союзе майором МВД. Офицер одесского атташата сообщил имена еще трех человек, которые, предположительно, являлись советскими агентами и уже проникли в США. Этими людьми

были Кокиян, Поторжинский и Барановский; первый из них работал на каком-то оборонном предприятии, второй был шпионом поважнее и вращался в театральном кругу Нью-Йорка, а третий ушел на нелегальное положение.

Многочисленные польские перебежчики открыли уникальную картину организованного Советами шпионажа, ведшегося с польских судов. Один из перебежчиков рассказал ведущим опрос сотрудникам отдела разведки при командовании ВМС США в Германии, что в польском торговом флоте все дела, связанные с радиосвязью и электроникой, контролируются организацией под названием «Морская служба радиосвязи», или «МОРС», головная контора которой располагается по адресу: 5—7, улица Зигмунта Августа, Гдыня, Польша:

«Все суда обязаны иметь радиооператора-поляка; это касается даже тех судов, которые идут в Китай с командой, набранной исключительно из китайцев. В целом для этой работы подбирают только испытанных коммунистов, поскольку помимо их действительной работы радиооператором они занимаются разведывательной работой. Они имеют оборудование для передачи собранной ими разведывательной информации в разведывательные управления ВВС и ВМС Польши, а также в управление контрразведки. Дополнительно к этому от них требуют собирать за рубежом информацию о технических разработках и опыте. Эти радиооператоры высоко ценятся польскими разведывательными службами, потому что, как говорят, они выполняли важные задачи. Все ремонты радиоаппаратуры на находящихся в польских портах иностранных судах проводятся служащими «МОРС». Этим ремонтникам даны указания проверять блоки РЛС, радиостанции, эхолоты и компасы с целью обнаружения новых разработок, которые надо учитывать».

Другой польский перебежчик вспоминал о том, как на его судне, которое называлось «Гуго Коллонтай» и направлялось в Южную Америку, случилась странная подмена штатного политработника. Новичок оказался агентом и обычно пропадал на берегу все время, пока судно стояло в порту:

«Совершенно неожиданно 28.08.1951 г. наш политработник собрал свои вещи и покинул судно, заявив, что в этом плавании у нас будет другой политработник. Новый человек появился незадолго до отхода. Это был мужчина среднего телосложения, ему было около 35 лет, с черными волосами и тонкими чертами лица. Звали его Микласс. Кажется, он совсем не переживал по поводу своих обязанностей политработника, и его можно было видеть то что-то пишущим, то принимающим солнечные ванны, то просто болтающимся поблизости. Когда судно заходило в Дакар, Рио-де-Жанейро, Сантос, Монтевидео, он обычно покидал судно и возвращался на него незадолго до отхода. Из Сантоса он на поезде ездил в Сан-Пауло, где находилась большая польская община. Источник (морьяк) и многие другие морьяки считают, что этот человек был специальным агентом. Однажды источник подслушал разговор между главным стюардом Сетовским, который был секретным сотрудником контрразведки, и кем-то еще.

Они называли Микласса майором... Приятель источника с польского судна «Ольштын» рассказывал, как команде были приданы в качестве учеников три молодых человека, но они ничего не сообщали в навигации. В Греции они сошли на берег и возвратились перед самым отходом, приведя с собой какого-то мужчину, которого поместили в специальную каюту. Он не покидал каюты, пока судно не прошло Кильский капал».

Был еще случай, когда восточногерманское полувоенное подразделение, базировавшееся в Заснице и состоявшее из молодых парней, выдававших себя за рыбаков, посетило на своих траулерах южную Швецию и Данию. Они прибыли в Копенгаген 26.11.1951 г., намереваясь идти дальше к проливу Каттегат. Подозрительным обстоятельством явилось то, что они вошли в Копенгаген через очень узкий и малоиспользуемый пролив между островами Зееланд и Амагер, а не воспользовались коммерческим проходом восточнее Амагера. Они заявили, что сбились с пути, но тут же появилось предположение, что они выбрали пустынный проход для тайной высадки людей. Траулеры были взяты под стражу полицией, и командам не разрешили выход на берег. Суда покинули Копенгаген 28 ноября.

Осенью 1951 г. советские траулеры расширили географию рыболовства и появились в необычных местах, а именно у восточного и южного побережья Исландии, вызвав подозрения относительно истинных целей их пребывания в территориальных водах Исландии, всего в нескольких милях от базы ВВС США в Кефлавике. Легкое возбуждение

местного значения в связи с арестом одного траулера береговой охраной Исландии усилилось после случайного появления на сцене двух эсминцев ВМС США, которые встали на якорь с обоих бортов советского рыболовного судна. Местные сплетники прокомментировали быстроту, с которой здесь появились эсминцы; однако эсминцы не знали национальную принадлежность траулера. Пресса сообщала, что члены команды траулера были преимущественно блондинами скандинавского типа, а капитан показал себя бывалым путешественником, неплохо говорившим по-английски и наверняка раньше уже ловившим рыбу в исландских водах, поскольку он хорошо разбирался в условиях местной навигации. Проанализировав разные сообщения, офис военно-морской разведки констатировал, что траулеры действительно занимались ловлей сельди, поскольку влезли на исландские рыбные банки со своими большими сетями и нарушили территориальные воды, случайно не попав в руки исландской береговой охраны. Однако близость двух траулеров к побережью с обеих сторон полуострова Рейкьянес заставила офис военно-морской разведки предположить, что они могли также попытаться нанести на карту отмели вдоль береговой черты и сделать промеры глубин для возможной в будущем амфибийной высадки.

Одним из судов, которые были наиболее активно вовлечены в разведывательную деятельность, являлся польский лайнер «Баторий». «Плавучий шпионский центр на Балтике» — под таким заголовком шведская газета «Стокгольм тиднинген» опубликовала интервью с матросом Станиславом Крефтом, который бежал из коммунистического рая и выпрыгнул за борт «Батория», когда тот стоял в порту Копенгагена. Крефт рассказал о настоящем предназначении судна:

«Команда судна удивляется тому, что «Баторию» до сих пор разрешают заходить во многие западные порты, и что так много пассажиров из капиталистических стран продолжают пользоваться этим судном, так как на нем они чаще, чем в другом месте, оказываются под бдительным оком полиции безопасности. Одним из объяснений того, почему так много англичан добираются из Индии в Англию именно на «Баторий», может быть превосходное питание на борту этого лайнера. Но никто из пассажиров даже и не подозревает, что на борту судна есть таинственные личности, хорошо говорящие на иностранных языках и состоящие на службе в Бюро военной разведки. Для примера назову двух фотографов, которые работают на Бюро, в особенности одного из них, который в каждом порту повсюду шныряет со своим немецким фотоаппаратом «Лейка» и имеет прекрасную возможность на самом судне найти удобное место для съемки береговых укреплений, входов в порты, фьордов, топливохранилищ и т.д. Однажды ему поручили сфотографировать Хаммерфест, для выполнения этого задания была организована «неполадка в двигателе», и он имел возможность находиться на берегу».

В греческом торговом флоте было много судов и множество моряков, среди которых скрывались агенты запрещенной компартии Греции, которая у себя на родине вела кровавую гражданскую войну. Офис военно-морской разведки оказал услугу греческому министерству торгового флота, предоставив списки членов компартии Греции, работавших на судах восточноевропейских стран. Такие же списки были переданы береговой охране США для координации действий с офисом военно-морской разведки.

Представители компартии Греции и их оперативные центры были выявлены в большинстве портов Средиземного моря и Европы. Было организовано наблюдение за капитанами судов, подозреваемых в симпатиях к коммунистам; также тщательно отслеживались маршруты тех судов, среди членов команды которых были коммунисты.

«КРОТ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ВМС

ВМС США не были одиноки в борьбе с явным наплывом агентов разведок коммунистов. Офис военно-морской разведки констатировал в декабре 1951 г., что проникновение коммунистов во французские ВМС представляется «малым по сравнению с другими французскими службами». В 1953 г. насчитывалось одиннадцать или чуть больше «ценных

агентов КГБ», работавших во Франции. Великобритания, еще не в полной мере осознавшая масштаб советского проникновения в ее собственный аппарат безопасности, поддерживала эту точку зрения американцев: «ВМС Франции можно считать самыми безопасными, сухопутные войска менее безопасными, и ВВС, где больше всего проникновений, наименее безопасными». Помимо «интенсивного проникновения коммунистов в политическую систему Франции» и «естественной склонности болтать как черты французского характера», осуждению англичан подверглось «отсутствие у французов чувства безопасности».

В книге бывшего историка КГБ Василия Митрохина и британского ученого Кристофера Эндрю «Архив Митрохина и секретная история КГБ», изданной в Лондоне в 1999 г., изложены конкретные факты проникновения советской разведки в руководящие военные структуры Франции, включая консервативные ВМС:

«Резидентура КГБ в Париже руководила большим числом агентов — обычно не менее пятидесяти — по сравнению с любой другой резидентурой в Западной Европе. Наиболее значительным достижением парижской резидентуры в период Пятой республики (1946—1958 гг.) был прорыв во французское разведывательное сообщество, в особенности в Службу контрразведки. Неполный список особо «ценных агентов» в 1953 г. в бумагах КГБ включал четверых сотрудников Службы контрразведки, зашифрованных под агентурными псевдонимами "Носенко", "Широков", "Кораблев" и "Дубравин"), и по одному человеку в Службе внутренней безопасности ("Горячев"), в Службе разведки ("Гиз"), в МИД ("Извеков"), в министерстве обороны ("Лавров"), в министерстве ВМС ("Пижо"), и в прессе ("Жигалов")».

Ярким примером глубокого проникновения советской разведки в высшие французские круги служит эпизод, о котором рассказано в книгах Р. Мюзелье «Адмирал Мюзелье», изданной в Париже в 2000 г., и Д. Флери «Де Голль: от детства до воззвания 18 июня» [5]

, вышедшей в Париже в 2007 г.:

Второго марта 1942 г. генерал де Голль вызвал в свой лондонский кабинет вице-адмирала Эмиля Мюзелье. Мюзелье вышел в отставку в 1939 г., присоединился к де Голлю в Англии и признал его верховенство, невзирая на то, что был выше де Голля по званию. Адмиралу было поручено командовать ВВС и ВМС «Свободной Франции», и он только что выполнил приказ де Голля о занятии Сен-Пьер и Микелон [6]

— вишистского аванпоста у побережья Канады. Де Голль был в ярости. «Я все знаю о проделках Лабарта и Море, — сказал он касательно заместителей Мюзелье. — Я знаю также, что, согласно процедуры, вы выйдете из Национального комитета и выразите несогласие с моей политикой. Но я не позволю им (Лабарту и Море) делать так, как они хотят. У меня имеются ваши телеграммы и шифровки». Мюзелье не потерял выдержки: «Если вы хотели видеть телеграммы эптана Море, я с большим удовольствием вам их покажу, — нашелся он с ответом. — Но даже если они будут у вас, то я очень сомневаюсь, что вы их сумеете расшифровать». После этого он напомнил де Голлю предшествующий несправедливый случай, когда англичане арестовали адмирала на основании фальшивки, свидетельствующей о сговоре между Виши и Мюзелье. В ответ де Голль начал слово в слово цитировать содержание посланий Море. Мюзелье побледнел и поклялся себе расследовать это нарушение мер секретности. Как оказалось, он был предан одним из своих подчиненных. На следующий день он выступил в Национальном комитете против де Голля и подал прошение об отставке, которое было принято. Однако его явная попытка сместить де Голля с помощью Лабарта и Море провалилась.

Эмиль Мюзелье был сомнительной фигурой. Во время Гражданской войны в России он служил во французской эскадре на Черном море. Его патрульный катер был здорово поврежден большевиками при неясных обстоятельствах. Во французском флоте многие

долго задавались вопросом о том, как он сумел вылечить у большевиков раненых членов его команды и потом вернуться с территории, которую контролировали красные. Мюзелье был известен своими либеральными симпатиями, которые помогли ему сделать карьеру в 1924 г., когда левые победили на выборах. Потом ходили слухи, что у него имеются русские друзья, а Питер Райт, бывший глава британской разведки, считал, что он был коммунистом.

Возможно, Мюзелье обвиняли незаслуженно, однако Андре Лабарта материалы перехвата «Венона» выдали с головой как советского шпиона. Первоначально он работал на ГРУ и сообщал о скромных разработках «Свободной Франции» в военно-технической области, потом, после увольнения из технического отдела «Свободной Франции», он был переподчинен НКВД. Одним из коллег Лабарта в Лондоне был кэптен Раймонд Мулек по прозвищу Море — помощник Мюзелье в Лондоне и его тесный друг после отставки. Лейтенантом он превосходно показал себя на должности военно-морского атташе в Испании, где в это время шла гражданская война. Советским военно-морским атташе там был младший Море на два года «коммодор Никола» — не кто иной, как будущий главком советского ВМФ Николай Кузнецов. В Лондоне «красный тандем» Мюзелье-Море, поддержанный Лабартом, попытался взять под свой контроль разведку «Свободной Франции», которой руководил прославленный, но малоопытный командант Пасси. Историк Терри Уолтону рассказывали, что Лабарт позднее признался французской контрразведке, что именно он представил Море Вениамину Белецкому, резиденту НКВД в Лондоне и что Море-Мулек передавал Советам военную и стратегическую информацию. Откровения Лабарта являются единственным доказательством обвинения против Мулека, и оно не убедительно. Однако из вышесказанного получается, что через Лабарта Москва попыталась поставить во главе секретной службы «Свободной Франции» человека, симпатизирующего коммунистам.

После производства в контр-адмиралы Море-Мулек в 1946 г. ушел в отставку и стал советником по военным и военно-морским вопросам у Мориса Тореза, лидера коммунистической партии Франции. Мулек публично выступил против французских колониальных войн и поддержал старшину Анри Мартина, которого судили за саботаж на французском эскортном авианосце «Диксмюд». Его часто видели в окрестностях Тулона на прогулках вместе с Мюзелье, когда тот уже был в отставке. Но к тому времени Море-Мулек уже не служил в ВМС, и его не могли снова призвать на службу за его публичные высказывания против войны в Индокитае. Он не мог быть Пижо, советским «кротом» в министерстве ВМС. Личность Пижо не установлена по сей день.

ПОДДЕРЖКА ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Восточный блок не был единственной стороной, которая практиковала рекогносцировку и последующее внедрение своих разведчиков в запрещенных районах, не был он одинок и в тайных операциях в поддержку своих национальных интересов. Коммунистический переворот в Праге в марте 1948 г. и последовавший потом Берлинский кризис летом 1948 г. утвердил Лондон и Вашингтон в мысли о том, что подход их разведок к «холодной войне» был, возможно, чересчур мягким. В сентябре начальник штаба вооруженных сил Великобритании заявил кабинету министров, что Великобритания должна стремиться «ослабить хватку русских в тех районах, где тогда доминировал Советский Союз» и что «должны использоваться все возможные средства, за исключением войны». В Вашингтоне состоялась встреча министра обороны Д. Форрестала с адмиралом Роско Генри Хилленкоттером, первым директором ЦРУ, на которой обсуждались возможности расширения тайных операций США по ту сторону «железного занавеса». Финансирование тайных операций с двух миллионов долларов в 1948 г. увеличилось к 1952 г. до двухсот миллионов. Тайные операции, которыми тогда занимались в Госдепартаменте сотрудники Джорджа Кеннана, в октябре 1950 г. были отданы ЦРУ (именно тогда Уолтер Бедел Смит сменил Хилленкоттера на посту директора ЦРУ). Для Кеннана был не так важен

индивидуальный успех одной конкретной операции, как оказание постоянного нажима на коммунистов. Другие официальные лица из военной среды хотели практических действий и подготовки к более масштабным тайным операциям, которые будут проводиться в будущей неизбежной войне с СССР.

Несмотря на создание ЦРУ, офис военно-морской разведки сохранил свои органы агентурной разведки. Посредством опроса перебежчиков и матросов торгового флота и через сеть атташе офис военно-морской разведки также обычно собирал имена и информацию, которая могла пригодиться в будущих тайных операциях. Растущее число сообщений с той стороны «железного занавеса» от агентов, работавших преимущественно на США и Великобританию, говорило о низком моральном духе в СССР и о том, что в 1948 г. только три процента населения СССР были членами компартии. Брешь, которую война пробила в сталинском обществе, была сравнима с интеллектуальным брожением в головах русских офицеров, побывавших в Европе в ходе войн с Наполеоном. По этой причине, говорилось в аналитическом документе офиса военно-морской разведки, многие сотрудники разведслужб Запада ожидают нового восстания Декабристов, которое может произойти и угрожать сталинскому режиму:

«Сопrotивление «советизации» оказалось очень сильным в трех балтийских республиках — Эстонии, Латвии и Литве, и Советы безжалостно депортировали так много уроженцев этих стран, что появляется некоторая тревога относительно потери ими своей национальной индивидуальности... Многие украинцы рады принять немцев как освободителей от Советов, и даже с большей радостью ждут освобождения с помощью Америки... Народы Белоруссии не стремятся выразить себя в единой национальной сущности так, как отчетливо заметно у некоторых других народов, но они едины сейчас в своей ненависти к «советизации». Страсть к национальной независимости ярко пылает также в трех малых, но стратегически важных республиках — в Грузии, Армении и Азербайджане. Возможно, эти народы не испытывают ненависти к Советам в такой степени, как украинцы, потому что Советы не вымотали их своими пятилетними планами, или же из-за того факта, что Сталин и очень много партийных руководителей являются выходцами отсюда. Но им больно сознавать, что, когда их собственные цивилизации были в расцвете, русские являлись примитивными кочевниками; вот почему они и сегодня глядят с пренебрежением на русскую культуру. Естественно, они глубоко недовольны абсолютным контролем Советской России и ждут дня освобождения».

В январе 1948 г. Госдепартамент США и американские военные и военно-морские атташе в Москве разделяли мнение о том, что, как выразился один атташе, многие советские граждане являются «людьми, которые относятся к войне как единственно возможному освобождению от нового деспотизма». Такие подавленные духом граждане встречались не только на вновь приобретенных территориях и в странах-сателлитах, но и во многих местах самого Советского Союза в значительных количествах. Помощник американского военно-морского атташе в Одессе Дрехер сообщал, что, несмотря на разруху и трудности, которые принесла с собой нацистская интервенция, людей, придерживающихся таких взглядов, на Украине очень много.

Один американский инженер, который возвратился на родину после того, как шестнадцать лет проработал в районе Новосибирска и Омска, заявил в недвусмысленных выражениях, что «народ в том регионе смотрит на Америку как на единственную надежду на выход из их нынешнего состояния». Очевидно, люди, работавшие в регионах Севера и Сибири, были доставлены туда против их воли, но помощник военно-морского атташе в Одессе считал, что подобные настроения широко распространены по Советскому Союзу:

«Уже в первые недели моего пребывания в Одессе я стал слышать разговоры о неудовлетворенности, неприязни и даже жгучей ненависти к режиму. Люди были уверены, что война совсем близко, и хотели знать, что я думаю об этой ситуации. Когда я спрашивал, о какой войне они говорят, то мне отвечали, что они думают о войне с Америкой, и многие ждут ее как освобождение от Советской власти. Поначалу я считал тех людей, которые говорят мне такое, контрразведчиками, старающимися вынудить меня согласиться с ними, а потом взять меня за шкуру, поэтому я относился к ним с чрезвычайной осторожностью... Но год проходил, а я слышал о неудовлетворенности и ненависти с все увеличивавшейся частотой и при таких обстоятельствах, когда общение вряд ли могло быть чем-то иным, чем

подлинным и действительно случайным, и я понял, что это надо понимать так, что подобные сентименты действительно сильны и распространены в Одессе... Однажды вечером я зашел в бар одной из главных гостиниц города и уселся рядом с двумя советскими подполковниками. Вскоре мы уже обменивались с ними шутливыми замечаниями. Вопрос о вашей национальности был неизбежен. И я, говоря, что являюсь американцем, всегда внимательно наблюдал за собеседником, чтобы, по возможности, заметить его мгновенную реакцию. В этот раз в этом не было необходимости. Собеседник скривил лицо, изображая крайнюю тревогу, и комично огляделся по сторонам. Я улыбнулся и сказал: "Да, я знаю, что это очень плохо — разговаривать с американцами, поэтому давайте просто прекратим разговор". Собеседник снова огляделся — стулья за спиной его товарища были свободны, а бармен был от нас метрах в трех. «Нет. Послушай меня, американец. Ты меня никогда больше не увидишь. Если мне опять случится встретиться с тобой, я тебя даже не узнаю. Ты знаешь». Он поднял руки, и, наложив указательный и средний палец одной руки на те же пальцы второй руки, поднес их к глазу — символ, который я так часто видел в России: за решеткой! Ты понимаешь. Но уж если ты здесь, я хочу с тобой поговорить. Я хочу тебе кое-что сказать. Девяносто пять процентов из нас — за вас. Но действуйте сейчас, пока это легко. Не ждите, пока Советы настроят еще самолетов, танков и пушек. Действуйте сейчас". Мы говорили еще пятнадцать минут, и я поинтересовался его биографией. В подобных случаях мне хотелось знать, кто мой собеседник — еще один несчастный украинский националист, или кулацкий сын, или же у него есть особая причина ненавидеть режим. Однако в этот раз моим собеседником оказался урожденный москвич, продукт режима и, как офицер, подверженный наиболее интенсивному политическому внушению. И вес же его ответ был именно таким. Мне вспомнилось письмо, которое в одном из советских черноморских портов в 1949 г. было передано матросу иностранного судна с просьбой отослать его в какую-нибудь американскую газету для публикации. Написанное на английском языке школьного уровня, оно содержало такое предложение: «нам становится радостнее и радостнее всякий раз, когда мы читаем в газетах о какой-то очередной подготовке Америки к войне». Подобное чувство было широко распространено и в других восточноевропейских странах. Вернувшийся из румынской Констанцы капитан торгового судна докладывал в отделении ЦРУ в Сиэтле, что румынское подполье находится под контролем организации лоцманов. Источник отметил, что лоцманы всегда находят отговорки для того, чтобы задержать вход советских судов в порт, однако сокращают трехчасовую проверку прибывающих и убывающих западных торговых судов до пятнадцати минут, что подтверждает влияние подпольного движения. Источник выяснил, что забросить агентов в Румынию или забрать их оттуда с помощью торговых судов явится легким делом, и уверился в полной поддержке некоторых людей, которые покажут себя, когда представится случай свергнуть коммунистов.

В Польше была в ходу такая шутка: у студента на экзамене спрашивают, что такое Польша. Польша — это моя мать, отвечает студент.

Отлично, говорит экзаменатор, а кто такой Сталин? Великий Сталин — мой отец, находится с ответом студент. Превосходно, экзамен закончен. Пожалуйста, одну секунду, просит студент. Можно мне заметить, что я буду счастлив видеть моих родителей разведенными?

Однако польский информатор американской военно-морской разведки был более осторожен. Он сказал, что, по его мнению, поляки окажут сопротивление коммунистам и Советам только в том случае, когда будут заранее уверены в успехе. Насколько он знал, действующих организаций подпольного сопротивления не было, а некоторые случаи мелкого промышленного саботажа не имели особых последствий. Поляки, сказал информатор, глубоко разочарованы тем, как Ялтинские соглашения повлияли на Польшу, и хотя они остаются преимущественно прозападными, в основном проамериканскими, не склонны рисковать своей жизнью. Информатор был убежден, что если наступит кризис, то католическая церковь обеспечит сопротивление готовой организационной структурой. По его словам, пока продолжает действовать католическая церковь, Западу нечего беспокоиться по поводу создания организации внутреннего сопротивления.

Моряки торгового флота давали офису военно-морской разведки бесценную агентурную информацию по диссидентам, которые могли оказать какую-то помощь по ту сторону «железного занавеса». Среди инакомыслящих были проститутки, зачастую преследуемые властями за операции с твердой валютой внутри страны. Через опросы моряков офис военно-морской разведки отслеживал проститутки и бары, где люди собирались, чтобы выразить свое отрицательное отношение к коммунизму. В польском городе Гдыня «бизнес-девушки» были настроены антикоммунистически, поскольку их активно преследовала полиция. Увольнение на берег для большинства матросов из Скандинавии, Великобритании и США заканчивалось в «Гранд-Отеле», где можно было выпить и потанцевать. Женщины очень умело водили за нос полицию и всячески старались не быть замеченными в компании с моряками на выходе из отеля. Некоторые из них были хорошо известны морякам, регулярно заходившим в Гдыню, они были опытными и ловкими менялами, с готовностью менявшими валюту знакомым матросам. Что касается полиции, то она с рвением задерживала женщин, имевших при себе иностранные деньги. Одна из самых известных проститутки была известна под именем Жанетта, ей было двадцать пять лет, она говорила по-польски, по-немецки и по-французски и на ломаных английском и скандинавских языках. Другую звали Люсия, ей было тридцать пять лет, и она пользовалась большим спросом у моряков. Обе действовали в «Гранд-Отеле» и считались настоящими антикоммунистами. На противоположной стороне улицы, рядом с консульством Дании, имелось другое танцевальное заведение, которое было любимой ночной «точкой» для членов партии. Тамашние проститутки считались ненадежными. В Веймаре (ГДР) самым популярным притоном являлся ресторан «Затвор шлюза», который принадлежал вдове в возрасте пятьдесят пять лет. Там работали семь или восемь женщин; частыми посетителями ресторана были рыбаки и моряки торгового флота, а сотрудники морской и народной полиции заглядывали туда от случая к случаю. «Мамкой» в этом заведении была Эрна М. Ей было около тридцати пяти лет, она была привлекательной особой, замужем за стариком, который ни во что не вмешивался. Фрау М. характеризовали как надежного и абсолютно прозападного антикоммуниста. Информатор сообщал, что она предоставит убежище и окажет помощь людям, спасающимся от коммунистического режима; чтобы убедить ее в вашей искренности, следует передать ей привет от Кристиана Б.

Однако внедрение агентов по ту сторону «железного занавеса» было непростой задачей. Когда судно стояло на якоре, на него прибывали вооруженные револьверами группы сотрудников безопасности и таможни и производили обыск. На это время вся команда собиралась в одном помещении и зачастую поголовно пересчитывалась. Фотокамеры, бинокли, корабельные радиостанции и огнестрельное оружие закрывались на ключ и опечатывались. Вся валюта проверялась как по прибытии, так и по убытии. На весь период нахождения судна у стенки рядом находилась вооруженная охрана. Подобные процедуры выполнялись и в Китае, зачастую под наблюдением советского чиновника или в его присутствии. Очень часто для обыска небольших отсеков, недоступных для взрослых людей, привлекался маленький мальчик.

ПОЛЕТЫ «ФЕРРЕТ» И РАДИОТЕХНИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Именно агентурная разведка подсказала офису военно-морской разведки перенацелить усилия на радиотехническую разведку, т.е. на ту грань разведывательного ремесла, которая была на стыке научной, оперативной и стратегической разведок. Опыт Второй мировой войны подсказывал, что сбор и анализ излучений РЛС противника может стать основным приоритетом для военно-морской разведки. И все же только в 1949 г., когда опрос советского перебежчика из Министерства кораблестроения заставил взглянуть на советские разработки под иным углом, ВМС США взяли с места в карьер и стали стремиться улучшить средства радиоэлектронного противодействия (РЭП) и модернизировать средства радиотехнической разведки (РТР) с целью превзойти аналогичные советские

перспективные средства. Военно-морские аналитики изучили перечень радиолокационного оборудования по ленд-лизу, закупленного СССР на открытом рынке. Западным атташе было дано указание фотографировать советские радиотехнические антенны и оборудование.

Германские достижения в радиопеленгации, приемниках перехвата и магнитной записи были теми рельсами, на которых исследовательская Лаборатория ВМС США начала производство чувствительных датчиков приема и оборудования РЭП. Отдел противодействия исследовательской Лаборатории ВМС определил, в чем заключается уязвимость американских РЛС, и выполнил исследовательские работы по перехвату сигналов и их анализу, а также исследовал оборудование, применяемое для определения местоположения, с целью создания средств электронного противодействия электронному противодействию, предназначенных для поражения советских систем РЭП. Под руководством Говарда Лорензена Лаборатория также разработала оборудование радиоперехвата для ведения разведки с кораблей и авиационных средств; это оборудование покрывало весь диапазон частот от нескольких герц до нескольких мегагерц.

Для сбора радиотехнических данных о сети советских РЛС начали выполняться полеты самолетов радиотехнической разведки и сбора информации. Программа получила название «Fegget» («Хорек»), самолеты, летавшие в рамках этой программы, направлялись непосредственно к границе СССР и затем совершали полет вдоль советской границы. Используемые в программе «Хорек» самолеты ВМС США «P2V» «Нептун» и «PB4Y» «Меркатор» и надводные корабли, например, тяжелый крейсер ВМС США «Колумбус», были оснащены разработанной в Лаборатории аппаратурой перехвата. Летчик морской авиации А.Л. Дуайер, приданный офису разведки (военно-морской район Аляска), первым начал полеты по радиоэлектронной разведке вдоль советского побережья Камчатки и Берингова моря; полеты производились в 1949—1951 гг. Сигналы, которые он перехватывал, принадлежали преимущественно РЛС метрового диапазона и береговым РЛС контроля воздушного пространства (диапазон E/F). Частота РЛС метрового диапазона составляла 72 мегагерца, а частота диапазона E/F — 3000 мегагерц. Это была уникальная информация об оборонных мероприятиях СССР.

Одно из первых происшествий в ходе выполнения подобных опасных полетов случилось в апреле 1950 г. с самолетом ВМС США «PB4Y» «Privateer» («Капер»), Этот большой самолет, экипаж которого составлял 10 человек (из них 6 человек были техниками радиоэлектронного оборудования), поднялся в воздух с аэродрома Висбаден в Западной Германии восьмого апреля 1950 г. и направился в Копенгаген. В 14:40, находясь над Бремерхавеном (Западная Германия), он в последний раз вышел на радиосвязь. Как заявил СССР, самолет, который был классифицирован как бомбардировщик, был отмечен на экранах советских РЛС над Лиенаей, которая находится примерно в 350 милях от Копенгагена, т.е. на 7 миль углубился в воздушное пространство СССР. Самолет был тут же перехвачен парой советских истребителей, которые отдали ему приказ совершить посадку. Советские заявили, что нарушитель открыл огонь по истребителям, которым пришлось его сбить. Все свидетельства заставляют предположить, что бомбардировщиком был пропавший «Капер». Сообщалось, что его оборудование было поднято советским водолазами, поэтому можно считать, что самолет упал над Балтийским морем.

В Средиземном море первые надводные операции ВМС США по радиотехнической разведке и сбору информации были направлены против Албании, Болгарии и Югославии. Пять эсминцев с подготовленными операторами блоков аппаратуры морской связи, предназначенными для перехвата и записи всех электромагнитных излучений, приступили к сбору информации. ВМС тем временем создали специальную экспертную группу, входившую в состав объединенного комитета по связи и электронике, с целью обмена информацией о возможностях СССР по радиоэлектронной борьбе между тремя видами вооруженных сил США. В рамках операции «Возвращение дракона» были проведены опросы немецких и австрийских ученых, отработавших в СССР как военнопленные. Ученые рассказали, что Советские дублируют немецкий коротковолновый пеленгатор с антенной решеткой «Ткач», который применялся нацистами для радиоразведки и борьбы с подводными лодками противника. Объединенным комитетом по связи и электронике готовились ежегодные доклады, в которых содержались свежие данные о порядке боевого

применения советских РЛС. В докладах также приводились перечни корабельных радиоэлектронных комплексов и аппаратуры распознавания «свой—чужой», которая сортирует электромагнитные сигналы от радиоэлектронных средств своих войск и войск противника. Управление планирования ЦРУ (позднее стало называться оперативное управление) также расширило масштабы радиотехнической разведки. В результате объединенных усилий разведчиков и аналитиков вскоре было установлено, что советские РЛС были гораздо лучше, чем предполагали скептики, утверждавшие, что в области электроники СССР сильно отстает от США.

В одном инциденте, относящемся к электронике и радиоразведке, Седьмой флот США противостоял коммунистическому Китаю, пытавшемуся забить помехами один из кораблей связи флота. Согласно статьям договоров 1949 г., Соединенные Штаты продолжали иметь доступ в китайские порты. В Циндао, порту и военно-морской базе Китая на Желтом море, находился специально оборудованный американский корабль связи, который обеспечивал связь между стоявшими в китайских портах американскими военными кораблями и командованием ВМС США в зоне Тихого океана. Однажды радиосвязь была нарушена какой-то необычной помехой. Предположив, что радиосвязь специально глушат, американские военные моряки отправили на поиски источника помех небольшой корабль с пеленгаторами, а также дали приказ морским пехотинцам уничтожить китайский передатчик-постановщик помех, что морские пехотинцы и сделали.

НАДВОДНАЯ И ПОДВОДНАЯ РАЗВЕДКА

Вскоре после окончания Второй мировой войны американская военно-морская разведка обратилась с просьбой к командирам военных кораблей и капитанам торговых судов, включая суда под иностранным флагом, вести разведку на море, которая заключалась бы в опознавании проходящих советских и китайских военных кораблей и докладе о них. На этих торговых судах имелись особо подготовленные люди, которые следили за специфической деятельностью в портах стоянки и впоследствии докладывали об этом. Офис военно-морской разведки снабдил некоторые торговые суда фотокамерами и организовал тщательно разработанную систему опросов, которые за рубежом проводились военно-морскими атташе, а на континентальной части США — региональными офицерами разведки. Специально составленные кодовые обозначения скрывали подлинные имена «наблюдателей» с торговых судов. В то время эти доклады были просто бесценным материалом и одним из немногих источников информации о перемещениях советских кораблей.

Центр обработки фотоматериалов ВМС США, расположенный на реке Потомак, близ Вашингтона, анализировал и накапливал важные снимки, которые пригодились позднее, в 1962 г., во время кубинского ракетного кризиса, когда советский торговый флот участвовал в масштабных морских перевозках. Помимо задач РТР и сбора информации, которыми в Средиземном море в период 1949—1951 г. занимались специально оборудованные эсминцы, к разведке подключились и подводные лодки, которые стали патрулировать советское побережье. В мае 1948 г. первой подобную задачу выполнила ПЛ ВМС США «Сидог» («SS-401»), которая прошла вдоль побережья Сибири. На борту лодки находился офицер разведки из объединенного штаба на Аляске; для обеспечения ведения радиоперехвата он сообщил последнюю разведывательную информацию по позывным советских радиостанций, их рабочим частотам, а также предполагаемым пунктам нахождения баз советских ВВС.

В августе 1949 г. две подводные лодки ВМС США — «Таск» и «Кочино» — начали первые операции вдоль Кольского полуострова, целью которых являлся поиск доказательств проведения испытания атомной бомбы в СССР. Члены команды «Кочино» наверняка не имели никакого желания относительно того, чтобы про их лодку сообщалось в заголовках центрального органа Министерства обороны СССР газеты «Красная звезда», однако в ходе операции их лодка затонула из-за взрыва аккумуляторной батареи. Экипаж лодки был

спасен шедшей поблизости ПЛ «Таск». Именно в этом месяце Советский Союз запустил растянувшуюся на многие годы цепочку пресс-релизов, осуждающих «подозрительную учебную» деятельность американских подводных лодок у советского побережья. В тот самый напряженный послевоенный период гонки за информацией британская разведка начала серию разведывательных акций вдоль советского побережья. Операция «Хорнбим» — слежка британского рыболовного флота за советским Северным флотом — организовывалась при активном участии командера Д.Г. Брукса, старшего офицера разведки британских королевских ВМС. Если считать правдой слухи о том, что экипажам траулеров из Гулля и Гримсби за каждую ходку к советским берегам выдавали награду в 10 000 фунтов, то рыбацкая разведка деятельности советского военного флота в Баренцевом море становилась и его персональным бизнесом. В течение пяти лет, начиная с лета 1949 г., траулер «Лэнсер» совершал в общей сложности сорок пять шпионских походов к советским берегам. Во время первого плавания к полярному кругу траулер поднял фюзеляж, неповрежденные фотоаппараты и пленку с разбившегося американского самолета-разведчика. В июне 1950 г. траулер выловил советскую боевую торпеду длиной 7,3 м и доставил в Англию.

Траулеры вели запись передач корабельных и авиационных средств связи и фотографировали военные корабли советского Северного флота, зачастую с близкого расстояния. Один раз траулеры, находясь на границе трехмильной зоны советских территориальных вод, высадили несколько групп британских морских разведчиков, которые на каяках добрались до берега и спрятали там приемники радиосигналов. Эти приемники были размещены в нескольких местах на советском Кольском полуострове, начиная с точки к западу от мурманского фьорда и заканчивая входом в Белое море. Приемники должны были записывать сигналы местных радиосредств, после чего пленка изымалась и передавалась в разведывательный центр в Питриви (Шотландия). В октябре 1950 г. капитан второго ранга Бахмутов, начальник разведки Северного флота советского ВМФ, так характеризовал британскую деятельность:

«В октябре 1950 г. в водах Баренцева моря отмечено 65 английских рыболовных траулеров, которые периодически приближались к берегу и несколько раз находились в наших территориальных водах. Так, например, 26 сентября, в наших территориальных водах был арестован траулер «Н-42» «Свонелла». Капитан судна, предположительно, говорящий по-русски, вел систематическую регистрацию советских торговых судов и военных кораблей, входящих в Кольский залив и покидающих его.

ВЫВОДЫ:

1. Визиты английских военных кораблей в Баренцево море и проходы рыболовных судов вдоль мурманского побережья производятся, преимущественно, с целью изучения оперативного района, условий моря и метеобстановки.
2. Систематические визиты в Баренцево море английских военных кораблей, их проходы вдоль мурманского побережья и частые нарушения наших территориальных вод английскими рыболовными траулерами свидетельствуют об активном сборе разведывательной информации на этом театре действий.
3. Предположительно, на некоторых английских траулерах находятся офицеры разведки британских королевских ВМС».

НАЦИСТСКИЕ ПИРАТЫ И БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ

На Балтике, помимо решения других задач, английские военно-морская разведка и секретная служба СИС (МИ-6) руководили также деятельностью агентов, используя для этого суда бывших подразделений немецких кригсмарине (ВМС) времен Второй мировой войны, действовавших в новой обстановке под «крышей» «Британской службы защиты рыболовства в Балтийском море». Первым послевоенным координатором северо-европейского управления МИ-6 являлся Г.Л. Карр, которому подчинялся Балтийский отдел во главе с А. МакКибином. Организационно отдел состоял из трех секций — эстонской,

которую возглавлял бывший полковник СС Альфонс Ребане, латвийской, во главе которой стоял бывший офицер люфтваффе Рудольф Силярис, и литовской, начальником которой был профессор истории Стасис Змантас. В 1946 г. три секции начали операцию «Джунгли», в ходе которой производилось внедрение агентов в каждую из названных республик и в Польшу, где они устанавливали связь с антисоветскими элементами. В Эстонии сотрудничавших с западной агентурой местных жителей называли «лесными братьями». Вышеназванные секции МИ-6 совместно с секретными службами Скандинавских стран, включая шведское «Бюро Си», организовывали в этих республиках антисоветски настроенных граждан на ведение наблюдения и сбора разведывательной информации и выполнение особых актов саботажа против коммунистической номенклатуры. Для переброски этих агентов сотрудник МИ-6 командер Энтони Кортни завербовал в мае 1948 г. бывшего офицера кригсмарине, который превосходно знал побережье балтийских государств. Этим офицером был бывший капитан-лейтенант нацистского флота Ганс-Гельмут Клозе, который в последние месяцы войны командовал на Балтике Второй флотилией торпедных катеров и занимался эвакуацией высокопоставленных немецких офицеров из латвийской Лиепая. Клозе до своей вербовки британской военно-морской разведкой и МИ-6 уже успел поработать на англичан в 1946—1947 гг., занимаясь разминированием в проливе Скагеррак и Норвежском море.

В октябре 1966 г. в серии газетных статей, опубликованных в ГДР, было впервые рассказано о британских операциях, в ходе которых для перевозки пассажиров и наблюдения за деятельностью советского флота на Балтике использовались быстроходные торпедные катера бывшего нацистского кригсмарине постройки компании «Лурссен» («катера «S»). Это было правдой. Задача Клозе заключалась в доставке агентов на побережье Польши, Литвы, Латвии и Эстонии вблизи Штольпмюнде, Паланги, Узавы, Вентспилса и Сааремаа. Агенты проходили подготовку в Англии и доставлялись оттуда на континент самолетом. Потом они занимали свои места на двух торпедных катерах Клозе («S-130» и «S-208»), которые брали курс на датский остров Борнхольм. После получения сигнала из Лондона катера уходили в территориальные воды Польши или СССР, где агентов высаживали на берег с резиновых лодок. Начиная с 1954 г. американское ЦРУ и подчиненная ему западногерманская «Организация Гелена» присоединились к МИ-6 и стали переправлять своих людей через Клозе в рамках операций «ЭйИСиЭйчЭйЭмПи» и «Ред Фокс». Потом к катерам добавились два бывших корабля западногерманской пограничной службы, получившие новые названия «Штормовая чайка» и «Серебряная чайка», которые после 1955 г. были заменены на новые конструкции производства компании «Лурссен». Подобная деятельность не считалась нарушением международного права, поскольку Запад не признавал советской оккупации Эстонии, Литвы и Латвии. Этим тайным операциям войны, ведшейся за кулисами, активно противодействовали советские разведывательные службы. Начиная с 1951 г. советская разведка добилась ряда успехов в своей контроперации «Лурссен»-«S», названной так по типу катеров, которые использовал Клозе, и арестовала 42 британских агента. Великобритания заплатила свою цену за предательство Кима Филби и четверых его коллег, двое из которых — Гай Берджес и Дональд Маклин — только что сбежали в Москву. Эта секретная война вызвала в государствах Балтии и Польше смерть 75 000 гражданских лиц, 30 000 бойцов подполья и примерно 80 000 советских солдат — преимущественно в государствах Балтии, Восточной Германии и Польше.

Глава 3

ОТ СОЮЗНИКОВ — К ПРОТИВНИКАМ, 1945-1952 гг.

За пять лет до начала Второй мировой войны советский руководитель И.В. Сталин начал несколько важных мероприятий, направленных на превращение его тогдашнего флота обороны побережья во флот открытого моря. По мнению Сталина, политические союзы 1930-х годов создали новую угрозу СССР. Эти группировки выявили реальную стратегическую немощь Советского Союза, ведь он оказался не в состоянии послать флот на поддержку республиканской Испании, а нацистские правительства быстро сумели прийти на помощь силам Франко. 24 декабря 1935 г. передовая статья партийной газеты «Правда» предупредила «врагов пролетарского государства», что «временная слабость советского ВМФ вскоре будет преодолена». Тогда же Сталин назначил А. Жданова, своего самого безжалостного помощника по промышленности, уже являвшегося одной из ключевых фигур комитета по ВМФ при Верховном Совете СССР, руководить ударным развитием военно-морского судостроения и приобретать крайне необходимую западную военно-морскую технологию.

Сталин снял главкома ВМФ М.М. Орлова, который отказался направить эскадру в Средиземное море для противостояния Гитлеру и Муссолини и поддержки республиканской Испании, и назначил вместо него командующего Тихоокеанским флотом молодого и энергичного Н.Г. Кузнецова, который проявит себя как выдающийся военный руководитель. К 1939 г. расходы на ВМФ составили 18% советского военного бюджета. Война, однако, положила конец планам «Большого флота» в составе 699 боевых кораблей, как предусматривалось десятилетней программой развития военно-морского флота 1938 года. С поражением Германии во Второй мировой войне и продолжающимся англо-саксонским господством на океанах, окружавших Советский Союз, Сталин опять стал размышлять над строительством мощного флота, способного противостоять бывшим союзникам, продолжавшим оставаться морскими сверхдержавами, — Соединенным Штатам и Великобритании.

МЕЧТЫ СТАЛИНА ОБ ОТКРЫТОМ МОРЕ

В ходе визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. Сталин обмолвился ему, что самой серьезной ошибкой Гитлера было то, что он стремился завоевать Европу с флотом, который всегда уступал объединенным военно-морским силам его противников. В том же месяце Сталин распорядился подготовить новый десятилетний план военно-морского судостроения в развитие первоначального плана 1938 года.

С целью создания флота мирового класса СССР перестраивал свою промышленную базу, делая особый упор на научно-технический прогресс, хотя он тяжелым бременем ложился на уже разоренное население страны. В результате этих усилий появилось ядро быстро расширяющихся верфей, на которых опробовались новые материалы и технологии, доставшиеся в качестве военных трофеев. Тем временем институты и конструкторские бюро страны напряженно трудились над созданием новых вооружений, в том числе ракет, которые должны были использоваться для нанесения главного удара по противнику. Изучение ленд-лизских и трофейных технологий выявило слабость советских военных и военно-морских исследовательских работ. Сталин лично установил приоритет ракетного оружия. Девятнадцатого мая 1946 г. советский руководитель подписал указ Совета министров СССР о создании Особого комитета по ракетной технике. Стиль формулировок текста показывает полную зависимость СССР от немецкой техники и воздает должное советской разведке:

«В качестве основной задачи воспроизвести, используя национальные ресурсы, «Фау-2» (управляемую ракету большой дальности) и «Вассерфаль» (противосамолетную управляемую ракету) ...считать основными задачами по ракетной технике следующие работы: а) восстановление технической документации для «Фау-2», «Вассерфаль», «Рейнтохтер», «Шметгерлинг»; б) восстановление лабораторий и испытательных сооружений со всем оборудованием и приборами, необходимыми для проведения

исследований и испытаний...; в) обучение советских специалистов, досконально знающих конструкцию ракет «Фау-2» и управляемых противосамолетных ракет и методы проверки, производству деталей для сборки ракет... подготовку помещений для размещения немецких конструкторских бюро и специалистов... Разрешить Особому комитету по ракетной технике и министерствам заказывать, по военным репарациям, различное оборудование и системы из лабораторий научно-исследовательских институтов и государственных полигонов испытания ракетного оружия в Германии... обязать Особый комитет представить Совету министров предложения по отправке комиссии по закупке в Соединенные Штаты для приобретения оборудования и приборов для лабораторий ракетной техники научно-исследовательских институтов... установить, как государственный приоритет, развитие ракетной техники, и указать всем министерствам на выполнение задач, относящихся к ракетной технике, как на их основную задачу».

В 1947 г. Сталин снял Кузнецова с должности главнокомандующего ВМФ, потому что он выступил против некоторых сталинских реформ. Кузнецова понизили в звании до вице-адмирала, а годом позже его судили за то, что поделился секретом немецкой акустической торпеды «Т-5» с англичанами. Это было явной уловкой, поскольку Сталин сам подписал письмо, которое разрешало британским техникам ознакомиться с этим оружием. И все же Сталин достаточно хорошо относился к Кузнецову, поэтому к февралю 1950 г. вице-адмиралу доверили командовать 5-м флотом на Тихом океане; бывшие заместители Кузнецова, однако, все еще оставались кто в тюрьме, а кто в опале.

Сталин был недоволен ходом развития своих реформ. Как оп и опасался, сухопутные войска продолжали считать флот вспомогательной силой. Это было не тем направлением развития флота, считал советский руководитель. Чтобы установить равные отношения между сухопутными войсками и флотом, 26 февраля 1950 г. Сталин создал Министерство военно-морского флота и Главный штаб ВМФ. В июле 1951 г. он окончательно простил Кузнецова, который тут же был назначен военно-морским министром. Выбор Сталина отразил как его любовь к Кузнецову, так и его непреходящее стремление иметь самостоятельно принимающий решения океанский флот, основу которого составили бы легкие линкоры и крейсеры.

Генералиссимус планировал иметь флот, который смог бы доминировать в водах, омывающих Советский Союз, и который бы стал учебной базой для офицеров будущего флота открытого моря. «На этом этапе я советую вам иметь несколько больше легких крейсеров и эсминцев, — говорил Кузнецову Сталин. — У вас плохи дела с кадрами. Крейсеры и эсминцы дадут вам возможность подготовить хорошие кадры». Однако, как отмечала историк Наталья Егорова, несмотря на невероятные усилия, реализация десятилетней программы строительства военных кораблей шла с большим трудом, и к концу 1949 г. выяснилось, что Министерство судостроения план не выполнило. В случае новой большой войны сталинский флот опять бы ограничился поддержкой наземных сил на побережье. В этом контексте три легких линкора, заложенные в 1951 г., стали бы предвестниками планируемого на 1956 г. второго десятилетнего плана развития кораблестроения и инструментами престижа для Советского Союза, подтверждающими его статус сверхдержавы.

Помимо этого, Сталин и Кузнецов были еще и «отцами» будущего «крупного боевого корабля» времен «холодной войны» — абсолютно новой платформы, которая одним ударом могла выиграть войну. Речь идет об атомной подводной лодке.

Из Соединенных Штатов поступали тревожные сообщения разведки о том, что там идет строительство подводной платформы, не нуждающейся в пополнении запасов воздуха извне: действительно подводной лодки, использующей для работы силовой установки атомную энергию, и способной вырабатывать кислород и воду. После принятия 09.09.1952 г. ЦК КПСС специального постановления, в СССР ударными темпами начались работы по созданию атомной подводной лодки. Советская подводная лодка «Проект 627» была не просто копией американской ударной подводной лодки «Наутилус». Первоначально она задумывалась как стратегическая платформа для пуска одиночной атомной торпеды длиной 27 метров по главному городу вероятного противника, по Нью-Йорку.

ОЦЕНКА НАМЕРЕНИЙ СТАЛИНА

Если бы в начале 1950-х годов какой-нибудь западной спецслужбе удалось каким-то образом проведать тогдашние военно-морские планы Кремля, то подобное проникновение в замыслы советского руководства стало бы бесценным подарком для иностранных военных атташе в Москве. Но в теперешние времена нам известно, что тогда в советском ВМФ не нашлось предателя, знавшего так много, поэтому западным разведывательным службам оставалось максимально использовать те обрывки и кусочки информации, которые они могли собрать в закрытом обществе. В отличие от англичан, американский офис военно-морской разведки отнюдь не недооценивал советские планы относительно советского флота открытого моря. В начале 1946 г. он рассматривал СССР как потенциального соперника на просторах океанов:

«Говоря о силе флота Советской России, необходимо учитывать военно-морские позиции России в прошлом, сегодняшнее стремление стать морской державой, выраженное руководителем России, и будущий военно-морской потенциал Советского Союза. Все имеющиеся свидетельства говорят о том, что сегодняшний советский ВМФ унаследовал традиции «Большого флота» от его предшественников в императорской России. Географическое положение, промышленная мощь и престиж Советского Союза являются серьезной базой для становления в будущем морской державы. В связи с этим нынешний состав советского ВМФ следует оценивать как промежуточный этап в восстановлении военно-морской мощи России».

Для того чтобы отслеживать развитие обстановки в Советском Союзе, западные союзники использовали аналитические группы, укомплектованные из специалистов в разных областях науки и техники, персонал, производивший допросы, и данные агентурной разведки. В конце Второй мировой войны Соединенным Штатам и Великобритании досталась почти не пострадавшая разведывательная организация бывшего вермахта, которая действовала на Восточном фронте. Это была эффективная сеть, которую возглавлял немецкий генерал Рейнхарт Гелен. По мере усиления расхождения между Западом и Востоком значение «Организации Гелена» многократно возрастало, и вскоре она была реанимирована. Она стала активной разведывательной службой, руководимой первоначально ЦРУ и позднее, после подписания мирного договора, Федеративной Республикой Германии. Штаб-квартира организации находилась около Мюнхена, а сама организация вскоре стала называться «Бундеснахрихтендинст», «БНД». И все-таки основной объем информации шел от западных военных и военно-морских атташе, аккредитованных в Москве. Эти шпионы в военной форме входили в штат дипломатических миссий, посольств и консульств, разбросанных по всему миру, и занимались проверенной практикой, которую большинство стран использовали с девятнадцатого века.

Дополнительно к своим обязанностям дипломатического и связного характера, военные и военно-морские атташе есть глаза и уши разведывательных служб своей страны. Работа атташе — как и у журналиста — сообщать. Первый американский военно-морской атташе был отправлен за границу в 1882 г., когда был образован офис военно-морской разведки. Приказ тогдашнего министра ВМС США Уильяма Э. Чэндлера гласил: «Для того, чтобы собирать информацию... будет организован корпус корреспондентов в лице военно-морских атташе в наших дипломатических миссиях».

Работа атташе в сфере агентурной разведки защищена его дипломатическим статусом. Методы, которые атташе используют для ведения разведки, напрямую зависят от доступности важной информации в принимающей стране. В открытом обществе атташе пополняет свой багаж знаний чтением открытой литературы или же запрашивает военных принимающей стороны по тому или другому интересующему его вопросу. В закрытых обществах атташе опускаются до кражи информации; либо, не привлекая внимания, фотографируя, либо выуживая по крохам информацию из местных офицеров, либо просто оплачивая информаторов или применяя современные технические средства типа «черных

ящиков» с дистанционным управлением, которые прячутся в укромном месте для сбора нужной информации и потом изымаются.

Стародавняя русская традиция набрасывать пелену секретности на все, что касается информации по вооруженным силам, вынуждала военных и военно-морских атташе в СССР идти на крайние меры для незаметного сбора разведывательной информации. Когда и крайние меры не помогали, атташе, чтобы доложить о выполнении поставленной задачи, был вынужден прибегать к еще большей изобретательности. Для получения информации атташе путешествовал и, когда требовалось, находил какие-то укромные места, откуда своими глазами мог наблюдать за строительством или ремонтом военных кораблей. В задачу атташе входило обнаружение и доклад о тех или иных изменениях и новых военных разработках: к примеру, отыскать закамуфлированный прототип нового класса подводных лодок. В таких случаях на атташе оказывался сильный нажим, поскольку выполнение поставленной задачи диктовалось напряженным соревнованием в противоположных исследованиях и разработках как в СССР, так и в США. Так, новое устройство, замеченное на советской подводной лодке во время ее строительства или спуска на воду, могло указывать на новейшую систему оружия, что, в свою очередь, требовало организации контрмер на строящемся в данный момент западном корабле — такое вот было теснейшее соперничество.

В период советской военно-морской экспансии основная задача атташе заключалась в отслеживании развития советского ВМФ и последующих докладах о результатах своей работы. Шансы на успех широко варьировались в зависимости от местонахождения интересующего разведку объекта и политической ситуации, а сидевшие в Москве атташе представляли собой виртуальных пленных в контролируемом информационном пространстве СССР.

КОМАНДИРОВКА В МОСКВУ

[7]

В 1945 г. в Москве самый большой штат имел аппарат военно-морского атташе США — адмирал, кэптен или полковник и шестеро младших офицеров. Атташаты Великобритании, Франции, Канады, Турции, Швеции и Норвегии в Москве имели меньший по численности персонал. У Соединенных Штатов также были привилегированные Союзные наблюдательные пункты в Советском Союзе, при которых — в Архангельске, Одессе, Новороссийске и Владивостоке — находились помощники военно-морского атташе. Объяснением такого расширенного присутствия являлось оказание помощи американской военной миссии в СССР и наблюдение за программой обширных поставок по ленд-лизу, за которой последовала программа продовольственной помощи ООН. Помощники военно-морского атташе координировали перемещения американских грузовых судов и самолетов, доставлявших в СССР помощь по ленд-лизу. Однако растущая напряженность глубоко изменила характер работы атташе. Для контр-адмирала Л.Д. Стивенса, американского военно-морского атташе в Москве, в конце 1947 г. сменившего на этом посту Х.Л. Мэйплза, единственным оправданием существования его аппарата в Москве было составление разведывательных донесений: «Этот офис может продолжать существовать только благодаря прямым результатам своей работы».

В своей деятельности атташе руководствовались перечнем запросов, которые отправлялись из Вашингтона атташе, находившимся за границей. Наиболее значимым приоритетом как для сухопутных, так и для военно-морских атташе в то время являлся поиск свидетельств прогресса СССР в области атомной энергии для разработки ядерного оружия. Среди высших приоритетов разведки также значились достижения СССР по управляемым ракетам и строительству подводных лодок. В сентябре 1948 г. офис военно-морской разведки выпустил «Инструкцию по сбору информации по подводным лодкам», в которой

подчеркивалась необходимость «определить факт строительства подводной лодки и ход выполнения программы строительства без реального наблюдения за работами на лодке па верфи, к примеру, отмечая производство компонентов, их перевозку и поставку». Особое внимание атташе следовало обратить на реконструкцию туннелей и мостов, что могло свидетельствовать о планах массового производства подводных лодок и намерении перевозить готовые секции лодок наземным транспортом в некую отдаленную точку для сборки.

Для контр-адмирала Стивенса советская пресса являлась «единственным источником, из которого его аппарат мог получать регулярный поток информации о тех областях деятельности, о которых в завуалированной форме открыто и свободно оповещалась российская публика». Из прошлого опыта Стивенс усвоил, что «терпеливый сбор мелких деталей формирует, в конце концов, некий шаблон, который становится виден внимательному офицеру разведки, а масса открытого и доступного материала в России предоставляет множество подобных деталей». Атташе Стивенс также считал, что объем материала из открытых источников «настолько велик», а «людей с подходящей подготовкой и знанием русского языка для обработки материала в Вашингтоне» было «так мало», что сотрудникам его аппарата в Москве приходилось реферировать информацию из прессы, а не просто накапливать ее.

Публикация сообщений о присуждении «Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и науки» порой являлась хорошей подсказкой относительно степени советских успехов в научных исследованиях. Подготовленному наблюдателю было нетрудно связать три премии с советскими работами по разработке атомной бомбы: два старших научных работника Радийного института отмечены наградами за «их работу, относящуюся к самонаведенному расщеплению урана», а другая награда отмечала работу по «сверхбыстрому фотографированию и его применению в исследовании процессов взрыва и удара».

ОБЩЕНИЕ С СОВЕТСКИМ ВМФ

Парады, официальные визиты и частные вечеринки всегда представляли определенный интерес с точки зрения разведки, и поэтому разные государства стремились использовать открывающиеся на этих мероприятиях возможности в пользу своих военных и военно-морских атташе. С советской стороны приглашения на подобные мероприятия были сведены до минимума. В 1947 г. сотрудники аппарата американского военно-морского атташе жаловались, что начиная со Дня Победы в мае 1945 г. их не пригласили ни на одно общественное мероприятие. Их советские коллеги в Вашингтоне в тот же период присутствовали на параде ВМС в Нью-Йорке (октябрь 1945 г.), учениях десантных сил в Карибском море (май 1946 г.) и многих других мероприятиях. Все вопросы, которые возникали у американских атташе, решались через отдел внешних сношений Министерства обороны, поэтому иностранные атташе не могли напрямую обратиться в ВМФ, что делало общение с советскими офицерами почти невозможным. На частные вечеринки атташе не приглашались, и Мэйплз «ни разу не слышал о том, чтобы кто-то из высокопоставленных политических чиновников или офицеров ВМФ пригласил иностранцев на частную вечеринку».

Отсутствие приглашений на общественные мероприятия и трудности американских военно-морских атташе в получении печатных материалов, издаваемых советским флотом, заставили Вашингтон принять в конце концов ответные меры. Двенадцатого мая 1947 г. начальник военно-морской разведки Т.Б. Инглис проинформировал находившегося в Москве Мэйплза о своей новой позиции относительно советского ВМФ: «Информация для вас: в то время как обычной практикой офиса военно-морской разведки является обеспечение военно-морских атташе различных стран в Вашингтоне его информационными выпусками, справками по составу команд кораблей и различными списками личного состава, названная практика ныне не распространяется на персонал военно-морского

атташата СССР. Указанный персонал также не будет приглашаться в ознакомительные поездки, например, в академию ВМС или на военно-морские базы или корабли. Начальник военно-морской разведки исключил персонал советских военных атташатов из числа гостей, приглашаемых на частные социальные мероприятия типа коктейль или ужин в его резиденции... Этот персонал не будет получать приглашений

на подобные мероприятия до тех пор, пока вы не проинформируете меня о том, что наши представители в России получают подобные приглашения, или до вашей рекомендации (по какой-то причине) о более сердечном общении». Однако отношения между двумя сверхдержавами никогда не были разорваны до конца. Инглис был готов сообщить контр-адмиралу Е. Глинкову [8]

, вновь назначенному советскому военно-морскому атташе, что в любое время, когда у советского адмирала появится предложение о взаимном обмене, он, Инглис, с удовольствием изучит его. Инглис намеревался принять контр-адмирала Глинкова пятого мая и собирался продолжить передачу СССР материалов по гидрографии, если конференция международного гидрографического бюро, которая проводилась в Монако, получит согласие СССР на сотрудничество.

Отмечая, что СССР ввел новые наказания за шпионаж, адмирал Мэйплз достаточно пессимистично смотрел в будущее: «В связи с опубликованием указов о наказании за разглашение государственных секретов кажется весьма маловероятным, что будут какие-то послабления на сегодняшние ограничения по поездкам и командировкам самого военно-морского атташе или его сотрудников». Эта ситуация подсказала Госдепартаменту просить генерала Б. Смита, американского посла в Москве, поднять вопрос в соответствующих советских инстанциях. Смит не считал, что США должны продолжать «созерцать ситуацию без принятия контрмер». Как явный результат его усилий, начальник военно-морской разведки с удовлетворением узнал, что военно-морской атташе в Москве приглашен на воздушный парад Красной Армии, что стало «первым приглашением подобного рода за многие месяцы». Инглис рассчитывал, что могут последовать и «другие приглашения, продуктивные с точки зрения разведки». Позднее он проинформировал Стивенса о своем намерении пригласить «советский военно-морской персонал в Вашингтоне на аналогичный показ американской военно-морской авиации».

Мариус Пелтьер, военно-морской атташе Франции, оказался в схожей ситуации. Однажды рядом со своей гостиницей он случайно встретил своего знакомого по работе в Союзной комиссии в Берлине.

Советский офицер-моряк выглядел сконфуженным, и вопросы Пелтьера уходили в никуда:

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Не знаю, я жду приказа.

— А ты где сейчас? Здесь, в Москве? — Да.

— Хотелось бы поболтать с тобой. Мы можем поужинать вместе?

— Естественнo, но я очень занят и не могу сказать, когда.

— Позвони мне в гостиницу.

— Конечно, но, извини, у меня сейчас срочная встреча. Я тебе позвоню.

Он убежал и не позвонил.

В течение нескольких месяцев Пелтьер безуспешно напрашивался на аудиенцию к главнокомандующему советским флотом. Однажды у него раздался телефонный звонок: «Говорит капитан-лейтенант Н. из отдела внешних сношений. Главнокомандующий советским ВМФ сегодня вас примет. Вы готовы?» Застигнутый врасплох Пелтьер собрался и стал поджидать сопровождающих. Международная напряженность усиливалась, и Пелтьер задавался вопросом, что хочет ему сказать адмирал Кузнецов.

После того как советский адмирал поделился приятными воспоминаниями о своем прошлом визите в Париж, он кратко изложил свою концепцию международных отношений: «Вы, как и я, офицер; мы связаны долгом; если мне дадут приказ нанести удар по противнику, я ударю по нему со всей силы, и вновь ударю, кто бы он ни был; вы

понимаете? Сейчас, пока у меня нет приказа нанести удар, мы друзья», и адмирал закончил встречу сердечным рукопожатием.

Вскоре после этой встречи Пелтьер заменил убывающего военного атташе Франции и занял его пост главы военной миссии. Предшественник Пелтьера до этого обращался к советским властям с жалобой на отсутствие возможностей для встреч с советскими офицерами, за исключением сотрудников отдела внешних сношений. Практически сразу после жалобы убывающий военный атташе и Пелтьер получили приглашение в гостиницу «Метрополь», где они встретили двух советских генералов и капитана первого ранга. Старший из генералов был прямолинеен, остер на язык и остроумен. Пелтьер сказал, что полная правда часто бывает лучшим оружием и что генерал является блестящим философом. «Я материалист; и поэтому я свободен, — заявил генерал. — Вы ничего не доказали, — парировал Пелтьер. — История докажет, что мы правы, — генерал поставил точку в разговоре». Из этого общения Пелтьер сделал вывод о том, что советская военная школа обеспечивает единообразие мыслей не только по предметам стратегии и тактики, но и в вопросах философии.

РАБОТА АТТАШЕ

Реальная работа военно-морских атташе оценивалась качеством и своевременностью их разведывательных донесений. Донесения американцев, англичан и шведов были в целом более подробными, чем те же документы французов, потому что они имели более глубокие общие знания советского ВМФ. Американские источники отмечали, что Советский Союз делает успехи по программе создания атомной бомбы. В декабре 1946 г. помощник американского атташе в Одессе Хершоу доложил, что поставки продовольствия и продукции машиностроения в Болгарию из СССР могли быть ответным жестом на получение из этой страны урановой руды.

Тот же российский источник сообщил, что двоюродный брат ее отца, бывший министр боеприпасов (позднее идентифицированный как Ванников [9]), был недавно награжден. Это сообщение заставляло предположить, что он был награжден за значительные успехи по программе создания атомной бомбы.

Даже если аппарат американского военно-морского атташе делал вывод, что советская военно-морская техника по сравнению с западной является явно отсталой, он не сбрасывал советские технические возможности. Так, в частности, Стивенс отдал должное советским инженерам, сумевшим скопировать, а затем наладить производство бомбардировщика «Б-29»: «Производственные трудности, с которыми мы у себя в США столкнулись на начальной фазе производства этих самолетов, затем очевидные трудности наших ВМС, изучавших возможности конверсии обычного «Б-29» в противолодочный самолет, и, наконец, наш собственный опыт, полученный в ходе проведения доработок по фюзеляжу и хвостовому контуру — все это в комплексе является ярким примером того, что нельзя недооценивать возможности русских по конструированию и производству, которые они продемонстрировали созданием определенного количества самолетов этого класса». Американские атташе считали, что у советских военно-морских офицеров сильно развит дух корпоративности, а качество их подготовки находится на подъеме. В июле 1948 г. немецкий источник сообщил американскому военно-морскому атташе, что система продвижения советских офицеров по службе снова завязана на политическую зрелость. С 1940 г. до последнего квартала 1947 г. советские офицеры продвигались по службе только в соответствии с их военными качествами, по которым существовало три критерия: личная подготовка, техническая подготовка и тактическая выучка. Потом добавили четвертую оценочную категорию — политическую подготовку. Тот же источник добавил, что в 1947 г. только 15% офицеров-военнослужащих являлись членами коммунистической партии. Тому

из офицеров, которого предполагали повесить по службе, но не повесили в связи с плохим результатом по одному из этих четырех критериев, давался испытательный срок максимум на два года, который мог быть продлен в случае болезни. Предполагалось, что за время испытательного периода офицер устранит недостатки. Еще один провал означал увольнение из вооруженных сил.

Помощники американского военно-морского атташе также обнаружили, что политическая зрелость стала главным качеством в оценке работы сотрудников администрации морских портов. Портовые чиновники во Владивостоке и Одессе подвергались усилившейся критике за плохое исполнение своих обязанностей. Для служащих таможни эта критика сопровождалась нарастающим давлением — или вступайте в партию, или уходите с этой работы. «Ночные визиты сотрудников НКВД в штатском» в дома некоторых чиновников и их последующее исчезновение стали привычным делом.

Ранее, в 1945 г., офисы американских военно-морских атташе, находившиеся в некоторых советских портах, так же успешно, как и аналогичные английские офисы, докладывали о боевой тактике советского ВМФ. Однако в новом политическом контексте офис военно-морской разведки потребовал от атташе идти дальше. Иногда фотографировать было можно из окна гостиницы или с борта проходящего американского грузового корабля типа «Либерти». В одном случае помощник атташе снял на свой фотоаппарат новый десантный корабль, но, как он отместил потом, «последующие снимки было делать нежелательно, из-за человека в парке через улицу, который заметил меня у окна и устоялся в этом направлении». В 1948 г. сотрудник американского военно-морского атташата во Владивостоке уехал из города, и ВМС США оставалось надеяться, что американское консульство в этом городе будет отслеживать деятельность советского Тихоокеанского флота. Двадцатого июля 1948 г. заместитель консула Д. Риск сообщил контр-адмиралу Стивенсу, новому военно-морскому атташе США в Москве, что в окрестностях Владивостока отмечается значительная активность, хотя местоположение кораблей осталось прежним. Наблюдение велось из заднего окна второго этажа американского консульства. Временами стекла окон консульства тряслись от огня артиллерии. Как отместил дипломат, «частота проведения стрельб, очевидно, говорит в пользу объемной программы обучения», что может быть отнесено к тому факту, «что большинство военнослужащих, которых можно увидеть на улицах, напоминают сырых новобранцев».

ДЕЛА АМУРНЫЕ

Американская продовольственная помощь регулярно поступала во Владивосток и Одессу, что создавало смешанное чувство благодарности и подозрения у местного начальства, службы безопасности и населения. Американские матросы, члены команд судов, проводили свободное время в барах и гонялись за девушками, которых не стало в советской организации «Интурист», потому что он усиленно пытался приобщить их к культурной деятельности. Нередко случались и происшествия, когда расовая напряженность на борту американских судов находила выход на советском берегу в драках между черными и белыми матросами. Хершоу, однако, считал, что, «учитывая количество американских матросов на берегу и силу русской водки, все могло быть хуже». Вызывали озабоченность проблемы здоровья, и Хершоу отмечал, что «ситуация с венерическими заболеваниями плохая. Почти все, кто бывает на берегу, заболевают». Во Владивостоке местные власти наложили новые ограничения на развлечения на берегу, к удовольствию помощника американского атташе, который отмечал: «Я абсолютно уверен, что после короткого визита сюда все стали еще в большей степени американцами..., пакт не захотел остаться или стать членом их партии. НКВД держал девушек подальше от матросов, так что у них мало что оставалось, за исключением прогулок, поэтому, побывав разок на берегу в ужасно холодную погоду, матросы больше не хотели там появляться».

Отношение Советов к американцам, находящимся в их портах, не всегда было предсказуемым. Рональд Дей, американский гражданин, руководивший программой помощи в Одессе, покидая на автомобиле дом советского чиновника, у которого он ужинал, переехал и задавил насмерть человека. На момент происшествия американец был вроде бы трезв, но когда милиция пришла к нему в гостиницу брать показания, то нашла его в тяжелой степени опьянения. К полному удивлению военно-морского атташе, местные власти не попытались использовать в свою пользу беспомощное состояние американца и уладили все вопросы, хотя позднее выяснилось, что жертва ДТП был агентом-provocатором, который мог сознательно спровоцировать ДТП. Этот случай отразил внутреннее соперничество между местными властями, испытывающими к американцам благодарность за помощь, и службой безопасности. Но в личной жизни Дей не был таким удачливым. Узнав о романе Дея с его русской секретаршей, советское МВД дало девушке месяц на то, чтобы она покинула город. На самом деле она больше не вернулась в Одессу из командировки в Москву. Американец протестовал, не смирившись. Потом, когда Дей уезжал из СССР, ему сказали, что девушка и портовый чиновник, пытавшийся помочь им оформить брак, были высланы из города.

ВИЗИТЫ ЗАПАДНЫХ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ

По сравнению с непрерывным потоком американских грузовых судов, перевозящих продовольствие и оборудование, такое как паровые турбины и трактора, во Владивосток и Одессу, заходы западных военных кораблей в советские порты были редкостью. Однако были три примечательные исключения: в одном случае это был визит в Ленинград в июле 1946 г. английского авианосца «Триумф», затем визит в Севастополь английского крейсера «Аврора» и третий случай — заход во Владивосток американского военного корабля «Старр» в январе 1946 г. Все три визита давали хорошие возможности по сбору разведывательной информации по советскому ВМФ и, посредством контактов членов команды с местным населением, по советскому обществу.

Авианосец «Триумф» под флагом адмирала лорда Фрейзера, носившего титулы кавалера британского ордена «За храбрость» и лорда британской империи, вышел из Портсмута 21 июля в сопровождении другого британского военного корабля под названием «Рэпид». Они прибыли в Кронштадт 26 июля, и «Триумф» дал «салют наций» из двадцати одного выстрела в честь СССР, ответный «салют наций» в честь Великобритании дала советская береговая батарея. После этого «Триумф» семнадцатью выстрелами приветствовал флаг командующего Балтийский флотом адмирала Трибуца, на что последовало такое же приветствие из орудий флагманского корабля Трибуца «Октябрьская революция» (реконструированный линкор постройки 1911 г.). После того как адмиралы в полной парадной форме обменялись визитами на корабли друг друга, а русские фотожурналисты неоднократно сфотографировали антенную решетку на топе мачты «Триумфа», на борту флагмана Балтийского флота состоялся официальный обед, па котором было подано 14 блюд. Лорд Фрейзер на эсминце «Рэпид» убыл в Ленинград, а из него в Москву, где, в качестве гостя адмирала Кузнецова, принял участие в мероприятиях по случаю Дня советского ВМФ. Члены команд британских кораблей, казалось, были поражены дружелюбием людей и стихийными приветствиями английских моряков. В целом же увиденное матросами заставило их невзлюбить советский образ жизни. Некоторые матросы, которые раньше увлекались коммунизмом, нашли мало привлекательного в реальном коммунизме. Типичный комментарий по этому был такой: «Если бы я был коммунистом, то считал бы, что коммунизм таким быть не должен».

Визит «Старра» во Владивосток не отличался помпезностью. Он примечателен происшествием, которое помощник американского военно-морского атташе описал следующим образом: «Советы сделали попытку сунуть нам на борт одного парня из НКВД, говорящего по-английски. Его переодели в форму морского офицера... Я с ним встречался и работал... в годы Второй мировой войны. Я его узнал, чему он сильно удивился. Когда

нашему капитану стало известно, что парень задает чересчур много вопросов, мы вышвырнули его, оставив у себя на корабле только двоих обычных офицеров связи». Подобные действия сотрудников НКВД знаменовали конец Большого Союза. Во Владивостоке Райан отмечал: «Советы закручивают гайки вокруг нас... это особенно заметно в их способах слежки за нами». На телеграфе пытались отключить связь с Москвой. Ожидавший возможного закрытия его офиса Райан так выразил свой гнев относительно пассивности американских ВМС: «Вы несомненно получили ту бумагу из управления, в которой указаны количество советских граждан и офисы, которые они держат на нашем Западном побережье... Почему, черт побери... прощайте за сильное выражение... мы ничего не делаем по поводу того, что они расползаются по всем США как стая саранчи, а мы можем выехать из их города только на дальность 19 километров? По своему опыту знаю, что они плюют на вас, когда вы с ними так обходитесь. На мой взгляд, даже в США, период «целую ручки» определенно закончился... Знают ли об этом в наших ВМС?»

ПОЕЗДКИ

Если атташе хотели получить разведывательную информацию из первых рук, то совершали поездки по Советскому Союзу. Подобная информация включала в себя сведения о настроениях людей и условиях их жизни и, порой, подробности о тех военных объектах, которые можно было увидеть. Однако, как несколько грубо заметил Райан, передвижения иностранцев были строго ограничены. Обычным делом для Советов, хотевших ограничить поездку, были установка блоков на дорогах и создание таких ситуаций, при которых было невозможно достать бензин для автомобиля или снять номер в гостинице. Военные и военно-морские атташе должны были получить разрешение на любую поездку далее 100 километров от центра Москвы. Зачастую разрешение не предоставлялось, а атташе говорили, что его просьба «рассматривается». Для сравнения скажем, что советским военно-морским атташе в Вашингтоне надо было за три дня до поездки из Вашингтона просто поставить в известность начальника военно-морской разведки. Сотрудники протокольного отдела и отдела связи жаловались, что аппарат советских военно-морских атташе «небрежен» в подаче таких уведомлений и часто вручает их буквально перед самой поездкой, а иногда и после. Поскольку гражданским служащим атташата не требовалось разрешения на поездку, считалось, что имеют место «частые неучтенные поездки», и что некоторые из «гражданских служащих» являются офицерами Красного флота. Инструкция подводила итог: «В то время как в Москве военно-морской атташе США получает отказ в разрешении на поездку, в Соединенных Штатах нет ограничений на поездки советского военно-морского атташе и его помощников».

Обычно, чтобы установить контакт и посмотреть на реакцию людей, атташе раздавали своим попутчикам американские журналы и газеты. Один раз в поезде на Одессу атташе Мэйплз, желая пообщаться, показал своим случайным попутчикам американские журналы. Как он докладывал, «журнал, который их действительно заинтересовал, был журналом "Лайф", который им понравился». Когда они увидели в журнале фотографию Ф.Д. Рузвельта, то ткнули в нее пальцем и сказали, что русский народ любит Рузвельта. От Украины он вынес впечатление того, что там выполнено очень мало восстановительных работ, хотя недостатка в продуктах не ощущалось. В Одессе Мэйплз был поражен отношением к немецким военнопленным: «Они имели превосходный вид, здоровые, с хорошим питанием... Такое впечатление, что к ним относятся лучше, чем к самим русским».

Другим внимательным наблюдателем был кэптен С.Б. Френкель, которому в 1947 г. посчастливилось сделать две поездки. В марте он организовал поездку в Ригу вместе с дипломатом из Швеции и вернулся оттуда в Москву через Таллин и Ленинград. Он обратил внимание на две сотни советских граждан, стоявших на перроне без билетов и с признаками недоедания; скорей всего, они искали продукты. Живший в Риге с 1936 г. по

1938 г. Френкель отметил, что главным изменением в городе стало перемещение населения и что русские составляют от шестидесяти до семидесяти процентов населения. Латыши, оставшись очень малой частью горожан, не имели надежды на будущее, за исключением «аккуратной борьбы за освобождение». Новый класс советских граждан свысока поглядывал на латышей, не принимавших «гораздо более передовую советскую культуру». Продолжительность пребывания Френкеля в Риге была урезана НКВД. Как он объяснял, «мне не удалось найти в номере записывающего устройства, но я дважды ловил горничную, которая подслушивала за дверью». Четыре раза его фотоаппарат, спрятанный в пакете, фотографировал пару незнакомцев, которые дважды приходили в его гостиничный номер. Случайная встреча с переводчиком «Интуриста», с которым он был ранее знаком, дала Френкелю возможность загодя узнать, что его заявка на последующую поездку в Таллин и Ленинград отклонена. Получив от НКВД разрешение на съемку, он два дня фотографировал виды города и разрушения времен войны, после чего милиционер конфисковал фотопленку. Городские власти формально извинились за милиционера, пообещали вернуть пленку, но так и не вернули.

В том же году Френкель уезжал из Советского Союза. Вместо того чтобы сразу отправиться в США, Френкель предпочел покинуть СССР через советско-турецкую границу, глянув по пути на советскую республику Армения. Там, недалеко от границы с Турцией, он видел две группы военнопленных, немцев и японцев, и заметил, что «обе группы хорошо кормят и у них замечательно хорошее чувство юмора». Потом Френкель перешел в Турцию. Он докладывал, что советская граница представляет собой высокую ограду, опутанную колючей проволокой; эта ограда уходит в обе стороны за горизонт. Между советской оградой и такой же оградой с турецкой стороны была ничейная земля, которая — чтобы отчетливо видеть следы возможных нарушителей — была свежевспаханной.

Глава 4 ВОЙНА В КОРЕЕ, 1950-1953 гг.

Вторжение коммунистической Северной Кореи в Южную Корею воскресным утром двадцать пятого июня 1950 г. явилось тактическим и стратегическим сюрпризом для американцев. Оно произошло всего через год после испытания первой советской атомной бомбы. Последовавшая за испытаниями война в Корее резко меняла динамику отношений между Востоком и Западом, и многие опасались, что она может перерасти в Третью мировую войну.

Внезапное нападение явилось ударом и по первому директору ЦРУ контр-адмиралу Роско Хилленкоттеру, который за девять лет до этого уже пережил одну неожиданную атаку, которой была атака японцами Перл-Харбора. Вскоре после нападения северных корейцев адмирала сняли с должности и сделали козлом отпущения из-за ошибочной оценки обстановки высшим руководством. В действительности же агенты ЦРУ в Северной Корее докладывали об имевшем там место усиленном перемещении войск и наращивании танковой группировки, что дало ЦРУ основания предупредить сотрудников аппарата президента Г. Трумэна за пять дней до наступления северных корейцев. Однако тогдашние усилия американской разведки в Азии фокусировались на Советском Союзе, поэтому предупреждение ЦРУ просто проигнорировали.

Недоверие к предупреждению недавно образованного ЦРУ было вызвано, в какой-то мере, высокомерием генерала Д. Макартура, верховного Союзного командующего в зоне Тихого океана. Макартур вместе со своим штабом находился в Японии и в вопросах разведки надеялся исключительно на свои силы. С выводом американских войск из Южной Кореи в

1949 г. радиотехническая и радиоразведка американцев против Северной Кореи прекратилась. Впоследствии ЦРУ в своей работе использовало преимущественно агентов бывшего американского Управления стратегических служб (УСС), которые уцелели после поражения националистического Китая. Макартура в то время занимали, в основном, японские коммунисты, и он не испытывал желания поддерживать ЦРУ, которое управляло деятельностью остатков разведывательной сети УСС, все еще посылающей из Китая разведывательную информацию. Седьмой флот США, несмотря на неодобрительное отношение со стороны Макартура, продолжал оказывать поддержку тому, что осталось от разведывательной сети бывшего УСС в Китае.

Сеул, столица Южной Кореи, быстро пал, и Вашингтон, естественно, предположил, что за нападением стоит Москва. После окончания Второй мировой войны Сталин пугал западных союзников в Греции, Турции, Иране, Чехословакии и Берлине. В 1950 г. президент Г. Трумэн сравнил наступление северных корейцев в южном направлении с военной агрессией, напоминающей действия А. Гитлера перед Второй мировой войной. Убежденный в том, что это вторжение может быть начальной кампанией Третьей мировой войны, Трумэн бросил на защиту Южной Кореи и Тайваня сухопутные и морские силы США. При полной поддержке ООН Седьмой флот наносил удары по северокорейским частям, двигавшимся по побережью или по внутренним дорогам, и помогал быстро отступавшим войскам ООН удерживать позиции вокруг порта Пусан, находящегося на юге. Быстрая реакция Трумэна и Седьмого флота, несомненно, удержала китайских коммунистов от давно планировавшегося нападения и высадки десанта на Тайвань, который был убежищем Чан Кайши.

ЧЕРНАЯ БОРОДА НА ПУТИ В ИНЧХОН

Неоспоримая свобода действий Седьмого флота США в Тихом океане позволила генералу Макартуру задержать наступление северных корейцев под Пусаном. В середине сентября он начал смелую десантную операцию на западном фланге северокорейских войск — в порту Инчхон. Громоздкую службу разведки и спецопераций Макартура, которая была известна как Командование по разведывательной деятельности в Корее, пополнили английские силы — добровольцы от королевских ВМС и командос от королевских морских пехотинцев. Потом к ним присоединились 320 добровольцев от сухопутных войск и ВМС США и 300 южных корейцев, из которых была сформирована Группа специальных действий. На борту американской подводной лодки «Перч» («SS-313») и английского фрегата «Уайтеэнд бей» их перебросили в район Кусана, где они совершили рейд, отвлекавший внимание противника от планируемой высадки в Инчхоне. Одновременно, в результате непрерывных полетов на фото- и радиотехническую разведку в район Инчхона было вскрыто местоположение РЛС противника, которые были уничтожены ударами авиации и кораблей.

Однако самая ответственная операция по добыванию информации для ВМС выполнялась на суше лейтенантом ВМС США Э.Ф. Кларком, добровольцем из аппарата разведки генерала Макартура. Вскоре за вылазку на вражеский берег с группой из 150 южных корейцев ему дадут прозвище «Черная борода». Старший историк ВМС США Э. Маролла так описывает действия Кларка во время той решающей десантной операции: «Лишь только эта армада кораблей ранним утром пятнадцатого сентября приблизилась к узкому проливу, ведущему в Инчхон, на верхушке маяка, который до этого бездействовал, блеснул огонек. В здании маяка находился лейтенант Э.Ф. Кларк, с начала месяца действовавший в тылу противника и выполнявший рискованную разведывательную задачу. Смелый и находчивый морской офицер вместе с еще одним американцем и небольшой группой южных корейцев был высажен на соседний остров Йонхындо для разведки местных приливов, течений и сбора другой информации, могущей быть полезной для планируемой десантной операции. Кларк и его подчиненные занимались сбором требуемой информации, выдержали небольшой морской бой с коммунистами, в ходе которого две

лодки противника были уничтожены точным огнем пулеметов, и отремонтировали маяк. Противник захватил Йонхындо, пленил и казнил пятьдесят жителей деревни, которые оказали помощь американцам и южным корейцам. Но «Черная борода из Йонхындо», как вскоре прозвали Кларка, отомстил врагу, выполнив свою очень важную задачу». После нескольких дней кровопролитных боев союзные войска быстро взяли Инчхон, стали продвигаться вглубь страны и отбили у противника Сеул. В результате инчхонской десантной операции войска северокорейской армии были большей частью уничтожены, Южная Корея была освобождена, а войска ООН вступили на территорию Северной Кореи и заняли ее столицу Пхеньян. В этом городе на территории советского посольства и на аэродроме были найдены несколько предметов, относящихся к имуществу ВМС США, — радио- и электроприборы а также находящийся в деревянной таре реактивный двигатель самолета «Ф-80». Это имущество было подготовлено к отправке в СССР. Советская разведка оказалась застигнутой врасплох фланговым маневром союзных войск. В плен к американцам попали несколько северокорейских чиновников, в числе которых были сотрудники корейско-советской судоходной компании «Мортранс». Эти сотрудники компании несколько раз посещали Дайрен и Владивосток и могли дать ценную информацию на случай вероятного распространения боевых действий на территорию, контролируруемую Советами.

Генерал Макартур спланировал еще одну десантную операцию, на этот раз в Вонсане, который находится на побережье Японского моря. Однако северные корейцы на входе в гавань сумели установить от двух до четырех тысяч магнитных и контактных мин советского производства, на которых подорвались и затонули несколько минных тральщиков союзников. И все-таки американская 1-я дивизия морской пехоты 25.10.1950 г. высадилась на берег и стала выдвигаться к реке Ялуцзян. Через две недели она столкнулась с силами китайских так называемых добровольцев, которые вынудили растянувшиеся части сухопутных войск, морской пехоты и южных корейцев отступить к побережью и, под прикрытием авиации Седьмого флота, начать грузиться на корабли. К сочельнику (24.12) 1950 г. ВМС США завершили операцию по вывозу из Хынгнама 105 000 военнослужащих, 91 000 гражданских беженцев, 350 000 тонн грузов и 17 500 военных автомобилей. Эти части, эвакуированные с побережья Северной Кореи, будут воевать еще два года, стремясь восстановить линию фронта вблизи прежней демилитаризованной зоны и защищая независимость Южной Кореи. В этот период военно-морская разведка сыграет решающую роль в трех сферах деятельности: воздушной и надводной разведке, противоминной борьбе и войне на побережье, а также в противолодочной обороне.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ, ОЦЕНКА НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА И БОЕВОЙ ДУХ ЛЕТЧИКОВ

Хотя американские войска после капитуляции Японии несколько лет находились в оккупированной Южной Корее и произвели там масштабное картографирование, офис военно-морской разведки считал, что на конец 1950 г. знание американскими военными местности было неадекватным:

«Начиная с капитуляции Японии и до вывода наших оккупационных войск и передачи власти корейцам, что составляет примерно сорок пять месяцев, в этом районе побывали тысячи американцев, что, наверное, превышает число всех западных путешественников, когда-либо приезжавших сюда ранее. Имея прекрасные возможности для наблюдения, описания и фотографирования, ни один офицер разведки, служивший в том или ином штабе или командовании, не сделал даже формальной попытки увеличить полезное для нас знание этого района. Как результат, когда северокорейские войска пересекли 38-ю параллель, противостоящие им силы были вынуждены обратиться к старым выпускам журнала «Нэшнл джиогрэфик» — для изучения местности, к фотографиям, заимствованным у путешественников, побывавших здесь до войны, — для определения целей, и лоцманским книгам девятнадцатого века — для поиска информации о побережье».

Из-за оттока квалифицированного персонала после окончания войны в 1945 г. ВМС США испытывали недостаток в офицерах воздушной разведки. Флот был вынужден тесно сотрудничать с ВВС для получения разведанных для бомбардировки железных и автомобильных дорог, туннелей и мостов. Для полетов на фоторазведку ВВС США применяли самолеты «RB-45C», которые базировались в Японии. На самолете стояли четыре реактивных двигателя «J-47A» фирмы «Дженерал электрик», которые давали самолету максимальную скорость 550 миль в час

[10]

— достаточную, чтобы уклониться от реактивных перехватчиков «МиГ-15» советского производства и зачатую пилотируемых советскими же летчиками. Вот рассказ офицера связи ВМС о разведывательном полете над Северной Кореей 26.11.1950 г. на самолете «RB-45C»:

«Он легко, словно чайка, набирает высоту на первом участке маршрута полета на фоторазведку, которая будет выполняться по всей длине реки Ялуцзян... Мы продолжаем набор высоты со скоростью 2000 футов

[11]

в минуту... и над западным побережьем Японии занимаем высоту 30 000 футов, совершая полет на экономичной скорости 493 мили в час... летчик объявляет, что топливо из баков на законцовках крыльев выработано, баки пусты, и крылья теперь точно не просядут! Позади нас на несколько миль тянется инверсионный след, давая истребителям и зенитным батареям противника безошибочную подсказку о нашем самолете... мы входим в туманную облачность, которая скрывает от нас Желтое море... Нам придется сбросить 20 000 футов высоты, если мы хотим сфотографировать аэродром в китайском Аньдуне, который является нашей первой целью. Очевидно, мы представляем не очень важную цель для первого «МиГ-15», поскольку мы пролетаем мимо, а он еще только выполняет взлет. Мы не беспокоимся... Он нас никогда не поймает, и удачливым будет тот летчик «МиГ-15», который сможет увидеть нас в свой прицел, заняв выгодное положение для атаки. Огневые средства противника тоже подвели — зенитных батарей не видно. Северо-восточнее реки Ялуцзян мы выполняем разворот и кружим под бдительным наблюдением оператора нашей РЛС, все время держась нашего берега извилистой реки и делая почти под прямым углом снимки мостов через пограничную реку и маньчжурских аэродромов, которые буквально под рукой... На часах 13:10, прошло ровно 3 часа после взлета. Указатель остатка топлива подсказывает нам, что если мы не предпримем срочных мер, то на подлете к своему аэродрому у нас закончится топливо. Мы поднимаемся на 12 000 футов, занимаем свой эшелон и снижаем скорость до 475 миль в час... Под нами лежит Каназава, это 150 миль к западу от Токио, мы приступаем к снижению и выполняем его со скоростью 2000 футов в минуту. Маленьким белым холмиком далеко позади нас остается Фудзияма, а мы бесшумной молнией на скорости почти 600 миль в час несемся вниз... Время 14:20. Расстояние в 600 морских миль от корейского Чонгипа мы преодолели за 70 минут, из них всего 15 минут было потрачено на последние 150 миль. Стандартный заход на посадку на скорости 140 миль в час и касание — наш полет дальностью 1630 морских миль и общей продолжительностью четыре с половиной часа завершен... Мы почти готовы поверить словам летчика о том, что его остроглазая машина способна, несмотря на самое мощное противодействие противника, сфотографировать все, что угодно, на участке местности длиной 1000 миль».

На второй год войны ударное авианосное соединение ВМС США, УС-77, стало рассчитывать на воздушную фоторазведку, выполняемую, по преимуществу, своими средствами. План фоторазведки командующего УС-77 от 02.05.1951 г. предусматривал фотографирование наиболее важных мостов и аэродромом раз в четыре дня, городов — раз в неделю, и фотографирование с целью оценки ущерба — по возможности, в день нанесения удара. Установка превосходного комплекта фотоаппаратуры «К-25» на четыре

винтовых самолета «АД Скайрейдер», входящих в состав авиационной группы каждого авианосца, привела к улучшению качества фоторазведки и фотографирования с целью оценки ущерба. На подробных панорамных снимках были видны орудия береговой артиллерии и деятельность небольших катеров, что помогало кораблям огневой поддержки в контрбатареинной борьбе с береговой артиллерией противника. Вскоре на карту была нанесена вся северокорейская железнодорожная линия от Вонсана до китайской границы. Памятки по изучению маршрута, в свою очередь, помогали летчикам определять местоположение мостов и избегать огня зенитной артиллерии. Фоторазведка также была инструментом проверки сообщений агентов о целях на территории противника. Фоторазведка, в конце концов, повысила эффективность наступательной тактики авиации и способствовала подъему боевого духа летчиков.

ТАЙНЫЕ, ПОДПОЛЬНЫЕ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОПЕРАЦИИ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОРЕЕ

В начальные месяцы корейской войны координация действий между морскими силами ООН и секретными группами, действовавшими в тылу противника на западном и восточном побережье, была слабой. Имели место несколько случаев обстрела своими кораблями агентов ООН или командос. По ходу войны, для поддержки двух партизанских групп — центра сбора разведывательной информации на острове Йо До и оперативной группы «Кирклэнд» сухопутных войск на острове Нандо — действовавших вдоль восточного побережья Кореи, были разработаны порядок опознавания и графики движения малых плавсредств. Сеть агентов этих групп обеспечивала флот ценной информацией о местных целях, а сами агенты часто действовали как береговые артиллерийские наводчики. Однако одна из самых успешных операций радиоразведки была проведена тайной группой ЦРУ на западном побережье Кореи. В мае 1951 г. переоборудованная и вооруженная джонка, которой командовал бывший мастер-сержант ВВС, перерезала связной кабель, который был проложен из Северной Кореи в Китай. Китайцам пришлось перейти на радиосвязь, которая до конца боевых действий представляла для американцев богатый источник разведывательной информации. В начале 1952 г. другие подпольные группы, действовавшие на западном побережье, были переподчинены начальнику тайных, подпольных и связанных с ними операций в Корее, штаб которого находился в Сеуле. Захваченные документы северных корейцев свидетельствуют о моральном эффекте, который давали обстрелы Седьмым флотом США побережья Кореи, и подчеркивают значение минной войны против морских сил союзников:

«День за днем жестокие империалисты-черты нарушают территориальные воды нашей страны своим хорошо подготовленным флотом и жестоко терроризируют мирные города и порты бомбардировками с моря. Проявляя массовый героизм, морские части наших доблестных народных вооруженных сил на морских просторах ведут жестокое сражение, равного которому не было в мировой истории. Автор подготовил эту небольшую статью с намерением дать читателям общие сведения о минах, которые широко применяются нашими морскими частями против морских частей противника и которые нанесли большой урон его судам». (Ким Вон Му. О морских минах. «Военные знания», июнь 1951 г. Управление военной печати министерства национальной обороны, Северная Корея). Допросы военнопленных давали отрывочную информацию тактического значения о северокорейском флоте. Но допросы, которые проводились преимущественно офицерами разведки сухопутных войск, имели неудовлетворительную перспективу для ВМС. К маю 1951 г. были обработаны материалы допросов двухсот военнопленных, но в них не было ничего такого, что могло бы представлять интерес для ВМС США, а ведь некоторые военнопленные когда-то проживали в портовых городах Северной Кореи или проезжали их. В октябре того же года офис военно-морской разведки организовал проведение допросов на суше, и командующий ВМС США на Дальнем Востоке начал получать конкретные результаты. К тому времени северные корейцы установили в водах Южной Кореи более

тысячи мин советского производства; мины ставились с джонок, которые были оборудованы специальными стойками для их транспортировки. На установленных минных полях находились преимущественно советские якорные контактные мины типа «М-26» и «М-КБ». Из допросов военнопленных выяснилось, что эти мины доставлялись в порты Северной Кореи на джонках, каждая из которых могла перевозить десять мин. И все-таки большинство материалов по допросам военнопленных были, по сути, пустышками. К таким случаям относится допрос лейтенанта Хан Хо, старшего штурмана 1-й флотилии северокорейского флота, воинская часть № 599. На самом деле он оказался офицером медицинской службы и показал — или сумел показать — очень слабое знание организации и вооружения своей части, которая была вооружена бывшими советскими охотниками за подводными лодками класса «МО». Захваченные в качестве трофеев документы той же части содержали гораздо больше информации, чем материалы допроса Хан Хо. В них было полное описание и технические характеристики торпедных катеров класса «Г-5» советского производства, а также приводились данные о потерях, понесенных в предшествующих боях. В них также была интересная (с точки зрения разведки) хроника прошлых боевых действий части при ее базировании в Вонсане, и даже советское наставление по тактике действий торпедных катеров. Офицеры разведки сухопутных войск США, производившие допросы пленных, упустили реальную возможность предупредить о минной угрозе, не сообщив действующим силам американского флота координаты минного поля, о которых стало известно в результате допроса.

СЛУЧАЙ С КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТОМ КИМ ЧУНГ УК

В конце концов летом 1952 г. ВМС США заполучили себе самого ценного перебежчика. Капитан-лейтенант Ким Чунг Ук был, наверное, самым ценным офицером северокорейского флота, добровольно предоставившим информацию силам ООН. В результате его допроса было получено заблаговременное предупреждение о наращивании сил торпедной флотилии Северной Кореи на восточном побережье полуострова. Ким Чунг Ук учился в военно-морской академии в Вонсане с июля 1947 г. по октябрь 1949 г., и по окончании академии ему было присвоено звание лейтенанта. С октября 1949 г. по апрель 1950 г. он проходил службу на ВМБ Вонсан в качестве офицера-артиллериста на минных тральщиках. В апреле 1950 г. он получил звание капитан-лейтенанта и был назначен начальником штаба воинской части, оборонявшей Чиннампо. В ноябре 1950 г. он, опасаясь нападения войск ООН, распустил свою часть, был после этого схвачен сотрудниками безопасности северокорейского флота и доставлен для допроса в Аньдун, находившийся на контролируемой Советами территории Маньчжурии. Начальство Кима похлопотало о его освобождении, он был отпущен и вновь назначен в школу специальной подготовки северокорейского флота в Санг Сам Бонг, в которой он проучился до января 1951 г. После этого он был назначен начальником штаба отделения боевой подготовки военно-морского штаба в Тап Донг, а потом стал командиром отдельного батальона, оборонявшего Конвон. С августа 1951 г. по январь 1952 г. он помогал 17-й механизированной дивизии северных корейцев проводить оборонительные мероприятия на случай возможной высадки десанта сил ООН. В этот период Ким и принял решение сдаться в плен силам ООН вместе со своим батальоном. Его замыслы были вскрыты, он был арестован, но сумел бежать и добраться до Пхеньяна. Там он приобрел форму старшего сержанта и, «превратившись» в старшего сержанта Ким Чола из некоей вымышленной части, пристроился служить в северокорейских сухопутных войсках. С февраля по июнь 1952 г. он служил на пункте обмена военнопленными в Пхеньяне, выполняя обязанности снабженца и секретаря политкомиссара. 28 июля он перебрался на территорию, контролируемую силами ООН, и предложил свои услуги. Он говорил уверенно, обладал хорошей памятью и желанием говорить и выдал массу информации.

Военнопленные, которых допрашивали ранее, показывали, что северокорейские торпеды были старых типов, в качестве топлива использовали керосин, не имели головок самонаведения и взрывались только при контакте с целью. Северокорейские торпедные катера, базировавшиеся на Вонсан, относились к катерам советского производства тип «Г-5» и хорошо обслуживались. Ким, однако, сообщил о производимых в СССР магнитных торпедах немецкой конструкции, имевших скорость хода 60 узлов, которыми предполагалось вооружить северокорейские катера, которые должны были вскоре войти в боевой состав флота.

Ким Чунг Ук был в составе группы из тринадцати морских офицеров Северной Кореи, которых направляли в СССР на учебу. По возвращении они должны были стать командирами торпедных катеров во флотилии северокорейских торпедных катеров и командовать катерами советского производства, вооруженными магнитными торпедами. Другая группа морских офицеров, всего 100 человек, проходила обучение в Юджине; по окончании обучения они также должны были получить торпедные катера с магнитными торпедами и воевать против морских сил ООН. Ким сказал, что обучение заканчивалось осенью 1952 г. и, по его мнению, после этого в тактике действий должно было появиться что-то новое. Несмотря на все опровержения Москвы, полученная от Кима информация четко вскрыла советскую вовлеченность в конфликт.

В ходе допросов Кима выяснилось, что советские торпеды поставлялись через Владивосток из Хабаровска. Кроме того, также стало известно, что еще до начала войны, в середине октября 1949 г., около тридцати курсантов-пятикурсников из ленинградской военно-морской академии приезжали в Корею, в Вонсан, и проходили там стажировку на магнитных торпедах. Советские торпедные катера были тихоходными, плоскодонными, более длинными, чем северокорейские катера, и окрашенными в более темный серый цвет, чем катера северных корейцев. Мины хранились «на холме позади углепогрузочной машины» и в деревушке Панггум-Ни. Мины доставлялись из Санг Сам Бона согласно потребностей выполняемой боевой задачи. Сообщение Кима о подготовке торпедных катеров было подтверждено позднее докладом одного из агентов об учениях торпедных катеров вблизи залива Унгги. Усиление действующей воинской части торпедных катеров на восточном побережье Кореи представляло серьезную угрозу для военных кораблей ООН, действовавших в этом районе, и выглядело логичным развитием военного флота Северной Кореи. Ким также рассказал о совместной работе военно-морских разведок Северной Кореи и Советского Союза. Он также дал информацию о гидрографическом пункте в Унгги, в котором работали около двадцати корейцев и несколько советских военных советников, которые занимались изучением военных кораблей ООН, судов различных типов, и оружия.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА СОВЕТСКИМ СУДОХОДСТВОМ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Советская поддержка Северной Кореи и потенциальная угроза на море, о которой было рассказано выше, вынуждали командующего ВМС США на Дальнем Востоке держать под постоянным наблюдением пролив Лаперуза и район Владивостока. В декабре 1950 г. американской подводной лодке «Бесуго» была поставлена задача патрулирования в проливе Лаперуза, однако погодные условия в том районе оказались настолько плохи, что ведение разведки стало малоэффективным, и патрулирование подводными лодками было приостановлено на период зимних месяцев.

С четвертого апреля по шестое декабря 1951 г. сбор разведывательной информации подводными лодками в районе пролива Лаперуза осуществлялся непрерывно. Визуальная и фоторазведка давали много долгожданной информации о советских военных кораблях и маршрутах торговых судов.

Подводные лодки возобновили патрулирование пролива Лаперуза первого марта 1952 г. и завершили его десятого декабря; визуальная и фоторазведка судоходства осуществлялась в

районах к востоку, северу и западу от Хоккайдо. Подводные лодки также докладывали в штаб командующего ВМС США на Дальнем Востоке о морской и воздушной деятельности СССР и коммунистического Китая. В декабре 1952 г. патрулирование с выполнением задач разведки вел в Южно-Китайском море американская ПЛ «Скаббардфиш» («SS-397»). 22.01.1953 г. было возобновлено патрулирование пролива Лаперуза с целью обеспечения непрерывности наблюдения за судоходством и привития экипажам подводных лодок навыков действий в условиях холодной погоды; к патрулированию привлекалась только одна ПЛ «Ремора» («SS-487»). В период с февраля по июль 1953 г. с подводных лодок выполнялись ограниченные операции по высадке десантных и диверсионных групп. Прекращение боевых действий в Корее 27.07.1953 г. не внесло изменений в разведывательные операции подводных лодок. Находившаяся в тот период на патрулировании ПЛ «Помфрит» («SS-391») оставалась в своем оперативном районе до августа, пока не была сменена другой ПЛ («Ронкуилл», «SS-396»).

ОХОТА ЗА ТЕНЬМИ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

С началом боевых действий в 1950 г. самую большую угрозу для Седьмого флота США и флотов их союзников могли представлять советские подводные силы на Тихом океане. В первые дни войны главноком ВМС США в зоне Тихого океана определял общее количество советских подводных лодок, действовавших на Дальнем Востоке, цифрой в семьдесят восемь единиц, и считал их главной опасностью для сил ООН. Позднее отдел военной разведки главного штаба командования на Дальнем Востоке начал собирать данные об объектах, обеспечивавших деятельность советских лодок, и систематизировать информацию, полученную от возвращающихся из СССР домой бывших японских военнопленных. Как это ни удивительно, эти японские репатрианты дали 99% информации касательно объектов обеспечения деятельности советских подводных лодок на Тихом океане. На борту судов, которые везли их домой из СССР, бывшие пленные заполняли специальные бланки, которые затем обрабатывались опросными группами. Те лица, чьи бланки вызвали интерес и которые имели в основном технические специальности, подвергались последующему тщательному опросу. Результаты опросов относительно портов передавались затем для анализа в Союзнический отдел устных и письменных переводов. Те из бывших военнопленных, которые, как показалось из предварительных опросов, обладали важной информацией, вызывались на второе детальное собеседование, которое длилось примерно восемь часов. В конце 1940-х годов примерно 300 японских военнопленных работали на советской базе подводных лодок в заливе Улисс во Владивостоке. Дополнительно к этим людям 350 человек находились в заключении и трудились на металлургическом заводе «Металлист», расположенном северо-западнее Владивостока. Еще 200 человек работали на ремонтном предприятии «Дальзавод», из них 50 человек занимали ответственные должности в механических мастерских; наконец, еще 200 человек работали в сухом доке и верфи «Дальстрой», которые находились во владивостокской бухте Золотой Рог. Для подготовки детальной справки по этим двум предприятиям потребовалось обработать опросные листы не менее тридцати четырех бывших военнопленных. Три человека оказались в состоянии сообщить местоположение четырех подземных бетонных пакгаузов для хранения торпед, которые находились примерно в пяти милях северо-восточнее Владивостока. Трое других рассказали, что на базе подводных лодок в заливе Улисс они видели туннель для складирования магнитных мин; поблизости от него располагалось еще одно подземное хранилище для мин. Аналогичные доклады были получены и по другим объектам обеспечения деятельности подводных лодок Тихоокеанского флота, например, в Советской Гавани, где в 1947 г. работали 750 японских заключенных. Двадцать девять из них вспомнили и дали описание базы и ее пяти туннелей, ведущих в склон горы и предназначенных для размещения подводных лодок в свободный ото льда период.

Магаданская бухта также могла использоваться как временная база подводных лодок, и, что интересно, один из бывших японских пленных сообщил, что советский флот опасается там саботажа со стороны местных жителей, которые разочаровались в коммунизме.

Основанный на таких точных наблюдениях японцев обобщенный доклад, датированный 10.08.1950 г. и посвященный объектам на территории СССР, обеспечивающим деятельность подводных лодок, а также деятельности этих лодок на Дальнем Востоке, констатировал следующее:

«Имеющаяся информация позволяет идентифицировать сорок пять объектов на советском Дальнем Востоке, из которых двенадцать являются базами подводных лодок или военно-морскими объектами, одиннадцать верфей, девять предприятий по производству подводных боеприпасов или элементов конструкции подводных лодок, плавучий сухой док и один причал для погрузки имущества и вооружения на подводные лодки... По наблюдениям, сделанным в июле 1950 г., советские подводные лодки были отмечены в сорока пяти пунктах советского Дальнего Востока или рядом с этими пунктами, включая Сахалин, Курильские острова, арендованную территорию полуострова Гуандун, Корею и Китай».

С началом корейской войны в Седьмом флоте США был установлен следующий порядок действий сил противолодочной обороны при обнаружении неизвестной подводной лодки: «Неопознанные подводные лодки могут быть атакованы и вытеснены из района любыми средствами в целях самообороны или при выявлении признаков наступательных действий против наших сил. Предыдущий параграф следует понимать таким образом, что длительное нахождение под водой неопознанной подводной лодки на позиции для атаки наших сил, действующих против Северной Кореи или же выполняющих боевую задачу по защите Формозы, считается признаком наступательных действий против наших сил».

За десять месяцев корейской войны вне корейского района действий было отмечено 96 гидроакустических контактов с подводными лодками, за следующие восемь месяцев к ним прибавились еще 88 контактов. Ветераны ВМС США гидроакустики Д.Э. Макэлш и Л.Э. Марч вспоминают, что 28—29.08.1951 г. в Желтом море они в течение двадцати девяти часов поддерживали непрерывный контакт с неустановленной подводной лодкой. В то время советские подводные лодки базировались на маньчжурский Порт-Артур; там же проходили подготовку 275 китайских моряков. Американские ВМС никогда публично не подтверждали факт атаки неопознанной подводной лодки в Желтом море. Боевые действия в Корее официально закончились 27.07.1953 г. подписанием перемирия в Панмынчжоне. За тридцать семь месяцев конфликта несколько не связанных между собой инцидентов повлекли за собой применение оружия американских и британских ВМС по отмеченным контактам с лодками; это заставляло предполагать, что какое-то количество советских лодок были повреждены или затонули.

Уроки противолодочной обороны в ходе войны в Корее были частично подведены в заключительном оценочном докладе Седьмого флота. В нем признавалось, что «эскорт крупных кораблей и групп судов снабжения оказался абсолютно неадекватным возможной угрозе, а радиоэлектронное противодействие и перехват излучений РЛС продолжают оставаться наиболее эффективными средствами начального обнаружения подводных лодок».

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

Сталин сделал своего земляка-грузина Лаврентия Берия заместителем премьер-министра. Берия также выполнял задание генералиссимуса по производству атомного оружия, а как бывший глава НКВД он, через оставшуюся в его подчинении сеть «атомных шпионов», сохранил частичный контроль над советскими органами государственной безопасности. Сын Берии, Серго, даже говорит о том, что Берия отложил испытания водородной бомбы до периода после смерти Сталина, поскольку опасался, что параноидный советский руководитель может обрадоваться и начать мировую войну. Серго вспоминает, что Сталин

приказал Северной Корее начать вторжение, которое стало бы первым шагом к неизбежному Армагеддону, который покончит с капитализмом:

«Маршал А.М. Василевский сказал мне, что он лично составил план нападения на Южную Корею. После первоначальных успехов Генеральный штаб и наши разведывательные службы предупредили Сталина, что следует воздержаться от захвата всей Кореи, т.к. в противном случае нападение Запада не заставит себя ждать... Он еще не чувствовал себя готовым к мировой войне и хотел выиграть время для внесения последних изменений в свои планы. Поэтому ему показалось предпочтительным использовать китайцев. Я в то время работал над ракетами для поражения военных кораблей на дальности 100—150 километров. Эти ракеты могли нести обычный или ядерный заряд... В 1951 г. он решил протянуть руку помощи китайским войскам, которые после весеннего нажима американцев оказались в трудном положении. Он собрал Политбюро и распорядился начать подготовку нескольких частей наших ВВС к отправке в Китай, части должны были быть оснащены этими ракетами... Он хотел применить эти ракеты по американским авианосцам и боевым кораблям. Мне было приятно сознавать, что оружие, сделанное мной, найдет применение, а мой отец четко и громко сказал, что, действуя подобным образом, мы начинаем Третью мировую войну... Мой отец подчеркнул свою мысль, сказав, что мы не можем порвать с Западным миром и что Третья мировая война будет означать конец Европы... Никто из членов Политбюро, даже Хрущев, скажу честно, не хотел войны с Западом... После 1949 г. никто больше не верил в вероятность американской агрессии... Именно тогда американцы организовали утечку информации, и документ, раскрывающий их планы, попал в наши руки. Это было предупреждением, ставящим нас в известность, что любая попытка агрессии с нашей стороны вызовет их ответную реакцию. Мой отец, однако, считал, что попавший к нам документ не был достаточно резким. Надо было что-то большее, чтобы охладить пыл Сталина... В 1952 г. вся страна походила на военный лагерь. Цели Центрального Комитета были абсолютно ясны: мы готовимся к Третьей мировой войне, и эта война будет ядерной. Были мобилизованы все ресурсы страны... Правилom стало то, что новые виды оружия, не пройдя испытаний, запускались в массовое производство. Сталин шел на риск, стремясь выиграть время... Что Сталин считал необходимым, так это захватить Германию, единственную страну в Европе, которая вызывала у него опасения... Все еще не вооруженная, Германия обладала таким опасным экономическим потенциалом, что он полагал за лучшее разрушить его. Где-то в мае 1952 г. он несколько раз вызывал меня к себе и спрашивал, способны ли наши ракеты разрушить мосты через Рейн или стереть с лица земли тот или другой промышленный центр в Германии... Он интересовался, можем ли мы уничтожить дамбы на Рейне... Наша промышленность, выпускающая вооружения, работала тогда как в военное время. Наши приготовления ясно показывали, что мы думали о наступательной войне».

Откровения Серго Берии относительно планов Сталина показывают, что стареющий диктатор хотел на все сто использовать его будущее ядерное оружие и покончить с патовой ситуацией в отношениях Восток—Запад. О подобном катастрофическом исходе думали и руководители Великобритании. Из-за вражды с Китаем они уже опасались потерять Гонконг и считали, что Западная Европа и Ближний Восток недостаточно защищены, чтобы остановить советское вторжение. Более того, как установил историк Р. Олдрич, начальник британской военно-морской разведки вице-адмирал Э. Лонгли-Кук боялся, что Соединенные Штаты могут, без предварительной консультации с правительством Великобритании, нанести со своих баз в Великобритании ядерные удары по СССР. Лонгли-Кук предупреждал премьер-министра У. Черчилля о том, что США всерьез подумывают о том, чтобы нанести ядерный удар по России до того, как она сможет ударить по США: «Многие в Америке смирились с мыслью о том, что война с Россией неизбежна, а в кругах военных наблюдается сильная тенденция "определиться с датой начала войны"». Сомнительно, однако, что через один год американцы смогут совладать с тем франкенштейновским монстром, которого они сейчас создают. Существует явный риск втягивания США в превентивную войну против России, против чего, однако, твердо выступают их союзники по НАТО.

"Давайте используем это сейчас". Американцы то и дело говорят, что "у нас есть бомба, давайте используем ее сейчас, пока баланс сил в нашу пользу. Поскольку война с Россией неизбежна, давайте начнем ее сейчас"».

Лонгли-Кук затем процитировал одного американского генерала, который заявил, что Запад не может позволить себе ждать, когда Америка или Европа будут опустошены советским ядерным ударом. «У нас есть моральное право силой остановить, в случае необходимости, агрессию России, а не дожидаться последствий задержки». Начальник британской военно-морской разведки процитировал и другого американского генерала. Тот сказал, что Америка уже находится в состоянии войны с СССР и что «называем ли мы это «холодной войной» или же применяем какой-то иной термин, для достижения успеха мы не используем единственный способ, который обеспечивает гарантированную победу», и этим способом, рассуждая конкретно, является «как можно скорее начать нападение и ударить по России так сильно, чтобы, по меньшей мере, удержать ее от захвата Европы».

Глава 5 РЕКВИЕМ ЛИНКОРУ, 1955 г.

Взрыв, опрокидывание и уход на дно советского линкора «Новороссийск» с последующей гибелью 609 человек команды, случившийся в Севастополе 29.10.1955 г., был не только крупнейшей мировой военно-морской катастрофой мирного времени, но и началом крупных изменений в советском ВМФ. Несомненно, потеря «Новороссийска» привела в конце концов к снятию с должности ГК ВМФ СССР Николая Кузнецова. Его заменил Сергей Горшков, который четверть века будет оставаться на этой высшей командной должности и выдвинет советский военно-морской флот на первую линию современных мировых атомных флотов.

«Новороссийск» раньше назывался «Юлий Цезарь», его строительство было начато в 1910 г., а в 1949 г. он был передан советскому ВМФ как часть разделенных союзниками по антигитлеровской коалиции военных флотов стран Оси. После капитального ремонта корабль стал флагманом советского Черноморского флота. В роковую ночь его гибели под корпусом произошло один или два взрыва, после чего взорвались носовые пороховые погреба, корабль опрокинулся, став ловушкой для сотен моряков, оказавшихся в подпалубных помещениях. Торопившийся на линкор командующий ЧФ вице-адмирал Пархоменко несколько раз (в 02:32, 02:50 и в 04:00) отклонял предложение контр-адмирала Н.И. Никольского об эвакуации корабля. В 04:14 корабль опрокинулся и осел на илистое дно бухты, глубина которой составляла 17 метров, всего в нескольких сотнях метров от городского причала. И хотя множество попавших в западню моряков стучали изнутри корпуса, подавая звуковые сигналы, четыремя днями позже спасательные команды, прорубив отверстия в корпусе, высвободили только девятерых человек.

Сведения о гибели линкора держались в секрете от общественности в течение тридцати четырех лет. Целая страна, за исключением тех, кто потерял близких родственников, была в неведении относительно катастрофы. Советская система контроля информации охраняла этот секрет настолько тщательно, что даже западные военно-морские разведки имели только отрывочные сведения. В 1958 г. офис военно-морской разведки ВМС США представил доклад о гибели линкора, который частично был основан на показаниях перебежчика Николая Артамонова (подробней о нем в другой главе). В докладе говорилось, что, несмотря на противоречивые свидетельства, следует считать, что линкор перевернулся и затонул 30.10.1955 г:

«Ранним утром тридцатого октября 1955 г., когда катер, доставлявший старших офицеров на берег, подошел к причалу, со стороны «Новороссийска» послышался звук взрыва. На военно-морской базе сыграли сигнал бедствия, и вице-адмирал Пархоменко вернулся на корабль... На борт корабля была наложена заплата, что остановило поступление воды. Было принято решение посадить корабль на мель... Ход корабля сорвал заплату. Вновь началось поступление воды, и в течение очень короткого времени корабль опрокинулся. Очевидно, было много жертв; в одном из сообщений говорится, что из приблизительно 1000 моряков, находившихся на корабле, только около 300 человек, облепившие перевернутый корабль сверху, были спасены... Дополнительное подтверждение было получено от советского военно-морского офицера, бежавшего на Запад в 1957 г.».

В хваленом справочнике «Джейнс» — «Боевые корабли» (выпуск 1957—1958 гг.) появилось следующее известие: «Сообщается, что линкор "Новороссийск" (бывший итальянский "Юлий Цезарь") в октябре 1955 г. подорвался в Черном море на плавучих минах и затонул; список погибших исчисляется сотнями человек». Подробности гибели линкора и проведенного расследования, которое скрывало правду, стали просачиваться в печать 14.05.1988 г., на следующий день после смерти С.Г. Горшкова, который всего за несколько недель до гибели линкора ушел с поста командующего Черноморским флотом и был заменен другим адмиралом. Последующее публичное изучение катастрофы и увидевшие свет свидетельства, которым не давали хода, рассматривали такие причины гибели корабля, которые противоречили выводам официального расследования 1956 г. События, связанные с гибелью «Новороссийска», до сих пор являются предметом дискуссий и расследований, чего никогда не случалось в советской военно-морской истории.

Корабль был заложен в Генуе 24.10.1910 г. Он был готов 02.04.1914 г. и стал первым из трех кораблей этого класса: «Юлий Цезарь», «Леонардо да Винчи» и «Граф Кавур». Позднее были построены еще два корабля, практически ничем не отличавшиеся от своих предшественников; они назывались «Андреа Дориа» и «Каудильо». Это были боевые корабли с самым мощным для своего времени вооружением, и предназначались они для борьбы с наиболее вероятным противником Италии той поры — Австро-Венгрией. Целый класс этих линкоров имеет трагическую судьбу — они погибли все до одного.

В качестве военных репараций линкор «Юлий Цезарь» был передан Италией советскому ВМФ в албанском порту Влора 3 февраля 1949 г. Небольшая рабочая группа бывших итальянских матросов и работников верфи, оставшаяся на борту корабля до его передачи, делала свою работу молча и, казалось, на дух не переносила Советы. Обидчивые итальянцы были недовольны передачей своего красавца-линкора Красному флоту, и частенько можно было слышать, как после длинной цепочки непереводимых итальянских ругательств, которые они бормотали себе под нос, следовало «Marina R— ss—»

[12]

. Среди оказавшихся в замешательстве советских матросов пошли слухи, что озлобленные итальянцы заложили взрывчатку в пустоты по всему кораблю, и что она взорвется от вибрации, когда главные двигатели выйдут на критические обороты. Некоторые говорили, что масляные сальники на редукторах главного двигателя намеренно повреждены для того, чтобы трансмиссионное масло понемногу уходило в трюм, что приведет, в свою очередь, к перегреву массивных зубчатых колес и их оплавлению.

Шестого февраля 1949 г. специальная команда, прибывшая из Севастополя, подняла на корабле советский военно-морской вымпел, и бывший «Юлий Цезарь» вошел в состав советского флота. Приемку корабля проводила группа под командованием адмирала Г.И. Левченко. Во время передачи корабля, как было сказано в сообщении 1949 г., написанном на коммунистическом жаргоне, «советские моряки, продемонстрировав высшую степень профессионализма и отваги, устранили серьезные технические трудности, имевшиеся на незнакомом корабле, и быстро подготовили его к переходу в Севастополь. Основная нагрузка по подготовке легла на плечи личного состава инженерного управления,

возглавляемого капитаном 1-го ранга Л.А. Рулевым, который за эту операцию был награжден орденом Красного Знамени и повышен в звании до инженер-контрадмирала. Советский экипаж доверял слухам о кознях итальянцев и старался все проверить. Наконец, 26 февраля, после долгой задержки, костяк экипажа осторожно повел могучий линкор через восточное Средиземноморье, Мраморное море, Дарданеллы и Босфор в Севастополь, главную базу Черноморского флота. Население блистающего белого города, жемчужины Крыма, на восемьдесят пять процентов состояло из русских, которые были окружены морем украинцев и татар. 5 марта корабль получил новое имя, «Новороссийск», и встал в северный сухой док Севастополя для срочного ремонта. Специалисты были в шоке от осмотра корабля. Их не столько поразили действительно элегантные контуры подводной части «Новороссийска», сколько сильнейшие наросты микроорганизмов на подводной части корпуса, возникшие после многих лет пребывания в теплых средиземноморских водах без единой постановки в сухой док. Катушки размагничивания корабля оказались сильно корродированными и в очень плохом состоянии. Тем не менее в августе того же года «Новороссийск» принял участие в маневрах флота. Москва хотела, чтобы НАТО не оставило без внимания выход корабля в море. На самом деле потребовалось еще шесть лет, чтобы провести на нем восемь доработок и установить двадцать четыре 37-мм пушки, оборудование связи, РЛС и турбины, изготовленные в Харькове. В мае 1955 г. корабль вернулся на флот. В октябре он принимал участие в учениях, затем вернулся в порт и 28 октября, накануне драмы, встал на якорь.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ КАПИТАН 1-го РАНГА Н. МУРУ

Капитан первого ранга в отставке доктор технических наук Н.П. Муру написал воспоминания, своего рода отчет из первых рук, о спасении после взрыва. Он был среди тех на борту линкора, кого спасли, а в 1956 г. участвовал в комплексной операции по подъему линкора. В молодые годы Муру служил на офицерских должностях на многих кораблях. Он получил известность, будучи инженером эскадры, которого часто приглашали на помощь другим инженерам для устранения различных проблем по корабельным механизмам. Его поразительная способность находить нестандартные решения при сложных повреждениях механизмов и, в особенности, при повреждениях в подводной части корабля и в борьбе за живучесть, вскоре принесла ему репутацию в масштабах флота и должность в Ленинградском ордена Ленина Высшем военно-морском инженерном училище имени Дзержинского. Он участвовал во многих известных спасательных операциях, таких, как подъем в 1969 г. пропавшей дизельной подводной лодки «С-80» и в попытке подъема и последующем уничтожении ракетного эсминца «Отважный», который взорвался и затонул на Черном море в октябре 1974 г. Будучи капитаном 1-го ранга, последние восемь лет службы, а потом еще десять лет в качестве служащего ВМФ — вплоть до обязательного увольнения из ВМФ в возрасте шестидесяти пяти лет — он преподавал молодым флотским инженерам две дисциплины: остойчивость кораблей и борьба за живучесть.

В 01:30 команда линкора была разбужена мощным толчком, вызванным сильным взрывом на носу корабля. Толчок потряс весь корабль от форштевня до кормы. Моряки с крейсеров, стоявших невдалеке, заметили, что взрыв сопровождался вспышкой света и выбросом сильного дыма черного цвета. Позднее было установлено, что причиной вспышки было возгорание бензина в катере командира линкора, а сильный дым на самом деле представлял из себя большое количество ила, поднятого вертикально вверх со дна моря.

Поначалу подлинную серьезность происшествия осознали только те матросы, которым довелось оказаться в районе взрыва. Те, кто остался в живых после начального взрыва и раздетыми был сброшен со своих коек, отчаянно пытались покинуть быстро заполняемые водой кубрики, покрытые слоем ила и полные дыма и газа. Они лихорадочно пытались пробиться наверх.

Мощный подводный взрыв произошел в носовой части корабля, примерно в 35—40 метрах от форштевня и немного правее осевой линии корабля. Он вызвал разрушение всех

продольных палубных настилов на высоту 16,9 метра, от киля до первой надстроенной палубы надстройки. На главной палубе перед первой башней орудий главного калибра образовалась зияющая дыра (размером 14×4 метра, с рваным металлом, выступающим на 2—3 метра по периметру).

Во время взрыва большой объем донного ила был выброшен на бак и палубы под ним. Как было установлено позднее, после обследования водолазами и затем после подъема корабля, взрыв проделал гигантскую дыру площадью 150 квадратных метров в обшивке корабля по его правому борту. Вся поверхность вокруг дыры была покрыта вмятинами и трещинами. Немедленно после взрыва практически все носовые отсеки и пустоты (от шпангоута № 23 до шпангоута № 50) корабля были затоплены водой. Через отверстия в корпусе морская вода поступала в помещения подготовки боеприпасов и главный артиллерийский погреб. Приняв примерно 3500 кубометров воды, корабль наклонился на нос, и угол наклона постепенно нарастал, поскольку вода через люки на палубе и перегородки проникала в оставшиеся носовые помещения.

Взрыв мгновенно вывел из строя главный генератор. Аварийный дизель-генератор, расположенный в носовой части корабля, также был выведен из строя, и линкор погрузился в полный мрак. Аварийное освещение зажглось только в кормовой части. Благодаря быстрым действиям личного состава инженерной части электропитание было восстановлено в течение 6—8 минут в кормовой части, что обеспечило освещение каждого отсека, за исключением носовых. Аварийные партии со многих соседних кораблей прибыли на помощь экипажу «Новороссийска» сразу же после взрыва. Своих спасателей и офицеров инженерной службы прислали крейсера «Михаил Кутузов», «Куйбышев», «Фрунзе», «Молотов», «Слава» и «Керчь». Командиры поначалу не осознавали всей опасности ситуации, однако некоторые офицеры пытались организовать буксировку поврежденного линкора (кормой вперед) на ближайшую отмель. Комбинация нескольких факторов — затопление верхних отсеков и отсутствие балластной воды во многих отсеках ниже бронированной палубы — привела к потере начальной поперечной остойчивости корабля и усугубила ситуацию. Старшие инженеры сделали попытку вернуть корабль на ровный киль и опять стали перекачивать мазут из цистерн левого борта на правый. Для того чтобы уменьшить угол наклона носа, была также предпринята попытка перекачки топливного мазута из носовых цистерн в кормовые. Когда угол наклона корабля достиг 18—20 градусов, он быстро наклонился влево и опрокинулся килем вверх. Первоначально над поверхностью воды оставалось около 110 метров кормы. Опрокидывание произошло в четыре часа пятнадцать минут двадцать девятого октября — ровно через два часа и сорок четыре минуты после взрыва. Корабль продолжал проседать в ил бухты и к полуночи 29 октября, через восемнадцать часов после опрокидывания, полностью скрылся под водой. Большая часть из 608 погибших скончалась при опрокидывании корабля. Около тысячи человек выловили из воды, а некоторым удалось вплавь добраться до Госпитальной Стенки. Много матросов оказались в воздушных мешках в отсеках опрокинутого корабля, и только девять из них были спасены. Еще семеро вышли наружу через проем, прорубленный в днище корабля.

Через десять часов после того, как корабль затонул, в Севастополь прибыла государственная комиссия во главе с адмиралом В.А. Малышевым из инженерного управления. Малышеву этот корабль был знаком: еще в 1946 г. он предлагал И.В. Сталину не принимать линкор в связи с его неудовлетворительным техническим состоянием. Для изучения технических аспектов катастрофы были созданы две группы специалистов: одна изучала сам взрыв, а вторая анализировала действия моряков в борьбе за живучесть корабля. Ответственными за потери человеческих жизней были признаны командующий ЧФ вице-адмирал Пархоменко, командир дивизии контр-адмирал Никольский, временно исполнявший обязанности командира корабля капитан 2-го ранга Хуршудов и член Военного совета ЧФ контр-адмирал Кулаков. Были сняты с должностей и уволены из вооруженных сил главнокомандующий ВМФ Н.Г. Кузнецов, командующий ЧФ вице-адмирал Пархоменко и командир линкора капитан 1-го ранга Кухта. Другие виновные были понижены в званиях и должностях. «Новороссийск» был поднят 4 мая 1957 г. и вскоре пущен на металлолом. Комиссия пришла к следующим выводам:

— взрыв был внешним;

— взрыв был донным, т.е. взрывчатое вещество не было прикреплено к корпусу корабля, а находилось на дне моря;

— оценивая объем разрушений, причиненных корпусу корабля, взрыв имел силу, эквивалентную 1—2 тоннам динамита.

Государственная комиссия сначала сделала вывод, что причиной взрыва послужили немецкие мины (тип «R»), оставшиеся на дне со времен Второй мировой войны. Признав также, что безопасность севастопольской бухты с 28 на 29 октября оставляла желать лучшего, государственная комиссия отметила, что нельзя исключать и подводный диверсионный акт саботажа.

Офицеры с других кораблей, базировавшихся в Севастополе, и бывшие очевидцами катастрофы, в неофициальной обстановке говорили о том, что причиной взрыва послужила внешняя детонация заряда взрывчатого вещества, заложенного итальянцами между старым корпусом и новым упрочненным носом (что, по слухам, было сделано перед передачей линкора Советскому Союзу). Другие настаивали на двойном взрыве: внешний взрыв, который инициировали подводные пловцы, и последовавшая за ним детонация заряда, заложенного внутри корабля итальянцами. Некоторые утверждали, что взрывчатое вещество было нанесено тонким слоем между двумя обшивками корабля. Было также предположение, что взорвалась целая гирлянда немецких донных мин, оставшихся в бухте со времен войны, эти мины были якобы активированы в тот вечер опусканием якоря левого борта линкора при постановке корабля на бочку.

Муру всю жизнь посвятил изучению катастрофы линкора и операции по его спасению. Цензоры советского ВМФ блокировали любую попытку напечатать материал его исследований, и, как говорит Муру, точно так же поступают сегодня в Санкт-Петербурге бюрократы старой школы, которые препятствуют огласке подробностей военно-морских катастроф советского периода.

Как письменно свидетельствует Муру, вся ответственность за катастрофу лежит на адмирале С. Горшкове. По мнению Муру, причиной взрыва явилось внешнее воздействие на гирлянду немецких донных мин, вызванное якорем левого борта линкора. После того, как примерно в 18:30 накануне дня катастрофы линкор вернулся в бухту из похода и стал швартоваться, по приказу командира корабля был сброшен якорь левого борта, который должен был обеспечить швартовку линкора у буя № 3. На дно, которое представляло собой жидкую грязь поверх твердой шины, ушло примерно пять с половиной метров цепи.

По мнению Муру, контактные взрыватели мин, покоившихся в грязи, были активированы примерно в шесть часов вечера во время швартовки корабля, однако, с учетом их возраста, они сработали медленнее обычного и отстрочили взрыв до половины второго ночи следующих суток. Подтверждением того, что взрыв не был вызван торпедой или миной, специально установленной у борта корабля, является объем грязи, выброшенной вверх и на корабль, где несколько отсеков были покрыты слоем грязи толщиной в несколько сантиметров.

Большая воронка, обнаруженная водолазами на дне моря под носовой частью линкора, также свидетельствует о том, что взрыв произошел гораздо ниже днища корабля. Муру считает, что среди водолазов, участвовавших в спасательной операции, существовали путаница и замешательство, и некоторые из них дважды докладывали об одной и той же воронке, поскольку не сумели правильно определить свое местоположение на дне моря.

Муру объясняет, что необычный крен и опрокидывание корабля на левый борт, случившееся после удара по правому борту и образованию там пробоины, были вызваны отсутствием водонепроницаемости в носовой части линкора и нарастающим затоплением. Последнее, начавшись с правого борта, распространилось и на левый борт, вызывая эффект заполнения свободного пространства, поскольку отсеки левого борта были открыты. Муру свидетельствует, что на слабую готовность к борьбе за живучесть накладывалось и расположение центрального поста борьбы за живучесть (координационный центр борьбы с пожаром и затоплением), который находился гораздо ниже ватерлинии и поэтому был сразу потерян в результате затопления. Быстро отказали также система громкоговорящей связи и основное освещение, что чрезвычайно затруднило действия по борьбе за живучесть.

Устойчивость корабля была еще раньше серьезно нарушена итальянцами, которые в 1937 г.

провели модернизацию линкора и подняли ватерлинию на целых полметра, в результате чего ниже ватерлинии получился один дополнительный отсек. Быстрое затопление помещений подготовки боеприпасов башенных орудий и артиллерийских погребов двух носовых башенных установок главного калибра также способствовали скорому уходу носа корабля под воду. В итоге Муру возлагает ответственность за потерю корабля на командование, не сумевшее немедленно вывести линкор на мелководье. Однако линкор было невозможно сдвинуть, потому что нельзя было ни поднять якорь, ни отсоединить его. Он крепко удерживал нос, хотя имелась возможность использовать главные двигатели, которые находились в двадцатиминутной готовности к работе. Муру отмечает также отсутствие на борту командира линкора капитана 1-го ранга Кухты и старшего инженера (один был в отпуске, другой в увольнении на берегу), что явилось основной причиной неспособности офицерского состава корабля действовать решительно и эффективно бороться с затоплением. Муру не сомневается, что мины были немецкими донными минами; у него имеется свидетельство того, что на следующий год в ходе тщательной очистки севастопольской бухты было обнаружено еще тринадцать мин. Еще три были найдены в 1957 г., из них несколько на расстоянии 50 метров от места гибели линкора. Эти сведения не предавались огласке, т.к. они свидетельствовали о неполной очистке бухты Черноморским флотом, которым командовал адмирал Горшков. Неясные обстоятельства, связанные с гибелью линкора, только временно утаивались в те годы, когда советское правительство подавляло распространение информации о трагическом событии. В советской прессе 14.05.1988 г. проскользнули первые сенсационные сообщения о том, что линкор мог быть потоплен в результате диверсионного акта на борту корабля, выполненного КГБ с целью дискредитации ГК ВМФ Адмирала Флота Кузнецова; и о том, что взрывчатку заложили итальянцы до передачи корабля Советскому Союзу в 1949 г.

ЧЕРНЫЙ КНЯЗЬ

Еще более странной была теория о том, что линкор подвергся нападению итальянских пловцов-диверсантов, которые использовали для передвижения под водой человеко-торпеды. Данная теория основывалась на сомнительных свидетельствах. В соответствии с русской традицией искать следы заговора в наиболее серьезных катастрофических событиях своей истории, многие русские до сих пор уверены, что на самом деле на линкор произошло нападение итальянских подводных пловцов-командос и руководил этим нападением известный подводный диверсант Второй мировой войны и стойкий нацист Валерио Боргезе по прозвищу Черный Князь.

Дебаты на тему «Немецкие мины или итальянские диверсанты» продолжались до 2005 г., когда очередной вероятный очевидец события представил новые свидетельства гибели корабля. Источник, бывший офицер советского ВМФ по фамилии Бар-Бирюков, привел в своей книге важное доказательство того, что диверсионный акт был совершен подпольной группой бывших итальянских диверсантов времен Второй мировой войны под руководством Боргезе. В книге «Час "Икс" для линкора "Новороссийск"» автор утверждает, что он встречался с последним из оставшихся в живых членов группы итальянских пловцов, которые потопили линкор. Он туманно рассказывает (не называя имен) о своей встрече во Флориде в 1996 г. с неким членом группы, который показал ему общую фотографию всей группы.

В своей книге Боргезе публично хвастался знанием своими подчиненными внутренних заливчиков севастопольской бухты — знание, которое они приобрели в 1942 г., помогая немцам в захвате города. В 1941 г. он работал с известной диверсионной группой «Десима» «МАС», которая в том же 1941 г. потопила в Александрии (Египет) британские линкоры «Вэлиэнт» и «Куин Элизабет». Красочное прошлое Боргезе и его открыто высказанное

стремление дать реванш за репарации — передачу его любимого линкора «Юлий Цезарь» ненавистным большевикам — делают его идеальным подозреваемым. Новое свидетельство говорит о том, что нападение на линкор в октябре 1955 г. было серьезным успехом командос. Бар-Бирюков далее утверждает в своей книге, что во время взрыва в данном районе находился не только Боргезе и/или его люди, но и неназванное итальянское торговое судно, с которого был высажен он сам и/или его люди. Судно имело на своем борту крошечную подводную лодку, которая называлась «Пикколо», и вошло в Черное море 21 октября. Пройдя Форос, расположенный к югу от входа в севастопольскую бухту, судно высадило членов диверсионной группы, которые приступили к своей грязной работе. Контакт, о котором заявляет автор, с неназванным членом диверсионной группы в 1996 г., который признался в нападении на линкор, наводит на мысль, что это, скорее всего, была работа итальянской разведки, а не итальянских ВМС. Боргезе, который близок к Д. Энглгтону, позднее ударился в политику и активно старался восстановить монархию в Италии. Боргезе поддерживали члены секретной антикоммунистической сети «Держись в тени», созданной ЦРУ для противодействия советскому влиянию в Италии. Боргезе был выслан в ссылку в Испанию, где и умер 24.08.1974 г., выпив бокал шампанского с неясной датой изготовления. Некоторые говорили, что Боргезе отравили перед его возвращением в Италию. Очевидно, однако, что тайна гибели линкора не умерла вместе с ним. Новые факты подтверждают версию о саботаже, организованном людьми Боргезе, а близость последнего к ЦРУ допускает возможность диверсионного акта.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫВОДЫ

В 1989 г. российские военно-морские историки вели исследовательскую работу со старыми секретными документами, хранившимися в архивах, и раскопали там несколько интересных фактов, относящихся к гибели линкора. И хотя ни один из этих фактов не ведет к заключительному выводу относительно точной причины катастрофы, собранные вместе они показывают, до какой степени русский мозг, освобожденный от многолетнего подавления, цепляется за теорию заговоров. Исследование историков заканчивалось следующими выводами:

— Произошло два взрыва, один под корпусом, другой рядом с ним — а не один взрыв, как зафиксировало первоначальное расследование.

— Взрыв проделал пробоину в носу по правому борту, однако корабль дал крен на левый борт и опрокинулся.

— Эксперты по минам свидетельствуют, что немецкие донные мины, которые, как известно, были поставлены в районе Севастополя и сняты после войны, не могли, если бы они взорвались, проделать две большие воронки под кораблем; как докладывали водолазы, воронки имеют слишком большой диаметр и имеют слишком большую глубину.

— Ни на затонувшем линкоре, ни под ним, ни вокруг него не было обнаружено осколков мин.

— Специалисты по взрывчатым веществам заявляют, что взрыв не имел характеристик удара торпеды.

— Вахтенный офицер, выполнявший свои обязанности в момент взрыва, предположил, что взрыв произошел в неиспользуемых пространствах машинного отделения и высказал догадку, что взрывчатка была заложена туда до приема корабля в 1949 г. от итальянцев.

— Один из переживших взрыв офицеров с нижних палуб утверждал, что перед взрывом он слышал тихое урчание и звук царапанья, что, возможно, могло указывать на присутствие транспортного средства, в котором находились подводные пловцы.

— За месяц до взрыва противоторпедная сеть, охранявшая северную часть бухты, была снята для ремонта.

— Боновое ограждение бухты и противолодочная сеть, охранявшая якорную стоянку «Новороссийска», были открыты вечером накануне взрыва; это было сделано во

исполнение приказа командующего ЧФ С. Горшкова о недопущении задержек с прибытием и отходом кораблей.

— Гидроакустическая станция прослушивания противолодочной борьбы «Сатурн-12», охранявшая подходы к севастопольской бухте, была в день накануне взрыва выключена для проведения ремонтных работ в период с восьми утра до семи вечера и поэтому была не в состоянии обнаружить подводного нарушителя, проникшего в бухту.

— Дежурный патрульный корабль — большой охотник за подводными лодками «БО-427» — в момент взрыва стоял у причала, а не занимался, согласно поставленной задачи, патрулированием бухты.

Эти заново вскрытые факты оспаривают секретные выводы самого первого расследования, проведенного ВМФ, которое в ноябре 1955 г. было поспешно завершено комиссией, возглавляемой Членами Военного совета адмиралами В.А. Малышевым и Н.М. Кулаковым. П. Хухтхаузен опубликовал короткий очерк о гибели линкора «Новороссийск» в первом номере журнала «Военно-морская история» за 1996 г., который издается военно-морским институтом ВМС США. В ответ на публикацию автор получил письмо от сына одного из членов группы пловцов, руководимых В. Боргезе в годы Второй мировой войны. Автор письма утверждал, что его отец никогда бы не принял участия в подобной акции после окончания войны.

Несмотря на свидетельства и контрсвидетельства относительно обстоятельств гибели линкора, определенное сокрытие официальными кругами НАТО действий Боргезе в послевоенное время дает основания для подозрений. Писатели Джек Грин и Алессандро Массиньяни в подробностях описали тот туман, который напускают правительство Италии и официальные лица НАТО, контролирующие основные архивы, в своей книге «Черный князь» и морские дьяволы: история Валерио Боргезе и элитных подразделений «Десима «МАС», которая вышла в 2004 г.

Еще более неожиданным является свидетельство, представленное бывшим офицером КГБ морским пограничником Вячеславом Сергеевым, чей небольшой корабль имел задачу патрулировать крымское побережье. По словам Сергеева, утром следующего дня после взрыва на «Новороссийске» его патрульный корабль был выслан на прочесывание севастопольской бухты на предмет обнаружения чего-нибудь подозрительного. Он и команда его корабля обнаружили магнитную мину, прикрепленную к ближайшему швартовочному бую, у которого должен был швартоваться крейсер «Керчь». Мина была поставлена в положение «на взрыв» с задержкой в 10 дней, т.е. на 7-е ноября — день, когда в Советском Союзе официально праздновалась очередная годовщина Октябрьской революции. Крейсер «Керчь», как и «Новороссийск», был изначально итальянским военным кораблем и назывался «Герцог Эммануэль Фильберто д'Аоста».

СОВЕТЫ НАРАЩИВАЮТ ПОДВОДНУЮ ОБОРОНУ

Вне зависимости от того, что явилось причиной гибели линкора, опасения по поводу возможности новых подобных катастроф вызвали резкий скачок в советских усилиях по подводной обороне, включая разработку специальных датчиков и организацию специальных сил для защиты бухт. В 1953 г. ленинградский Институт изучения акустики «Морфизприбор» начал разработку стационарной подводной системы датчиков для защиты бухт; новая система должна была заменить старые системы, показавшие свою неэффективность. Разработка получила кодовое наименование «Волхов» и после катастрофы с «Новороссийском» стала высшим приоритетом. После завершения государственных испытаний в 1956 г. началось серийное производство «Волхова». После этого один комплект данной системы был развернут на Северном флоте, и второй комплект — на Тихоокеанском флоте. Для защиты Черноморского флота под Феодосией устанавливалась более новая система под названием «Лиман». И все же наиболее впечатляющим было развитие специальных подводных сил.

Советский ВМФ использовал подводных пловцов в годы Второй мировой войны; первая боевая часть пловцов была образована в Ленинграде в 1941 г., ее задачей было ведение разведки немецких войск, осаждавших город. После окончания войны потребность в боевых пловцах сохранилась, и в 1954 г. на Черном море был организован Шестой военно-морской полк подводной разведки. Одним из факторов, заставившим сделать упор на подводную оборону, явилось обнаружение следов ласт неизвестного пловца на пляже вблизи элитного санатория для советских государственных и партийных работников; это открытие вызвало настоящую тревогу и подтвердило опасения относительно того, что НАТО проводит операции специальных сил на советском побережье. В октябре 1956 г. еще один полк подводной разведки, получивший название «Парусники», был образован на Балтике.

В том же году в Портсмуте (Англия) получил известность случай подводного шпионажа, в котором был замешан боевой пловец королевских ВМС командер Крэбб (о нем подробнее рассказывается в другой главе этой книги). Опасения относительно того, что морские дьяволы Черного Князя могли быть причастны к гибели «Новороссийска», послужили еще одним обоснованием для принятия решения на ускоренное развитие подводных разведывательных полков, способных вести как оборонительные, так и наступательные действия. Соответственно, в 1957 г. по приказу министра обороны маршала Жукова были сформированы особые подводные разведывательно-диверсионные части, или части морского спецназа.

Еще один повод к необходимости готовить боевых пловцов появился в июне 1967 г., когда Шестидневная война на Ближнем Востоке застала врасплох Москву и ее ВМФ. Корабли советского ВМФ разных типов находились в Порт-Саиде (Египет), и советское верховное командование вдруг осознало, что советские корабли оказались там беззащитными против возможной подводной атаки израильских специальных сил. Как итог в советском ВМФ был сформирован 1-й противодиверсионный полк, который базировался на Черном море и имел боевую задачу защищать корабли и береговые сооружения от боевых пловцов.

В 1969 г. аналогичные части были сформированы на Северном, Тихоокеанском и Балтийском флотах. Пловцы вооружались кинжалами, подводными автоматами (снаряжаемые иглами длиной около 60 см, которые убивали человека на дистанции от 4,5 до 18 метров) и четырехствольными пистолетами; они также могли действовать в качестве командос и специалистов по снятию мин.

На следующий год ГРУ (Главное разведывательное управление) сформировало свою собственную разведывательно-диверсионную группу, в задачу которой входил сбор разведывательной информации и проведение наступательных операций против иностранных баз. Это элитное подразделение, известное как «Дельфин», подвергало своих сотрудников самым жестким физическим и психологическим испытаниям. Процесс отбора для службы в этой части длился тридцать три недели и включал, в частности, бег на 100 километров с полной боевой выкладкой и еще 10 километров — без выкладки. Как и бойцы американского спецназа («SEAL»), или британские морские пехотинцы («SBS»), или члены французских частей Губерта, новобранцы ГРУ должны были уметь прыгать с парашютом днем и ночью, десантироваться из вертолета, покидать подводную лодку через торпедный аппарат и быть специалистами по взрывчатым веществам. Боевые пловцы «Дельфина» специализировались на конкретных географических районах и проходили в Севастополе специальный учебный курс по борьбе с морскими животными и подводными диверсантами. Их также обучали приемам доставки в порт противника ядерных зарядов весом 27 или 70 килограммов. Эти заряды они могли транспортировать и на миниатюрных подводных лодках «Пиранья». Лодка «Пиранья» могла брать на борт шестерых диверсантов в полном снаряжении. Использовались также подводные спускаемые аппараты «Тритон» и «Тритон-2» и человеко-торпеды типа «Сирена». «Сирена» несла двух диверсантов с их снаряжением и выпускалась в море через торпедный аппарат подводной лодки. Раз в месяц сотрудники «Дельфина» проходили проверку по всем дисциплинам.

В период с 1967 г. по 1991 г. советские боевые пловцы набирали боевой опыт по всему миру, и в особенности в Египте, Анголе, Эфиопии, Мозамбике, на Кубе, во Вьетнаме, в Северной Корее и Никарагуа. Эти государства разрешили советским боевым пловцам действовать на своей территории. Известен случай гибели двух советских пловцов в заливе

Камрань (Вьетнам) во время вьетнамской войны; пловцы пытались заминировать американские торговые суда.

Капитан 1-го ранга Юрий Плященко, бывший командир 1-го полка боевых пловцов Черноморского флота, в 1984 г. находился в Никарагуа. Он вспоминает, что в Никарагуа их задача была гораздо шире, чем просто нырять с кинжалами и пистолетами: «В Никарагуа нам не нужно было ходить под воду. Никарагуанцы хотели, чтобы мы рассказали им, какие водные пути могут быть открыты для коммерческого судоходства. ЧП с минами, случившиеся там, привлекли внимание всего мира, и наш бывший союзник на самом деле стал жертвой минной блокады... Мы объяснили никарагуанцам, как воспрепятствовать операциям по постановке мин и каким образом из буксирных судов сделать тральщики мин. После нашего отъезда подрывов там больше не было».

В 1989 г. пловцы спецназа советского ВМФ оказались в центре внимания мировой прессы, поскольку были задействованы в охране круизного лайнера «Максим Горький», на котором происходила встреча на высшем уровне Михаила Горбачева и Джорджа Буша.

После гибели «Новороссийска» советский ВМФ настойчиво искал и более оригинальные решения для подводной защиты кораблей и выполнения боевых задач. Адмирал Горшков был впечатлен действиями групп американских подводных подрывников во время Второй мировой войны, и он принял решение использовать в подводной войне морских млекопитающих. Впервые подобная идея была предложена еще в годы Первой мировой войны В.Л. Дуровым, основателем династии русских цирковых артистов, который брался подготовить российскому императорскому флоту морских котиков для борьбы с немцами на Балтике. Но Горшкова больше интересовала тактика, примененная американцами в недавней войне во Вьетнаме, — в частности, эффективность обученных американцами дельфинов по защите базы Камрань от диверсантов. Говорили, что дельфины уничтожили пятьдесят вьетнамских пловцов и двух советских спецназовцев. Дельфин, обнаружив пловца, посылал сигнал своему наставнику, который отдавал приказ атаковать цель. После этого дельфин выталкивал пловца на поверхность и делал ему парализующий — и в большинстве случаев смертельный — газовый укол с помощью иглы, укрепленной у него на носу. Такой способ показался Горшкову убедительным, и он распорядился начать работу в этом направлении.

Обучение морских млекопитающих началось в севастопольском дельфинарии в 1967 г. Для подготовки были отобраны семьдесят дельфинов и несколько морских котиков, а руководили проектом исследовательский центр ГРУ и В. Калганов, легендарная фигура советской военно-морской разведки. На первом этапе животных учили подавать сигналы о приближении пловца и обнаруживать объекты на дне моря, а на втором — атаковать пловца и доставлять взрывчатку под надводные корабли и подводные лодки. В 1991 г.

Черноморский флот провел крупное учение, в ходе которого млекопитающие сумели условно повредить двадцать три корабля, т.е. «вывели из строя» шестьдесят процентов кораблей Черноморского флота. Аналогичный тренировочный центр был создан на острове Витязь на Тихом океане, где морских львов обучали применять их зубы для нападения на диверсантов. Морские львы были достаточно сильными, чтобы прокусить акваланг и разорвать подводного пловца. На учениях Тихоокеанского флота в 1989 г. были задействованы обученные морские млекопитающие, которые, как сообщалось, сорвали действия двадцати трех боевых пловцов по выходу в район цели.

После развала Советского Союза основная часть обученных боевым действиям млекопитающих была закуплена Ираном, а черноморский центр обучения отошел к Украине. В наши дни международная конвенция теоретически запрещает использование морских млекопитающих в военных целях.

Военно-морские разведки США и Великобритании были удивлены несомненно плавным переходом власти в СССР, который произошел после смерти Сталина в 1953 г. Шестого марта, через день после смерти Сталина, Георгий Маленков встал во главе партии и правительства. Признаков борьбы за власть не было. В течение года Лаврентий Берия сменил Вячеслава Молотова и стал «человеком № 2», маршал Николай Булганин подвинулся ближе к верхушке власти, маршал Георгий Жуков вновь поднялся при Булганине, а маршал Климент Ворошилов стал номинальным главой правительства. Однако, несмотря на то, что руководство государственным аппаратом оставалось в тех же руках, авторитарная сталинская эра уступила место «мудрому коллективному руководству». После устранения Берии в июне 1954 г. — не исключено, что некоторые опасались, что он согласится на объединение Германии в обмен на согласие Запада прекратить «холодную войну» — Маленков стал больше, чем «равный среди равных», но меньшей мере, до февраля 1955 г. Потом стал доминировать Хрущев: 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии он произнес знаменитую речь с осуждением сталинских преступлений, которые он некогда поддерживал, и нейтрализовал на следующий год своих завистливых соперников.

За те шесть лет, которые последовали после смерти Сталина, Советский Союз начал проводить в отношении Запада так называемую политику мирного сосуществования. Его программа разоружения отразила коренные изменения в военной стратегии и понимание того, что война больше не является способом достижения победы над капитализмом. Обмены визитами военных кораблей помогли снять прежние страхи, однако традиционные колониальные интересы и значительные технические успехи породили новые боязни. Военно-морская разведка оказалась в центре этой дипломатии «холодной войны». Советская антизападная риторика уступила место более мягкому и дружественному тону. Более чем когда-либо раньше Кремль старался дать миру понять, что он надеется найти способ разрешения международных проблем. Во время своего исторического визита в Белград в 1955 г. Булганин и Хрущев признали, что к социализму ведет не только единственная дорога. Однако еще был жив старый аргумент в пользу новой войны, которая будет означать конец капитализма, но не конец человечества. Для маршала Жукова все еще не было разницы между тактическим и стратегическим применением ядерного оружия. Однако Хрущев сделал резкий отход от взглядов Ленина на «неизбежность войны между социалистическими и капиталистическими государствами по мере вступления последних в фазу упадка». По словам Хрущева, «развитие великого лагеря социализма» (китайско-советский блок) и «появление великой зоны мира» (нейтральные государства Азии и других районов земного шара) дало «жизнь силам, способным сдержать воинственные устремления угасающего капитализма». Предполагая, что любое новое государство, только что освободившееся от колониального господства, «автоматически присоединяется к силам мира», Хрущев демонстрировал собственному народу, что капитализм больше не является угрозой.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ДЛЯ НАРОДНЫХ МАСС

Новый советский лидер выказывал стремление провести в жизнь свои планы по масштабному улучшению материального уровня жизни народа и снижению военных расходов. Он объявил о сокращении советских вооруженных сил на более чем шестьсот тысяч человек и выказал заинтересованность в улучшении жилищных условий населения страны. После гибели линкора «Новороссийск» Хрущев снял с должности ГК ВМФ адмирала Н. Кузнецова. Адмиралу не повезло, до этого он уже раз был отстранен Сталиным от должности главнокомандующего за то, что разрешил англичанам ознакомиться с

новейшими технологиями, использованными на захваченной у немцев акустической торпеде. Хрущев позднее вспоминал в своих мемуарах: «Решение проблем морских вооружений флота оказалось трудным. Адмиралы высказывались за надводный флот. Отказываясь от этой программы... мы все испытывали боль. Кузнецов был очаровательным и привлекательным человеком... но когда жизнь сталкивала нас, интересы дела должны были быть поставлены выше дружеских чувств».

Далеко идущие военно-политические планы ВМФ, о которых думали Сталин и Кузнецов, опять уступили место жесткой субординации Генерального штаба, в котором главенствовали генералы-сухопутчики. Чтобы обезглавить флот, Хрущев закрыл Министерство военно-морского флота. В беседе с послом Ее Величества на приеме в Кремле в мае 1956 г. Хрущев поделился «секретом»: он был убежден, что в любой будущей войне флот будет играть очень маленькую роль. За этим откровением последовало сокращение числа представителей ВМФ в составе ЦК КПСС и чисто оборонительная роль, которую отвел флоту министр обороны маршал Жуков в своем выступлении на XX съезде партии.

ОЦЕНИВАЯ РУССКИХ

Западные страны оставались скептически настроенными относительно реальных намерений Москвы. Как разъяснял американский офис военно-морской разведки в марте 1954 г., «для Западного сообщества проблема состоит в том, что необходимо решить, в чем суть изменения — то ли это действительно полное изменение курса, или незначительное отклонение от него, или увертка». Годом позже китайско-американская конфронтация поставила офис военно-морской разведки в трудное положение — едва не предсказать новую войну в Азии, в которой США и страны СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) помогали бы националистическому Китаю Чан Кайши отразить вторжение континентального Китая, поддерживаемого советским ВМФ, на Тайвань. Президент Д. Эйзенхауэр заявил, что для вторжения на Тайвань коммунистам придется сначала одолеть Седьмой флот США. Более того, слухи о том, что китайцы якобы сдали остров Хайнань в аренду Москве, казалось бы, подтверждали намерение китайско-советского блока сделать именно этот шаг: «существует вероятность того, что советские подводные лодки, базирующиеся на Хайнань, при мощном прикрытии советских ВВС, могут нанести такой ущерб американскому флоту, что он окажется приемлемым противником для китайских коммунистов, вынашивающих планы нападения на Тайвань. Величайшая опасность заключается в ситуации, в которой ни одна из сторон, похоже, не блефует».

В марте 1956 г. британское Адмиралтейство выступило с таким комментарием-прогнозом: «единственная последняя надежда для спокойного мира» будет заключаться в том, «чтобы коммунизм в Советском Союзе остепенился и стал консервативной, а не растущей силой». Надежды на падение режима очень слабые, «разве что в результате войны, которая будет, скорее всего, одинаково катастрофична и для свободного мира».

Заявление Хрущева об отправке в резерв 375 военных кораблей было воспринято на Западе как показатель намерения «рационализировать и улучшить общую эффективность Красного ВМФ путем вывода некоторого количества кораблей из состава флота, имеющего много устаревших кораблей и судов», а не свидетельство доброй воли Советского Союза.

Британское Адмиралтейство подтвердило, что строительство крейсеров прекратилось, однако быстрыми темпами продолжается строительство подводных лодок; по расчетам, в 1956 г. было построено 89 подводных лодок, а к 1960 г. планировалось иметь подводный флот в составе пятисот лодок. Подводные силы такого масштаба были бы разрушительными для Великобритании, которой за последние 50 лет уже дважды довелось очень серьезно пострадать от блокады подводными лодками.

На военно-морские круги Запада заявление Хрущева о сокращении морских вооружений впечатление все же произвело. Могло ли быть так, что советское общество предлагало миру

лучший выбор, чем тот, который проповедовало капиталистическое общество? В сентябрьском (1956 г.) выпуске журнала британского Адмиралтейства «Квотерли интеллидженс рипорт», который получали все командования британских ВМС, было даже выражено некоторое восхищение достижениями советской системы образования: «В той степени, в какой коммунистический режим может считать это своей заслугой, следует сказать, что советские образование и пропаганда, по крайней мере, поощрили уважение к культурному наследию прошлого, особенно к классической литературе, и не потворствуют стремлению к коррумпированным формам развлечений и литературы, столь обычным сейчас на Западе».

Отмечая тот факт, что посещающие Советский Союз делегации из стран Запада частенько выносят впечатление о нем как довольно пуританском обществе, «Квотерли интеллидженс рипорт» жестко прошелся по состоянию морали в Советском Союзе и, совсем неожиданно, похвалил коммунистическую партию и врожденную благопристойность русских: «Эротических объявлений и развлечений не существует... Одежда женщин и их общий вид не рассчитаны на то, чтобы очаровывать. Все это оставляет у мимолетного посетителя неверное впечатление... Для большей части советского общества беспорядочные половые связи являются обычным делом... Парки по выходным дням кишат девушками-подростками, которые предлагают себя за небольшую плату... Эти неприятные подробности упомянуты для того, чтобы показать, что в таких делах Советский Союз не может гордиться превосходством перед "порочным" капиталистическим миром... Достоинство, если говорить о чувстве общественного сознания, присуще, кажется, только тем, чья профессия — быть достойным, то есть членам коммунистической партии. Позиция "меня это мало волнует" нигде так широко не распространена, как в Советском Союзе. Постоянная и неблагодарная работа партии заключается в том, чтобы перебороть такую почти всеобщую общественную и моральную апатию... Если у кого-то после прочтения этих строк возникнет в целом достаточно неблагоприятное впечатление, то будет честным добавить к сказанному всего несколько слов о том, что в большинстве случаев повседневной жизни русские по-прежнему являют фундаментальную благопристойность, за которой скрывается много их очевидных моральных недостатков». Именно таким образом военно-морская разведка изучала реальное состояние коммунистического контроля над обществом в Советском Союзе, и в особенности контроль над отдельно взятым гражданином.

ИНЦИДЕНТ С БОЕВЫМ ПЛОВЦОМ

Лозунг «Поступай служить во флот и посмотри мир» не висел на советских призывных пунктах. В отличие от ВМС США, которые демонстрировали свой флаг по всему земному шару, начиная с Французской Ривьеры и кончая западной частью Тихого океана, советский ВМФ всегда оставался в своих собственных домашних водах. Но в период 1953—1957 гг. он выполнил серию примечательных военно-морских визитов, демонстрируя добрую волю нового кремлевского руководства. В июне 1953 г. Советский Союз направил крейсер «Свердлов» на военно-морской праздник по случаю коронации королевы Елизаветы II. В декабре 1954 г. два однотипных крейсера находились с историческим визитом в шведской столице Стокгольме. Потом, 12.10.1955 г., в Портсмут прибыла советская эскадра в составе двух крейсеров («Свердлов» и «Орджоникидзе») и четырех эсминцев класса «Скорый» («Смотрящий», «Сметливый», «Совершенный» и «Способный»); тем временем в Ленинграде с ответным визитом находилась британская эскадра. Командовал советской эскадрой адмирал Арсений Головкин, который в годы Второй мировой войны был командующим советского Северного флота. Британская военно-морская разведка отмечала замечательно дружественную атмосферу протокольных встреч, как сообщал об этом «Квотерли интеллидженс рипорт», «хотя было абсолютно понятно, что простому русскому офицеру или матросу приходилось все время оглядываться на своего комиссара или, как их теперь называют, замполита». Англичане были убеждены, что

многие русские, начиная с командира и кончая простым матросом, были тронуты оказанным им приемом, хотя и сами англичане понимали, что прием, оказанный английской эскадре в Ленинграде, был еще более грандиозным. Английский офицер связи похвалил советских матросов: «Поведение матросов было исключительно примерным: они были веселы, но без лишнего шума, чрезвычайно вежливы и никогда не забывали поблагодарить официантов и официанток, оркестр и т.п... Все были очень дружелюбны с русскими, хотя здешний прием, судя по сообщениям в прессе, не сравнить с тем приемом, которого наши матросы удостоились в Ленинграде». Английские наблюдатели несколько неожиданно для себя отметили, что «и офицеры, и матросы кажутся достаточно счастливыми». Британцы решили, что «это потому, что лучшего они не знают». Кроме присмотра со стороны комиссаров, за советскими матросами приглядывали еще и «люди со стороны», как окрестил их английский офицер связи: «В субботу вечером я заметил двух человек, увлеченных разговором в одной из телефонных будок прямо у выхода из паба, где ужинала советская команда... Я сумел подойти к ним достаточно близко, так, что они не подозревали о моем присутствии, и услышал, что разговор велся на русском языке».

Москва следила за своими матросами. Но Советы, похоже, были не в курсе, что командер (специальный отдел) Л. Крэбб, английский боевой пловец — герой Второй мировой войны, состоящий на службе в добровольном резерве ВМС, кавалер медали «Слава» и «Ордена британской империи», уже сумел провести успешный подводный осмотр корпуса крейсера «Свердлов». Ему помогал его напарник по подводным операциям С. Ноулс. Крейсера класса «Свердлов», обладавшие высокой маневренностью, рассматривались как серьезная угроза силам НАТО и конвоям в северной Атлантике. Начиная с 1950 г. британское Адмиралтейство провело изучение нескольких проектов быстроходных (скорость до 31 узла) эсминцев, вооруженных орудиями, и легких крейсеров (эти проекты были предоставлены британскими судостроительными компаниями), которые должны были превосходить маневренностью советские крейсера типа «Свердлов» в открытом море и нейтрализовать их своими скорострельными орудиями. С. Ноулс рассказал, что во время того ночного погружения под носовую часть советского крейсера он и Крэбб обнаружили круглое отверстие в днище корабля. Ноулс остался у кромки отверстия, а Крэбб забрался внутрь его. Там он увидел большой винт, который, очевидно, мог опускаться и принимать рабочее положение, в котором он давал кораблю дополнительную тягу. После этого осмотра оба пловца исчезли незамеченными.

Летом 1956 г. корабли советского ВМФ опять побывали в европейских странах с визитами, на этот раз в Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Югославии и Албании. Британская разведка опять обратила внимание на замечательно хорошее поведение — «которое можно назвать неестественно хорошим» — советских моряков и «их несомненно высокий моральный дух». Англичане дали такое объяснение этому явлению: «очевидно, тщательно спланированные усилия и специально подготовленные команды кораблей — чтобы произвести действительно хорошее впечатление». Однако самым примечательным явился визит в Портсмут в апреле 1956 г. двух советских премьеров — Н. Хрущева и Н. Булганина на борту крейсера «Орджоникидзе».

Кэптен А.П.В. Норси, английский военно-морской атташе в Москве, должен был сопровождать советских руководителей в ходе их морского путешествия в Портсмут. Как первое со времен Второй мировой войны официальное лицо из западного государства, А.П.В. Норси предстояло глянуть изнутри на Красный флот — в общем-то, невероятное событие для офицера НАТО. В качестве сопровождающего у А.П.В. Норси был капитан 1-го ранга Соловьев; их совместная поездка началась в Балтийске, главной ВМБ Балтийского флота. Перед тем как подняться на борт крейсера, английскому атташе пришлось нанести визит командиру базы. После того как они с командиром выпили несколько обычных тостов, А.П.В. Норси задворками быстро провезли на крейсер — как писал позже А.П.В. Норси, «во избежание огромных толп горожан, которые посчитали своим долгом попрощаться с Булганиным и Хрущевым». Потом А.П.В. Норси закинули на корабль и провели в каюту, где он просидел под замком до тех пор, пока крейсер не вышел в море. В общем, у А.П.В. Норси не было возможности посмотреть в порту другие военные корабли. Он писал об этой поездке так:

«Все путешествие ко мне относились, как к почетному гостю, что имело свои недостатки. Не стоило строить больших иллюзий относительно того, чтобы толком осмотреть предмет, который тебя сильно заинтересовал. Мне сказали, что мне покажут любую часть корабля, которая мне понравится, но, в конце концов, все машинные отделения абсолютно похожи друг на друга! Я всегда был в компании своего ментора, правда, к счастью, мы жили в разных каютах, и мне иногда разрешалось воспользоваться уединенностью моей каюты, чтобы «отдохнуть». У него был также неиссякаемый запас коньяка, который заполнит то время, когда он не мог придумать другого способа, чтобы развлечь меня. Как бы случайно, за дверью моей каюты всегда находился вестовой, так что уйти далеко я не мог». Наверное, А.П.В. Норси оказался в не совсем выгодном положении для сбора разведывательной информации о технических характеристиках того класса крейсеров, который Хрущев убрал как бесполезный. Но взамен А.П.В. Норси наслаждался редким случаем быть вблизи советского руководства и составить о нем свое личное впечатление:

«У меня был продолжительный разговор с Булганиным и Хрущевым, с последним в особенности, однажды вечером я ужинал с ними за одним столом, и присутствовал на праздновании дня рождения Хрущева. Ужин был самым интересным событием. Булганин оказался простым и очаровательным хозяином, очень добродушным, он все время следил, чтобы моя тарелка и бокал были наполнены. К тому времени Хрущев потерял ко мне интерес и рассказывал много скучных историй из серии "когда я был в...". Тем не менее, мне показалось, что он был высокого мнения о тех гражданах западных государств, с которыми он встречался в УНРРА [13]

. Туполев был заводилой компании и развлекал всех длинными и немного сомнительными историями, суть которых обычно заключалась вне моего знания русского языка, и которые приходилось переводить Сергею Хрущеву (сыну Н.С. Хрущева). Как бы то ни было, сам Туполев смеялся так много, что их смысл был почти непонятен. Моя "тень" сопровождала меня и была почти патетически благодарна за то, что, благодаря мне, он удостоился чести находиться за одним столом с великими людьми. Меня удивило, что отсутствовал адмирал, наверное, в силу большой занятости».

Поскольку Хрущев решил ввести самообслуживание в советских военных столовых и ресторанах, он очень заинтересовался рассказом кэптана Л.П.В. Норси о современной системе столовых в британских королевских ВМС. Англичанин решил было, что его рассказ окажет влияние на будущую систему самообслуживания в столовых по всему Советскому Союзу: «Я думаю, что мы можем наблюдать перемены». По военным вопросам Хрущев производил впечатление откровенного человека: он заверил кэптана А.П.В. Норси в том, «русские не собираются строить авианосцы, поскольку их корабли, играющие чисто оборонительную роль, никогда не окажутся вне зоны прикрытия береговой авиации». Хрущев пояснил далее, что авианосцы «дорога и уязвимы как для удара с воздуха, так и из-под воды». Он сделал упор на важном значении подводного флота для Советского Союза: «Подводные лодки, надлежащим образом вооруженные управляемыми ракетами, являются тем, что больше всего необходимо для нашей обороны. Они смогут нанести по США чисто оборонительный удар». По словам Хрущева, «такова линия, которой мы собираемся следовать». По мнению А.П.В. Норси, «мистер Хрущев показался мне полностью околдованным возможностями управляемых ракет в любом качестве». За исключением тех случаев, когда А.П.В. Норси обедал вместе с советскими руководителями, он питался в кают-компаниях вместе со своим советским сопровождающим и другими старшими офицерами, от которых он надеялся узнать больше, чем он дал им, рассказав о системе питания в британских королевских ВМС: «Мое общее впечатление от поездки таково: чтобы они ни делали, они делали очень хорошо, однако им не довелось делать что-то чересчур трудное». Весь корабль был исключительно чист, хотя его никоим образом нельзя было назвать «опрятным». В своем докладе кэптан А.П.В. Норси описал отношения по командной линии, указав, что управление кораблями чересчур централизовано и большинство решений принимаются

адмиралом. Он познакомился с командиром корабля, который оказался «приятным, но удивительно молодым офицером». Офицерский состав корабля показался ему «чистым, красивым, остроумным, очень энергичным, очень уверенным и опять же — очень молодым». «Самым поразительным впечатлением» кэптана А.П.В. Норси была «уверенность, как в себе, так и в своем деле», которую демонстрировали офицеры и матросы. А.П.В. Норси увидел в этом характерную коммунистическую черту и естественный результат многолетнего прослушивания пропаганды. Он нашел дисциплину очень строгой, однако, опять же, был под впечатлением способности офицеров и матросов расслабляться в условиях этой дисциплины и становиться всем вместе «почти товарищами». Что касается комиссара, то «он был говнюком, и никакое другое слово к нему не подходит». Кэптен А.П.В. Норси писал в заключение о своей поездке: «Я попробовал приподнять уголок этого особого «железного занавеса» и взглянуть на то, как действует российский ВМФ и на его возможные недостатки». Кэптен А.П.В. Норси обратил внимание, что сигналы управления передавались световым семафором, а команды на маневрирование — с помощью сигнальных вымпелов. И действительно, советская эскадра все три дня похода до Портсмута двигалась в режиме строгого радиомолчания и не включала бортовые РЛС. Станции радио и радиотехнической разведки НАТО не обнаружили никакого электромагнитного излучения, исходящего от советских кораблей. В обычных условиях перехват радио и других электромагнитных излучений позволяет береговым станциям определять местоположение кораблей путем пеленгования.

Государственный визит Н. Булганина и Н. Хрущева прошел чрезвычайно успешно. Советские руководители были приняты королевой и премьер-министром Энтони Иденом и в ходе своего десятидневного визита совершили длительную поездку по стране. Первый лорд Адмиралтейства пригласил их на прием в военно-морской колледж в Гринвиче. Хрущев открыто излагал свои военно-морские взгляды: «Я выступил с речью, в которой категорически высказался в пользу ядерных ракетных сил и подчеркнул превосходство ракет и самолетов, оснащенных ракетами, над надводным флотом... Я воспользовался выражением «плавающие гробы».

БОЛЬШЕ ДЕЛ, МЕНЬШЕ СЛОВ

В половине восьмого утра 19 апреля трое советских матросов заметили пловца, плывущего между находящимися с визитом кораблями, пришвартованными у пристани Саут Ривер. Пловец был в легководолазном костюме и в ластах; он пробыл на поверхности 1—2 минуты, после чего снова нырнул под эсминец «Смотрящий». Командующий советской эскадрой проинформировал об этом начальника штаба ВМБ Портсмут. Последний категорически опроверг вероятность нахождения любого водолаза вблизи советских кораблей и заявил, что на тот момент не проводится никаких подводных операций. 29 апреля Адмиралтейство заявило, что во время испытаний секретного подводного аппарата в бухте Стоук в Портсмуте пропал командер Крэгг. Британская пресса писала тогда, что на самом деле британское военно-морское командование проводило в Портсмуте секретные испытания, связанные с нырянием, вблизи стоявших на якоре советских кораблей.

4 мая советское посольство в Лондоне потребовало у британского МИДа разъяснений. Через четыре дня британский МИД признал, что «пловцом, предположительно, был командер Крэбб» и что «его приближение к эсминцам было абсолютно несанкционированным». МИД добавил в заключение, что «правительство её Величества намеревалось выразить сожаление по поводу данного инцидента».

9 мая в палате общин премьер-министру задали несколько вопросов в лоб, на которые он ответил следующим образом: «Раскрытие обстоятельств, при которых командер Крэбб, вероятно, встретил свою смерть, будет не в общественных интересах». Он предположил, что несанкционированная акция была организована секретными службами, и добавил, что

«обычной практикой для министров является ответственность, и я считаю необходимым разъяснить, учитывая особые обстоятельства этого случая, что то, что случилось, произошло без ведома или без согласия министров её Величества. Принимаются надлежащие административные меры».

10 мая британский МИД запросил своего посла в Москве, желательно ли организовывать его личную беседу с Булганиным или же предпринять какие-то другие действия. Посол не одобрил эту идею, отметив, что со дня возвращения из Англии как Булганин, так и Хрущев были чрезвычайно вежливы с ним: «Не далее как вчера вечером Булганин в своей короткой речи в посольстве Чехословакии одобрительно отозвался о своем визите в Соединенное королевство. Это замечание, вкупе с молчанием советской прессы, заставляет меня думать, что они, кажется, не собираются раздувать скандал с пловцом, поэтому нашим девизом должно быть «больше дел, меньше слов».

Советское правительство через прессу все же отреагировало на инцидент. 13 мая в газете «Правда» появилось заявление адмирала Котова о том, что «определенные круги в Великобритании предприняли некоторые действия против советских кораблей, находившихся в Великобритании с визитом доброй воли, что идет вразрез с элементарными нормами гостеприимства».

Посол Англии заметил по поводу статьи, что «отношение было беспристрастным, а комментарий, учитывая обстоятельства и обычные советские стандарты, мягким». Двумя днями позже во время беседы с английским послом ни Булганин, ни ГК ВМФ Н. Кузнецов, все еще занимавший эту должность, не коснулись этого случая. Лондону оставалось только радоваться, что Москва, похоже, желала замолчать инцидент.

ПО СЛЕДАМ КРЭББА

4 июля 1956 г. некий мистер Р. Ламберт в порядке личной инициативы направил в посольство СССР в Лондоне письмо следующего содержания:

«Уважаемый сэр,

В сегодняшнем выпуске «Ивнинг ньюс» сообщили, что командер Крэбб находится в России в заключении. Если это правда, могу ли я предложить вам немедленно вернуть его в Англию и поспособствовать тем самым укреплению доброй воли, возникшей в ходе недавнего визита российской делегации.

Если ваша следующая делегация доброй воли прибудет сюда на обычном пассажирском лайнере, вы сможете пригласить всех водолазов и секретных агентов Великобритании тщательно осмотреть его, что снимет завесу секретности и еще больше укрепит добрую волю.

Они смогут даже снять очки, если таковые будут, и отметить это событие водкой — или, что даже лучше, апельсиновым сквошем.

Да восторжествует истина,

Искренне Ваш,

Р.М. Ламберт

Копии: премьер-министру, МВД, архиепископу Кентерберийскому, посольству США».

Вот уже больше полувека, прошедшего с того случая, ходят рассказы о том, что пловец-герой Второй мировой войны был насильно доставлен в Советский Союз. Власти заявляли, что обезглавленное тело, найденное в 1957 г. близ Чичестера, что к юго-востоку от Портсмута, было останками Крэбба по прозвищу Здоровяк. Врач-патологоанатом констатировал, что тело пробыло в воде от шести до четырнадцати месяцев. Но не все в это верят. В 1960 г. вышла книга, которая, возможно, основана на советских источниках; в ней говорится, что после «промывки мозгов» Крэбб под именем Льва Кораблева стал работать на советский Красный флот инструктором по подводному плаванию.

В том же году командер Д.С. Керанс, член парламента от Харт-пула, вновь поднял этот вопрос, заявив: «Я убежден, что командер Лайонел Крэбб жив и находится в руках

русских — правительство должно опять заняться этим случаем». В 1964 г. Маркус Липтон, тоже член парламента, обращался по этому поводу к премьер-министру Гарольду Вильсону, но напрасно. В 1967 г. всплыло сообщение, что Крэбба видели в санатории в Чехословакии.

Ближе к нашим дням, в 1990 г., израильский журналист Игал Серена беседовал с эмигрантом из России по имени Иосиф Цверкин, который заявил, что работал на советскую военно-морскую разведку и в 1950-х годах нелегально проживал в Англии. Иосиф Цверкин дает такую интерпретацию того случая:

«Вахтенный, находившийся на высоте 20 метров от воды, заметил Крэбба, когда тот плыл в воде рядом с кораблем. Был отдан приказ обследовать воду, а двум человекам на палубе выдали малокалиберные снайперские винтовки. Один из них был простым матросом, а второй офицером в лейтенантском звании, который командовал артиллерийским расчетом на корабле и был отличным стрелком. Крэбб нырнул рядом с катером, потом выскочил на поверхность и поплыл — возможно, из-за отравления воздухом. Лейтенант выстрелил ему в голову и убил его. Он утонул. Все рассказы о том, что мы его поймали или что он был русским разведчиком, не соответствуют истине».

Этот рассказ выглядит наиболее правдоподобным, однако ему не хватает подтверждающих доказательств. То же самое можно сказать и об истории, напечатанной 16.11.2007 г. в лондонской «Тайме». Там, со слов другого русского по имени Кольцов, говорится, что последний был водолазом, охранявшим советскую эскадру и что он якобы ножом перерезал Крэббу горло. Эти две истории не противоречат друг другу или более ранней теории, основанной на показаниях изобличенного английского предателя Гарри Хаутона и перебежчика из КГБ Анатолия Голицына. Они оба говорили, что операцию с водолазом выдал «крот» КГБ, работавший в МИ-6, и Крэбб попал в засаду. По словам Гарри Хаутона, его куратор сказал ему, что Крэбб умер от отравления кислородом после того, как его подняли на борт крейсера. Эту информацию для правдоподобия могли подкинуть Хаутону на тот случай, когда его схватят англичане, что в конце концов и произошло.

19 января 2007 г. бывший коллега Крэбба и бывший пловец С. Ноулс рассказал в программе Би-би-си «Изнутри», что британские власти оказывали на него нажим, с тем чтобы он чтобы опознал в теле, найденном в Чичестере, Крэбба: «У Крэбба на ноге был специфический шрам, который он получил, ныряя рядом с колючей проволокой. На найденном теле такого шрама не было». Ноулс также сказал, что он докладывал в МИ-5 о том безрадостном существовании, которое вел Крэбб после увольнения из королевских ВМС: только что разойдясь с женой, Крэбб жил в каком-то фургоне, без пенни в кармане, подавленный, запойный и, по словам Ноулса, отпускающим шуточки насчет бегства в «чертову Россию».

Остается фактом, что МИ-6 поручила Крэббу повторно обследовать корпус крейсера класса «Свердлов» и что прославленный пловец, похоже, был этому рад. По иронии судьбы, Кремль стал рассматривать крейсера как дорогостоящие плавучие гробы, и Хрущев приказал изучить вопрос о возможности переоборудования других крейсеров, еще находящихся на стадии строительства, в пассажирские суда, плавучие рыбзаводы или плавучие гостиницы. Но британская разведка была пока не готова сбрасывать их со счета, и Крэбб за это заплатил.

ТРЕВОЖНЫЙ СУЭЦ

Предвкушаемый «достаточно длительный период мира» не мог длиться бесконечно. Менее чем через месяц после завершения удачного визита советских премьеров в Великобританию разразился новый кризис, породив цепочку событий, вынудивших Кремль пригрозить Лондону и Парижу ядерным ударом.

16 мая 1956 г. египетский президент Гамаль Абдель Насер официально признал Китайскую Народную Республику. Вашингтон отреагировал на это прекращением финансовой поддержки проекта Асуанской плотины, на что Насер десятью днями позже ответил

национализацией Суэцкого канала, принадлежавшего Англии и Франции. Для Лондона и Парижа как бездействие, так и военная интервенция грозили потерей престижа в регионе. Франция хотела, чтобы Насер сократил свою поддержку алжирским повстанцам, а как путь к нефти и колониям Суэцкий канал был нужен и Франции, и Англии. По прямой аналогии с событиями 1930-х годов, Лондон и Париж подписали секретное соглашение с Израилем и затеяли рискованную операцию. Вашингтон не мог согласиться с англо-французской интервенцией, которая могла заставить арабский мир сблизиться с советско-китайским блоком, однако в случае советского нападения на Англию и Францию Вашингтон был бы вынужден остановить Кремль.

Начиная с августа французский военный атташе в Египте кэптен Понсэ неоднократно докладывал о настроениях разочарованности среди насеровских офицеров и требовал, чтобы морская авиация разрушила радиостанцию, как очень важную цель, радиостанцию «Радио Каир», а также аэродромы, корабли ВМС и еще несколько объектов, которые он укажет для того, чтобы сократить потери среди гражданского населения. Более того, посол Эфиопии конфиденциально заверил Понсэ, что СССР и Сирия уже не так сильно поддерживают Египет. Второе Бюро в Париже, исходя из варианта «худшего развития событий», представило ужасающие цифры военных кораблей, которые способен развернуть Советский Союз, и французы упустили возможность сместить Насера.

Военно-морская разведка США играла ключевую роль в помощи Франции и Англии по отслеживанию поставок оружия в Египет и перемещения подводных лодок, которое могло предшествовать советскому вторжению. Соединенные Штаты, умело манипулируя своими данными о перемещениях советских подводных лодок, «пугали» англичан и французов. 31 августа круги НАТО впервые сообщили о трех подводных лодках на выходе из Балтийского моря. В последующие две недели американские военно-морские атташе в Париже и Лондоне в инициативном порядке информировали ВМС Франции и Великобритании о том, что в Атлантике отмечены четыре подводные лодки в сопровождении вспомогательного корабля, а южнее Сардинии, прямо в центре Средиземного моря, отмечен контакт патрульного самолета «Нептун» ВМС США, предположительно, с подводной лодкой. Хотя и англичане, и французы предполагали, что американцы хитрят, возможное присутствие советских ПЛ в Средиземном море вызвало испуг у англичан и французов; лодки уже нельзя было сбрасывать со счетов. В последующие дни англо-французские силы зарегистрировали присутствие подводной лодки, скорее всего, не принадлежащей НАТО, вблизи своих кораблей. А в Джибути сначала не поверили сообщению местного рыбака о подводной лодке в йеменском Шейх Сайде. Потом французский офицер заметил в Красном море настоящую подводную лодку. Угроза стала принимать реальные очертания. Наконец, две египетские подводные лодки под польским флагом вышли из Гдыни. В конце октября они прошли Данию и на подходе к Гибралтару легли на обратный курс, в Польшу, поскольку 1 ноября начались боевые действия. Тем временем две самые настоящие американские подводные лодки, «Хардхед» и «Катласс», создавая замешательство и демонстрируя неудовольствие Вашингтона, вели игру с объединенным флотом, собранным у берегов Египта.

СОВЕТСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Весь октябрь у союзников прошел с нарастающей озабоченностью — они опасались, что наплыв вооружений и советников усилил оборонительные возможности Египта. По неподтвержденным данным разведки, в начале октября в Александрию прибыло четыреста иностранных советников. Через Грецию и Сирию в Египет поступили итальянские реактивные истребители «Вампир». В теории истребители «Вампир» превосходили английские и французские поршневые истребители-бомбардировщики корабельного базирования. После того как Израиль 29 октября успешно прорвал оборону египтян, а англо-французские войска 6 ноября захватили северную часть канала, эти тревожные сообщения, в которых возможности Насера преувеличивались, показали свою

несостоятельность. Не помогло и новое оружие — египетская военная машина развалилась. Теперь, помимо недовольных их действиями Соединенных Штатов, Парижу и Лондону приходилось откровенно опасаться угроз Хрущева о советском вмешательстве. Греческие власти заявили 2 ноября, что они ожидают запроса Москвы о предоставлении ее воздушного пространства для пролета советских самолетов. Крупные партии военных грузов, включая тяжелые вооружения, значительно превышающие потребности Сирии, находились под разгрузкой в сирийском порту Латакиа.

Напряженность достигла пика 5 и 6 ноября, когда НАТО сообщило о полетах самолетов над Анатолией (Турция), шести подводных лодках, обнаруженных возле о. Крит, и советской эскадре, собирающейся войти в Босфор. Тем временем египтяне активно ремонтировали свои аэродромы, что могло служить признаком начала советских перебросок воздушным путем. Английский самолет «Канберра» был сбит на очень большой высоте над Сирией, причем обстоятельства уничтожения самолета свидетельствовали о том, что в кабине истребителя противника находился не арабский летчик. В Москве советские власти организовали уличные протесты населения возле посольства Великобритании.

На следующий день прошла повторная демонстрация. Английский атташе вспоминал: «В Москве было ясное чувство, что война неминуема, война, причин которой они не понимали... К следующему дню поползли слухи, хотя советская пресса ничего не сообщала о прекращении огня в Египте... Спонтанные демонстранты толпились за оградой посольства... счастливые и радостные. Они скандировали лозунги дружбы между Англией и СССР и бросали через ограду бумажные цветы».

Франция тем временем гадала, стоит ли ей продолжать войну в одиночку, без Англии, однако Вашингтон отказался помогать французам в случае советского вмешательства, и французы пошли на попятную. Соединенные Штаты удачно использовали свою разведку в психологической кампании по прекращению суэцкой операции, подпитывая англичан и французов сообщениями сомнительной достоверности о подводных лодках противника, перемещая тем временем свои подводные лодки и распространяя через НАТО сигналы тревоги 5 и 6 ноября. Вице-адмирал Барджот, командовавший французскими военно-морскими силами, сомневался в самой реальности подводных лодок, о которых сообщалось в тех разведывательных донесениях.

СПУТНИК И ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

В мае 1957 г. начальник штаба ВМС США адмирал А. Бурке заявил, выступая в сенатском Комитете по делам вооруженных сил: «В ракетно-ядерный век, даже больше, чем в прошлом, сторона, которая командует морями, не может быть побеждена». Тремя месяцами раньше, 15 февраля 1957 г., Совет министров СССР одобрил запуск первого спутника Земли «для проверки возможности наблюдения его на орбите и для приема сигналов, передаваемых со спутника». Ракета со спутником была запущена 4 октября. Когда спутник вышел на орбиту, Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), сообщило всему миру, что «в результате самоотверженной и напряженной работы научных институтов и конструкторских бюро построен первый искусственный спутник Земли».

Эта новость была шоком для Запада в целом и для военно-морской разведки — в частности. Запуск спутника ознаменовал тот факт, что СССР овладел технологией пуска межконтинентальной ракеты. Заявление адмирала Бурке оказалось несостоятельным. Москва теперь оказалась в таком положении, когда она могла победить в войне, нанеся по Соединенным Штатам удар межконтинентальной ракетой. Оснащение такими ракетами подводных лодок еще сильнее усложнило бы новую стратегическую ситуацию. Баллистические ракеты с меньшей дальностью пуска уже вводились в состав советских морских вооружений. В мае 1959 г. ВМС США дали такую зловещую характеристику первой советской подводной лодки класса «Зулу»: «Тщательное изучение сделанных фотографий свидетельствует о том, что объект, закрытый брезентом, может являться ракетной пусковой установкой».

Позднее в том же году офис военно-морской разведки сообщил, что «не менее трех» лодок класса «Зулу» переоборудованы в «предположительно, лодки, способные производить запуски баллистических ракет»; ожидалось переоборудование еще трех лодок. За переоборудованием лодок класса «Зулу» последовало строительство лодок класса «Гольф» (с обычной силовой установкой и водоизмещением 3200 тонн), предназначенных для вооружения ракетами (три баллистические ракеты «SS-N-4» «Сарк» с вертикальным пуском). Производство этих лодок началось в 1957 г., а на море их впервые отметили в 1960 г., т.е. в том же году, когда в боевой состав ВМС США вошла новая подводная лодка «Джордж Вашингтон» с ракетами «Поларис».

ТРАВМА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СНОБИЗМ

В полной мере осознавая значение запуска спутника Советским Союзом, британское управление военно-морской разведки старалось разобраться в том, как он оказался в состоянии достичь такого успеха:

«Советский Союз недавно осуществил успешный запуск искусственного спутника Земли, и, как известно, произвел большое количество пусков баллистических ракет разной дальности, включая, по всей вероятности, два пуска на дальность около 3500 миль... Эти факты вызывают вопрос: «Как случилось, что СССР, которого в 1945 г. считали, и, вероятно, справедливо, научно отсталой страной, сумел за такое короткое время опередить Запад в наиболее современных научных разработках?» Частичный ответ на этот вопрос можно найти в сущности советского государства, которую составляет предельный социализм, при котором все виды деятельности напрямую контролируются полностью авторитарным государством... За последние 40 лет там создана система научного образования, которая, безусловно, по меньшей мере равна по качеству аналогичной системе любого государства мира и которая выпускает обученный персонал даже в больших количествах, чем Соединенные Штаты».

Адмиралтейство также подчеркнуло решающую роль, которую сыграла Академия наук СССР в «придании инженерной практике солидной физико-математической основы». Управление военно-морской разведки пришло к выводу, что секрет подобной успешной «женитьбы между наукой и техникой» лежит, вероятно, в отсутствии интеллектуального снобизма в советской науке — того самого снобизма, который поразил западные исследования.

Опасения, которые одолевали западные флоты в конце 1940-х годов, через десятилетие превратились в реальность. Советский Союз начал масштабную программу строительства подводных лодок. В исследовании, подготовленном ВМС США и опубликованном 13.08.1956 г., говорилось, что Советы ведут строительство подводных лодок большого радиуса действия «с темпами, которые намного превосходят прежние расчеты». Считалось, что в январе 1956 г. Советы имели всего 421 подводную лодку, а к январю 1958 г. их количество должно было составить 646 единиц «преимущественно, дальнего радиуса действия». Двумя новыми классами подводных лодок, вызывающих такую тревогу, были лодки средней дальности класса «Виски» водоизмещением 1350 тонн и лодки большой дальности класса «Зулу» водоизмещением 2500 тонн. Еще более неприятным моментом было то, что вскоре у Советов должна была появиться подводная лодка с ядерной энергетической установкой.

В 1958 г. ВМС США оценивали боевой состав советского подводного флота в 445—450 лодок, а ежегодный темп их производства — в 160 единиц. По прогнозам американских ВМС, у Советов было около 300 первоклассных лодок с РДП, из них 260 единиц для ведения наступательных операций с большим радиусом действия. Принимая во внимание тот факт, что исторически Советы рассматривали подводную лодку как оборонительное оружие, ВМС США пришли к выводу, что СССР осознал наступательный потенциал подводной лодки.

Еще более тревожным прозвучало заявление Хрущева о том, что ему нужны подводные лодки — носители управляемых ракет с ядерными боеголовками. Много раз в районах действия Северного флота, на Балтике и в Тихом океане были замечены лодки, «на палубе которых имелись укрытые в ангарах баки, конструкции в форме рампы для запуска и даже объекты, формой напоминающие самолет». Это означало, что в 1957 г. Советский Союз уже, вероятно, имел сверхзвуковую ракету с турбореактивным двигателем, имевшую дальность пуска 500 миль. К 1962 г. эта дальность могла увеличиться до 1000 миль. И хотя не было доказательств того, что у русских есть запускаемая с лодки баллистическая ракета (типа американской ракеты «Поларис»), ВМС США считали это «недоработкой своей разведки, а не отсутствием советских усилий в этом направлении». Запуск спутника наглядно показал, что Советский Союз в некоторых областях продвинулся гораздо дальше, чем предсказывала западная разведка.

1959 год знаменовал переворот в представлениях ВМС США о советской подводной угрозе. И хотя считалось, что от Советского Союза не стоит ждать умышленных провокаций по развязыванию новой всеобщей войны, офис военно-морской разведки указал на возрастающую вероятность ограниченных войн, в которых советские подводные силы могут сыграть важную роль.

Словно подтверждая вышесказанное, надежные восточногерманские источники сообщали британской военно-морской разведке, что Москва строит важную военно-морскую базу и базу подводных лодок на албанском острове Сасено в Адриатическом море. По данным из тех же источников, Советский Союз также расширяет порты Дураццо и Валлона для приема более крупных кораблей; одновременно в албанской Саранде создается современная военно-морская база. От пяти до семи тысяч русских, восточных немцев и чехов трудятся посменно двадцать четыре часа в сутки, строя современную советскую ВМБ и расширяя все морские порты Албании. Вблизи Валлоны, где двумя годами раньше Советский Союз построил ВПП, уже размещены две эскадрильи реактивных самолетов. На албанскую базу в Сасено уже якобы отправлены или находятся в процессе отправки полдюжины советских подводных лодок. Британское Адмиралтейство сделало вывод, что Советский Союз фактически изъясил у Албанской республики остров Сасено, порты Саранда и Валона и мыс Линггета, и отдал их в прямое управление Министерству обороны СССР.

ДРУЖБА С ФРАНКО

Создание постоянной базы советских подводных лодок в Средиземном море и увеличение советского подводного флота вынудили западные страны противодействовать новой угрозе и искать новых партнеров. В конце 1955 г. Лондон решил восстановить отношения с Испанией; Вашингтон тем временем запустил секретную программу помощи в усовершенствовании противолодочных возможностей испанских ВМС.

Как знамение этой новой политики, вновь назначенный главнокомандующий британским Средиземноморским флотом в октябре 1957 г. нанес официальный визит в Барселону. Генералиссимус Ф. Франко лично, без советников и переводчиков, принял британского главнокомандующего. Франко сказал, что настало время для основных государств заняться стандартизацией техники, а также призвал все страхи Запада объединить усилия для выработки планов, поскольку, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, времени на это уже не будет. Британский главнокомандующий ответил, что, чисто с военно-морской точки зрения, чем больше кораблей и портов будет у Запада на Средиземном море, тем более эффективно Запад сможет сдерживать агрессора.

Генералиссимус высказал озабоченность относительно того, что трансатлантические морские пути в Западную Европу могут быть перерезаны в самом начале войны. По его словам, всего несколько советских подводных лодок, размещенных в стратегически важных пунктах, вместе с торговыми судами, хорошо подготовленными для диверсионных операций и направленными в Западное полушарие, смогут изолировать Европу в самые первые недели войны. Британский главнокомандующий ответил, что последние научные

достижения, к примеру, спутник и межконтинентальная баллистическая ракета, навели его на мысль о том, что немецкие ученые, которые достались СССР после последней вошши, в настоящий момент полностью вросли в советскую систему. Он также подчеркнул, что атомная подводная лодка явится самым смертоносным оружием будущего и сама по себе окажется превосходным средством сдерживания агрессора.

Генералиссимус затем с похвалой отозвался об экипажах советских торговых и рыболовецких судов. Он лично наблюдал, что, в отличие от экипажей рыболовецких судов других стран, которые слоняются по испанскому берегу в старых лохмотьях, советские моряки ведут себя дисциплинированно, словно на борту военного корабля.

Генералиссимус, согласившийся на помощь государствам Запада, пообещал испанское сотрудничество в ключевом средиземноморском проливе Гибралтаре, через который регулярно проходят советские подводные лодки, вблизи Канарских островов на Атлантике и в Средиземном море. Контр-адмирал К.Э. Уикли в 1959 г. говорил: «В ходе последней войны каждая подводная лодка почти каждый день всплывала для проведения сеанса связи, поэтому мы знали местоположение всех лодок. В некоторых отношениях система слежения за океаном подменяет то, что в будущем окажется очень трудной разведывательной задачей».

Возможность нанесения с моря авиационных и ракетных ударов рассматривалась американским флотом как наиболее эффективный способ нейтрализации советских подводных лодок до их выхода с баз. Все еще трудной задачей оставалась борьба с подводными лодками в открытом океане, пусть даже эти лодки были дизель-электрическими и оснащенные РДП. Одной из самых важных проблем было первичное обнаружение подводной лодки. По мере развития системы СОСУС («S—SUS», S— und Surveillance System — «Система слежения за звуком») появилась возможность определять местоположение советских подводных лодок, включая носители ракет, с помощью взаимосвязанных пассивных датчиков, установленных на дне моря.

Система СОСУС была разработана в 1950 г., а в 1956 г. встала на боевое дежурство в Атлантическом океане и в 1958 г. — на Тихом. Как элемент концепции защиты континентальной части США, система СОСУС, выдавая информацию о первичном местоположении подводных лодок, обеспечивала действия растущего числа противолодочных авианосных групп, действовавших по принципу «найти и уничтожить». На эти первичные контакты затем нацеливались противолодочные самолеты, вооруженные гидроакустическими буями «Джюли» и «Джезбел», которые являлись плавучими гидролокаторами. К 1956 г. на Атлантике находились в процессе установки двенадцать станций СОСУС, и семь станций — на Тихом океане. В феврале 1959 г. восемь американских подводных лодок класса «Гуппи», действуя за советские подводные лодки, вооруженные ракетами, выполняли условные пуски ракет по Западному побережью США. Система СОСУС обнаружила все восемь лодок и доказала свою ценность как средство предупреждения.

Система СОСУС была эффективным, по и дорогостоящим средством, и ВМС США искали другие способы ведения разведки. Этими способами могли быть, к примеру, радиотехническая разведка и совместное патрулирование в ключевых узкозах в важных географических районах. Для выполнения названных масштабных мероприятий требовалось более тесное сотрудничество между США и Соединенным королевством.

ЛОРД МАУНТБЭТТЕН БИРМАНСКИЙ В АМЕРИКЕ

Через год после запуска спутника первый морской лорд Адмиралтейства Луис Маунтбэттен побывал с визитами в США и Канаде. Помимо обсуждения вопросов сотрудничества с США в программе строительства британской атомной подводной лодки, одной из самых важных тем визита Маунтбэттена было рассмотрение возможностей совместного обнаружения подводных лодок и создания двух (в Исландии и в Гибралтаре) рубежей служения. Первоначально идея о создании стационарной системы слежения па

рубеже Гренландия — Норвегия обсуждалась политиками в 1955 г. и 1957 г. Великобритания испытывала сомнения относительно системы СОСУС и ее пассивных стационарных приемников звуковых сигналов. Собственно британские системы пассивных приемников, развернутые у Шетландских островов, работали недостаточно хорошо, и появление менее шумных подводных лодок означало бы бесполезность этих систем. Во время посещения военно-морской Лаборатории (Вашингтон, федеральный округ Колумбия) Маунтбэтген узнал, что на оптимальной глубине гидролокаторы американских подводных лодок могут обнаружить подводную лодку на дистанциях до 100 миль. Американские ВМС вели работы по разработке и модернизации компьютера системы военно-морских тактических данных, предназначенного для борьбы как с самолетами, так и с подводными лодками противника. Этот компьютер обрабатывал данные по обнаруженной подводной лодке, полученные от РЛС и гидролокатора, и выдавал оператору четкую картину тактической обстановки. Это был тот самый компьютер, который предатель из США Джозеф Барр позднее сконструирует для адмирала Горшкова. На встрече в Норфолке с верховным командующим Союзными силами на Атлантике Маунтбэтген обсуждал дату начала будущей войны. Задачей № 1 должно стать уничтожение военно-морских баз советского Северного флота, для чего будут задействованы 170 ударных самолетов морской авиации. Второй по важности задачей является оборона Северной Америки от управляемых ракет, запускаемых с подводных лодок, на рубеже, удаленном от Восточного побережья США на 500 морских миль. Если угроза от управляемых ракет не проявится, то силы, выделенные для выполнения второй задачи, приступают к выполнению третьей задачи — по защите морского судоходства. Планировалось, что первые конвои из Америки придут в Европу не раньше дня «Икс» + 30. Пентагон озвучил идею относительно того, что батареи баллистических ракет «Поларис» могут быть легко смонтированы на торговых судах, которые могут двигаться в темное время суток, избегая обнаружения советской военно-морской разведкой. Несмотря на заминку в отношениях во время войны на Суэце, кровная близость оказалась крепче, чем разделяющая страны морская вода, и англо-американская Ось оставалась ключевым элементом стратегии Запада по уничтожению хрущевских ракет и подводных лодок.

Глава 7 АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА, 1958-1964 гг.

В 1950-х годах, когда разведки и Запада, и Востока ломали головы над хитроумными схемами, чтобы пробраться в чужой огород, находились отдельные личности, которые добровольно поворачивались спиной к своей стране. Причины для подобных поступков могли быть самыми разными — от идеологического разочарования до личных мотивов; в качестве последних могли быть отсутствие карьерного роста, жажда денег, любовная страсть или, в отдельных случаях, комбинация всех этих факторов. Один случай, который мог послужить причиной размещения советских ракет на Кубе, был известен только в России — западная общественность с ним не знакома. Речь идет о том, что французский генерал мог оказаться советским агентом. Некоторые из наиболее примечательных случаев предательства и неверности стали полностью известны совсем недавно.

КОМАНДИР БРОСАЕТ СВОЙ КОРАБЛЬ

Бегство на Запад в 1959 г. советского морского офицера капитана 3-го ранга Николая Артамонова породило загадку, которая, возможно, никогда не будет разрешена. Артамонов, бывший командир эсминца советского Балтийского флота, был известен на Западе как Ник Щадрин. Его бегство оставило след в «холодной войне» разведок военно-морских флотов как одна из самых длинных и запутанных драм.

Лев Вторьгин, сослуживец предателя, имел отношение к этой истории. Вторьгин закончил высшее военно-морское училище в Баку за год до того, как Артамонов завершил учебу в Ленинграде. Они служили вместе на одном корабле — эскадренном миноносце Балтийского флота. Лейтенант Николай Артамонов был специалистом по минам, а его сосед по каюте Лев Вторьгин — офицером-артиллеристом. В тесных помещениях небольшого боевого корабля мужчины подружились. Они откровенно разговаривали на политические темы, делились личными переживаниями и мыслями о будущем, и часто вместе проводили вечера на берегу в своем порту Балтийске, что рядом с Калининградом. После двух лет совместной службы пути Артамонова и Вторьгина разошлись. Артамонова перевели на другой эсминец, а Вторьгин поступил в Военно-дипломатическую академию в Москве, где он блестяще преуспел в изучении иностранных языков. После академии Вторьгин, как офицер военной разведки, был направлен на военно-дипломатическую службу в ГРУ (Главное разведывательное управление).

В 1958 г. Вторьгин получил назначение на должность в советском посольстве в Аргентине в аппарат военно-морского атташе. Именно там он узнал от другого посольского разведчика, что какой-то советский капитан третьего ранга в 1959 г. сбежал со своего корабля, базировавшегося на Балтике, и потом вынырнул в США уже в качестве перебежчика. Вспоминая об этом, Вторьгин говорит: «Как только я узнал эту новость, то сразу подумал, что это мой приятель и бывший сослуживец Николай Артамонов. Он быстро продвигался по служебной лестнице и завоевал на флоте репутацию восходящей звезды. Я слышал, что у него были какие-то проблемы с психикой. Говорили, что он морально опустился».

Артамонов оставил командование своим эсминцем «Проект 30Б» (класс «Скорый»), когда корабль находился в польских водах. Корабль готовили к передаче индонезийскому флоту по масштабной программе помощи; вместе с ним передавались крейсер, эсминцы и подводные лодки. К этому времени Артамонов, командир эсминца в возрасте тридцать один год, успел модернизировать корабельный моторный вельбот, на котором он собирался рвануть в Швецию из Гданьска, польского порта на Балтике.

На первый взгляд простой случай — раздраженный морской офицер бежит от системы, в которой, как ему кажется, сдерживают его многообещающую карьеру. Позднее, после бегства, он заявил, что пожертвовал своей карьерой советского морского офицера в обмен на свободу и любовь молодой польской девушки. Шведы в конце концов передали его американской разведке, и он начал свою жизнь в Соединенных Штатах.

Рассчитанные на широкую публику рассказы о жизни Артамонова появились в западной прессе после 1975 г. По этим рассказам, к воспитанию Артамонова были причастны многие старшие чины советского военно-морского флота — такие, как адмирал Ф. Головин, герой войны адмирал А. Головкин, и даже якобы его тесть — сам С.Г. Горшков,

Главнокомандующий советским ВМФ. Артамонов на самом деле был женат на дочери политкомиссара Балтийского флота, который в то время был полковником. Сын Артамонова, Николай Николаевич, родился в Ленинграде в 1953 г.

Когда эсминец, которым он командовал, проходил плановый ремонт на заводе в Либапе, то Артамонов втайне от всех уговорил рабочих завода поставить на корабельный вельбот дополнительный топливный бак — двухсотлитровую бочку. Артамонов сам установил на вельботе корабельный магнитный компас, объяснив это своим желанием уходить на вельботе подальше в море для рыбалки. Бывшие сослуживцы беглеца говорили, что эти факты были вскрыты в ходе расследования, последовавшего после бегства Артамонова, но они намеренно не были внесены в итоговые официальные материалы, поскольку флотские контрразведчики опасались быть привлеченными к ответственности за халатность и своевременное непресечение побега Артамонова.

После того как Н. Артамонов и его польская любовница Ева сбежали, преодолев штормовое море, на корабельном вельботе в Швецию, они попросили политического убежища в США. Офис военно-морской разведки ВМС США встретил их с распростертыми объятиями и предоставил Артамонову после этого статус специального консультанта и обильного источника внутренней информации о советском ВМФ. На американцев произвели впечатление и отзывы в советской военной печати об Артамонове как об образцовом офицере. Из поля зрения американских офицеров разведки, которые принимали каждое слово предателя за абсолютную догму, как-то выпало то обстоятельство, что Артамонов был командиром эсминца второго класса, выведенного из основного боевого состава советского ВМФ и предназначенного для обучения индонезийцев работе на устаревшей советской технике. Пока Артамонов в США доказывал добросовестность своих намерений как сознательного политического перебежчика, его прежний сослуживец и друг Л. Вторьгин покинул Буэнос-Айрес и получил назначение на должность помощника военно-морского атташе в советском посольстве в Вашингтоне. Зная, что Артамонов тоже находится в Вашингтоне, Вторьгин поначалу опасался своей вероятной реакции на встречу с Артамоновым, который, живя в Вашингтоне, вполне мог разыскать своего давнего близкого приятеля и бывшего сослуживца. Вторьгин не стал докладывать сотрудникам безопасности посольства о своих прежних тесных отношениях с Артамоновым, поскольку это привело бы к отзыву Вторьгина из долгожданной командировки в Вашингтон. Вторьгин начал службу в военном атташате советского посольства в 1960 г. и проработал во флигеле военного атташе на Бельмонт авеню до 1965 г. 14 сентября 1960 г. молодой помощник военно-морского атташе Вторьгин присутствовал при даче показаний Артамоновым Комитету по антиамериканской деятельности палаты представителей американского конгресса. Артамонов появился на заседании Комитета в гриме и в парике. Он заявил тогда, что имеется «большая разница между теорией советского коммунизма и его практикой». Беглец добавил также, что «советская диктатура предпримет неожиданное нападение, если там посчитают, что войну можно выиграть одним ударом». «Не ошибитесь, — несколько раз тупо повторил Артамонов, — хозяева Кремля рвутся к господству, они не идеалисты в политике». Встреча с Артамоновым, которой опасался Вторьгин, произошла, по его словам, совершенно случайно на забитых народом улицах Вашингтона во время предрождественской беготни по магазинам в декабре 1960 г. Он так вспоминает об этом: «Случилось то, чего я все время опасался. Я входил в большой универсальный магазин на улице Ф., вместе со мной был еще один помощник атташе из нашего посольства. Стоял ясный холодный день, и улицы были забиты американцами, делающими рождественские покупки. Я толкнул стеклянную дверь и оказался в закутке между внутренней и наружной дверями, который обогревался большим и шумным вентилятором. Я увидел, как из-за внутренней двери в тот же закуток вошел мужчина, нагруженный свертками, рядом с ним была женщина, и они вдвоем направились к выходу. Женщина была элегантно одета, на голове у нее была меховая шапка, похожая на те, которые носят в Восточной Европе. Ее спутник, высокий и крупный мужчина, был в шапке американского типа. Парочка разговаривала по-польски, и рослый мужчина показался мне знакомым. Я спросил своего коллегу из посольства, знает ли он этого человека, и он ответил, что это, вероятно, сотрудник польского посольства, с которым мы могли видеться на каком-то общественном мероприятии. «Это Артамонов!» — воскликнул я и бросился из магазина за ним вдогонку, совсем не думая о том, что и как я ему скажу, если мне удастся его догнать. Но Артамонова и след простыл. Наверняка он первым узнал меня и убежал. Мой бывший сослуживец теперь обрюзг и растолстел. Вернувшись в посольство, я доложил о случившемся своему начальнику — военно-морскому атташе. Он был очень толковым человеком и решил не информировать Москву об этом инциденте. Он понимал, что меня обязательно отзовут из США и я окажусь под подозрением в связи с имевшим место личным контактом с Артамоновым. Как стало позднее известно из материалов, опубликованных в США, Артамонов также узнал меня и, подозревая, что я приехал с целью убить его, доложил своим новым хозяевам о нашей встрече. Потом эту историю приукрасили».

В нескольких опубликованных рассказах об Артамонове упоминается о том, что перебежчик боялся, что Л. Вторьгин, его давний сослуживец и приятель и прекрасный

охотник и стрелок, действительно послан в Америку, чтобы устранить его. О таких рассказах, в частности, упоминает журналист Г. Херт в своей хорошо документированной книге про Артамонова, изданной в 1981 г. Когда П. Хухтхаузен показал Вторыгину эти рассказы, тот засмеялся и заявил, что подобное было невозможным. «Конечно, у КГБ были подготовленные люди, которые занимались подобными вещами; это называлось «мокрым делом». Но они никогда бы не привлекли к такой работе человека, которого Артамонов мог опознать. К тому же, — сказал Вторыгин, — я никогда бы не согласился на выполнение подобного задания против старого приятеля, даже если бы я и ненавидел его мерзкие предательские поступки».

Во время кубинского ракетного кризиса Вторыгин на Восточном побережье США подглядывал через ограждения и таился возле железнодорожных вокзалов и портов, где стояли под погрузкой американские суда, а его прежний приятель Артамонов тем временем был занят анализом для американской военно-морской разведки советских намерений в ходе операции «Анадырь». Под этим кодовым названием скрывалась поставка ракет на Кубу, про которую Артамонов, бывший командир устаревшего эсминца, абсолютно ничего не знал. Как сказал Вторыгин: «Наверное, он кормил американские разведслужбы тем, что было написано в наших флотских книгах по основам маневрирования и навигации или в политическом справочнике офицера нашей дивизии. Безусловно, он не являлся специалистом по связи или РЛС, и его знание гидролокатора и противолодочной войны ограничивалось тем кораблем устаревшего класса, которым он командовал до своего бегства».

Тем не менее Артамонов стал живым трофеем для ЦРУ и офиса военно-морской разведки, и его торжественно представляли офицерам на американских военных объектах как образец недовольного советского офицера. Будущий американский военно-морской атташе в Москве П. Хухтхаузен, проходивший в свое время обучение в разведывательной школе министерства обороны США, слушал там лекции, которые читал Артамонов, и вместе с другими слушателями школы, горевшими желанием пообщаться с настоящим советским морским офицером, дважды обедал с Артамоновым. Известный под именем Ника Щадрина Артамонов, казалось, был одолеваем ностальгией по его родине. В США он никогда не получил бы допусков, которые позволили бы ему сделать приличную карьеру.

В декабре 1975 г., после шестнадцати лет пребывания в Соединенных Штатах, перебежчик Артамонов, испарился в Вене, и поначалу подумали, что он опять сбежал, на этот раз в свой родной СССР.

В Соединенных Штатах популярна теория о том, что КГБ отыскал находившегося в США Артамонова и передал ему письмо от его прежней русской жены, в котором она умоляла его искупить его преступления. Эмоциональное письмо взывало к Артамонову совершить патриотический поступок и вернуться ради их сына, Николая Николаевича, в советский идеологический лагерь. Молодому Николаю Артамонову в 1972 г. было отказано в приеме в престижное военное училище из-за позорного прошлого его отца. По американской теории, перебежчик Артамонов, снedaемый угрызениями совести, уступил давлению КГБ и начал работать как двойной агент. В декабре 1975 г. он вместе с Евой, его польской женой, уехал на лыжный отдых в Вену (Австрия) и там исчез. Есть и вариант этой теории: в 1975 г. он был убит неуклюжими сотрудниками советских разведывательных служб, которые пытались похитить его вблизи австро-чехословацкой границы.

Л. Вторыгин слышал подобную историю. После получения письма, написанного его сыном, Артамонов согласился сотрудничать с КГБ, имея явное стремление вернуться в Советский Союз. Когда его попросили достать фотокопию внутреннего телефонного справочника офиса военно-морской разведки, то принесенная им нечеткая фотокопия вызвала подозрение, что он используется Соединенными Штатами как тройной агент. Тем не менее он легко согласился приехать в Вену и при похищении не оказал сопротивления сотрудникам КГБ. О. Калугин, начальник Первого управления КГБ, необычным способом поучаствовал в этой операции. Отстранив женщину-доктора из КГБ, он распорядился ввести перебежчику смертельную дозу успокаивающих средств. Когда их машина прибыла на австро-чехословацкую границу, то застряла в грязи, и уже бездыханное тело

Артамонова офицеры КГБ волоком перетащили на чехословацкую территорию

Этот рассказ об убийстве Артамонова вроде бы подтверждается О. Калугиным, матерым антикоммунистом, который во время горбачевского периода гласности неожиданно прозрел. После своего бегства на Запад Калугин поведал, что он получил задачу похитить Артамонова, накачать его лекарствами и переправить через австро-чехословацкую границу. По словам Калугина, Артамонов умер от сердечного приступа во время этого похищения. После того как Калугин нашел убежище в США, он выразил свое сожаление вдове Артамонова Еве.

У Л. Вторыгина имеется другое объяснение:

«Калугин опасался, что Артамонов может рассказать некоторые подробности о контактах Калугина с ФБР и ЦРУ; и его инициатива поехать на чешскую границу и убить Артамонова имела целью исключить вероятность такой компрометации. Калугин работал на США с того времени, когда он обучался в Колумбийском университете. Он был агентом влияния; подобно Яковлеву, его менталитет был больше американским, чем советским. Люди, подобные ему, старались протолкнуть американские ценности в Советский Союз. Горбачев с самого начала был марионеткой в руках этих людей».

Очевидно, Артамонов был тройным агентом ФБР. Как пишет Г. Херт, с Артамоновым пытался войти в контакт офицер КГБ В. Кочнев, которого пробовало завербовать ФБР. По словам Херта, ФБР разрешило Артамонову передать Кочневу определенную информацию, которая могла бы поднять авторитет Кочнева в глазах Москвы. США не приняли «липового» перебежчика Кочнева, и он позже вернулся в СССР. Как считает Херт, Артамонов поехал в Вену с одобрения ФБР.

Помимо всего прочего, Артамонов еще и внес раскол в американское разведывательное сообщество. В своей книге «Советская военно-морская стратегия» командер Р. Херрик, офицер военно-морской разведки, какое-то время приглядывавший за Артамоновым, выразил уклонистские взгляды перебежчика. По Херрику, советская военно-морская доктрина является, по своей сути, оборонительной и предусматривает многослойное кольцо защитных зон, простирающихся вдоль всего периметра Советского Союза, причем для защиты каждой зоны используются крылатые ракеты морского и воздушного базирования со все увеличивающейся дальностью пуска. Книга Херрика противоречила официальной доктрине ВМС США, согласно которой новый флот открытого моря адмирала Горшкова является серьезным вызовом доминированию Запада в Мировом океане, что требует от США иметь ВМС в составе 600 кораблей. Некоторые считают эти взгляды Артамонова подтверждением того факта, что он был агентом-дезинформатором, который вернулся в Советский Союз. В книге, которая называется «Вдовы» и которая вышла из-под пера офицера разведки сухопутных сил США У. Корсона, говорится, что Артамонова видели на похоронах отставного главнокомандующего советским ВМФ Адмирала Флота Горшкова в мае 1988 г. Американский и английский военно-морские атташе, присутствовавшие на похоронах, решили, что они опознали Артамонова, который стоял рядом с близкими родственниками покойного в форме капитана первого ранга. Этот факт никем больше не подтвержден. Брошенная Артамоновым русская жена часто заявляет в российской печати, что ее бывший муж, живущий под Санкт-Петербургом, тайно посещает ее. По сведениям из других источников, Артамонов тайно похоронен около Лефортовской тюрьмы на востоке Москвы, а для прикрытия на памятнике выбита латвийская фамилия. Несомненно, подлинная история его кончины никогда не будет известна.

Другой необычный случай из практики советского шпионажа, долгое время остававшийся под секретом как на Востоке, так и на Западе, таил в себе семена того, что проросло в советскую неудачу на Кубе.

Из Центра в вашингтонскую резидентуру направили опытного оперативного офицера КГБ Кочнева, а для установления контакта с Артамоновым был сделан весьма дерзкий ход, который даже сегодня нельзя оценить однозначно. Кочнев позвонил домой директору ЦРУ Р. Хелмсу и сказал, что у него есть информация, представляющая интерес для ЦРУ. На встречу с Кочневым Хелмс отправил своего сотрудника, которому Кочнев сообщил, что он является сотрудником КГБ и прибыл в США с заданием установить местонахождение

Артамонова. Кочнев предложил, чтобы ЦРУ помогло ему найти Артамонова и установить с ним контакт. Это будет способствовать карьерному росту Кочнева в КГБ и пойдет на пользу американцам, поскольку он станет работающим на них агентом КГБ, якобы внедренным в ЦРУ.

ЦРУ пошло на это. Кочнев получил в ЦРУ псевдоним Китти Хок [15]

, сдал, по согласованию с руководством КГБ, информацию на нескольких человек, которыми интересовалась американская разведка, и сообщил ряд сведений по работе КГБ в США. Через какое-то время Кочнев уехал в Москву и, как ЦРУ ни старалось разыскать его и восстановить с ним связь, выпал из поля зрения американской разведки.

С Артамоновым-Щадриним, получившим в КГБ псевдоним Жаворонок, вышел на связь другой сотрудник КГБ, который поддерживал с ним контакт до конца своей командировки в США в середине 1971 г. Все это время КГБ, прекрасно понимая, что контакт с ним находится под контролем ФБР, продолжал использовать Артамонова в качестве источника информации, к которой он мог иметь доступ, работая консультантом по советскому ВМФ в офисе военно-морской разведки США и консультантом ЦРУ по аналогичным вопросам.

Одновременно КГБ старался глубже понять Артамонова — искренне ли он намерен вернуться в СССР или же, ведя с нами двойную игру, целиком находится под контролем своих начальников из военно-морской разведки и ФБР. Передавая Артамонову некоторые средства оперативной техники и намекая при встречах о возможности его перевода на прямую связь с Центром, КГБ пытался создать у него и его хозяев иллюзию того, что для советской разведки Артамонов является ценным и перспективным агентом.

Первые подозрения относительно достоверности передаваемой Артамоновым информации возникли у КГБ в начале 1970-х годов. К концу 1975 г. были проведены дополнительные проверки, убедившие руководство советской разведки в том, что Артамонов ведет двойную игру; поэтому было принято решение привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ему еще в 1960 г. О. Калугин в своей книге так вспоминает об этом:

«Артамонову предложили встретиться в Австрии для обучения работе на средствах радиосвязи с целью последующей передачи его на контакт офицеру нелегальной разведки КГБ в США. Для пущей убедительности ему пообещали личное знакомство с нелегалом КГБ в Вене. Приманка сработала. В декабре 1975 г. Артамонов приехал с женой в Австрию якобы для катания на горных лыжах. В течение двух дней его обучали работе на агентурном радиопередатчике, на третий день ему была обещана встреча с нелегалом. когда он пришел на условленное место и сел в машину, ему приложили к лицу маску с хлороформом, сделали для гарантии усыпляющий укол и повезли в сторону чехословацкой границы. Там его перетащили на чехословацкую территорию и обнаружили, что он не выдержал стресса и скончался от острой сердечной недостаточности. В Москве, куда на специальном самолете КГБ было доставлено тело Артамонова, начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР подтвердил первоначальный диагноз. При вскрытии оказалось, что у Жаворонка развился рак почки и жить ему оставалось недолго».

ВЗРЫВЧАТЫЙ МАТЕРИАЛ МЮРАТА

Генерал Шарль де Голль вряд ли мог быть довольным вышедшей в 1967 г. книгой, написанной Леоном Урисом, ранее уже выпустившим спорный роман «Исход». В основу нового романа «Топаз» были положены признания французского секретного агента Тиро де Восджиоли, который скрывался в одной из мексиканских гостиниц и, по слухам, позднее сбежал в Соединенные Штаты. В «Топазе» рассказывалось о советской разведывательной сети, которая так глубоко проникла в сердце французского правительства, что даже президента страны инструктировал русский агент. Один видный американский издатель

даже подумал, что это пасквиль, и швырнул текст романа на пол, однако другой издатель осенью 1967 г. все же решился опубликовать его.

В настоящее время документально установлено, что советская разведка глубоко проникла во французское правительство. Один из предателей, Жорж Паке, помощник (1944—1945 гг.) военно-морского министра у президента де Голля, был завербован НКВД. Позднее Паке служил на высоких должностях в различных министерствах и ушел потом работать в НАТО офицером по связям с общественностью. Паке был арестован французской службой безопасности (ДСТ) в 1963 г. при передаче документов советскому дипломату. Паке судили, обвинили в шпионаже и приговорили к двенадцати годам тюрьмы.

Паке, благочестивый христианин, заявил судьям во время процесса: «Умоляю вас верить мне. Я никогда не был советским агентом. Все, что я делал, делалось ради существования Франции». Семью годами позже он был помилован президентом Помпиду.

Советская военная разведка глубоко проникла и в некоторые другие структуры французского общества, особенно в ВВС. Как следствие братства по оружию, существовавшего во время Второй мировой войны, некоторые старшие офицеры французских ВВС питали искренне симпатии к СССР. И в особенности один из них, летчик-ас Второй мировой войны, который вытянул свой советский жребий в критический период неразберихи во французских вооруженных силах конца 1950-х — начале 1960-х годов. Кураторы из советского ГРУ дали этому французскому генералу псевдоним Мюрат — в честь прославленного наполеоновского генерала-кавалериста. Некоторые подробности работы Мюрата стали известны после выхода в 2003 г. книги Михаила Болтунова.

Основное место в этой книге отводится биографии В.А. Любимова, талантливого советского морского офицера и разведчика, который во время своей командировки в Париж (1961—1965 гг.) руководил работой еще троих агентов.

Любимов родился в 1926 г. Он поступил служить на советский флот и закончил военно-морскую академию в 1948 г. Вскоре после выпуска он попал в ГРУ и работал сначала в главном морском штабе и разведывательном управлении Генерального штаба. В 1953 г. он убыл в свою первую заграничную командировку, в США, где занимал должность дежурного на входе в советскую военно-морскую миссию. Когда ему поручили отслеживать перемещения военных кораблей, то он ошарашил своих начальников данными из закрытых источников, которые он раздобыл в Лаборатории боеприпасов ВМС США. Потом Любимова приняли в военно-дипломатическую академию, где он изучал, какие силы ВМС Франции переданы в НАТО для ведения противолодочной борьбы.

Он приехал в Париж в октябре 1961 г., назначенный для маскировки на должность в советскую торговую миссию. Его вторая жизнь включала и представление во Франции интересов советского Министерства торгового флота, поэтому он отвечал за контакты с французской государственной компанией «Компани генераль трансатлантик», которая действовала, помимо прочих маршрутов, на линии Ленинград — Гавр. Статуса дипломата или дипломатического иммунитета у Любимова не было.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ ЛУИЗА

Офицер французских ВВС, известный под кодовым именем Мюрат, был завербован в 1958 г. в брюссельском кинотеатре Героем Советского Союза Валентином Лебедевым. Подробности, которые приводит Болтунов в своей книге, во избежание опознания Мюрата могли быть придуманы. В книге говорится, что Мюрат был летчиком-истребителем, однако он не принадлежал к знаменитой эскадрилье «Свободной Франции» «Нормандия-Неман», которая в 1942—1945 гг. воевала на советско-германском фронте. Его дата рождения, указанная в книге, должности, которые он занимал в НАТО, год производства в генералы (1962) и год смерти (1968) не соответствуют ни одной подлинной биографии офицеров ВВС Франции. Однако, если изменить одну-две детали, то под описание Мюрата подпадают сразу несколько французских офицеров. Имело ли это отношение к Мюрату или не имело, но был случай, когда в одном из высших генералов ВВС действительно

подозревали советского шпиона. Действиями Мюрата руководили абсолютная ненависть к Соединенным Штатам и — в последние годы — любовь к женщине по имени Луиза, которая была его советским связником. Он объяснял свои поступки тем, что он не передавал информации, касающейся только Франции; наоборот, это была информация преимущественно по НАТО и планам и возможностям Соединенных Штатов. Как пишет Болтунов в своей книге, только после 1962 г. его жгучая любовь к сорокасемилетней Луизе превзошла его первоначальную мотивацию относительно помощи Советскому Союзу.

ХРУЩЕВ В ШОКЕ

Мюрат много путешествовал и дважды побывал в Советском Союзе, несомненно, по подложным документам и используя сложные маршруты. Переданные им материалы были признаны Советами шокирующим. В первую очередь это касалось подробностей планов НАТО и США по размещению в Европе ракет — как стратегических, так и промежуточной и средней дальности, нацеленных на Советский Союз и его ударные армии в Восточной Германии, которые противостояли НАТО. Эта информация, вместе с появившимися сообщениями об установленных на подводных лодках американских ракетах «Поларис», которые могли запускаться из-под воды, постепенно убедили советское руководство в том, что СССР серьезно отстает от Запада по стратегическим ракетам. Конечно, они знали, что разрыв по количеству ракет существует, но в этом случае увидели обратную сторону того, о чем кричала пропаганда американцев и их союзников. Болтунов приводит подробности восприятия советским руководством факта неполноценности Советского Союза и имеет смелость утверждать, что это оказало определенное воздействие на премьера Н. Хрущева в его азартной игре на Кубе. Болтунов разъясняет свою мысль:

«Из всех переданных Мюратом документов, помеченных грифом «Совершенно секретно», два оказались особо важными. Первым документом был план нанесения ядерных ударов № 110/59 от 10 января 1960 г., подписанный Верховным командующим ОВС НАТО в Европе. Во втором документе говорилось о чрезвычайном плане обороны тактических и оперативных сил на центрально-европейском ТВД. Первый документ содержал десять приложений, в которых давалось описание основных особенностей будущего конфликта, определялись боевые задачи и планы взаимодействия между вооруженными силами. В приложениях также давалась информация о ядерных силах, которые будут использоваться, и их предполагаемой дислокации на театре; кроме того, приводились, в порядке нисходящего приоритета, перечни целей для уничтожения. Сегодня любой знает о военных планах «Дропшот» и «Фаун плей», разработанных Пентагоном и НАТО наряду с другими планами. Однако в 1960-х годах никто не мог предположить, что американцы планируют полное уничтожение СССР. И Мюрат был тем человеком, который передал нам этот план войны и другие планы войны, разработанные НАТО. Премьер Хрущев, ознакомившись с этими планами, оказался в состоянии шока — как будто советский руководитель прочел смертный приговор своей стране. В наши дни многие либеральные политологи считают, что Хрущев переусердствовал (на Кубе) в своем противодействии похищенным разведкой американским планам. Они заявляют: именно он привел нас на грань катастрофы в 1962 г., это его вина. Но мне это видится совсем по-другому».

Мюрату настолько доверяли, что он смог убедить советское верховное командование провести полномасштабные учения армий стран Варшавского договора, которые он смог бы отслеживать из своего кабинета в штаб-квартире НАТО. Цель подобного мероприятия заключалась в оценке советским командованием разведывательных возможностей Атлантического альянса. Начальник ГРУ 28.11.1960 г. докладывал о предложении Мюрата министру обороны СССР маршалу Малиновскому Р.Я.:

«На последней встрече с нашим агентом, который передаст ценные документы, ему была поставлена задача информировать нас о любом возможном планируемом нападении НАТО на СССР. Он рассказал нам о своих идеях.

1. На последних учениях НАТО, проведенных осенью этого (1960) года выявлено некоторое... отсутствие организованности, что привело к срыву выполнения некоторых задач.
2. Проводя частые учения ВВС вблизи границ СССР и соседних с ним стран, силы НАТО стараются заставить ВС СССР привыкнуть к их присутствию. Генералы НАТО считают, что таким способом они ослабляют бдительность ВС СССР.
3. Агент предлагает нам проверить готовность ВВС НАТО путем проведения военных учений в Восточной Германии. Мы должны сообщить ему о начале учений и их характере, чтобы он мог отслеживать реакцию и делать расчеты».

Выполняя пожелание Мюрата, Советский Союз провел стратегические учения в первой половине 1961 г.

В октябре 1962 г. Мюрат получил назначение в штаб-квартиру НАТО в Париже (Порт Дофин). Он был в идеальном положении, помогая Москве по мере развития кубинского кризиса. Луиза передала Мюрату 25 кассет с пленкой для его фотоаппарата «Минокс», на которые он переснял списки из 1093 целей на территории СССР и стран Варшавского договора, подлежащих уничтожению ядерным оружием. Эта информация получила оценку ГРУ как «очень важная».

В период с 10 по 30 октября цепочка Любимов-Луиза-Мюрат трудилась по двадцать четыре часа в сутки. 24 октября Мюрат предупредил Любимова, что американские войска в Европе находятся в полной боевой готовности. По его словам, обстановка внутри НАТО достигла крайнего напряжения. Любимов, бывший тогда куратором Мюрата, убежден, что переданная им во время кризиса информация помогла советскому руководству принять ключевые решения.

Мюрат редко передавал Луизе печатные материалы. Принимая во внимание чрезвычайность ситуации в октябре 1962 г., он нарушил это свое правило и передал ей бумаги, раскрывающие тогдашнюю организацию и дислокацию ядерных сил НАТО. Он передал также планы ядерных ударов под кодовыми названиями «Кенгуру», «Помпезность», «Павлин» и «Динго».

ДРУГИЕ АГЕНТЫ ЛЮБИМОВА В ПАРИЖЕ

Мюрат не был единственным удачливым источником, с которым работал умница Любимов. Он курировал еще трех незаурядных агентов, известных под именами Гурон, Артур и Бернард.

Гурон служил в американских войсках, дислоцированных во Франции. Полагают, что именно он передал своему советскому куратору подробности организации американской военной командной структуры и дислокацию складов ядерных боеприпасов в Европе. В феврале 1964 г. министр обороны маршал Р.Я. Малиновский и начальник Генерального штаба маршал А. Бирюзов направили советскому премьеру Н.С. Хрущеву совершенно секретный документ, в котором они высоко оценивали работу Гурона и подвели ее итог: «В период с 20.01.1963 по 30.01.1964 мы получили около 200 документов, относящихся к доставке, обслуживанию и перемещению ядерных боеголовок НАТО и США на европейском театре. После получения этой информации обнаружено шесть складов в Западной Германии, Нидерландах и Греции; двадцать семь ядерных бомб находятся в Турции и шестнадцать в Греции. Нами также вскрыто местоположение хранилищ ядерных боеприпасов на двенадцати авиационных объектах: один в Англии, пять в Западной Германии, один в Нидерландах, два в Греции, три в Турции».

Второй источник Любимова был не менее ценным. Любимов характеризует Артура как «великого ученого». Артур передавал в парижскую резидентуру ГРУ «ценную информацию» по ракетной технологии и вооружению НАТО — ракетам «Найк», «Сайдуиндер», «Фалкон», «Сейфгард», «Блоупайп» и «Хорнет», а также новейшим разработкам по корабельным средствам борьбы с самолетами.

Продуктивным был и третий источник, Бернард. Он являлся заместителем директора французской компании, в которой 70% капитала принадлежало американцам. Любимов и Бернард пришли к выводу, что существует два пути получения информации об американских технологиях. Первый путь заключался в шпионаже, которым бы занимался сотрудник вроде Бернарда во французской компании, связанной бизнесом с Соединенными Штатами.

Второй путь был абсолютно «легальным»: СССР покупает какие-то технологии с помощью подставного лица типа Бернарда, действующего от лица своей компании. Существовала одна область деятельности, на которую очень существенно повлияла работа Бернарда. Кубинский кризис вскрыл слабость советских ядерных сил, и СССР требовалась подробная информация об американском твердом топливе для баллистических ракет. За 1962 и 1963 годы Любимов раздобыл двадцать четыре нужных документа, в которых находилась информация по химическому составу твердого топлива для МБР «Минитмен». Он получил эти документы от Бернарда, который, действуя внутри своей компании, скопировал или похитил их.

В то время советские ученые, работавшие над новыми ракетами, стояли на распутье: что использовать — крайне опасное жидкое топливо или же более стабильное твердое? В начале мая 1965 г. тогдашний американский министр обороны Р. Макнамара уверял американскую общественность, что у СССР нет твердотопливных ракет большой дальности, сравнимых с американскими твердотопливными ракетами «Минитмен» и «Поларис». Однако, используя полученную от Бернарда информацию, КБ специалиста по ракетам и конструктора С. Королева уже разработало твердотопливную ракету «РТ-2», имевшую дальность пуска 900 километров. В мае 1965 г. присутствовавшие на параде на Красной площади в честь двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне западные военные атташе были ошеломлены, едва увидев советскую ракету, которая однозначно работала на твердом топливе. На самом деле Любимов и Бернард сделали больше, чем просто помогли ракетному гению Сергею Королеву.

ОТСТАВКА МЮРАТА

В 1964 г. Москва дала указание парижскому резиденту освободить Любимова от задачи вербовки новых агентов. Это делалось с двойной целью — защитить его от французской контрразведки и предоставить ему больше времени для работы с наиболее ценными агентами.

В связи с этим для руководства парижской сетью ГРУ был назначен новый резидент, который внимательно следил за работой Мюрата. Мюрат, все еще глубоко увлеченный Луизой, достиг пика своей разведывательной производительности. В середине июня 1964 г. новый парижский резидент докладывал начальнику ГРУ, что в новых донесениях Мюрата уточнены огневые позиции новых американских ядерных ракет «Першинг» и перечень ста первоочередных целей в Центральной Европе, подлежащих поражению этими ракетами. Как Болтунов пишет в своей книге, Мюрат был очень активен в июле—августе 1964 г.: в этот период мы получили от него тридцать один документ под грифом «совершенно секретно» общим объемом 2300 страниц. Более впечатляющим, чем объем, явилось чрезвычайно ценное содержание этих документов. В информации, полученной от Мюрата в июле, содержались сведения по различной тематике, начиная со стратегического планирования, тактики борьбы с танками и инфракрасной технологии, и заканчивая конструктивными подробностями многих западных автоматизированных систем. И все же, это была лебединая песня Мюрата. ВВС Франции перевели Мюрата на должность, где у него был очень ограниченный доступ к секретным материалам, и Луиза оставила генерала. Для Советов не было большой необходимости идти на дополнительный риск в отношении их плодотворного источника. С уходом Луизы Мюрат сломался.

В книге Болтунова приводятся слова Любимова о значимости работы Мюрата:

«В 1960-х годах, когда обстановка в мире была сложной и напряженной, было трудно переоценить значение работы, проделанной Мюратом. Ее можно сравнить только с информацией, которую давал Зорге во время Второй мировой войны. Она была даже более значимой, поскольку Мюрат передавал документы, а не аналитическую информацию. Выполняя мои требования, Мюрат шел на чрезвычайный риск и приносил в жертву благополучие своей семьи и свое личное положение в буржуазном обществе, поступая таким образом, словно СССР был его второй родиной».

Позднее планировалось присвоить Мюрату звание Героя Советского, но он так и не был удостоен этой чести. В 1965 г. Любимову

[16]

было приказано прекратить работу в Париже и вернуться в Москву. В книге сказано, что через три года Мюрат умер. Скорее всего, эта дата сфальсифицирована.

ПРОФЬЮМО

В начале 1960-х годов Британию потрясла череда шпионских скандалов, в которых были замешаны служащие ее военно-морских сил. По наводке из источников ЦРУ англичанами были арестованы клерк Адмиралтейства и главный корабельный старшина, которых признали вовлеченными в шпионаж на КГБ.

В 1961 г. в Хельсинки переметнулся в ЦРУ А. Голицын, старший офицер КГБ, служивший в аппарате Первого главного управления КГБ. Голицын, имя которого появилось на страницах романа Леона Уриса «Топаз», рассказал своим новым хозяевам о двух британских военно-морских шпионах, работавших в НАТО и передававших информацию о технических характеристиках британских подводных лодок. Первый военно-морской шпион был завербован в Москве Вторым главным управлением КГБ (которое занималось сбором разведывательной информации за рубежом). Вторым шпионом, которым руководила лондонская резидентура КГБ, был, предположительно, более важной фигурой, передавшей не менее трех совершенно секретных документов Адмиралтейства, касающихся планов расширения базы подводных лодок НАТО с ракетами «Поларис» в Холи-Лох на реке Клайд.

Накануне своего бегства Голицын составлял справку, касающуюся военно-морской стратегии НАТО, когда в британском МИ-5 (национальное агентство по безопасности разведки) ему показали три документа, то он сразу узнал их. МИ-5 после этого проверило листы рассылки документов и определило круг подозреваемых. И все же решающий вклад в разоблачение шпионов внес другой старший офицер КГБ по имени Ю. Носенко, который в 1962 г. перебежал к американцам в ЦРУ. Голицын до этого заявил, что КГБ для вербовки важного британского агента использовал шантаж, относящийся к его гомосексуальным наклонностям. Информация, полученная от Носенко, привела МИ-5 к заключению, что два военно-морских шпиона являются одним и тем же человеком. Им оказался Джон Вэссел, который до службы в Адмиралтействе работал в Москве. В его доме были найдены катушки с пленками, на которые были засняты 176 секретных документов Адмиралтейства. Джон Вэссел согласился работать на КГБ — под фальшивым предлогом шантажа из-за его гомосексуальной ориентации — в основном из-за желания удовлетворить свою тягу к роскошной жизни. Он был приговорен к восемнадцати годам тюрьмы за шпионаж.

В другом примечательном случае фигурировал Гордон Лонгсдейл, советский агент-нелегал, выдававший себя за канадца. Лонгсдейл завербовал в Адмиралтействе целую сеть агентов. Писатель П. Райт вспоминал, что агент ЦРУ в Польше Снайпер рассказывал ему о двух шпионах в Британии, которые в документах МИ-5 фигурировали как Лямбда-1 и Лямбда-2. В марте 1960 г. Снайпер дал МИ-5 наводку, которая привела к аресту бывшего главного корабельного старшины британских королевских ВМС Гарри Хоутона. Он в 1952 г. работал в Варшаве и был завербован секретными службами Польши; позднее в

Портланде он работал в организации, занимавшейся подводными вооружениями, и докладывал о своей деятельности в Варшаву.

Но самым живописным советским шпионским скандалом был тот, в котором оказался замешан министр обороны Джек Профьюмо, политический деятель от Консервативной партии и потенциальный будущий премьер-министр Великобритании. Компрометация Профьюмо привела к падению консервативного правительства Г. Макмиллана и победе Лейбористской партии на последовавших за этим всеобщих выборах.

У Д. Профьюмо была интрижка с Кристин Килер, двадцатилетней англичанкой, у которой одновременно уже была связь с сотрудником аппарата советского военно-морского атташе в Лондоне капитаном 2-го ранга Евгением Ивановым. Британская и иностранная пресса поспешили раструбить, что высшие круги страны разлагаются в новом «порнократическом обществе». Достаточно странно, что сенсационная новость стала достоянием публики с подачи малоизвестного журналиста, печатавшегося в информационном бюллетене «Вестминстер конфиденшл». Этим журналистом оказался Эндрю Рот, бывший лейтенант резерва ВМС США, покинувший США в августе 1948 г. из-за того, что его обвинили в передаче секретной информации Советскому Союзу.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО КУРАТОРА

Как уже было сказано выше, сотрудником аппарата советского военно-морского атташе был Евгений Иванов. В годы Второй мировой войны пошел служить на флот и был принят в Бакинское военно-морское училище. Позже Иванов проходил службу на Тихоокеанском и Черноморском флотах. В 1949 г. молодой Иванов уже учился в военно-дипломатической академии. В академии он общался с другим офицером, Олегом Пеньковским, который позднее занялся шпионажем в пользу Запада, был арестован, осужден и расстрелян в 1962 г. Евгений окончил академию в 1953 г. и был назначен помощником военно-морского атташе в Осло.

Все четыре года пребывания в Норвегии Иванов вел троих агентов. Из них двое были наиболее важными, поскольку являлись старшими офицерами в штабе норвежских ВМС в Хортене (Норвегия). У обоих офицеров были сходные биографии и мотивы, и они оба почти одновременно предложили свои услуги советской разведке. Как писал Иванов в своей книге «Голый шпион», «в обоих случаях это была любовь с первого взгляда, как я уже объяснял. Мой интерес в деликатной информации, соответствующий моей должности помощника военно-морского атташе, был очевиден для обоих офицеров; их нужда в деньгах также была прозрачной. Достаточно скоро оба дали мне понять, что у них есть информация из источников в НАТО, которой они готовы поделиться со мной за плату. По всему было видно, что их это не очень беспокоило, возможно, потому, что информация, которую они предоставляли, касалась сил США и НАТО, но не Норвегии».

Как старшие штабные офицеры, они имели доступ к совершенно секретному материалу. Поверхностно сформулированные правила секретного делопроизводства позволяли им заполнять определенные формуляры, в которые они вписывали, что такие-то документы уничтожены, после чего передавали эти документы своему куратору. Один из офицеров постоянно ездил на совещания НАТО либо в Европу, либо в Соединенные Штаты и, вернувшись домой, снабжал Иванова самыми свежими новостями НАТО. Чтобы не привлекать внимания при встречах со своими агентами, Иванов присмотрел себе местечко в норвежской глубинке, куда каждые выходные ездил кататься на лыжах и обедать. Каждое третье воскресенье месяца он на пять минут покидал ресторан через заднюю дверь и встречался со своим первым агентом, или же делал короткую пешую прогулку и виделся со своим вторым агентом; в процессе этих отвлекающих действий он избавлялся от норвежской группы слежения, которая за год просто устала от такого распорядка. «Это все было довольно прозаично, — вспоминал Иванов. — К остаткам того, что я съедал в кафе, добавлялся свернутый пакет с деньгами и инструкциями, после чего все выбрасывалось в мусорный бак. Одновременно я забирал пакет, предназначенный для меня... Чтобы

уменьшить риск, мой подопечный наблюдал за мной из окна гостиницы, расположенной через дорогу. Лампа на подоконнике означала, что он положил пакет в условленном месте». Помимо работы с агентами Иванов наблюдал за военными базами НАТО и заходил в бары, расположенные рядом с базами. Однажды, говорит Иванов, ему чертовски повезло. Он заметил на столе коричневый конверт, который всего на несколько секунд оставил без внимания американский полковник, заказывавший себе очередной «дринк». Иванов схватил конверт и был таков. В конверте оказался совершенно секретный документ, относящийся к дислокации сил и средств НАТО в Скандинавии.

ЦЕННЫЙ ДРУГ

Доктор Стивен Уорд был знаменитым британским остеопатом, заработавшим свою репутацию в 1950-х годах, когда он лечил знаменитостей, таких как принц Филипп, бывший премьер-министр Уинстон Черчилль, миллиардер Поль Гетти и лорд Уильям Астор. Дом Уорда был всегда открыт для друзей. Он наслаждался обществом красивых женщин, включая не достигших еще двадцатилетия Кристин Килер и Мэнди Райе Дэвис, которые часто у него оставались. Уорд был известен также как талантливый художник, который, нарисовав для «Лондон иллюстриейтед ньюс» портреты членов королевской семьи и некоторых политических деятелей, собирался набросать портреты членов Политбюро ЦК КПСС. Правда, у него возникли трудности с получением визы для поездки в Москву. Одним из известных пациентов доктора Уорда являлся сэр Колин Кут, бывший одно время редактором «Дейли телеграф» и служивший в 1920-е годы в Италии офицером «Секрет интеллидженс сервис» (СИС, известной также как МИ-6). В начале 1960-х годов Кут принимал Иванова, только что назначенного на должность помощника военно-морского атташе в Лондоне, во время ознакомительного визита иностранных военных атташе в редакцию его газеты. Кут представил Иванова доктору Уорду, возможно, чтобы русский помог утрясти вопрос с визой. После оживленного обеда с Уордом, Кут и Иванов стали друзьями. Иванов писал в своей книге, что знакомство с Уордом открывало ему доступ к королевской семье и в высшие круги британского общества. «Стивен оказался для меня подлинной находкой, — писал Иванов. — Он много знал и был хорошим компаньоном». Доктор Уорд познакомил Иванова со своими родственниками и взял его в гости к Уинстону Черчиллю. Тот, будучи уже в отставке, прочел ему нотацию об англосаксах и русских. По Черчиллю, первые были современным вариантом древних греков, а вторые — современным вариантом варваров. Советский военно-морской офицер Иванов поражал своих новых друзей интеллектом и умным разговором. Иванов писал позднее в своих воспоминаниях: «Первое место в моем списке занимали министр обороны Джек Профьюмо и его жена Валери Гобсон... Потом шло семейство Асторов... На третьем месте были принцесса Маргарет и Энтони Армстронг Джонс. Меня познакомил с ними и сообщил некоторые подробности их жизни доктор Уорд... Выход на них давал возможность получения информации путем провокации и шантажа. Четвертым стоял миллиардер Поль Гетти, человек, чьи деловые связи могли вывести меня на производителей и торговцев оружием. На пятом месте стояли два человека, связанные с прессой... И последним был кэптен Соулз (из береговой охраны Ее величества), которого я завербовал». В знак признательности, Иванов пригласил доктора Уорда в советское посольство на прием в честь находящегося в Англии с визитом советского космонавта Юрия Гагарина.

БАССЕЙН

В воскресенье, 8 июля 1961 г., Уильям Астор принимал гостей в своем имении в Кливдене. Среди многих других известных лиц, приглашенных к нему, были лорд Луис Маунтбэттен, первый морской лорд, министр обороны Джек Профьюмо с женой и премьер-министр Пакистана. В тот же самый день доктор Уорд с К. Килер и несколькими друзьями были в его коттедже, расположенном рядом. Когда лорд Астор и Профьюмо случайно проходили позади бассейна, то встретили там обнаженную девятнадцатилетнюю К. Килер, которая попыталась, но не чересчур быстро, прикрыться полотенцем. Профьюмо был покорен ее красотой и проводил молодую леди в дом. В тот же вечер К. Килер уезжала в Лондон за Ивановым, которого Уорд пригласил в Кливден на воскресенье. Потом Уорд, К. Килер и Иванов смешались с другими гостями лорда и присоединились к плаванию наперегонки, которое устроил Астор. Вскоре Профьюмо и К. Килер начали на пару играть в воде.

Позже тем же вечером

Уорд предложил Иванову и К. Килер уехать в его лондонскую квартиру, пообещав туда также приехать, осмотрев сначала большую спину лорда Астора.

В тот вечер Уорд в Лондон не вернулся. Он появился на следующий день и встретился с Кристин, чтобы узнать про Иванова. Та сказала, что Иванов напился, уснул и уехал до того, как она проснулась. Тот факт, что Уорд оставил Иванова и К. Килер одних в своей квартире был, безусловно, частью плана МИ-5 втемную использовать К. Килер для компрометации сотрудника советского атташата. План не удался. Иванов, женатый на дочери важного партийного чиновника, вряд ли бы пошел на внебрачную связь. Это была проверка Иванова со стороны МИ-5.

Во вторник Профьюмо позвонил молодой женщине и прокатил ее по Лондону на служебном автомобиле. Позднее на той же неделе он пригласил ее к себе домой и, как позднее свидетельствовала К. Килер, впервые вступил с ней в половую связь. Парочка регулярно встречалась в квартире доктора Уорда, где Иванов также был частым гостем. Зная, что случилось, МИ-5 попросила Профьюмо помочь подловить Иванова. Министр отказался от предложения МИ-5 и, под предлогом подготовки к поездке за границу, явно отдалился от К. Килер.

ОБХОДНОЙ КАНАЛ МОСКВЫ

Седьмого августа 1961 г. Н.С. Хрущев выступил по телевидению с речью о ситуации в Берлине, и призвал к быстрому наращиванию советских сил. В те дни доктор Уорд предпринял удивительный шаг, добровольно предложив свои услуги британскому МИДу в качестве посредника в отношениях Восток—Запад. Его первая попытка была неудачной, однако опять обратился в МИД через лорда Астора. Позже он пригласил одного из своих пациентов, члена парламента от Консервативной партии сэра Годфри Николсона, на обед с помощником атташе Ивановым. В ходе разговора за столом он предложил организовать обходной канал связи между британским МИДом и Хрущевым, который бы действовал через Николсона, самого Уорда и Иванова. Как писали Ф. Найтли и К. Кеннеди в своей книге «Государственное дело», «Уорд обсуждал международные политические проблемы с высокопоставленным офицером ГРУ... выступая неофициальным каналом обмена информацией между русскими и англичанами».

В своих мемуарах Иванов рассказывает, что во время как берлинского, так и кубинского кризисов Москва просила его попробовать организовать нечто вроде обходного канала связи с британским правительством:

«Тогда я был храбрецом, совсем как Хрущев. Самое главное, считал я, что я дерзок и уверен в себе. Этот урок заставить американцев не окружать нас своими военными базами! Размещение наших ракет прямо у них под носом означало, что никакая система раннего предупреждения не спасет их от ракетной атаки, потому что подлетное время ракет составляет всего три-четыре минуты. За пять дней одной критической недели Уорд организовал мне пять встреч с лордом Астором, лордом Арраном и сэром Годфри Николсоном. Премьер-министр Гарольд Макмиллан может сделать значимый шаг к миру,

если он предложит провести советско-американскую встречу в верхах, призванную урегулировать кубинский кризис. Я заверил их, что Хрущев будет готов принять такое предложение... Мне вежливо сказали, что премьер-министр будет проинформирован о моем предложении».

ГОРЯЧЕНЬКАЯ НОВОСТЬ ОТ ЭНДРЮ РОТА

Более года сенсационная новость о любовных похождениях министра обороны Профьюмо пролежала под сукном. А в декабре 1962 г. резидент ГРУ в Лондоне вызвал к себе Иванова и сказал: «Тут созревает крупный скандал с участием К. Килер, Профьюмо и тебя. Короче, пакуй вещи».

Иванов был уже в Москве, когда Эндрю Рот, бывший лейтенант ВМС США, убежавший в 1948 г. из США в Англию после того, как его заподозрили в шпионаже в пользу СССР, нарушил молчание и «выстрелил» залежавшуюся новость о связи Профьюмо — Килер — Иванов, что вызвало падение правительства консерваторов. Что, Москва собиралась в конце концов использовать этот случай с выгодой для себя? Когда в марте 2006 г. Профьюмо скончался, Рот опубликовал некролог в газете «Гардиан», в котором дал хронологию всего дела и объяснил мотивы появления своей тогдашней публикации: «Хотя МИ-5 много месяцев была в курсе флирта Профьюмо с Килер, первым политическим деятелем, узнавшим об этом случае, оказался Джон Льюис, бывший лейбористский член парламента от Болтона, который ошибочно полагал, что доктор Стивен Уорд соблазнил его жену. В январе 1963 г. Льюис рассказал Джорджу Уиггу, возглавлявшему в правительстве Макмиллана разведку, что протеже Уорда К. Килер, бывшая до этого подругой спекулянта недвижимостью Питера Рэчмэна, четыре месяца состоит в связи с Профьюмо, имея перед этим короткую интрижку с сотрудником советского военно-морского атташата Евгением (!) Ивановым. В феврале 1963 г. о связи Профьюмо—Килер доложили личному секретарю Макмиллана Д. Уиндхэму (позже ему было пожаловано звание лорд Эгрмонт). Примерно в это же время Боб Керби передал мне копию любовной записки Килер от Профьюмо. Килер безуспешно пыталась продать эту записку в какую-нибудь из газет на Флит-стрит, где ее содержание было уже многим известно. Редакторы газет не решались снова связываться с правительством Макмиллана, потому что двое их журналистов уже находились в тюрьме из-за скандала, вызванного разоблачением советского шпиона Джона Вэссэла. Я стал проверять подноготную письма Профьюмо К. Килер. Мой коллега по ложе прессы, работавший на ТАСС, советское агентство новостей, подтвердил, что у Иванова имеются связи в кругах тори. Потом, совсем неожиданно, мне пришлось напечатать этот материал в моем вестнике «Вестминстер конфиденшл», поскольку был отменен план тогдашнего министра финансов Реджинальда Модлинга отпустить курс фунта стерлингов, план, по поводу которого у меня тоже кое-что было припасено. Вот из-за чего в марте 1963 г. я напечатал письмо Профьюмо в «Вестминстер конфиденшл». На меня спустили всех собак и мне прекратили доставлять почту. После того, как Боб Керби показал мой журнал сэру М. Редмэйну, главному партийному организатору консерваторов в парламенте, его лицо, и так красное, покраснело еще больше, и он поспешил с этим журналом к Гарольду Макмиллану, требуя, чтобы меня лишили журналистских привилегий. Я сидел в ложе прессы и слушал яростные нападки Макмиллана в мой адрес. Потом выступал Профьюмо, по бокам которого стояли Макмиллан и лидер палаты общин Ян Маклеод; он угрожал применить к таким, как я, закон о клевете — зачитав перед этим отмазку, состряпанную за ночь Редмэйном, генеральным солиситором, генеральным прокурором и У. Дидесом, министром информации; министр внутренних дел Г. Брук отсутствовал на этом «совещании» из-за болезни. Профьюмо упорствовал: «В моем знакомстве с мисс Килер не было ничего непристойного». Именно после этих слов член парламента от тори Н. Берч, который известен прямоотой высказываний, озвучил все циничные подозрения, сказав: «А зачем тогда нужны проститутки?»

Начался переполох и стали искать виновных. Про Килер было сказано, что ей поручили выведать у Профьюмо сведения о перевооружении Германии. Стивен Уорд был обвинен в том, что он «живет, полностью или частично, на доходы от проституции». Уорд покончил с собой 3 августа 1963 г., не вынеся, очевидно, предательства со стороны его многочисленных друзей.

В конце концов вмешалась королева Елизавета II, которая позволила Профьюмо уйти в отставку, не дожидаясь позорного снятия с должности.

СПАЛ... ИЛИ НЕ СПАЛ С КРИСТИН КИЛЕР

Во вступлении, которое К. Килер написала для изданной в 1993 г. книги воспоминаний Е. Иванова, рассказывается о драматической цепочке событий, произошедших после той ночи, которую она якобы провела с Ивановым: «Если бы в ту ночь я не отправилась в постель вместе с Ивановым, то, вероятнее всего, ничего из случившегося никогда бы не произошло. Мой любовный роман с Джеком Профьюмо никогда не имел бы и намека на супружескую измену. Правительство Гарольда Макмиллана никогда бы не получило такой удар ниже пояса. Стивен Уорд никогда бы не покончил с собой». Потом Кристин добавляет: «По сей день я уверена, что никто, кроме Евгения (!) и меня не знает всей правды. Он пытался убедить своих московских начальников, что он соблазнил меня, выполняя какой-то сногшибательный шпионский план».

В своей книге, написанной через тридцать лет после указанных событий, Иванов тоже признается, что спал с Кристин Килер:

«Даже сам факт того, что Кристин была и моей любовницей, и Джека Профьюмо, был потенциальной козырной картой в любой возможной будущей игре с участием горемычного министра обороны. Секс всегда был и, вероятнее всего, останется мощным оружием политического шантажа и шпионажа. ГРУ не так часто использовало его, как КГБ. В этой области Лубянка (штаб-квартира КГБ) была неоспоримым чемпионом. Достаточно вспомнить Уильяма Вэссэла, британского военного дипломата и гомосексуалиста, завербованного московским центром».

Исследователи Найтли и Кеннеди, изучив магнитофонные записи доктора Уорда, поставили под сомнение эту версию. Они отмечают, что молодая Килер, доверявшая доктору подробности своих амурных романов, никогда не рассказывала ему о ночи, якобы проведенной ею с капитаном 2-го ранга Ивановым, т.е. о том случае, который, однозначно, создал сам доктор, оставив эту пару наедине в своей квартире. Бывший однокашник и коллега Иванова Лев Вторьгин даст противоположную интерпретацию всего дела:

«Сотрудникам советского посольства в Лондоне было известно, что доктор Уорд и его приятельница Килер являются агентами-провокаторами. Персонал посольства знал, что их надо избегать любой ценой. Но в случае с Ивановым было по-другому. Он один или два раза встречался с Килер на приеме в высших кругах. Ему такие контакты были нужны. Но я не могу сказать, что у него были настолько тесные отношения с этой девушкой. Иванов был достаточно умен, чтобы не попасться в ловушку и соблазниться молодой Килер. Не было ни советского намерения, ни советского участия в компрометации Профьюмо. Это не принесло пользы и карьере Иванова. Позднее, будучи уже в отставке, Иванов работал в издательстве "АПН", и ему много раз предлагали написать книгу для иностранного читателя о его похождениях в Лондоне. Книга "Голый шпион" не отражает правды».

В конце концов, получается так, что первоначальный английский план шантажа сотрудника советского военно-морского атташата, имевшего большие связи в британском высшем свете, с использованием для этого его интрижки с молодой женщиной, мог стать советской схемой подрыва консервативного правительства путем огласки случайной связи министра обороны с той же самой молодой женщиной. Случайное совпадение, да? А как быть со случайностью, если журналист, который выдал эту сенсацию, являлся бывшим морским офицером США, ранее обвиненным в работе па Москву? Что делать со случайностью, если его статья появилась после того, как Иванов покинул Англию? Какими бы ни были ответы

на эти вопросы, вклад советского военно-морского офицера в победу Г. Вильсона на выборах не был забыт вновь избранным лейбористским премьер-министром. Рассказывают, что во время своего визита в Москву в 1964 г. Вильсон попросил советские власти организовать ему встречу с его благодетелем — капитаном 2-го ранга Евгением Ивановым.

Глава 8
КУБА, 1962 г.

Однажды в начале апреля 1962 г. министр обороны СССР Р.Я. Малиновский и Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета министров Н.С. Хрущев гуляли вместе по пляжу шикарного черноморского курорта под названием «Омега». Министр указал в сторону моря и сказал: «Вон там, в Турции, сразу за Черным морем, НАТО разместила ракеты «Юпитер», дальность пуска которых позволяет поражать этими ракетами города по всему Советскому Союзу. Средств оповещения о пусках таких ракет нет». Первый секретарь ЦК КПСС молча сделал несколько шагов, потом резко остановился и сказал: «У нас теперь есть потенциальная площадка для ракет прямо на американских задворках. Ну да, Куба. Мы можем развернуть там ракеты той же дальности действия, которая имеется у их ракет в Турции и Италии. Развернем их секретно и поставим американцев перед свершившимся фактом».

Кубинский ракетный кризис был, наверное, самым ярким примером конфронтации времен «холодной войны», хотя некоторые исследователи утверждают, что берлинский кризис 1961 г. был еще серьезнее. В 2002 г. была издана книга П. Хухтхаузена «Октябрьское безумство», в которой приведены советские свидетельства того, как быстро инцидент достиг той стадии, когда в любой момент между противолодочными эсминцами ВМС США и советскими подводными лодками могла вспыхнуть катастрофическая конфронтация в Атлантике. Один-единственный выстрел с любого из военных кораблей мог привести к немедленному обмену ядерными ударами.

ВООРУЖАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

Совершенный Ф. Кастро в первый день нового 1959 г. захват власти на Кубе не был организован Кремлем и не был направлен против Соединенных Штатов. Но экономическая политика нового режима и национализация принадлежащих США компаний восстановили против Кубы президента Дуайта Эйзенхауэра и привели впоследствии к разрыву дипломатических отношений с Кубой.

Американская разведка тем временем непрерывно получала свидетельства того, что Москва оказывает Кубе военную помощь.

В июле 1960 г. Хрущев заявил, что «СССР с народом Кубы и протягивает ему руку помощи». В случае необходимости, добавил советский премьер, «советские артиллеристы смогут поддержать кубинский народ своими ракетами». На следующий день Че Гевара, уже тогда пламенный революционер, сославшись на помощь Москвы, заявил, что Кубу «защищает» Советский Союз, «величайшая военная держава в истории».

Прошло два месяца, и Агентство национальной безопасности (АНБ) пришло к выводу, что СССР экспортирует оружие на Кубу. Американские станции прослушивания перехватили серию сообщений, в которых шла речь о торговом чиновнике Леониде Ястребове и Кубе.

На тот момент этот человек уже более шести лет был связан с экспортом советских военных грузов в Индонезию, Египет, Сирию, и вот теперь — на Кубу. В сентябре два советских судна, «Илья Мечников» и «Солнечногорск», доставили военную технику на остров в Карибском море. Разведка установила, что грузовое судно «Николай Бурденко» с неизвестным грузом весом 3244 тонны прибудет из советского порта Николаев на Кубу в середине октября. АНБ также перехватило сообщения о том, что торговое судно «Аткарск», принявшее в Николаеве 2454 тонны «ястребовского груза», должно прибыть на Кубу в конце октября. Затем из материалов перехвата стало известно, что Ястребов, являвшийся торговцем оружием, обратился за кубинской визой. В январе 1961 г. анализ материалов перехвата выявил вероятное военное сотрудничество между коммунистическим блоком и вооруженными силами Гаваны. Западными станциями радиоперехвата в чехословацкой УКВ-радиосети «борт—земля» была отмечена испанская речь, что свидетельствовало о том, что испаноговорящий летчик, возможно, проходит летную подготовку на самолете неустановленного типа на аэродроме чехословацкого города Тренчин.

До разрыва дипломатических отношений с Кубой последний американский военно-морской атташе в Гаване командер Д.Х. Флойд активно отслеживал прибытие и убытие судов советского блока и их грузы, для чего использовал свою сеть информаторов, в которую входили кубинцы, недовольные новой властью, военные атташе других стран и проститутки. В конце 1960 г. в гаванском порту Флойд заметил нечто, похожее на укрытые для транспортировки ракеты, однако не сумел подтвердить этот факт. Радист-кубинец передал атташе весь перечень радиочастот, используемых кубинскими вооруженными силами, что оказалось чрезвычайно полезным для АНБ при перехвате кубинского радиообмена. После закрытия посольства США в марте 1961 г. американцам пришлось в большей степени рассчитывать на британских и французских военных атташе, передававших информацию с места события, а радиоперехват стал основным источником информации о советско-кубинских сделках.

Злополучная операция в заливе Свиной в 1961 г. не вызвала народного восстания против Фиделя Кастро. Офис военно-морской разведки (ОВМР) работал тогда как посредник между ВМС и ЦРУ, организуя морскую поддержку операции. Принятые ЦРУ на период проведения высадки в заливе Свиной меры безопасности были настолько жесткими, что в ОВМР всего пять офицеров были в курсе мероприятий флота по поддержке десантной операции. План ЦРУ отводил ВМС задачу защиты сил десанта на море. ВМС, правда, указали тогда, что в случае неудачи с десантной операцией не предусмотрен вариант возможной обратной погрузки на суда антикастровских бойцов. Точно так и произошло. Последовавшее затем расследование генерального инспектора ЦРУ признало, что ЦРУ допустило «серьезные ошибки», не подключив отдельные виды и рода вооруженных сил, в особенности ВМС, для «холодной и объективной оценки» планов и, самое вопиющее, не доложив немедленно президенту о том, «что успех вызывает опасения». Оружейный делец Ястребов продолжал оставаться главной целью АНБ. Его имя часто звучало в радиообмене, связанном с поставками грузов на Кубу, поэтому, едва услышав в эфире его фамилию, можно было уверенно говорить о характере груза. Прослушивая болтовню операторов кубинских ВВС, АНБ узнало, что кубинским военнослужащим приказано учить русский язык. Из разговоров кубинских военных, подслушанных американцами, можно было узнать о новых видах военной техники и требованиях по подготовке специалистов: «Как там у вас дела? — Хорошо. Скажу тебе, что мы даем жару. Теперь у нас здесь РЛС... — Как? Где? — Да здесь, за станцией, за каким-то манговым деревом».

В целом за первый квартал 1962 г. на Кубе побывали сорок три советских сухогруза, которые доставили на остров 228 000 метрических тонн груза, не считая военных грузов. Те же суда перевезли в СССР примерно 370 000 метрических тонн кубинского сахара и 2238 тонн никелевого концентрата. И хотя количество заходов советских торговых судов в кубинские порты в первом квартале 1962 г. оставалось на уровне первого квартала 1961 г., они перевезли примерно на 50% больше грузов, чем за тот же период 1961 г. Особую ценность представляли восемь торпедных катеров и пять патрульных кораблей класса «Кронштадт», прибывшие из Мурманска. Два судна, «Тбилиси» и «Колхозник», имели на

палубе в качестве груза по четыре торпедных катера, и буксировали еще по одному патрульному кораблю. Еще три судна, «Балтийск», «Братск» и «Льгов», помимо груза в трюмах, также буксировали по одному патрульному кораблю.

Открытый радиообмен в военных радиосетях продолжал давать гору информации по новым «игрушкам» кубинцев. В начале апреля 1962 г. в их разговорах было упомянуто радиолокационное сопровождение, кроме того, приводились наименования известных комплексов советских РЛС. В мае получил подтверждение факт обучения кубинцев боевому применению новой техники. Лингвистический анализ перехваченных разговоров операторов РЛС установил присутствие руководящего персонала не кубинского происхождения, а, вероятно, «славянского или из Центральной Европы».

ОПЕРАЦИЯ «МАНГУСТ»

После унижительного поражения в заливе Свиней президент Кеннеди понял, что его политика сдержанности не повлияла на кубинский марш к коммунизму. В потоке беженцев с Кубы начали встречаться представители среднего класса, что каким-то образом отражало народное недовольство. Данный факт навел Кеннеди на мысль предпринять особые усилия «для того, чтобы помочь Кубе свергнуть коммунистический режим». 18 января 1962 г. президент дал своему брату Роберту Кеннеди, генеральному прокурору США, прямое указание: «Это надо сделать, и это будет сделано».

На следующий день Роберт Кеннеди собрал совещание, на котором присутствовали представители объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США, директор ЦРУ Ричард Хелмс и другие чиновники из ЦРУ и офиса военно-морской разведки. Генеральный прокурор дал ясно понять, что «решение кубинской проблемы является высшим приоритетом». Вооруженным силам США было приказано вести против Кубы провокационные действия под кодовым названием операция «Мангуст». Конечная цель операции заключалась в уничтожении урожая сахарного тростника и побуждении Кубы к ответным действиям, что привело бы к открытой войне и свержению режима Кастро. Тем временем долгожданное общественное недовольство удерживало бы правительство Кастро от вмешательства во внутренние дела других латиноамериканских стран. 14 марта 1962 г. были даны указания на проведения тайных операций. Американские ВМС в них не участвовали, однако ЦРУ спланировало собственную морскую операцию. Было сделано девятнадцать попыток заброски диверсионных групп, одиннадцать из них оказались неудачными.

Однако в наступившем июле погодные условия и только что полученные советские патрульные катера неожиданно сделали заброску диверсантов морем очень трудным делом, и план заброски провалился, не достигнув своих целей.

МАСКИРОВКА

После того как Советы успешно запустили свой спутник, разведывательные службы США решили было, что между двумя странами существует разрыв по ракетам или, говоря другими словами, Соединенные Штаты значительно отстают по общему количеству боеготовых МБР. По мере развития только что появившейся космической фоторазведки в 1961 г. вдруг неожиданно выяснилось, что утверждение о разрыве по ракетам некорректно. Теперь аналитики из разведки ВВС США определяли общее число советских МБР цифрой в 500 единиц. ЦРУ насчитало тогда всего около пятидесяти ракет. А первые снимки со спутников фоторазведки показали, что у Советов только четыре МБР. В феврале 1961 г. министр обороны США Р. Макнамара заявил американской общественности, что

отставания по ракетам нет. Два месяца спустя его оценка была подтверждена предателем из ГРУ О. Пеньковским.

Теперь Вашингтон знал реальную мощь СССР, а Кремль понял, что его блефу пришел конец. Именно из-за боязни отставания по МБР Соединенные Штаты и планировали полное уничтожение коммунистического блока в течение нескольких часов путем применения около пяти тысяч ядерных боеприпасов. Бывший офицер ГРУ капитан 1-го ранга Л. Вторьгин объяснил, что «возможности Соединенных Штатов и Советского Союза не были равными, и информация, переданная в Москву французским генералом (Мюротом) по военным планам НАТО была точной и поэтому оказалась чрезвычайно важной для Советского Союза». Переданный Мюротом военный план ВВС НАТО № 110/59 от 10 января 1960 г. произвел такое сильное впечатление на Хрущева, что он мог оказаться решающим фактором для принятия советским лидером решения о размещении ракет на Кубе, сокращая таким способом самое что ни на есть фактическое отставание СССР по ракетам. Мюрот оказался для Москвы тем же, кем для Запада был Пеньковский — человеком, раскрывшим реальные возможности противника.

В июле 1962 г. министр обороны СССР маршал Малиновский в рамках операции под кодовым названием «Анадырь» отдал устные распоряжения на начало советских тайных перевозок ракет, атомных боеголовок и большого количества тяжелой военной техники. План Хрущева по развертыванию на Кубе советских ракет средней и промежуточной дальности требовал максимальной секретности. Русское слово «маскировка» переводится на английский язык как «guse», хотя у американцев имеется более расширенное толкование этого слова — «уловки», «хитрости». Всевозможные уловки и хитрости широко использовались советским командованием в ходе переброски войск, вооружения и военной техники на Кубу. Например, всех солдат мотострелкового полка, который разворачивался на Кубе, переодели исключительно в «гражданку». Сотрудники военного аппарата, убывавшие на Кубу самолетом, сначала летели в Конакри (Гвинея), а оттуда, не привлекая ненужного внимания, уже на Кубу. Тяжелая военная техника тщательно упаковывалась в деревянную тару, и даже бетонные пусковые столы для ракет отливались в СССР и морем отправлялись на Кубу. И сам выбор названия операции — «Анадырь» — был призван отвлечь внимание от Карибского моря. Под именем «Анадырь» скрывался старый советский послевоенный план вторжения на Аляску. С одной стороны, по одной и той же заявке заказывались и теплая одежда для Арктики и тропическая форма цвета хаки, хотя, если верить рассказам некоторых советских подводников, жена каждого морского офицера на Северном флоте была уверена, что она скоро окажется в чудесном климате Карибского моря. В рамках этой операции Куба, находившаяся под носом у США, становилась стратегической ракетной площадкой СССР, а основные американские города гарантированно попадали в зону поражения ракет средней и промежуточной дальности. В августе восемьдесят шесть советских судов, предназначенных для перевозки личного состава, вооружения и средств МТО, начали ходить на Кубу из разных портов Советского Союза. Были приняты меры по тщательной маскировке, хотя иногда она имела топорный вид. Советские самолеты, включая перехватчики МиГ-21 и морские бомбардировщики Ил-28 среднего радиуса действия, разбирались и перевозились в деревянной таре на грузовых судах. Однако Советы не смогли полностью скрыть свои грузы, и аналитики западных разведок вскоре начали отслеживать и подсчитывать спрявленные Советами сокровища.

СЛУШАТЬ И СЛУШАТЬ

Как маршал Малиновский отдавал приказания на начало операции «Анадырь», так и министр обороны США Р. Макнамара отдал приказ министру ВМС США увеличить объем усилий радиоразведки по вскрытию советско-кубинских действий. Под контролем начальника штаба ВМС командование группы военно-морской безопасности подобрало несколько специализированных судов для перехвата радиосвязи и ведения радиоразведки в интересах АНБ. Увеличение объема работы разведки вызвало нужду еще в одном корабле и

двух десятках офицеров и матросов, которые должны были сменить корабль ВМС США «Оксфорд» (AGTR-1) много сделавший для перехвата радиообмена в сетях ВВС Кубы. ВМС и АНБ пришли к обоюдному согласию относительно того, что таким кораблем будет новый разведывательный корабль, частично укомплектованный личным составом сухопутных войск; пока же, в связи с выводом «Оксфорда», его временно заменял другой корабль. 19 июля директор АНБ отправил телеграмму начальнику штаба ВМС, в которой подчеркнул высший приоритет данной задачи:

1. Министр обороны указал АНБ, как на высший приоритет, на необходимость развертывания вблизи Гаваны (Куба) разведывательного средства для ведения радиоразведки. Первоначально для этих целей использовался корабль ВМС США «Оксфорд». Директор АНБ предпринял шаги по получению корабля из состава Командования морских перевозок (логистическая поддержка), который начнет выполнение боевой задачи не позднее 01.12.1962 г.
2. В связи с тем, что в районе Гаваны нельзя в полной мере использовать разведывательные возможности «Оксфорда», прошу начальника штаба ВМС, в качестве временной меры, до прибытия корабля из состава военной службы морских перевозок (корабли с гражданским командами, находящиеся в подчинении военных) выделить корабль для смены «Оксфорда».

ЧЕРЕСЧУР МНОГО ПАССАЖИРСКИХ СУДОВ НА КУБУ

24 июля, в самом начале операции «Анадырь», АНБ сообщало о перемещении пассажирских судов, конечным пунктом плавания которых была Куба. Отмечалось, что было «не менее четырех, а, возможно, и пяти пассажирских судов на пути на Кубу, с примерно 3335 пассажирами на борту». Из них три судна вышли из балтийских портов, и два — из черноморских. О «Хабаровске» и «Михаиле Урицком» говорилось, что они направляются во Владивосток, однако АНБ полагало, что это маскировка, скрывавшая реальный маршрут на Кубу. На выходе из Черного моря «Адмирал Нахимов» и «Латвия» сообщили, что направляются в Конакри (Гвинея), однако «Латвия» напрямик пошла на Кубу. Исходя из этого, АНБ заключило, что «Адмирал Нахимов», скорее всего, последует ее примеру. Сообщения высшей категории срочности, передаваемые на «Хабаровск» и «Михаил Урицкий», выдавали деятельность, не похожую на повседневную. Эти большие пассажирские суда (например, «Адмирал Нахимов», которое позже затонуло на Черном море, унеся на дно много человеческих жизней) использовались Советами для переброски личного состава трех мотострелковых бригад, отправленных для поддержки кубинцев. И хотя радиоразведка позволяла Соединенным Штатам отслеживать перемещения советских судов на Кубу, сама цель этих перемещений для аналитиков АНБ оставалась неясной. 7 августа АНБ сделало попытку дать объяснения этой деятельности, однако оно так и не признало наращивание советского военного присутствия на Кубе: «Некоторые из этих явно неординарных аспектов подобной активности торговых судов находят разумное объяснение: а) малая загрузка этих судов может свидетельствовать о неспособности СССР поставлять кубинцам промышленные или сельскохозяйственные материалы; б) на Кубе уже столько военной техники, что можно говорить о ее избытке или неспособности всю ее оплатить; поэтому суда будут нужны для перевозки экспортных материалов с Кубы (беспрецедентное совпадение); и с) следует ожидать судоходства малой интенсивности... если суда не повезут ничего другого, кроме заявленного груза». Вероятность того, что эти суда могут перевозить военную технику, казалась малой, хотя полностью не исключалась:

«Имеются некоторые свидетельства в пользу предположения о том, что, по крайней мере, некоторые суда могут перевозить военный груз. Прошлый опыт свидетельствует, что Советы обычно пытаются скрыть военную технику, используя такой прием, как называя ее «разнообразным» или «общим» грузом при декларировании прохода через Босфор. Не менее девяти судов сделали такие декларации, что позволяет считать некоторое количество их груза, вероятнее всего, военным».

Тем временем материалы перехвата, полученные на «Оксфорде», заставляли говорить о беспрецедентном количестве новой советской техники, используемой кубинскими военными. В августе 1962 г. корабль трижды перехватывал электромагнитное излучение, «технические характеристики которого свидетельствовали о его принадлежности к советской РЛС управления огнем зенитной артиллерии», что подтверждало данные о развертывании подобных РЛС на Кубе. Несмотря на то, что советский персонал старался говорить по-испански, радиоразведка продолжала отмечать русские и некубинские голоса на боевых частотах радиосетей кубинских революционных ВВС. Как докладывали операторы радиоперехвата «Оксфорда», «пилоты и авиадиспетчеры коммунистического блока приложили немало усилий, чтобы полностью перейти на испанский язык, однако, время от времени, они пользуются родным языком, передавая трудную команду или запрашивая другого летчика блока или диспетчера. Зафиксирован единственный случай, когда летчик из коммунистического блока попросил кубинского диспетчера говорить медленнее, поскольку он не мог его понять».

СПОКОЙНОЕ ЯСНОВИДЕНИЕ ЦРУ

10 августа 1962 г. на совещании в конференц-зале государственного секретаря Д. Раска директор ЦРУ высказал предположение о том, что советские поставки на Кубу могут являться «электронным оборудованием для использования против американской базы на мысе Канаверал (Флорида), и/или военной техникой, включая БРСД». Через десять дней ЦРУ повторно предупредило о повышенной активности в кубинских портах: «Следует считать, что, начиная с 1 июля, на Кубу прибыли от четырех до шести тысяч военнослужащих СССР или стран коммунистического блока. О многих известно, что это технический состав; свидетельств присутствия организованных советских частей, как таковых, нет... Разгрузка большинства судов производится с максимальной секретностью, включая запрет доступа кубинского населения на территорию портов. Отмечено крупногабаритное вооружение; замечена крупная деревянная тара, в которой могут находиться фюзеляжи самолетов или компоненты ракет».

ЦРУ все же еще не было абсолютно уверено в характере поставок и по-прежнему рассматривало желательную для нее вероятность «расширенной помощи промышленности и сельскому хозяйству Кубы». Военной стороной помощи являлось «возможное создание позиций для ракет «земля—воздух» и «возможное создание советских объектов радио- и радиотехнической разведки, нацеленных на мыс Канаверал и другие важные цели в США». Тиро де Восджоли, резидент французской контрразведки в Вашингтоне и Гаване, к этому времени уже сыграл, по-видимому, свою решающую роль, сделав фотографии советской техники, которую разгружали в кубинском порту Мариэль, — как рассказывает об этом роман Леона Уриса «Топаз» и как показано в фильме А. Хичкока.

21 августа директор ЦРУ передал госсекретарю Раску конкретную информацию о ракетах «земля—воздух» и представил свои соображения относительно наличия или отсутствия советских БРСД на Кубе. В течение двух последующих дней он повторил ту же информацию президенту Кеннеди и задался вопросом — не помогает ли основательное оборудование позиций ракет «земля—воздух» спрятать баллистические ракеты средней дальности. В ходе этого разговора Макнамара высказался решительно: «Должно быть предпринято любое агрессивное действие, будь то разведка, диверсии или партизанская война». Директор ЦРУ докладывал тогда, что усилия его ведомства дают разочаровывающие результаты — «в связи с очень жесткой ситуацией в области внутренней безопасности на Кубе».

23 августа президент Кеннеди распорядился подготовить анализ возможного политического и психологического воздействия факта базирования на Кубе ракет, которые могут достичь Соединенных Штатов — как класса «земля—воздух», так и класса «земля—земля». Обдумывая свой план действий, он также распорядился изучить преимущества и недостатки его возможного заявления о том, что США не потерпят размещения на острове

вооруженных сил, способных нанести с Кубы ядерный удар. Президента, в случае нежелательности его выступления с таким заявлением, также интересовали возможности и варианты военного развития событий.

Все более соблазнительным становилось желание рискнуть и получить фотоснимки, сделанные с малой высоты; с этой целью над Кубой могли быть задействованы самолеты «RF-101» ВВС и «F8U» ВМС США. 29 сентября снимки, сделанные с большой высоты самолетом «U-2», подтвердили обширные советские поставки, в числе которых были 8 катеров УРО класса «Комар». По оценкам ЦРУ, наводимые по РЛС ракеты, которыми были вооружены эти катера, имели боевую часть, снаряженную 2000 фунтов взрывчатки, и могли эффективно применяться на дальностях 15—17 миль. Из фотографий, сделанных «U-2», также явствовало, что в стадии оборудования находятся восемь позиций ракет «земля—воздух»; также на фотоснимках было выявлено базирование тридцати семи истребителей «МиГ» из расчетных шестидесяти, поставленных на Кубу. На Кубу в это время шли шестнадцать советских сухогрузов, из которых, как предполагалось, десять перевозили военную технику.

ПРАВО НА ЗАЩИТУ КУБЫ

К первому сентября Советский Союз переправил в порт Мариэль полный комплект снаряжения, запчастей и ракет. После этого торговые суда доставили большие ракетные катера класса «Комар», предназначенные для обороны побережья. Спрятать их было невозможно, поэтому их перевозили на верхней палубе. Первая партия ракет средней дальности, каждая из которых имела длину 67 футов (примерно 20,5 м), была погружена на торговое судно «Полтава» в закрытом порту Севастополя. При погрузке ракет в трюм на самый низ грузили пятитонные пусковые столы из бетона. Тысячи военнослужащих из состава трех ракетных полков сгрудились на нижних палубах, им было приказано оставаться там в течение всего перехода и появляться на верхней палубе только с наступлением темноты. Генерал-майор Игорь Стаценко, командир ракетной дивизии, очень опасался, что его солдаты и груз будут обнаружены до их прибытия в порт Мариэль. В начале сентября два советских грузовых судна, «Индирик» и «Александровск», покинули Севастополь с первыми партиями ядерных боеголовок для ракет, которые уже находились на Кубе. Боеголовки были складированы в судовых помещениях главной палубы. На «Индирик» было восемьдесят боеголовок для крылатых ракет, которыми вооружались патрульные ракетные катера класса «Комар», шесть ядерных боеголовок для средних бомбардировщиков морской авиации Ил-28 и двенадцать атомных боеголовок для ракетных комплексов «Луна». «Александровск» перевозил двадцать пять атомных боеголовок для БРСД Р-14, которые, по прибытии судна в кубинский порт Ла Изабелла, оставались в трюмах судна, поскольку сами ракеты под эти боеголовки еще не прибыли на Кубу. Ракета Р-14 оснащалась одной ядерной боеголовкой и имела дальность пуска более 2000 миль. Оба эти судна совершили переход за восемнадцать дней, они были сфотографированы американскими и английскими средствами наблюдения, по никакой тревоги не вызвали.

Приказы капитанам «Индирики» и «Александровска» гласили: «Относительно самообороны ваших судов... во время транспортировки специального груза суда будут оснащены двумя 37-мм автоматическими зенитными пушками с 1200 снарядами на каждую пушку. Открывать огонь только при попытке захвата или потопления вашего судна с одновременным докладом о подобной попытке в Москву».

Аналитики американской военно-морской разведки подготовили и разослали адресатам в ВМС инструкцию для экипажей самолетов и кораблей по распознаванию советской военной техники, исходя из размеров и конфигурации деревянной тары. На некоторых советских грузовых судах имелись большие грузовые люки, через которые производилась погрузка механизированной техники, танков и бетонных пусковых столов для ракет. Для того чтобы уменьшить вероятность обнаружения американцами процесса производства

таких столов на Кубе, их изготавливали в СССР, грузили на торговые суда и выгружали ночью в кубинских портах. План требовал быстрого сооружения и ввода в эксплуатацию стартовых позиций ракет, поскольку рано или поздно их все равно обнаружат американские самолеты-разведчики. Весь советский военный персонал, включая командующего всеми советскими силами на Кубе генерала И. Плиева и его штаб, добирались до места назначения в «гражданке» и по запутанным маршрутам, чтобы сбить с толку американцев. Генерал и его штабные офицеры прилетели в Конакри (Гвинея), им поставили в паспорта штампик, и они продолжили полет до Гаваны.

Аналитикам западных разведок не составило особого труда определить разницу между темнокожими кубинцами и их белыми наставниками, преимущественно блондинами. Кубинцы прозвали их «ночными ползунами» за склонность к передвижениям и строительству только под покровом темноты. В целом советская операция отличалась поспешностью в ее организации и легким налетом маскировки. Временами хитрости Советов вызывали у западных аналитиков смех, но это длилось не слишком долго. Угроза конфронтации оставляла мало места для юмора.

4 сентября США выступили с протестом по поводу сооружения стартовых позиций зенитных ракет и поставок катеров, вооруженных крылатыми ракетами. Оказавшись не в состоянии и дальше скрывать размах своих военных поставок, Москва опубликовала коммюнике, в котором заявила о «праве на оказание военной помощи, пока существует опасность вторжения».

К середине сентября на Кубе находились атомные боеголовки для советских БРСД Р-12 «Двина» (SS-4). Теперь у СССР на Кубе имелись бомбардировочная эскадрилья (6 самолетов Ил-28) с атомными бомбами и три дивизиона БР «Луна» малой дальности (6 ПУ, 12 ракет, 12 боеголовок со спецзарядом и 24 ракеты с обычными боеголовками). 8 сентября министр обороны СССР Р.Я. Малиновский разрешил командующему группировкой советских войск на Кубе — в случае ожидаемой высадки американцев — применять это оружие по его усмотрению:

«В том случае, когда поражение противника становится первоочередной задачей, а возможности получения инструкций от Министерства обороны СССР нет, вам разрешается принять собственное решение и использовать ядерные средства типа «Луна», Ил-28 и ФКР-1 в качестве оружия локальной войны для уничтожения противника на земле и вдоль побережья с целью полного уничтожения захватчиков на кубинской территории и защиты Республики Куба».

С целью дальнейшего ухудшения обстановки вокруг Кубы вооруженная группа кубинских эмигрантов под названием «Альфа-66» организовала нападения на английское и кубинское суда, находившиеся у северного побережья Кубы. Теперь советские суда могли подвергнуться нападению незаконных вооруженных групп. 27 сентября Министерство морского флота СССР дало советским судам следующую телеграмму:

«В случае невозможности защиты от вооруженного нападения иностранных граждан, силой проникающих на ваше судно, начальник находящегося на судне воинского подразделения уничтожает имеющиеся на борту судна документы, содержащие сведения, которые представляют военную или государственную тайну. В случае угрозы захвата вашего судна иностранными судами, капитан и начальник находящегося на судне воинского подразделения организуют отражение нападения и высадки на судно и, в случае необходимости, топят судно, используя для спасения экипажа все средства согласно указаниям Министерства морского флота».

В это время на пути на Кубу находились еще 26 советских торговых судов, и агент ЦРУ в кубинском военном флоте сообщал о прибытии новых торпедных катеров и противолодочных кораблей в конце 1962 г. и начале 1963 г. ЦРУ также скорректировало свою оценку предполагаемой ракетной позиции в Баньес (Куба). Теперь, по прогнозу ЦРУ, с этой ракетной позиции, расположенной на высоте около 300 метров над уровнем моря и ориентированной в сторону океана, могли производиться пуски крылатых ракет по морским целям на относительно короткие дальности. Скорее всего, этими ракетами могли быть SS-N-1 или SS-N-2 с эффективной дальностью пуска от 20 до 30 и от 10 до 15 морских миль, соответственно. Не исключалось применение и более крупных ракет SS-C-1,

имевших дальность пуска 150—300 морских миль и предназначенных для поражения авианосцев.

16 сентября 1962 г. директор ЦРУ предложил тщательно изучить возможность тайной доставки из СССР нескольких БРСД и их установки на Кубе. БРСД нельзя будет обнаружить, если кубинские средства обороны сделают невозможным разведывательные полеты над островом. Директор ЦРУ не хотел лишней паники, но в этот момент он считал, что на Кубе уже находится 4200 человек советского военного технического состава. С конца июля советские суда выполнили девять незаявленных рейсов на Кубу, и еще два судна были на маршруте на Кубу. По его оценкам, советские поставки значительно усилили кубинские ПВО и оборону побережья, обеспечив дальнейшее существование режима Кастро, «который, вероятно, станет более агрессивным в разжигании революционной деятельности в Латинской Америке». На этой стадии, однако, директор ЦРУ считал более вероятным создание базы советских подводных лодок в Мариэль (Куба), чем установку баллистических ракет средней и промежуточной дальности наземного базирования. 20 сентября ЦРУ опять занялось изучением варианта баллистических ракет. Персональный летчик Кастро Клаудио Молинас заявил 9 сентября, что «у нас есть управляемые ракеты с дальностью

пуска сорок пять миль, это ракеты класса «земля—земля» и класса «земля—воздух»; есть у нас и сеть РЛС, которая перекрывает не только все воздушное пространство Кубы, сектор за сектором, но захватывает и Флориду. Также мы имеем много подвижных пусковых установок для ракет промежуточной дальности».

Приходило много сообщений от агентов, которым довелось случайно увидеть тягачи, сходные с теми, которые используются для транспортировки ракет SS-N-4. Американцам надо было что-то срочно делать. 4 октября Роберт Кеннеди выразил президентскую «озабоченность по поводу успехов программы «Мангуст» и высказал его пожелание усилить диверсионные операции». В связи с «плачевными результатами» он настаивал на «массированной деятельности». Рассматривались разные варианты, например, облет на малой высоте острова самолетами ВМС или же минирование кубинских вод. Указывалось, что «имеются мины неамериканского производства, напоминающие самодельные, которые можно ставить с небольших суденышек, имеющих кубинские экипажи. Генеральный прокурор завершил встречу следующими словами: «Должны быть предприняты все усилия по разработке новых и оригинальных подходов к возможности избавления от режима Кастро».

ОПЕРАЦИЯ «КАМА»

Участие советского ВМФ в мероприятиях по плану «Анадырь» осуществлялось в рамках операции «Кама», которой руководил подводник контр-адмирал Леонид Рыбалко. Цель операции заключалась в переброске на Кубу эскадры военных кораблей и одиннадцати подводных лодок, из которых семь являлись дизель-электрическими лодками «Проект 629» (по классификации НАТО — класс «Гольф»), вооруженными новыми ракетами промежуточной дальности с атомной боеголовкой. Надводные корабли включали два пушечных крейсера класса «Чапаев», два эсминца УРО и две эскадры кораблей противоминной борьбы. Подводные лодки и надводные корабли их поддержки вместе с кораблями обеспечения должны были постоянно базироваться на глубоководный порт Мариэль в 25 милях западнее Гаваны. Потом последовало изменение приказов. Капитан 1-го ранга Рюрик Кетов вспоминает об этих днях так:

«В середине 1962 г. для временного базирования на Кубу была создана 20-я эскадра дизель-электрических подводных лодок. В состав эскадры, которой предстояло базироваться на Мариэль (Куба), входили тендер «Дмитрий Галкин», дивизион ракетных подводных лодок и бригада торпедных подводных лодок. Было обычным явлением, что, по мере изменения политического климата в мире, в высших эшелонах правительства и командования ВМФ менялись взгляды на состав и задачи упомянутой подводной эскадры. Эскадра была

сокращена до бригады торпедных лодок с тендером «Дмитрий Галкин», а потом, накануне убытия, всего до четырех подводных лодок класса «Фокстрот». Соответственно, были изменены и наши задачи — от постоянного базирования на Мариэль до временного базирования на тендер «Дмитрий Галкин», а еще позже, всего за неделю до похода, наша задача стала заключаться в простом переходе на Кубу. Следует отметить, что сначала планировалось, что лодки будут совершать переход в надводном положении и по установленному маршруту, однако последние боевые приказы требовали выполнить весь переход в подводном положении... Самое важное, лодки должны были быть вооружены «спецбоеприпасами», т.е. торпедами с ядерной боевой частью. Подобные приказы не так беспокоили офицеров штаба бригады, как командиров подводных лодок. На подводных лодках царило тревожное ожидание того момента, когда возникнет необходимость в применении такого оружия».

Бригада в составе четырех дизельных ударных подводных лодок начала 1 октября 1962 г. выполнение своей необычной задачи.

16 и 18 октября ЦРУ пришло к выводу, что в горах Сьерра дель Розарио, примерно в пятидесяти морских милях на юго-запад от Гаваны, выполняются первичные мероприятия по развертыванию советских БРСД. Размеры трейлеров позволяли говорить о баллистических ракетах «SS-3» или SS-4. Ожидалось также, что рядом с Гаваной будут разворачиваться БРПД «SS-5» с дальностью пуска 2200 морских миль. Операция «Анадыр» увенчалась успехом — баллистические ракеты были незамеченными доставлены на Кубу. Единственным свидетельством присутствия ракет были сообщения агентов, действовавших на Кубе: «Наступательные ракетные системы ввозятся на Кубу преимущественно через порт Мариэль». Однако ЦРУ посчитало, что «отсутствует подтверждение по линии проверки судоходства или из других источников, которые бы свидетельствовали о прибытии на Кубу ракетных частей».

Пока подводные лодки советского ВМФ двигались в южном направлении, эсминцы и авианосцы противолодочных поисково-ударных групп Атлантического флота готовились принять участие в блокаде, неожиданно объявленной президентом Кеннеди 22 октября. Произошло четыре напряженных стычки с участием каждой из четырех лодок адмирала Рыбалко и преследовавшими их американскими противолодочными поисково-ударными группами. После долгой охоты три из четырех лодок были вынуждены всплыть для зарядки батарей. В ходе одной стычки — между советской подводной лодкой «Б-130», у которой были механические проблемы на всех трех дизелях, и американским эсминцем «Блэнди» — неправильно понятый маневр командира эсминца заставил запаниковать его советского соперника. Советские подводные лодки были вооружены торпедами со «спецбоеприпасом», т.е. ядерными торпедами, однако командир лодки не мог самостоятельно принять решение на стрельбу такой торпедой, потому что ему требовалось разрешение специальному офицеру, который по приказу Москвы находился на лодке и контролировал ситуацию с атомным оружием. Лишь благодаря непоколебимой выдержке и терпению четверых командиров советских подводных лодок и командиров американских эсминцев две ядерные сверхдержавы не были ввергнуты в ядерную катастрофу. Невоспетыми героями кризиса следует считать и ту горстку совсем молодых парней, знавших английский язык и бывших радиооператорами на подводных лодках, которые долгими часами внимательно вслушивались в переговоры американских моряков и летчиков. Для советских подводников это был единственный источник правдивой информации о том, что творится вокруг них. Москва им ничего не сообщала. Эти ребята, операторы, были постоянно заняты, кропотливо, по кусочкам, выуживая информацию о том, что войны еще нет, и хотя происходит жесткое противостояние, есть надежда избежать того, что означает неизбежную войну. Прокалывая поверхность океана антеннами, они, замурованные в своих тесных стальных отсеках и испытывавшие кислородное голодание, часто страдали от тепловых ударов. Прочесывая радиоволны американской военной радиосвязи и частоты коммерческих радио- и телевизионных станций, они бесценными крупицами данных выкладывали реальную картину состояния конфликта. Не будь информации, добытой в эфире этими людьми, командиры их лодок могли бы оказаться в ненужной конфронтации с американскими кораблями.

Экипажи четырех советских подводных лодок страдали от ужасающей жары и неопределенности их положения, потому что Москва слабо руководила их действиями. В конце концов их труды оказались бесплодными. По возвращении на базу они стали козлами отпущения — их встретил холодный прием и выговор от начальства за срыв скрытности перехода на Кубу.

Три советских судна, которые, как предполагалось американцами, перевозили баллистические ракеты, развернулись и легли на обратный курс в СССР — вместе с тринадцатью другими советскими сухогрузами, перевозившими до этого военные грузы на Кубу. Тем не менее шесть советских сухогрузов вес еще шли на Кубу. Следует сказать, что за период блокады ни на одно советское судно не было произведено высадки американских досмотровых групп. Американцы остановили и проверили только одно судно — американской же постройки «Маруклу» класса «Либерти», под ливанским флагом и зафрахтованное Советским Союзом.

24 октября 1962 г. кубинская разведка предоставила свои расчетные данные по американской высадке. Капитан Педро Луис из 2-го бюро Генерального штаба не предполагал неминуемой высадки и правильно оценил боевой состав первого эшелона — две или три дивизии из состава сухопутных войск или морской пехоты, для перевозки которых потребуется 120—130 судов; все это будет своевременно вскрыто кубинской и советской разведкой.

Основываясь на успешном применении зенитных пушек при отражении высадки в заливе Свиней, Ф. Кастро опять спланировал разделить имеющиеся у него пушки на три отдельных группировки и использовать их против низколетящих самолетов и амфибийных сил. В самый напряженный день кризиса, 26 октября, Кастро сообщал Хрущеву, что нападение обязательно произойдет в ближайшие сутки-трое, хотя, по мнению Кастро, нападение менее вероятно, чем массированный воздушный налет на «определенные цели». Кастро предложил Советскому Союзу нанести ядерный удар по США, если те попытаются вторгнуться на Кубу. Кастро закончил свое послание выражением бесконечной признательности и уважения советскому народу.

Получив 27 октября такое послание, советский Генеральный штаб разрешил своим силам на Кубе «применять все имеющиеся ресурсы ПВО», запретив «использовать без приказа из Москвы ядерное оружие, ракеты, крылатые ракеты и авиацию». В тот же день ЦРУ отметило, что вооруженные силы Кубы продолжают высокими темпами проводить мобилизацию, выполняя в то же время приказ не предпринимать никаких враждебных действий, если нет факта нападения.

КТО ПОБЕДИЛ?

Секретное приложение к соглашению между советским премьером Н.С. Хрущевым и президентом США Д.Ф. Кеннеди от 28.10.1962 г. содержало американское обязательство не вторгаться на Кубу и советское обязательство не разглашать договоренность о выводе американских ракет средней дальности с баз в Турции и на Сицилии. Вывод ракет и тот факт, что американского вторжения до сих пор не произошло, преподносится русскими как полный успех Советов. В русской трактовке полностью проигнорирован тот факт, что американские ракеты средней дальности уже планировались к выводу из Европы. Они становились избыточным средством в связи с растущим флотом подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис», что позволяло производить запуски ядерных ракет с моря.

В последующие годы Советы провели несколько конференций в Москве и Гаване, посвященных прошлому успеху. На эти конференции приглашались высокопоставленные участники тех событий с обеих сторон. Советский генерал в отставке И. Плиев, командовавший в 1962 г. советскими силами на Кубе, и генерал армии А. Грибков, разработчик плана «Анадьрь», неоднократно говорили о том, что тогдашние приказы разрешали генералу Плиеву применение ядерного оружия в случае американского

вторжения на Кубу без приказа из Москвы. В 1989 г. министр обороны СССР Д. Язов, который в 1962 г. командовал советским мотострелковым полком на Кубе, в беседе с кэптенем П. Хухтхаузенем сказал, что в той ситуации любой старший советский офицер на Кубе применил бы ядерное оружие в случае нападения американцев на любую советскую воинскую часть. После неудавшегося мятежа против президента СССР и генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева в 1991 г. Язов попал в тюрьму.

Капитан 1-го ранга Вторыгин, бывший в начале 1960-х годов помощником советского военно-морского атташе в Вашингтоне, делится своими воспоминаниями:

«Кубинский кризис был самым серьезным из всех кризисов «холодной войны». Мы, в атташате, ничего не знали о развертывании советских ракет. Мы слышали об этом от А.И. Микояна, когда тот летал на Кубу и на обратном пути остановился в Вашингтоне, где он рассказал нам о ситуации, войсках и вооружении на Кубе; только тогда мы поняли размах нашего участия в этих событиях. Микоян летал на Кубу убеждать Кастро согласиться с нашими предложениями по выводу с Кубы советских ракет. Кастро был против. Было неприятно. Вначале Кастро отверг наше предложение, потому что он зависел от этого оружия. Микояну понадобилось несколько дней, чтобы убедить его. Не знаю причины, но Микоян рассказал о происходящем ограниченному кругу сотрудников советского посольства в Вашингтоне. Я участвовал в том совещании».

Секретная сделка между Москвой и Вашингтоном не решила, однако, всех проблем, связанных с операцией «Анадырь». 5 ноября директор ЦРУ ознакомил АНБ США с полученным из Москвы сообщением. Советы заявляли, что отправили на Кубу сорок две ракеты, американцы, в свою очередь, насчитали сорок восемь таких ракет, тридцать три из которых они наблюдали визуально. Советы согласились предоставить всю информацию по транспортировке ракет, чтобы США могли вести их подсчет, и директор ЦРУ остался доволен.

Оставался нерешенным вопрос о других советских вооружениях, доставленных на карибский театр в рамках операции «Анадырь». Президент Кеннеди хотел получить гарантии того, что на Кубе не будет построена база советских подводных лодок. Он также хотел, чтобы носители ядерного оружия самолеты Ил-28 покинули остров. Приблизительно в это же время маршал Малиновский разговаривал по телеграфу с генералом Плиевым и советовался с ним относительно дальнейшей судьбы советского оружия. Малиновский предложил в течение 8—10 месяцев передать кубинцам зенитные ракеты и ракеты обороны побережья, ракетные катера класса «Комар» и остальные корабли и самолеты. Потом Малиновский добавил: «Что касается боеголовок для ракет обороны побережья «Луна» и бомбардировщиков Ил-28, то вывод этих вооружений пока не обсуждался. Они остаются на Кубе под вашим командованием». Получается так, что Советы собирались оставить на острове свои тактические ракеты и ядерные боеголовки. Маловероятно, чтобы Соединенные Штаты их обнаружили, потому что госсекретарь Д. Раек, в силу политических причин, успешно противодействовал увеличению количества разведывательных полетов над островом, возложив тем самым на надводные силы американского флота большую долю работы по сверке количества ракет, вывозимых с Кубы, путем наблюдения за торговыми судами и перехвата радиосообщений. К концу ноября, с возобновлением разведывательных полетов, стали поступать доклады с самолетов морской авиации берегового и корабельного базирования о демонтаже советских береговых ракетных батарей и о наличии ракетных пусковых установок, погруженных на советские суда, покидающие кубинские порты. Для Соединенных Штатов, не подозревавших об остающихся на Кубе тактических ядерных ракетах, основной заботой оставались бомбардировщики Ил-28. Вашингтон еще не был готов к выполнению обязательства не вторгаться на Кубу.

На встрече президента с членами объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США военные критиковали вариант отмены карантина в обмен на вывод Ил-28. Если отмена карантина не приведет к выводу этих средних бомбардировщиков, то военные предложили «уничтожить их ударом с воздуха». Военные также высказали озабоченность наличием больших запасов современной военной техники, которая может быть использована против американской базы Гуантанамо «или любой другой попытки

вторжения». Последнее ясно свидетельствовало о том, что названный вариант действий оставался открытым, несмотря на данное Москве обещание.

Для Москвы основная головная боль заключалась в другом. 22 ноября советский посол в Гаване направил срочную телеграмму А.И. Микояну, главному кремлевскому переговорщику, находившемуся в это время в США:

«Директива кубинского МИД Лечуге, своему представителю в Нью-Йорке, содержит следующую фразу: «У нас есть тактическое оружие, которое мы должны сохранить».

Советуем нашим кубинским друзьям срочно скорректировать эту часть директивы Лечуге, и четко сказать ему, что у кубинцев нет ядерного оружия. Важно немедленно дать такое указание Лечуге, чтобы он не сделал какого-нибудь заявления в несерьезном разговоре, который кто-нибудь может услышать».

Американская разведка, безусловно, была в неведении относительно этого дополнительного тактического ядерного оружия. Советский Союз, в конце концов, согласился убрать все бомбардировщики Ил-28, а Кеннеди выполнил свое обещание не вторгаться на Кубу. И это можно считать самым долгосрочным успехом операции «Анадырь» — как с точки зрения СССР, так и Кубы.

Глава 9

ПЕРЕХОД К ВОЙНЕ: ВЬЕТНАМ, 1961-1975 гг.

14.12.1960 г. директор АНБ (Агентство национальной безопасности) вице-адмирал Л.Х. Фрост ввел состояние боеготовности «Браво» (предшествует высшей степени боевой готовности) всем американским станциям радиоперехвата на Дальнем Востоке. Повышенная готовность, введенная Вашингтоном, была вызвана обнаружением американскими средствами радиоразведки воздушного моста, организованного Советами для поддержки коммунистических групп в Лаосе. В последующем администрация Кеннеди даже направила дипломатический протест в Москву. Вашингтон действительно опасался, что возможное вмешательство Советов или китайских коммунистов, или и тех и других в конфликт в Лаосе подтвердит на практике «теорию домино» бывшего президента Д. Эйзенхауэра. Если Лаос рассматривался стратегическим ключом к Юго-Восточной Азии, то проникновение коммунистов в Южный Вьетнам, которое проводилось под руководством лидера Северного Вьетнама Хо Ши Мина, вскоре тоже стало предметом озабоченности президента Кеннеди. Прошло совсем немного времени, и северные вьетнамцы стали использовать в своей стратегии и морские просторы.

Проникновение морем в Южный Вьетнам началось в 1963 г. Тогда под руководством северовьетнамского контр-адмирала Тран Ван Зяна была создана воинская часть для выполнения задачи инфильтрации по морю, которая получила наименование «Группа 759». 603-й отдельный батальон этой группы, базировавшийся на Хайфон, имел своей боевой задачей переброску личного состава и материальных средств на юг страны морским путем вдоль побережья. Второй организацией, занимавшейся подобными вопросами, была секция связи исследовательского управления Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ), доставлявшая партийных агентов на юг по морю вдоль береговой линии протяженностью 1200 миль; для маскировки своих действий секция успешно использовала присутствие многочисленных рыбацких суденышек, традиционно занимавшихся промыслом в этих районах.

Американская радиоразведка вскоре пришла к выводу, что отслеживать северовьетнамские лодки-нарушители практически невозможно. С другой стороны, сочетание радиоразведки с источниками агентурной разведки, преимущественно с захваченными экипажами и

документами противника, также не было эффективным противодействием потоку северовьетнамских агентов на юг.

В декабре 1961 г. ВМС США установили линию патрулирования, которая являлась морским продолжением существовавшей на суше демилитаризованной зоны, разделявшей северную и южную части страны, вдоль параллели 17 градусов. Этот район моря постоянно контролировался пятью минными тральщиками, имевшими большой радиус действия, и несколькими самолетами-разведчиками сухопутных войск и ВМС США. Несмотря на первоначальный скептицизм, высказанный командующим ВМС США в зоне Тихого океана относительно северовьетнамского проникновения морским путем, министр обороны Р. Макнамара приказал продлить линию патрулирования в Южно-Китайском море па юг и на запад вдоль побережья Камбоджи до острова Фукуок. К марту 1962 г. ВМС опять пришли к выводу, что их усилия по противодействию проникновения на юг были непродуктивными: «Исходя из полученных к настоящему времени результатов, следует считать, что патрулирование оказалось неэффективным в захвате нарушителей, если значительное проникновение действительно имело место, хотя, возможно, присутствие патрульных кораблей несколько остудило пыл».

ТАЙНАЯ ПОДДЕРЖКА ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА: ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ТОНКИНСКОГО ИНЦИДЕНТА

Недавно рассекреченная информация позволяет по-новому взглянуть на то, что же на самом деле случилось летом 1964 г. в Тонкинском заливе. В декабре 2007 г. была частично рассекречена работа исследователя из АНБ Р.Д. Ханьока под названием «Спартанцы в темноте: АНБ, американская радиоразведка и война в Индокитае, 1945—1975 гг.» В этой работе впервые представлена полная версия американской радиоразведки относительно развития событий в Тонкинском заливе в период с 1 по 4 августа 1964 г. Исследование Р.Д. Ханьока основано на изучении 122 документов радиоразведки того периода вместе с примечаниями, сделанными в центрах перехвата, и личными беседами с участниками тех событий. Р.Д. Ханьок приводит в своей работе телеграммы, которыми обменивались между собой центры перехвата и военные штабы разных уровней, вовлеченные в Тонкинский инцидент. Информация, которую приводит Р.Д. Ханьок, показывает, как грубая ошибка радиоразведки вынудила президента Джонсона бросить Соединенные Штаты в самый кровавый конфликт со времени окончания Второй мировой войны.

Новый сайгонский режим, и в предшествующие годы неспособный контролировать проникновение северных вьетнамцев морским путем, в 1964 г. все так же вяло противодействовал организованному Северным Вьетнамом проникновению Вьетконга на юг. После убийства президента Нго Динь Дьема власть в Сайгоне перешла к новому правительству. Министр обороны Макнамара и только что вступивший в президентскую должность Л.Б. Джонсон были полны решимости оказать тайную и эффективную поддержку своему южновьетнамскому союзнику. Они приказали усилить военное давление па Ханой. В начале 1964 г. министерство обороны США взяло под свой контроль все тайные операции в этом регионе, которыми до этого занимались другие американские структуры и которые были одиночными и не скоординированными.

Новый план действий охватывал период в 12 месяцев и предусматривал выборочные нападения, которые можно было бы «приписать» Южному Вьетнаму, который старается «убедить руководство Северного Вьетнама прекратить руководство и поддержку подрывной деятельности в Республике Южный Вьетнам и Лаосе». Далее по плану предусматривались «неприметные» регулярные беспокоящие нападения, которые вынудили бы Ханой выделять для их отражения значительные силы. Следующий этап, «изматывающий», предусматривал атаку важных военных и гражданских объектов, потеря которых могла вызвать «временную приостановку поступления важных ресурсов», что, в свою очередь, могло спровоцировать народные выступления на севере страны. В заключительной, «карательной» части плана, рассматривалась возможность повреждения

или уничтожения важнейших гражданских или военных объектов. Заключительная фаза плана разрешала проведение кампании воздушных бомбардировок с целью заставить Ханой отказаться от поддержки Вьетконга. Тот же план давал «зеленый свет» новым и более агрессивным операциям на море, которые планировалось проводить на быстроходных катерах «Нейсти» норвежской постройки, предоставляемых и эксплуатируемых ВМС США. Эти норвежские катера перевозили солдат специальных войск Южного Вьетнама, которые были усилены наемниками из числа южнокорейцев и чанкайшистских китайцев. Позднее на эти же катера возложили задачи обстрела северовьетнамских РЛС в ночное время и, путем высадки диверсантов, распространения террора на побережье, уничтожения мостов и других объектов прибрежной инфраструктуры Северного Вьетнама. Какими бы блестящими ни казались эти операции, северные вьетнамцы оказались способными успешно реагировать на них. Самым ужасным недостатком этих операций являлось отсутствие надежной разведывательной информации о назначенных целях до начала выполнения этих операций.

В связи со скудными данными разведки о конкретных целях, министр обороны Макнамара приказал морским силам США организовать специальное патрулирование по сбору разведывательной информации, которая оказала бы практическую помощь в проведении рейдов на побережье Северного Вьетнама. Этой программе сбора информации с помощью радиоразведки, которую должны были вести ВМС и корпус морской пехоты, было присвоено название ДЕСОТО. Подразделения, непосредственно занятые разведкой, должны были базироваться на американских эсминцах, выполняющих патрулирование вьетнамского побережья. Первичной задачей патрулей ДЕСОТО было утверждение права свободного судоходства в международных водах. Посты операторов перехвата обычно размещались в небольших связных фургонах, которые устанавливались на вертолетной площадке корабля. Операторы перехватывали и анализировали речевые сообщения и сообщения по азбуке Морзе, передаваемые ручным ключом, и регистрировали излучения РЛС. Каждое подразделение перехвата имело связь с другими постами перехвата, находившимися как на берегу, так и на других кораблях.

В середине января 1964 г. командование ВМС США во Вьетнаме поставило кораблю ВМС США «Рэдфорд» («DD-446») задачу проверить возможности Северного Вьетнама по отражению планируемых операций флотских командос, но, во избежание путаницы в связи с запланированным рейдом южных вьетнамцев, эта задача вскоре была снята с «Рэдфорда». В начале июля, однако, командованию американских сил опять понадобились данные разведки по оборонительным возможностям Ханоя в тех районах, где в июле планировалось провести рейды. В середине февраля генерал Харкинс, возглавлявший командование американской военной помощи во Вьетнаме, потребовал произвести также радиолокационную съемку побережья Северного Вьетнама. В Тонкинский залив был направлен эсминец ВМС США «Джон Р. Крейг» («DD-885»), которому было приказано держаться на удалении 15 морских миль от побережья КНР и 4 морских миль — от побережья Северного Вьетнама. Туман помешал визуальному наблюдению, однако были получены ценные данные от радиоэлектронной разведки. Патрулирование прошло без стычек, хотя за действиями эсминца следили китайский патрульный катер класса «Кронштадт» и неопознанный самолет. В середине марта «Крейг» вернулся на Тайвань, а коммунистический Китай выступил с 280-м «серьезным предупреждением», заявив, что «Крейг» нарушил его территориальные воды.

В середине июля ЭМ ВМС США «Мэддокс» («DD-731»), которым командовал кэптен Д. Огъера и на котором находился командующий эскадры кэптен Р. Херрик, получил задачу определить местоположение всех береговых РЛС по всей протяженности побережья Северного Вьетнама и разведать маршруты для проникновения с моря. «Мэддоксу» было приказано держаться на дальности 8 морских миль от береговой черты Северного Вьетнама и всего в 4 морских милях от любого из островов, которые в это время были атакованы южновьетнамскими командос.

ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ СРАЗИТЬСЯ С ВРАГОМ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Данные радиоразведки, полученные американскими силами, показали вскоре намерения Ханоя защитить свое побережье от ночных рейдов катеров «Нейсти» и разведывательных патрулей по программе ДЕСОТО. 8 июня АНБ сообщило, что объем радиообмена во вьетнамских боевых радиосетях увеличился почти в четыре раза по сравнению с тем же периодом в мае. Естественно, АНБ предположило, что это явилось реакцией на атаки и патрулирование по сбору разведывательной информации. Усилия радиоразведки по обеспечению этих операций ВМС получили кодовое название «Киткэт». В качестве ответной меры на признаки вьетнамского сопротивления, американская радиоразведка усилила поддержку действий своих ВМС. Количество военных криптологов, работавших в Южном Вьетнаме, было увеличено с 660 до 790 человек. Группа безопасности ВМС в Сан-Мигель (Филиппины) получила дополнительную задачу отслеживать военно-морские системы связи Северного Вьетнама. В тот период местная служба безопасности ВВС США также наблюдала преимущественно за военно-морскими сетями, в которых работали береговые посты наблюдения и патрульные катера Северного Вьетнама. В дополнение к специальному подразделению перехвата, находившемуся на борту «Мэддокса» (оно называлось «USN-467N»), подразделение радиоразведки морской пехоты («USN-414T») было направлено на усиление станции перехвата агентства безопасности сухопутных войск США в Фу Бай («USM-626J»).

Первый серьезный рейд был проведен в ночь с 30 на 31 июля, когда южновьетнамские командос атаковали позицию РЛС на острове Хон Ме, который находится напротив центральной части побережья Северного Вьетнама. Нападете командос было отбито защитниками острова, после чего патрульные катера обстреляли из пулеметов защитные сооружения на побережье и скрылись, пройдя рядом с «Мэддоксом». Тем временем радиоразведка установила присутствие в этом районе одиночного северовьетнамского патрульного катера Т-146 класса «Суатоу», который передавал данные слежения за эсминцем «Мэддокс». Катер Т-146 китайской постройки мог развивать максимальную скорость в 44 узла; на нем была установлена поисковая РЛС «Скин Хэд». Катер, очевидно, использовался в качестве ретранслятора между береговыми командными пунктами и торпедными катерами П-4 (максимальная скорость 50 узлов) советской постройки, которые базировались в ближайших портах.

Вскоре после одиннадцати часов утра 1 августа радиоразведка перехватила северовьетнамское сообщение в адрес неустановленного патрульного катера, которое гласило: «Принято решение сразиться с противником сегодня вечером»; в сообщении также запрашивалось «местоположение противника». Патрульным катерам Северного Вьетнама было приказано к утру 2 августа сосредоточиться у острова Хон Ме. АНБ дало предупреждение о возможной атаке со стороны северовьетнамцев, однако «Мэддокс» не вошел в список адресатов рассылки предупреждения. В 11:44 по местному времени группа радиоразведки морской пехоты, дислоцированная в Фу Бай, перехватила сообщение с катера Т-142 (класс «Суатоу») на его базу, в котором сообщалось о предстоящей торпедной атаке: «Приказы получены, 146-му и 142-му после пуска торпед следовать курсом, параллельным кильватерному следу противника». Данные свидетельствовали о том, что два других катера, Т-166 и Т-135, также участвуют в «поиске и преследовании противника». Через полчаса другая группа радиоразведки морской пехоты, дислоцированная в Сан-Мигель (Филиппины), перехватила то же самое сообщение, переданное повторно. Эсминец «Мэддокс» тем временем обнаружил сначала три, а затем пять патрульных катеров Северного Вьетнама. В час дня по местному времени Сан-Мигель перехватил еще одно сообщение, в котором Т-146 было приказано «покинуть 135-ю эскадру». 135-я эскадра состояла из трех торпедных катеров П-4, которые американцы сначала идентифицировали как одиночный катер. Потом был перехвачен новый приказ: «И вернуться назад на след противника». Через час Сан-Мигель перехватил новое сообщение, которое вроде бы отменяло атаку: «Приказ 135-й в дневное время не атаковать». Через шесть минут группа радиоразведки морской пехоты расшифровала новое сообщение, в котором под словом «противник» понимался большой корабль на пеленге 125 градусов, на дальности 19 миль и шедший со скоростью 11 узлов. После этого северные вьетнамцы вроде бы отдали приказ

на атаку — если судить по перехваченной, но искаженной фразе «Тогда принимайте решение».

Приказы, противоречащие друг другу и переданные с двух командных пунктов Северного Вьетнама, создали у американских операторов перехвата ощущение того, что северовьетнамцы потеряли контроль над ситуацией. В этот момент северовьетнамские катера двигались на скорости 45 узлов, имея преимущество в скорости в 25 узлов над «Мэддоксом». Последний, обнаружив до этого излучение РЛС «Скин Хед», увеличил скорость с 11 до 25 узлов, вынуждая противника затратить еще 30 минут хода для выхода на позицию атаки. На «Мэддоксе» к 14:30 местного времени все расчеты заняли свои места согласно боевому расписанию. Еще через 10 минут командир «Мэддокса» запросил воздушную поддержку с авианосца «Тикондерога», который в это время находился от него на дальности 280 миль к юго-востоку. Четверка истребителей «Крусейдер» «Р-8Е», находившаяся в состоянии «дежурство в воздухе», отправилась на помощь «Мэддоксу»; в тот же район поспешил и эсминец «Тернер Джой» («DD-951»). В 15:05 по местному времени «Мэддокс» открыл огонь. Это не остановило катера, через десять минут они приблизились, чтобы занять позицию для атаки, и попали под огонь «Мэддокса» и штурмовку «Крусейдеров». Патрульный катер «Т-339» затонул, четыре человека из его команды были убиты и шестеро ранены, два других катера, получив серьезные повреждения, медленно отходили.

Узнав об атаке, президент Джонсон постарался преуменьшить значение данного инцидента. Он предупредил Ханой, что «новые неспровоцированные действия приведут к печальным результатам». Вашингтон недооценивал противодействие его тайным операциям против побережья Северного Вьетнама, и министр обороны Макнамара посчитал этот инцидент «просчетом» или «импульсивным актом местного командования» северных вьетнамцев. Подразделения радиоразведки оставались в состоянии боевой готовности, и основная нагрузка легла на подразделение ВМС на Филиппинах и радиоразведчиков сухопутных войск и морской пехоты в Фу Бай.

НИЧЕГО, КРОМЕ ТЕМНОГО МОРЯ И ВСПЫШЕК ОТ СТРЕЛЬБЫ АМЕРИКАНСКОЙ КОРАБЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Несмотря на напряженную обстановку на побережье Северного Вьетнама, Соединенные Штаты решили предпринять очередную тайную операцию в ночь с 3 на 4 августа, которая должна была проводиться одновременно с усиленным патрулированием по программе ДЕСОТО. Как и в первый раз, четыре патрульных катера класса «Нейсти» обстреляли позицию РЛС в Вши Сон, а эсминцам «Мэддокс» и «Тернер Джой» было приказано не появляться в этом районе. Они отправились к острову Хон Ме. Северные вьетнамцы тем временем пытались поднять свои катера, пропавшие в ходе стычки 135-й эскадры с американцами; а патрульный катер Т-142 (класс «Суатоу») успел занять позицию севернее двух американских эсминцев и начал докладывать об их перемещениях. На этом этапе станция радиоразведки в Фу Бай ошибочно приняла действия северных вьетнамцев по поиску и спасению как очередную возможную атаку. В 18:15 станция Фу Бай передала предупреждение «о возможной морской операции ДРВ (Демократической Республики Вьетнам) против патруля ДЕСОТО сегодня, 4 августа, вечером». Еще через сорок минут станция Фу Бай сообщила о «безусловных планах морской операции ДРВ против, возможно, патруля ДЕСОТО. После этого о неминуемой атаке доложили командующему вооруженными силами США в зоне Тихого океана и двум эсминцам («Мэддокс» и «Тернер Джой») было приказано отходить на юго-восток на скорости 20 узлов. Катер Т-146 сообщил в Хайфон, что буксиру «Бак Дан» следует избегать встречи с американскими кораблями, действующими по программе ДЕСОТО. Однако аналитики радиоразведки неправильно перевели предложение с вьетнамского языка, и оно стало звучать так: Т-146 передать топливо «333», чтобы он смог опять принять участие в действиях». Спасательная операция северных вьетнамцев не была понята американскими станциями радиоразведки.

Через двадцать минут после первого предупреждения «Мэддокс» доложил о двух надводных и трех воздушных целях, находящихся от нет в 40 милях к северо-востоку, а в 21:08 доложил о новых неустойчивых радиолокационных засечках всего в 15 милях от него к юго-востоку, которые быстро приближались. На «Мэддоксе» посчитали эти цели торпедными катерами, идущими в тесном строю. Через 28 минут «Мэддокс» обнаружил одиночную цель, приближающуюся к нему па скорости 40 узлов; о движущейся цели доложил и «Тернер Джой». Через три минуты американцам показалось, что объект, находившийся на дистанции 6200 ярдов (около 5700 м) от «Мэддокса», сделал резкий разворот. Дальность для стрельбы торпедой казалась чересчур большой, однако оператор гидролокатора на «Мэддоксе» услышал звук торпеды с работающим двигателем и доложил в Центр боевой информации «Мэддокса», что эсминец атакован. Оба эсминца начали вести беглый огонь по целям, засеченным их РЛС, и цели вскоре исчезли. «Мэддокс» и «Тернер Джой» сделали вывод, что потоплено два катера из тех, которые, предположительно, их атаковали. Осветительные снаряды эсминцев калибра пять дюймов (127 мм) с обоих эсминцев осветили район, в который прибыли самолеты поддержки с авианосца «Тикондерога». Самолеты прилетели напрасно, никаких катеров они не обнаружили. Д. Стокдейл, бывший летчик морской авиации и участник тех событий, у которого «было лучшее место в «театре», чтобы наблюдать катера», ничего не видел. «Не было катеров, не было кильватерных струй от катеров, не было рикошетов от попадания снарядов в катера, не было попаданий в катера, не было кильватерных струй от торпед — ничего не было, кроме темного моря и вспышек от стрельбы американской корабельной артиллерии». Прибор управления огнем артиллерии на «Мэддоксе» в реальности не видел ни одной цели. Позднее было установлено, что четкий звук двигающейся на высокой скорости торпеды был на самом деле вызван отражением рулями эсминцев турбулентной струи от их собственных винтов. Командующий эскадры кэптен Херрик, находившийся на борту «Тернер Джой», в своем рапорте о стычке высказал такие сомнения: «Все произошедшее оставляет много вопросов, за исключением очевидной первоначальной попытки устроить засаду... ни один объект никогда не был опознан как собственно катер». Доклад с авианосца «Тикондерога» также не внес ясности: «Не наблюдается никаких судов или кильватерных струй, кроме как от «Тернер Джой» и «Мэддокса», различимых с дистанции 2000—3000 ярдов».

В Вашингтоне данные радиоразведки о неминуемой атаке заставили министра обороны Макнамару позвонить президенту в 09:25 утра. Через сорок пять минут сообщения с эсминцев о том, что они на самом деле атакованы, послужили как бы подтверждением первичной информации. Через четыре часа президент одобрил нанесение ответного удара, который был назначен на пять часов утра по местному времени пятого августа.

Последующие сомнительные доклады вынудили президента искать подтверждающие материалы. Поступил перевод еще одного сообщения, перехваченного радиоразведкой, которое можно было классифицировать как доклад северных вьетнамцев о проведенной операции: «Мы вели огонь по двум самолетам противника, и повредили, по крайней мере, один самолет. Мы потеряли двух товарищей, однако у всех боевой настрой и осознание своего долга». За этим переводом последовало то, что можно назвать второй частью сообщения: «Они видели собственными глазами, как самолеты противника падают в море. Возможно, корабль противника поврежден. Доложите эту информацию в отобюролизованную часть».

Министр обороны Макнамара обсудил ситуацию с адмиралом Шарпом, командующим американскими силами на Тихом океане, после чего совещался по поводу перехваченных сообщений с объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) вооруженных сил США. Последний перехват радиоразведки убедил президента и ОКНШ, что это действительно доклад северных вьетнамцев о проведенной операции. Пятого августа в 07:00 местного времени командующий американскими силами на Тихом океане отдал приказ авианосцу «Тикондерога» нанести массированные воздушные удары по военно-морским объектам Северного Вьетнама.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРАВИЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Искаженный перевод и «компот» из двух сообщений, перехваченных радиоразведкой, убедили администрацию президента Джонсона начать войну. К сожалению, отсутствует оригинал сообщения, предоставленного радиоразведкой и переведенного с вьетнамского языка. Президент Джонсон позднее признавал в своих мемуарах, что истинное значение слова «товарищей» было неясным: «Наши специалисты говорили, что это может означать либо два катера противника, либо двух человек из атакующей группы». Наверное, специалисты и сами чувствовали глубину своей ошибки. Ханьок пишет в своей работе: «В варианте АИБ сказано, что потеряно два катера. Я не являюсь специалистом по вьетнамскому языку, однако я покопался в копировочных таблицах той системы и заглянул в словари. «БДонгчи», что означает «товарищ», является существительным, которое применяется только в персональном контексте. Другими словами, если вы говорите о товарище, то вы говорите о людях. Я не прибегаю к метафоре или поэтическому образу, чтобы не сказать «товарищ-катер», я говорю «товарищ». Слово «катер» по-вьетнамски будет «бтао», которое при радиообмене часто сокращается до одной буквы «т» — посмотрите материалы перехвата, там за «т» следует номер, что означает катер за № такой-то и такой-то. Они даже рядом не стоят по нумерации, поскольку один номер начинается с цифры пять, и номера даже не соседние, что допускает ошибку при передаче сообщения азбукой Морзе. Поэтому в моей голове и головах тех, кто это видел, засел вопрос. Первое — как из товарищей получились катера? И второе — что случилось со всеми оригиналами перехваченных вьетнамских текстов?»

СНОВА СТРАХИ И НЕОПОЗНАННЫЕ СУДА

Инциденты в Тонкинском заливе нашли свое повторение 18 сентября того же года, когда очередной патруль по программе ДЕСОТО, состоявший из двух американских эсминцев — «Мортон» («DD-948») и «Ричард С. Эдварде» («DD-950»), — отместил на экранах радиолокаторов цели, которые следовали за эсминцами. В тот период не было оповещения со стороны радиоразведки о возможных враждебных намерениях Северного Вьетнама. Наоборот, материалы перехвата говорили о том, что северовьетнамские корабли были предупреждены о необходимости быть в готовности к «провокациям» со стороны американцев и «избегать этих провокаций». Вскоре после обнаружения преследователей эсминцы увеличили скорость хода и стали маневрировать, стараясь оторваться от катеров, которые, предполагалось, их преследуют. Через сорок пять минут на экранах радиолокаторов эсминцев насчитали пять, предположительно, суденышек, которые шли следом за эсминцами, выдерживая одинаковую с эсминцами скорость. «Мортон» открыл огонь, и в течение часа эсминцы израсходовали на стрельбу по радиолокационным контактам около трехсот выстрелов, доложив после этого о том, что они потопили целых пять преследовавших их судов. ОКНШ приказал произвести поиск обломков, которые подтвердили бы факт атаки. На следующий день самолеты ВВС и ВМС напрасно кружили над морем, не найдя даже пятнышка масла. Программа ДЕСОТО была остановлена и более не возобновлялась.

КОЛДУНЫ ЭЛЕКТРОНИКИ И ВЫЖИВАЕМОСТЬ ЛЕТЧИКОВ

24 июля 1965 г. во время воздушного налета на Северный Вьетнам советской ракетой класса «земля—воздух» SAM-2 был сбит американский самолет Ф-4 «Фантом» производства компании «Макдоннел-Дуглас». Это событие ознаменовало первый успех

советских ракет ПВО в Юго-Восточной Азии. До этого времени вьетнамская противовоздушная оборона состояла из истребителей-перехватчиков МиГ-17 и МиГ-21 и зенитных орудий, управление огнем которых производилось с помощью РЛС, и потери ВВС и ВМС США в самолетах были незначительными. Но теперь появилось подтверждение того, что единственным способом борьбы с новой угрозой для самолетов является создание систем радиоэлектронной борьбы воздушного базирования, способных нейтрализовать РЛС, используемые для наведения на цель ракет «земля—воздух». На самом деле, в связи с увеличением разнообразия применяемых систем оружия и их обновлением, радиоэлектронная разведка и радиоэлектронное противодействие становились ключевыми факторами выживаемости во вьетнамской войне. Офис военно-морской разведки и центр научно-технической разведки ВМС были глубоко вовлечены в разработку противолокационной ракеты «ARM», предназначенной для уничтожения ПВО противника. Эта ракета наводилась на РЛС противника по лучу, который излучала наземная РЛС противника, и летела вниз, уничтожая на конечном этапе полета саму излучающую РЛС. Одновременно громадные усилия были затрачены на сбор информации о советских ракетах «земля—воздух» SAM-2 (кодовое обозначение НАТО — «Guideline») и РЛС наведения ракет «Fans—ng». Одна РЛС могла наводить три ракеты одновременно. Система состояла из шести пусковых установок и перевозились на буксируемых трейлерах; время развертывания системы составляло около шести часов. Радиоэлектронная разведка выявила несколько минусов этой системы. После пуска ракеты ей требовалось шесть секунд, чтобы РЛС наведения захватила ее и сопровождала до цели. Имея в запасе эту шестисекундную задержку, американский летчик после пуска ракеты мог перевести самолет в резкое пикирование в направлении пусковой установки, а потом взять ручку управления самолетом на себя и начать максимально резкий набор высоты, выполняя эти спасительные маневры внутри траектории полета ракеты. Подобная тактика ухода от ракеты не срабатывала при облачной погоде, когда стартовавшую ракету невозможно было визуально обнаружить с самолета.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕЙСТВИЙ ФЛОТА

Командующий военно-морскими силами США во Вьетнаме имел в своем подчинении три американские ударные авианосные группы и ВМС Южного Вьетнама. Однако у него не было специальных морских судов для ведения разведки, а просто радиоразведка с обычных кораблей ВМС была не в состоянии выдавать своевременную информацию о проникновениях северных вьетнамцев на юг морским путем, потому что Северный Вьетнам и Вьетконг не очень много болтали в эфире.

В 1964 г., несмотря на усилия американцев и южновьетнамцев по воспреещению проникновения, коммунисты задействовали целых двадцать шесть крупных траулеров (каждый водоизмещением более 60 тонн) для переброски на юг агентов воинской части «Группа 125». Американские и южновьетнамские ВМС ответили на это операцией «Маркет тайм» — завесой, в состав которой были включены эсминцы, эскортные корабли, суда противоминной борьбы и вооруженные джонки; эта сила должна была остановить поток вооружения и грузов, направляемых на юг.

В 1965 г., однако, несмотря на усилившиеся силы противодействия, южновьетнамские коммунисты, согласно американским подсчетам, получили около 70% своих грузов морским путем, и только 30% процентов сухопутным путем; часть последнего груза также была доставлена морским путем в Камбоджу. Изучив ситуацию с воспреещением проникновения грузов, ВМС Южного Вьетнама установили, что камбоджийский Сиануквилль является перевалочной

базой, с которой грузы поступают Вьетконгу в Южном Вьетнаме. Все это делалось, несмотря на энергичные опровержения принца Сианука. В Сиануквилле грузы с судов перегружались на грузовики и доставлялись в район камбоджийско-вьетнамской границы.

Весной 1968 г. вблизи Сиануквилля начала дежурить американская подводная лодка, которая наблюдала за торговыми судами, заходящими в порт. Однако лодке было приказано держаться в 15 милях от берега, поэтому она не могла с уверенностью утверждать, что все суда заходят в порт.

В Тонкинском заливе действия по воспреещению оказались более успешными. В ходе операции «Маркет тайм» удалось остановить поток лазутчиков, и к середине 1968 г Северный Вьетнам был вынужден более чем на год прекратить переброску людей и грузов морским путем. Военно-морской историк Э. Маролда так пишет по этому поводу: «Эсминцы, корабли противоминной борьбы, катера береговой охраны, канонерские лодки, патрульные суда, патрульные самолеты берегового базирования и береговые РЛС создали почти невозможную задачу для северовьетнамских 100-тонных судов снабжения с боеприпасами проскользнуть через патрули «Маркет тайм». Союзные военно-морские силы уничтожили или вынудили вернуться в Северный Вьетнам всех, кроме двух из пятидесяти цельнометаллических траулеров, пытавшихся прорвать блокаду в период 1965— 1972 гг.». Частично этот успех был достигнут благодаря прорыву в радиоразведке.

В октябре 1967 г. в ходе полета самолета-разведчика «RC-130» удалось обнаружить работу северовьетнамской УКВ-радиосети, радиообмен в которой велся голосом; в этой сети передавалась информация о солдатах, проникающих в Южный Вьетнам, включая их конечные пункты назначения. Эта радиосеть была названа «Окно Винь», и она позволила Соединенным Штатам в их борьбе с лазутчиками опираться почти исключительно на данные радиоразведки. Дополнительная информация, например, из допросов военнопленных, восполняла брешу. Для перехвата систем связи коммунистов командующий американским флотом в зоне Тихого океана выделил радиоразведке два корабля технических исследований.

Первый из них, «Оксфорд» (AGTR-1), прибыл в Субик-Бей в мае 1965 г. Перед его уходом в следующем месяце в назначенный район действий к нему присоединился второй корабль, «Джеймстоун» (AGTR-2). Оба корабля могли перехватывать радиосети Вьетконга к югу от дельты реки Меконг, а также и камбоджийские радиосети. Задачи по сбору разведывательной информации выполняли и другие специализированные корабли. 15 ноября 1966 г. корабль ВМС США «Баннер», находившийся вблизи китайских вод, был изнурен назойливостью большого количества северовьетнамских рыболовецких судов. Эсминец «Эверетт Ф. Ларсон» («DD-830») сумел своевременно вытащить из беды разведывательный корабль. Следующие несколько лет «Джеймсон» и «Оксфорд» провели в работе во вьетнамских водах. Использовались и другие корабли, которые вели радиоразведку тактических систем связи или занимались спасением пилотов сбитых самолетов.

На другой стороне, в Северном Вьетнаме, авиационные наводчики могли достаточно рано обнаруживать налеты авиации американских ВВС и ВМС, что давало их «мигам» тактическое преимущество.

ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ПРОВАЛОВ РАЗВЕДКИ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Новогоднее наступление «Тет», которое началось 31 января 1968 г., изменило характер войны и вынудило президента Джонсона объявить о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама и его желании начать переговоры. Американская военно-морская разведка в который раз оказалась застигнутой врасплох. Следует сказать, однако, что еще за шесть дней до наступления АНБ особо предупреждало о нем. Этого тем не менее оказалось недостаточно, учитывая громадный объем подобных предупреждений, который почти ежедневно сваливался на головы американцев, воевавших на побережье или на реках Южного Вьетнама. Разведывательные корабли «Джеймстоун» и «Оксфорд» находились далеко на юге и были не в состоянии обеспечить эффективную тактическую радиоразведку

до начала наступления «Тет». Давались разнообразные объяснения относительно провала по предупреждению и предотвращению наступления «Тет»:

- Недостаточный контроль за водными путями со стороны растянутой группировки войск;
- Отсутствие авиационной поддержки для подтверждения агентурных данных о проникновении;
- Шаблонные способы действий ВМС США при проведении проверок;
- Плохая подготовка по вьетнамскому языку и неспособность использовать ВМС Южного Вьетнама как инструмент разведки для «получения данных из народа».

Историк Г. Хелм поясняет: «Данные из всех источников, которыми обладал адмирал Вет, тогдашний командующий всеми военно-морскими силами, действовавшими как в море, так и на берегу, на 27 января... свидетельствовали о неминуемом крупном наступлении противника». Повсеместные атаки коммунистов в северных районах Республики Вьетнам в ночь с 29 на 30 января были последним предупреждением, которое в большинстве инстанций было проигнорировано. Сидевший в своем сайгонском доме Вет был убежден, что даже во время праздника, наиболее почитаемого во Вьетнаме, силы противника не рискнут атаковать основные города. Хелм пишет в заключении: «Если бы объединенное разведывательное сообщество уделяло больше внимания сбору разведывательной информации и надлежащим образом реагировало на те данные, которые оно уже имело, то наступление «Тет» никогда бы не вошло в учебники истории как пример одного из величайших провалов американской разведки в эпоху после Второй мировой войны».

«ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» И КАТАСТРОФА

С приходом к власти президента Р.М. Никсона и переходом к политике «вьетнамизации» конфликта, АНБ усилило органы радиоразведки Южного Вьетнама, впрочем, не особо им доверяя, поскольку они были напичканы агентами Вьетконга. Подразделения группы военно-морской безопасности, действовавшие в интересах ВМС США, продолжали находиться в Дананге и заливе Камрань, подразделение морской пехоты также оставалось в Дананге. Станция радиоразведки в Фу Бай была закрыта в 1972 г. Станции радиоразведки на Филиппинах и в Таиланде были вынуждены нести большую часть нагрузки в общих усилиях радиоразведки.

В декабре 1967 г. передовые наводчики вновь активно участвовали в операциях ВМС в возобновившейся кампании тяжелых бомбардировок Вьетнама, выбранной президентом Никсоном как средство разблокирования переговоров. Американское участие в войне в Индокитае прекратилось в соответствии с Парижским мирным соглашением от 28.01.1973 г. Силы и средства разведки американцев постепенно сворачивали свою деятельность в Южном Вьетнаме и были выведены из страны до падения Сайгона в апреле 1975 г.

ЭСКАЛАЦИЯ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ?

Во время вьетнамской войны всегда существовала опасность втягивания в конфликт Советского Союза или Китая. В тот период в западной части Тихого океана количество контактов американских противолодочных сил с предполагаемыми советскими или китайскими подводными лодками менялось как численно, так и по местоположению. Географически, до конца 1968 г., эти контакты начинались с прибрежных вод на севере Вьетнама и шли через Японское море, где их было больше. Активность советских подводных лодок в 1969 г. значительно снизилась, оставшееся небольшое число лодок концентрировалось вокруг Японских островов. Большинство лодок, обнаруженных там, находились на переходе из Петропавловска в район выполнения боевой задачи или на обратном маршруте и отслеживали маршруты американских авианосцев, направлявшихся в

те районы Южно-Китайского моря, откуда их палубная авиация наносила бомбовые удары по Вьетнаму, и возвращающихся из этих районов после выполнения боевой задачи. Капитан 1-го ранга Л.А. Вторьгин, служивший во Вьетнаме в 1980-х годах советником по разведке, полагает, что ситуация во время войны во Вьетнаме не несла в себе опасности эскалации:

«Во время вьетнамской войны мировой войны опасались. Но, в общем-то, мы понимали, что угрозы советским границам нет, поскольку, практически, это была война между американцами и Вьетнамом. Мы всего лишь помогли Вьетнаму. Мне это напомнило гражданскую войну в Испании в 1936 г. Американцы пытались защитить свою зону интересов в этом регионе, но местное население под руководством компартии взяло в руки оружие, чтобы защитить свою землю и не дать американцам господствовать в этом районе и вмешиваться в строительство нового общества, которое осуществлялось под руководством местной компартии. Мы не думали, что это выльется в большую войну. Когда советские разведывательные корабли были атакованы Южным Вьетнамом, то были потери. Наши корабли участвовали. Нам следовало ожидать, что другая сторона не будет чересчур вежливой — обычные потери. Соревнования между Китаем и СССР не было. Мы отстаивали интересы нашей страны и наших вооруженных сил. Позднее мы получили за это очень хорошие базы в Камрани. Наш ВМФ воспользовался ими. Китай преследовал свои собственные интересы. Наши интересы с интересами Китая не совпадали. Выгоды, приобретенные советским ВМФ в ходе использования военно-воздушной и военно-морской баз в Камрани, после окончания «холодной войны» быстро улетучились с уходом российского ВМФ со своих баз за рубежом. По иронии Соединенным Штатам было предложено взять в аренду Камрань, что могло бы стать противовесом поднимающемуся Китаю и поддержать Вьетнам, неожиданно очутившийся в стратегических партнерах Америки. Правительство Вьетнама официально опровергло слухи о подобных предложениях».

Глава 10

ЛОДКА ПРОПАЛА — ЛОДКА НАЙДЕНА: 1968-1974, 1989 г

Год 1968-й был неудачливым для подводников. 24 января в Средиземном море Израиль потерял свою подводную лодку «Дакар», а 27 января, опять же в Средиземном море, пропала французская подводная лодка «Минерва». В марте в районе севернее Гавайских островов советский ВМФ лишился дизельной подводной лодки класса «Гольф» со стратегическими ракетами, а в мае ВМС США к юго-востоку от Азорских островов потеряли атомную ударную подводную лодку «Скорпион», на которой произошел взрыв. На время написания этой книги причина взрыва оставалась неизвестной.

То, что вы прочтете ниже, является воспоминаниями П. Хухтхаузена об исчезновении, подъеме и последствиях потери советской подводной лодки К-129 в марте 1968 г. П. Хухтхаузен служил в Москве в качестве американского военно-морского атташе с 1987 по 1990 год.

В один из августовских дней 1989 г. в моем офисе в посольстве США в Москве раздался телефонный звонок. Голос капитана 1-го ранга советского ВМФ В. Серкова, который нельзя было спутать ни с каким другим голосом, зарокотал в трубке по-русски: «Товарищ атташе, к одиннадцати часам требуется ваше присутствие в кабинете адмирала Макарова на улице Грибоедова». Как военно-морской атташе, я свылся с выполнением необычных задач во имя дипломатии или разведки, однако та встреча с советскими военно-морскими офицерами оказалась самой причудливой. Я прибыл в штаб их ВМФ, одиночному и аккуратно выглядящему зданию в этом запущенном районе Москвы, поднялся по ступенькам, миновал бюст Ленина и двух часовых в форме, которые приветствовали меня неестественным поворотом головы — надменным, показалось мне я, хотя и знал, что они просто демонстрировали бравый

вид. Нервный адъютант, от которого несло салями и табаком, проводил меня в кабинет адмирала.

В штабе царила сердечная атмосфера. Адмирал Валентин Макаров, начальник главного штаба ВМФ, встретил меня строго в центре своего кабинета, все атрибуты которого свидетельствовали о безусловной принадлежности его хозяина к морякам. Адмирал был солидно скроенным мужчиной с простыми манерами моряка. За адмиралом стояло с полдюжину морских офицеров в синей форме, которые, как и сам адмирал, выглядели преисполненными сознанием долга. Встреча, на удивление, началась без обычного представителя разведки от отдела по внешним связям Министерства обороны, который получил у американцев прозвище «рассадник шпионов». Мы пили русский чай из стаканов в металлических подстаканниках, стенки которых были украшены изображением кораблей.

— В прошлом месяце наших матросов хорошо встретили в Норфолке, — начал адмирал без намека на улыбку, — ваших также хорошо примут в Севастополе. — Обмен визитами военных кораблей двух стран возобновился этим летом после семнадцатилетнего перерыва.

Американские корабли впервые с 1921 г. — тогда они помогали в эвакуации остатков белой армии, проигравшей Гражданскую войну в России, — должны были посетить Крым. Однако предстоящий визит американских кораблей не являлся основной темой встречи. Разговор продолжался в необыкновенно расслабленной атмосфере до появления капитана 1-го ранга В. Серкова, буквально ворвавшегося в кабинет.

Капитан 1-го ранга В. А. Серков был ведущим экспертом советского ВМФ по морскому праву. Он неоднократно участвовал в различных международных конференциях и был в числе первых участников начатых в 1972 г. переговоров между ВМФ СССР и ВМС США о предотвращении инцидентов на море. Как и другие американские военно-морские атташе, служившие в Москве последние двадцать лет, я был хорошо знаком с Серковым. Он был одним из немногих продолжавших служить морских офицеров, которые некогда принимали участие в самых первых переговорах и последующем подписании соглашения между тогдашним министром ВМС США Джоном Уорнером и советским адмиралом Петром Навойцевым. Появление Серкова в кабинете было неожиданным и сразу изменило атмосферу в кабинете в сторону большей строгости и официальности. Я предполагал, что Серков сейчас доложит о каком-то ужасающем происшествии, которое могло случиться в море, хотя число инцидентов на море с участием двух флотов значительно уменьшилось в тот период улучшения отношений. Вместо этого Серков в нескольких словах рассказал о том интересе, который с недавних пор проявляет советская пресса к американской операции, проведенной пятнадцать лет назад в Тихом океане и получившей название операция «Дженнифер».

Серков резко перешел к делу: «Советский ВМФ, от имени семей девяноста восьми наших моряков с подводной лодки, потерянной в Тихом океане в 1968 г., просит вас подтвердить, что останки членов экипажа лодки, извлеченные вами при проведении операции по подъему корпуса лодки со дна океана, были перезахоронены в море». — Я остолбенел.

Серков продолжал: «Также, для удовлетворения религиозных чувств семей верующих Русской православной церкви, мы просим вас указать точное место их упокоения. — Внося в разговор еще больше интриги, Серков мрачно добавил: — Просьба обоснована, учитывая роль американских ВМС в потоплении этой лодки». — Встреча закончилась. Я согласился доложить по инстанции об их просьбе, поднялся со стула, сгреб свой дипломат и пошел назад мимо тех же часовых, которые, казалось мне, выглядели теперь сердитыми. Через всю Москву я поспешил в посольство.

Этой встрече и просьбе о помощи предшествовало появление сенсационной статьи в популярном журнале «Огонек»; в статье говорилось о подъеме американцами советской подводной лодки Тихоокеанского флота. В статье, о которой упомянул при встрече Серков, сообщалось, что лодка пропала в 1968 г., затем была найдена и поднята в ходе американской операции «Дженнифер». В «Огоньке», со ссылкой на западные источники, утверждалось, что американцы подняли останки некоторых членов экипажа советской подводной лодки и затем захоронили их в море.

Потеря этой советской подводной лодки с баллистическими ракетами до сих пор является одним из самых значимых и все еще не объясненных инцидентов «холодной войны» под водой.

Катастрофа случилась 8 марта, именно в этот день в северной части Тихого океана, где глубины достигают 18 000 футов (около 6000 м), исчезла советская дизельная подводная лодка «Проект

629-М» с баллистическими ракетами на борту (классификация НАТО — класс «Гольф-II»). Причина гибели лодки, имевшей тактический номер К-129, никогда публично не объявлялась ни одной из сторон. И хотя некоторые подробности той истории появились в печатных изданиях, ВМС США до сих пор отказываются официально комментировать тот случай. В 1995 г., когда я, уже уволившись из ВМС США, был в России и собирал материал для своих книг, то встретился с контр-адмиралом А. Дыгалю, бывшим командиром 22-й дивизии подводных лодок Тихоокеанского флота (Рыбачий). Злополучная К-129 входила в состав именно его дивизии. Холодным московским вечером в своей крохотной и плохо освещенной квартире Дыгало поведал мне свою версию исчезновения лодки. Дыгало, долгое время бывший помощником редактора советского военно-морского журнала «Морской сборник», говорил по-русски, выбирая слова, а в конце разговора передал мне свои воспоминания о том случае, собственноручно отпечатанные им на машинке. По сей день доброжелательный и глубоко верующий бывший подводник считает, что американские ВМС причастны к исчезновению его подводной лодки со всем экипажем.

По мнению Дыгалю, когда К-129 в подводном положении совершала переход в район боевого дежурства в центральной части Тихого океана, периодически идя под шноркелем, то в какой-то момент была обнаружена американской атомной ударной подводной лодкой класса «637», которая начала за ней следить. Идя по следу советской лодки, американская лодка активно маневрировала и, проходя под нашей лодкой на критически малых дистанциях, пыталась исследовать и сфотографировать нижнюю часть нашей лодки. Как считает Дыгало, столкновение произошло 8 марта, когда якобы советская лодка стала выполнять неожиданный разворот и подставила американцам свой борт. Этот маневр не был своевременно замечен американцами, и их лодка ненамеренно ударила верхней частью рубки по нижней части центрального командного поста советской лодки; произошло это на глубине 150 футов (около 50 метров).

Почти тридцать минут экипаж К-129 боролся с бедой, но лодка все-таки ушла на дно. Дыгало считает, что когда командование ВМС США в зоне Тихого океана опровергло версию о возможном столкновении, то объясняло знание американцами координат точного места гибели лодки тем, что подводные станции пассивного прослушивания системы СОСУС зарегистрировали звуки ломающегося под давлением воды металла тонущей советской лодки и определили ее местоположение. До 1997 г. американцы держали в тайне — как политически болезненный и потенциально вредный секрет — точное наименование их подводной лодки, якобы участвовавшей в том инциденте. (Советы заявляли, что это была американская лодка «Суордфиш», которая 17.03.1968 г. пришла в японский порт Йокосука с поврежденным перископом.) В октябре 1997 г. один человек, пожелавший остаться неизвестным, рассказывал мне, что в момент происшествия он якобы находился на борту некоего американского военного корабля, и советская лодка действительно затонула в результате либо столкновения, либо из-за случайного применения оружия с неназванного корабля ВМС США.

С самого начала адмирал Дыгало был убежден, что американская ударная ПЛ «села на хвост» К-129, когда последняя выполняла разведывательную задачу вблизи базы американских ПЛ в Перл-Харборе, на Гавайях. Последовательность выхода на радиосвязь и то, что советская лодка была найдена на дне с рваным отверстием в нижней части корпуса, а также факт нахождения перископа, антенн и шноркеля лодки в убранным состоянии подтверждают, по мнению Дыгалю, факт ее столкновения с другой подводной лодкой или же то, что К-129 стала мишенью для какого-то противолодочного оружия. В противном случае, лодка бы затонула с поднятым шноркелем.

Американские офицеры опровергли первоначальные советские обвинения в том, что с американской стороны участником инцидента была атомная ударная ПЛ «Суордфиш», — обвинения, которые основывались исключительно на обнародованном факте прибытия этой ПЛ на ремонтную базу в Йокосука (Япония) 12.03.1968 г. с сильными повреждениями боевой рубки. 31 августа 1994 г. состоялось заседание совместной российско-американской комиссии, на котором стороны пытались найти ответы на вопросы, оставшиеся со времен «холодной войны», и выяснить судьбы пропавших военнопленных.

Отставной адмирал ВМС США УД. Смит письменно проинформировал Дыгалю о том, что утверждения о причастности «Суордфиш» к гибели К-129 некорректны и что «Суордфиш» находилась не менее чем в 200 милях от места гибели советской лодки. (Наверное, случайность,

но такая же дальность (200 миль) присутствует и в объяснении американских ВМС по поводу местоположения ближайшего советского военного корабля относительно места гибели американской подводной лодки «Скорпион» позднее в том же году.)

Совместная комиссия, которую возглавляли генерал Д. Волкогонов и посол США в России М. Тун, проинформировала российскую общественность, что ни одной американской подводной лодки в радиусе 200 морских миль от места обнаружения К-129 не было. В изданной в России в 2005 г. книге М. Вознесенского «Кража подводной лодки К-129 утверждается, что лодка класса «Гольф-II» потонула в результате применения (возможно, случайного) противолодочного оружия с американского эсминца, подводной лодки или самолета. В упоминавшейся беседе П. Хухтхаузена с адмиралом Дыгало последний заявил, что СССР начал подозревать, что К-129 затонула, после изучения материалов перехвата радиообмена в сетях командования ВМС США в зоне Тихого океана. Действительно, если бы произошел какой-нибудь инцидент с участием американского военного корабля, то в радиообмене должны были бы проходить доклады и сообщения о его подробностях.

Эд Оффли в своей книге «Скорпион» уходит вниз» предполагает, что осужденный за шпионаж Джон Уолкер начал передавать Советскому Союзу ключи от кодов американских ВМС в зоне Тихого океана до 1968 г., подразумевая, что к тому времени Москва уже читала радиообмен в радиосетях ВМС США. Слова Дыгало о том, что К-129 имела пробоину под третьим отсеком подтверждают то предположение, что причиной гибели лодки стало либо оружие, либо удар при столкновении в нижнюю часть корпуса. Предположение об американском участии в инциденте подтверждает и тот факт, что американцы до сих пор не опубликовали фотографии поднятого корпуса советской лодки. Примечательно, что американцы до сих пор не опубликовали и фотографии всего корпуса своей подводной лодки «Скорпион». В беседе с Ч. Холлистером, специалистом-глубоководником компании «Вуд хоул», который много раз осматривал останки американских лодок «Скорпион» и «Трешер» и советской К-219, находящиеся на дне Атлантического океана, с борта нескольких глубоководных аппаратов, мне было сказано, что на фотографиях корпуса «Скорпиона» виден скрюченный металл с впечатанными в него русскими буквами.

По словам Дыгало, лодку К-129 объявили пропавшей после того, как она не вышла на два плановых сеанса связи. Дыгало, как командир дивизии, обязан был доложить о случившемся командующему Тихоокеанским флотом адмиралу Н. Амелько. Н. Амелько в штабе Тихоокеанского флота не было, поскольку в тот момент он находился на борту крейсера «Дмитрий Пожарский», направлявшегося с визитом в Мадрас (Индия).

Безуспешные поиски К-129 продолжались несколько месяцев. Командование вооруженных сил США в зоне Тихого океана спокойно держало в тайне свое знание точного места гибели лодки, которое якобы было определено системой СОСУС. Если бы координаты места гибели лодки стали известны из какого-то другого источника, например, от корабля, который был причастен к гибели, то и в этом случае ВМС США придержали бы эту информацию как секретную. Часть материалов, касающихся организованной ЦРУ операции по подъему лодки, появилась в открытой печати, однако американские ВМС, особенно его подводные силы, не публиковали никаких материалов относительно обнаружения и преследования ПЛ класса «Гольф-II» противолодочными силами американского флота на Тихом океане. ВМС США, очевидно, знали о точных координатах места гибели лодки и, выдержав приличную паузу, направили свои силы для изучения останков лодки. Такая задача была поставлена перед океанографическим исследовательским кораблем ВМС США «Мизар» и глубоководной подводной лодкой особой конструкции ВМС США «Хэлибат».

Подводная лодка ВМС США «Хэлибат» (SSGN 587) первоначально строилась как носитель запускаемой из надводного положения крылатой ракеты (сконструированной немецким ученым Гербертом Вагнером, см. Главу 1) «Регулус» с дальностью стрельбы 80 миль. В 1965 г. лодка прошла глубокую модернизацию для выполнения задач глубоководной разведки и спасения, и получила новый номер — SSN-587. В обширных отсеках «Хэлибат» размещались катушки с кабелями, предназначенными для установки оборудования наблюдения глубоко на дне моря. В прессе сообщалось, что лодка, находясь в подводном положении и будучи ненаблюдаемой со стороны, способна поднимать с больших глубин мелкие предметы.

«Хэлибат» обнаружила советскую лодку через четыре месяца после ее гибели, обследовала ее корпус и сделала фотографии. В 1968 г. это было невероятным достижением, за что лодка

получила первую благодарность от президента, а всем членам экипажа был вручен особый знак отличия. После изучения внешнего состояния лодки и участка дна, где она лежала, ЦРУ спланировало операцию по подъему лодки, получившую секретное название «Житель Азорских островов». Судно «Гломар эксплорер», предназначенное для добычи полезных ископаемых со дна моря, построенное и эксплуатируемое ЦРУ под прикрытием компании «Сумма корпорейшн», пришло в район гибели советской лодки в 1974 г. и подняло на поверхность несколько отсеков лодки с глубины 3 мили. В прессу просочилась информация об этой замечательной операции, когда она еще шла полным ходом вплоть до завершения, несмотря на прибытие нескольких советских военных кораблей. Они вели пристальное наблюдение с близкой дистанции, но не вмешивались.

Судно-спасатель по виду напоминало платформу для подводной добычи полезных ископаемых. Оно опустило под воду когтеобразное устройство, смонтированное на конце плети, состоящей из труб и тросов и имеющей длину 3 мили, захватило самую крупную секцию из останков корпуса лодки, и начало поднимать ее на поверхность. Физику этого трюка можно сравнить с попыткой снять шляпу с головы прохожего на Пятой авеню с помощью удочки рыбака, сидящего на крыше небоскреба «Эмпайр стейт билдинг» в Нью-Йорке. По мере того как останки лодки, удерживаемые механическим захватом, приближались к поверхности воды, некоторые элементы корпуса отрывались от него и вновь уходили вниз. Носовую часть корпуса подняли из воды и уложили на плавучую баржу для осмотра. После тщательной подготовки, специалисты по конструированию лодок, судебные эксперты и инженеры спустились внутрь скрюченных останков лодки и стали копать в вызывающих суеверный страх останках того, что было на лодке. Они хотели отыскать кодировочные книги и боеголовки — бесценные трофеи разведки. Найденное потрясло их.

Внутренняя часть корпуса, хоть и была искалечена огромным давлением на глубине, ясно показывала очень грубую конструкцию лодки. Стальные плиты корпуса имели разную толщину, а сварка оказалась грубой и неравномерной. Одна секция корпуса была усилена деревянными распорками; между внутренними и внешним корпусами лодки спасатели обнаружили балласт в форме сотен свинцовых грузиков, которыми, очевидно, вручную регулировали дифферент лодки. Присутствие таких примитивных устройств шокировало американских специалистов по конструированию лодок, которые предположили, что подобные грубые меры были предприняты для устранения серьезных дефектов устаревшей конструкции. Изъяны, обнаруженные в корпусе лодки, резко контрастировали с технически современными боеголовками на торпедах и ракетах.

Американцы извлекли из корпуса лодки останки по меньшей мере шести членов экипажа, которые были потом перезахоронены в море с соответствующими военными почестями. Все это снималось на видеокамеру — как подтверждение того, что захоронение было проведено с достоинством; при погребении исполнялся гимн Советского Союза.

По мнению американского исследователя Н. Польмара, операция не достигла своей основной цели, которая состояла в восстановлении до исходного состояния одной или нескольких ракет Р-21 (SS-N-5) и криптографического оборудования.

В ходе операции было поднято и другое ценное оборудование, включая книги по секретной радиосвязи и компоненты ядерных боеголовок от двух торпед. Внутренняя часть корпуса лодки и останки членов экипажа имели явные признаки радиоактивного облучения, полученного от поврежденных ядерных боеголовок торпед.

В 1989 г. публикации в советской прессе о гибели К-129 дали советскому ВМФ новый предлог для получения ответа от США и возможность выйти на сотрудничество в выяснении многих других инцидентов с подводными лодками. Советские представители на ежегодной встрече в рамках соглашения о предотвращении инцидентов на море, подписанного флотами СССР и США в 1972 г., безуспешно пытались получить информацию о К-129. Советский ВМФ неоднократно предлагал подвести подводные лодки под действие вышеназванного соглашения; американские ВМС также последовательно отказывались рассматривать эти предложения. Американские офицеры упорно настаивали на том, что соглашение должно по-прежнему затрагивать только надводные корабли и самолеты; наложение ограничений на любую американскую подводную лодку нарушило бы традиционную автономность действий американских подводников.

В 1975 г. первая попытка получить подтверждение от американского правительства о подъеме К-129 дала небольшой результат, когда госсекретарь США Г. Киссинджер передал советскому послу А. Добрынину имена трех советских моряков, погибших на лодке. Были опознаны останки только троих членов команды, а общее количество останков советских моряков, поднятых со дна моря, не называлось. Это была последняя информация, переданная американским правительством Советскому Союзу до его распада в 1991 г. На следующий год, в рамках подготовки к сотрудничеству, представители ЦРУ и бывшего КГБ стали встречаться для обсуждения некоторых вопросов. Во время одной из таких встреч официальные представители ЦРУ передали русским несколько документальных свидетельств подъема лодки, включая видеозапись захоронения русских моряков. В 2007 г. американское правительство передало российскому флоту еще несколько предметов с поднятой лодки, включая колокол К-129 и фотоаппарат одного из членов экипажа.

Какие бы мотивы ни стояли за попытками русских в 1989 г. узнать от американского военно-морского атташе подробности о пропавшей лодке, после появления публикации общественное мнение сфокусировалось на мне. Еще до приглашения посетить главный штаб советского ВМФ у меня была серия звонков от советских граждан и несколько звонков из газет с просьбой дать комментарий по этому поводу.

В дни, последовавшие за публикацией и моей встречей с адмиралом Макаровым, я получил много звонков от граждан, которые представлялись близкими родственниками членов экипажа погибшей лодки. Был звонок из Ленинграда от инвалида-мичмана, потерявшего зрение во время службы на атомной подводной лодке. Он сказал, что его отец был в числе пропавших членов экипажа подводной лодки К-129. Бывший моряк настаивал на встрече, потому что у него была какая-то важная информация, которую он хотел показать мне. Помня о тягостных минутах моей встречи в главном штабе российского флота и просьбе раскрыть местоположение захоронения останков моряков, я согласился встретиться с молодым человеком из Ленинграда. По его просьбе встреча должна была произойти в сквере парка у гостиницы «Украина», которая находилась напротив американского посольства за Москвой-рекой. Для сотрудников посольства не было ничего необычного в том, чтобы прогуляться по мосту через реку к гостинице «Украина» и купить что-нибудь в газетном киоске вестибюля гостиницы, в котором всегда был хороший выбор периодических изданий.

Я подходил к парку с опасением, и колокольчики тревоги позванивали в моей голове. Был 1989 год, и «холодная война» еще не была окончена, поэтому любая заранее оговоренная встреча советского гражданина с западным дипломатом все еще являлась рискованным делом.

Парк был заполнен любителями погреться на летнем солнце. Вглядевшись в толпу, я увидел мужчину в темных очках, стоявшего у статуи в центре парка. Его поддерживала за руку женщина, которая наблюдала за моим приближением. У нее были высокие щеки, которые выдавали ее татарское или грузинское происхождение. Увидев лицо мужчины, я отшатнулся — это была нелепая маска из кожной ткани разного цвета, с сильно изуродованным носом, носившим следы пластической хирургии. Шарф закрывал большую часть его лица. Молча обменявшись сигналами опознавания, мы пожали друг другу руки и вместе пошли по парку. Был конец лета, где-то высоко в чистом небе висели редкие облака, однако подходившие с востока низкие темные тучи обещали хороший дождь.

Слепой, который коротко представился Игорем, шел медленной походкой матроса. Он был высок и строен, хотя возраст его определить было невозможно. Из-под темной куртки виднелась тельняшка, и, как у многих бывших советских военных моряков, на куртке был приколот небольшой металлический значок, указывавший на его прежнюю службу, — силуэт подводной лодки на голубом фоне со словами «дальний поход».

Игорь говорил медленно и аккуратно, словно ему было это нелегко делать, и явно глотал окончания слов. «Мой отец был инженером на ракетной подводной лодке, которую мы потеряли в Тихом океане в 1968 г. Я пошел в море, следуя примеру отца, и служил на подводной лодке электриком, дослужившись постепенно до мичмана». — Он повернулся, словно оглядываясь, и я засомневался, действительно ли он незрячий. Потом он продолжил: «Я служил на подводной лодке К-131, вооруженной крылатыми ракетами». — Игорь остановился и повернулся, дав мне возможность взглянуть на него. Он размотал шарф, закрывавший шею и подбородок, и я увидел жуткие шрамы и обезображенную плоть.

— Я обгорел на пожаре, в котором погибли четырнадцать моих сослуживцев; это случилось в июне 1984 г. в Баренцевом море. — Он вернул шарф на место и опять зашагал. Подводная лодка К-131 принадлежала к классу «Проект 675» (по классификации НАТО — класс «Эжоу-П»).

Пока мы прогуливались, Игорь рассказал мне о печальном состоянии радиационной защиты и общей безопасности на подводных лодках советского ВМФ: «Я работаю с группой бывших подводников, многие из которых являются выжившими участниками различных происшествий. С помощью бывшего флотского политработника и писателя капитана первого ранга Николая Черкашина мы составляем перечень всех катастроф на подводных лодках, который мы собираемся опубликовать. Пока нас зажимают. Я отдам вам этот перечень, если вы сможете нам рассказать всю правду».

Игорь взмахнул рукой, и мы остановились. Он достал из красной заплечной сумки пластиковую папку и показал мне ее содержимое — толстую пачку исписанных от руки листов бумаги. Он быстро сунул листы в папку и передал ее мне: «Прошу вас, господин атташе, чтобы вы, пожалуйста, постарались узнать местоположение останков моего отца. Нас не интересует, поднимали ли вы, американцы, эту лодку; мы просто хотим знать местоположение перезахоронения, и было ли найдено какое-нибудь доказательство, могущее помочь в опознании мертвых». Я обещал помочь и поблагодарил его за переданный материал. Перед тем как мы расстались, спутница Игоря, о которой мне было известно только то, что ее зовут Еленой, передала мне пластиковый конверт.

— Здесь рассказ еще об одной катастрофе, о которой молчат вот уже больше тридцати лет, — печально сказала она. Полученные мной в тот день бумаги были первыми отчетами о происшествиях, которые в последующем, на протяжении почти пяти лет, мне передавали Игорь и другие бывшие подводники и члены их семей.

В папке, которую я получил от Игоря, находился перечень происшествий на советских подводных лодках, произошедших в период с 1956 по 1989 годы; на листах, аккуратно переписанных от руки, приводились наименования подводных лодок, даты, имена командиров и другая информация. Материал был на русском языке, он был предоставлен разными людьми, скорее всего, бывшими членами экипажей упомянутых в материале лодок. Позже я узнал, что конечный вариант этого перечня был опубликован на русском языке в 1992 г. в книге «Расследуя катастрофы подводных лодок». Таблица в конце книги содержала перечень происшествий с подводными лодками, с указанием количества пострадавших, командиров, места и причины каждого происшествия, а также места захоронения погибших, если таковое было известно. На первых страницах книги были приведены графические подробности одного из первых (1961 г.) происшествий с подводными лодками, в результате которого появились и первые жертвы среди членов экипажей, подвергшихся радиоактивному облучению на море; эти описания были составлены по воспоминаниям выживших очевидцев катастрофы и членов их семей.

Глава 11

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ОКЕАНОМ, 1962-1980-е гг.

В первые годы своего пребывания в должности Главкома советского ВМФ адмирал Сергей Горшков был осторожным исполнителем морской политики Хрущева. Однако после кубинского ракетного кризиса он, видимо, обрел политическую поддержку своей идеи присутствия советского флота в Мировом океане; такая поддержка стала особенно заметна с приходом к власти Леонида Брежнева в 1964 г. В феврале 1968 г. портрет Горшкова появился на лицевой обложке журнала «Тайм» с подписью: «Российский ВМФ — новый вызов на море». В статье, опубликованной в журнале, приводились слова, автором которых

якобы являлся Горшков: «Флаг советского ВМФ гордо реет над океанами планеты. Рано или поздно, но Соединенным Штатам придется понять, что они больше не являются хозяевами морей».

В начале 1960-х годов отношение советского политического руководства к своему флоту радикально изменилось. Перед сухопутными войсками по-прежнему стояла задача уничтожения «вероятных противников» в Европе и выхода в максимально короткое время к атлантическому побережью для предотвращения высадки американских подкреплений. Тем временем стратегические ядерные силы морского базирования становились важным компонентом советской ядерной триады. Основу мощи советского ВМФ теперь составляли ядерные ракеты на подводных лодках класса «Зулу», «Гольф» и «Хоутел», к которым позднее добавились лодки класса «Янки». Советские дальние бомбардировщики морской авиации также были оснащены ядерным оружием. Именно благодаря этим новым возможностям советский ВМФ стал играть более важную стратегическую роль в советских вооруженных силах — по сравнению с той, которая виделась в свое время Хрущеву. Ключевым аспектом стратегического баланса, значение которого все время возрастало, стало слежение за американскими авианосцами и подводными лодками с ядерным оружием и сдерживание вероятного нападения на Советский Союз. С другой стороны, это усиление советской военно-морской активности оправдывало увеличение усилий американцев по разведке и наблюдению у советских берегов.

Обе стороны сделали выбор в пользу специальных разведывательных кораблей, которые помогали бы их средствам контроля океанов определять местоположение сил противника в отдаленных районах Мирового океана и вели перехват сообщений в системах связи. Однако известные случаи нападения израильских и северокорейских сил на американские разведывательные корабли «Либерти» и «Пуэбло» в 1967 г. и 1968 г., соответственно, заставили Вашингтон прекратить использование большинства специальных разведывательных кораблей; Москва, наоборот, увеличивала количество кораблей-разведчиков морского класса.

Развертывание советских стратегических подводных лодок у берегов «вероятного противника» и угроза, которую представляли авианосные ударные группы с самолетами — носителями ядерного оружия и подводные лодки с ракетами «Поларис», требовали более четкого отслеживания действий кораблей ВМС США. Как объяснял капитан 1-го ранга советского ВМФ Владимир Кузин, «систематическая разведка сил вероятного противника в глобальном масштабе являлась предпосылкой обеспечения высокой боевой готовности советского ВМФ». После масштабного насыщения советского ВМФ радиостанциями, РЛС и аппаратурой гидролокации перехват радиоэлектронных излучений стал для него основным источником информации о «вероятном противнике».

Для регулярного ведения разведки этих излучений в тех районах Мирового океана, где активно действовали США и другие «вероятные противники», советский ВМФ сформировал три категории разведывательных кораблей, которые, в зависимости от поставленной задачи и обстоятельств, подчинялись либо управлениям разведки флотов, либо непосредственно ГРУ.

Постоянный рост советского рыболовного флота дал Москве возможность начать изучать Мировой океан за десять с лишним лет до начала дальних океанских операций советского ВМФ. Рыболовство являлось одним из вариантов Москвы в борьбе с нехваткой продовольствия, которая все сильнее ощущалась в СССР. При среднем месячном потреблении 20 фунтов (около 9 кг) рыбы на человека, морепродукты становились основным источником протеина для простого советского человека. Другой стороной деятельности рыболовного флота были бесценные разведывательные данные. Советские траулеры вели наблюдение везде, где это можно было делать, — у побережья и в открытом море, и нередко возникали ниоткуда в самый разгар плановых учений НАТО. Используя эхолоты и другие датчики, советский китобойный флот мог получать ценную информацию о движении льда; скорости поверхностных и глубинных течений, что было очень важно для действий подводных лодок; противолодочном и минном оружии. Многочисленные суда советского рыболовного флота могли также исследовать плотность земного магнетизма в удаленных районах, получая тем самым данные, которые могли использоваться в радиосвязи, навигации и размагничивании военных кораблей (снижение силы магнитного

поля стальных военных кораблей для их защиты от магнитных мин). Подводные телевизионные камеры, используемые при ловле рыбы, могли применяться и для картографирования морского дна, что было важно для действий подводных лодок. Советскому ВМФ требовались специальные платформы для выполнения разведывательных задач по слежению за растущим неприятельским флотом из стратегических подводных лодок с ракетами «Поларис» и атомных авианосцев. Первыми чисто разведывательными кораблями советского ВМФ стали переоборудованные рыболовецкие траулеры и исследовательские суда. Эти суда водоизмещением до 1200 тонн могли выходить в открытое море, имели достаточно высокую скорость и большую дальность плавания. Они брали на борт радио-, электронное и акустическое разведывательное оборудование, которое использовалось для перехвата сигналов и излучений с американских военных кораблей. Советский флот специальных разведывательных судов (классификация НАТО — AGI) за пять лет вырос с нуля до примерно десяти единиц.

К 1975 г. службу несли уже двадцать пять подобных траулеров. Все они ходили под флагом ВМФ и имели на борту тактический номер. Они особо не таились, однако их растущее присутствие в океане помогало создавать подробную картину деятельности военно-морских сил НАТО. Как итог их наблюдения с близкого расстояния, советский ВМФ мог на берегу изучать тактику западных флотов, приемы действий, способы пополнения запасов в море и организацию полетов на авианосцах. Задачи по разведке этим траулерам ставили разведывательные управления флотов или непосредственно ГРУ. Те же самые разведывательные траулеры были способны как следовать по пятам за военными кораблями НАТО, так и находиться в отдельных районах для выполнения специальных задач. К примеру, один советский разведывательный траулер находился у побережья Северной Ирландии, перехватывая радиосвязь между британской армией и королевской полицией Ольстера и отслеживая прибытие и убытие американских и английских стратегических подводных лодок на реке Клайд.

Эти советские добытчики разведывательной информации имели общие отличительные черты — петлеобразные пеленгаторы на топах своих мачт, которые использовались для определения местоположения других кораблей, и дополнительные контейнеры на судовой надстройке, в которых находились оборудование и рабочие места персонала, ведшего перехват или наблюдение. В тех случаях, когда возникали сомнения в точном местоположении западных сил, с траулеров запрашивали поддержку самолетов-разведчиков дальней авиации Ту-95 или разведывательных спутников. Нередко в целях самообороны эти корабли вооружались оружием малого калибра. Корабли одного и того же класса тем не менее не имели стандартного разведывательного оборудования, и корабль, уходя в плавание, мог менять оборудование в зависимости от поставленной боевой задачи на поход. Большая часть перехваченной информации регистрировалась и доставлялась на базу приписки в целях углубленного изучения.

Обычный пример работы на борту траулера-разведчика позволяет понять, чем занимались члены экипажа во время их долгих и зачастую тяжелых походов в бурном море и при экстремальных температурах.

НА БОРТУ «ВЕРТИКАЛИ»

Ветеран советской военно-морской разведки Ю.А. Берков вспоминает о своем назначении на корабль радиотехнической разведки «Вертикаль» Северного флота. Водоизмещение корабля составляло 1200 тонн, и он базировался на Горячий Ключ возле Полярного. Берков был младшим офицером, только что закончившим престижное военно-морское училище имени Ф. Дзержинского по специальности «кораблестроение». По словам Беркова, главной задачей его корабля

было слежение за местоположением американских подводных лодок с ракетами «Поларис»: «Мой первый поход начался в конце октября. Наша задача заключалась в наблюдении за военно-морскими маневрами НАТО в центральной Атлантике. Радиотехническая разведка

должна была перехватывать все сигналы, передаваемые береговыми радиостанциями (большей частью норвежскими). Имелась также и «береговая» группа специалистов радиоразведки, которая помогала нам. В северной Атлантике мы стали отслеживать передачи радиостанций типа AN/BQQ-9, установленных на подводных лодок НАТО. Мы искали районы патрулирования американских подводных лодок с баллистическими ракетами. Лично моя задача заключалась в поиске лодок и недопущении столкновения с другими кораблями».

В ноябре того же года «Вертикаль» принимала участие в спасении подводной лодки «Ленинский комсомол» (К-3) — первой советской атомной лодки, на которой в центре Атлантики случился пожар. Тридцать девять членов экипажа лодки умерли. Вернувшись на базу, корабль прошел плановый ремонт. Берков тоже активно работал в период ремонта: «Пока корабль проходил ремонт, я смастерил несколько широкополосных антенн; те, которые были установлены на нашем корабле, не могли определять направление на источник перехваченного излучения, что затрудняло определение местоположения источника».

В марте 1967 г. «Вертикаль» снова была в море, разведывая в этот раз действия американской авианосной группы: «Наша задача заключалась в разведке учений НАТО в центральной Атлантике. На дальности 90 километров до района учений я обнаружил американский противолодочный авианосец «Эссекс». Мне помогла в этом моя новая антенна. Мы подошли к эскадре ближе. В ее составе было семь кораблей — авианосец «Эссекс», фрегат «Фаррагат» и пять эсминцев».

В предыдущем походе капитан «Вертикали» и капитан эсминца «Кортни» ВМС США прониклись симпатией друг к другу. Это вылилось в необычный и дружеский обмен между кораблем-разведчиком и американским эсминцем: «Мы предложили им водку и папиросы «Беломор», а они дали нам пива, консервированных ананасов и порнографические журналы типа «Плейбой». Этот обмен длился минут двадцать... Примерно с неделю мы наблюдали за авианосцем; мы анализировали излучения, фотографировали корабли и противолодочные самолеты «Трэкер», стараясь понять, каким образом им удастся так хорошо обнаруживать наши лодки. Вскоре выяснилось, что в том районе было две подводные лодки, одна из них была английской, а вторая норвежской. Эскадра маневрировала, и мы им часто мешали. Вскоре они поняли, что мы ведем разведку и не оставим их в покое. Нам удалось перехватить их радиограмму в Пентагон, в которой они спрашивали, что за люди на «Вертикали». Вскоре он получили ответ, что «Вертикаль» является советским разведывательным кораблем под командованием Леонида Шульгина».

Как-то раз, вспоминает Берков, «над нами завис американский противолодочный вертолет и начал делать снимки. Он был так близко, что мы видели лицо фотографа. Мой коллега Бутурлин вышел и показал ему кулак. Американец «парировал» тем, что бросил в нас апельсин. Я стоял рядом с Бутурлиным и бросил апельсин назад... В общем, англичане и американцы враждебности не выказывали; «холодная война» была делом правительств. Простые люди просто хохмили».

ХОЛИ-ЛОХ И НЕОБЫЧНЫЙ СПОСОБ ОБНАРУЖЕНИЯ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Одно из наиболее интересных воспоминаний Беркова касается неакустического и гидроакустического устройств, которые применялись на «Вертикали» для обнаружения подводных лодок с ракетами «Поларис» на выходе с их мест базирования. Помимо оборудования радиоперехвата и гидролокатора, на «Вертикали» имелся датчик температуры, который регистрировал небольшие изменения температуры морской воды после прохождения в этом районе подводной лодки с ЯЭУ. Это оборудование обозначалось как МИ-110К, оно было совершенно секретным, и в то время Запад о нем не знал. Это оборудование использовалось советским ВМФ в непосредственной близости от американско-британской базы подводных лодок Холи-Лох для обнаружения выходящих в море стратегических подводных лодок. Берков вспоминает: «В ноябре нам опять пришлось

выйти в море. Наш корабль получил датчик температуры МИ-110К и гидроакустическое устройство МГ-409 с ртутно-цинковыми батареями третьей серии. Корабли «Буй» и «Гироскоп» были оснащены таким же радиотехническим оборудованием, что и наш корабль. На этот раз наша задача заключалась в поиске районов патрулирования американских атомных ракетных подводных лодок в северной Атлантике. МИ-11 ОК на тот момент являлся новейшим секретным прибором для определения температуры воды на следе атомной лодки, а МГ-409 использовался для подтверждения контакта. К этому времени «Гироскоп» уже вернулся и доложил о нескольких контактах с лодками. В течение двух месяцев мы искали лодки, а я научился пользоваться новыми приборами и пришел к выводу, что на скорости в шестнадцать узлов найти лодку невозможно. Нам приходилось несколько раз ходить зигзагом по следу одной и той же лодки. Я выдвинул свою «теорию», согласно которой корабль разведки, чтобы обнаружить след лодки и «поймать» ее, должен двигаться со скоростью двадцать узлов. Требовалась также хорошая гидроакустическая станция, которая могла бы искать лодку в режиме «отражение». Новый 1968 г. мы праздновали в море. Вскоре мы ушли к Холи-Лох, недалеко от Лондондерри (Северная Ирландия), где находилась британско-американская база стратегических лодок. Мы засекали английские лодки при их выходе с базы и следили за ними до тех пор, пока они полностью не уходили под воду».

Подобные разведывательные операции часто проводились во взаимодействии с советскими подводными лодками. В том же году самолет британских королевских ВМС засек советскую подводную лодку «Проект 633» (по классификации НАТО — класс «Ромео»), которая вела разведку в британских территориальных водах возле Холи-Лох. Советская лодка обнаружила корабль ВМС США «Этан Аллен» и две подводные лодки, английскую и американскую, которые переговаривались между собой с помощью новой подводной системы связи. После этого радиоразведчики на советской лодке перехватили сообщение о том, что два военных корабля готовятся преследовать их, и советская лодка попробовала скрыться, но безуспешно, потому что разряженные батареи заставили ее всплыть. До самой базы на Кольском полуострове лодку сопровождали английские, американские и норвежские самолеты морской патрульной авиации.

В марте 1968 г. «Вертикаль» принимала участие в необычной операции — она проверяла устойчивость радио- и радиотехнических систем Северного флота к радиоперехвату и сбору разведанных о них. Как вспоминал Берков, «Вертикаль» играла роль иностранного разведывательного корабля-нарушителя. «Мы пробыли в Горячем Ключе около месяца, а затем командование направило нас в Белое море проверять степень защищенности наших береговых сооружений и баз от перехвата радио- и радиотехнической разведки. Мы вышли в море в марте и прошли вдоль Кольского полуострова. Мы спустили свой флаг и закрыли надпись «Вертикаль» и не отвечали на запросы береговых постов. Мы подходили близко к берегу и записывали все излучения и переговоры в диапазоне УКВ. В результате мы смогли определить всю инфраструктуру Севера, местоположение частей ПВО, береговой артиллерии и баз подводных лодок».

Позже Берков стал командиром «Вертикали», а затем был переведен в Ленинград, «Вертикаль» же была передана Черноморскому флоту. Дивизион разведывательных кораблей в Горячем Ключе получил новый корабль «Харитон Лаптев», водоизмещение которого составляло 3000 тонн и который «был напшигован разведывательной аппаратурой».

В 1970 г. «Харитон Лаптев» отслеживал испытательные пуски новой баллистической ракеты «Посейдон», которые проводились со стратегической ПЛ с ЯЭУ ВМС США «Джеймс Мэдисон» вблизи Чарльстона. 3 августа «Джеймс Мэдисон» вышла из базы для проведения очередного пуска новой ракеты, который был 21-м пуском начиная с 1968 г.; лодку сопровождали эскортный эсминец «Калькатерра» и инструментальное судно «Обзервейшн айленд». «Харитон Лаптев» выбрал такую позицию в море, которая дала ему возможность выслать его катера для подъема из воды фрагментов мембраны ракетной шахты на подводной лодке и американских телеметрических буев. Американские самолеты пробовали напугать нарушителей полетами на предельно малых высотах, но их отогнали выстрелами сигнальных ракет, и «Харитон Лаптев» ушел домой с дорогим подарком. Такие инциденты происходили из года в год. В отдельных случаях советские разведывательные

корабли пробовали перерезать кабели системы СОСУС, которые еще были только опущены в воду американскими судами-кабелеукладчиками и находились близ поверхности. Советские ветераны морской службы отказываются вспоминать подробности таких дел, опасаясь возможного судебного преследования со стороны правительства США при их поездках в какую-нибудь западную страну. Советы не были одиноки в использовании плавающих собирателей разведывательной информации. ВМС США и флоты их западных союзников использовали свои собственные корабли прослушивания, которые перекрывали гораздо меньшую площадь Мирового океана по сравнению с большим флотом советских траулеров-разведчиков.

АМЕРИКАНСКИЕ НАДВОДНЫЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ КОРАБЛИ

Американские специальные разведывательные корабли комплектовались экипажами, которые предоставлялись ВМС США, боевые задачи этим кораблям ставило Агентство национальной безопасности (АНБ), и действовали эти корабли, ведшие преимущественно радиоразведку, больше в интересах государства, чем в тактических интересах ВМС США. Разведка в интересах ВМС обычно являлась вторичной задачей для этих кораблей. Для прослушивания линий связи у границ Советского Союза и других государств, представляющих интерес, в начале 1960-х годов были построены семь кораблей. Это были корабли технических исследований «Оксфорд» (AGTR-1), «Джорджтаун» (AGTR-2), «Джеймстаун» (AGTR-3), «Бельмонт» (AGTR-4) и «Либерти» (AGTR-5), и вспомогательные суда «Рядовой Хосе Вальдес» (T-AG169) и «Сержант Джозеф Мюллер» (T-AG 171). Эти корабли активно использовались с 1964 г. по 1966 г. в Карибском море, в южной Атлантике, и в Южно-Китайском море.

Агентство национальной безопасности (АНБ) практиковало создание объединенных разведывательных групп, в которые входили представители АНБ и ВМС. Эти группы дислоцировались на эсминцах, спасателях подводных лодок («ASR») и других вспомогательных судах и участвовали в операциях типа патрули ДЕСОТО. В 1963 г. ценная информация была получена от американского ледокола, который сообщил количество кораблей, их класс и другие характеристики советского военно-морского конвоя, прошедшего из Мурманска Северным морским путем в Тихий океан. С ноября 1963 г. по апрель 1964 г. эскортный эсминец радиолокационного дозора («DER»), находившийся на позиции в центральной части Тихого океана, вел плотное наблюдение за советскими кораблями инструментально-измерительного комплекса, которые контролировали падение головных частей МБР в этом районе и регистрировали баллистическую и радиометрическую информацию при испытательных пусках ракет и запусках космических аппаратов. Наблюдение за деятельностью кораблей советского измерительного комплекса со стороны американских кораблей продолжалось вплоть до окончания «холодной войны». С конца 1940-х годов, когда коммунистический Китай впервые пригрозил вторгнуться на Тайвань, американские ВМС — обычно эсминцы — находятся в мелководном и беспокойном Тайваньском проливе. В последующие годы эти эсминцы часто приближались к побережью КНР или КНДР, провоцируя китайцев или северных корейцев на включение их РЛС или систем управления огнем береговой артиллерии. ВМС США после этого производили регистрацию и анализ полученной электронной информации.

ПРЕСЛЕДУЯ ЛОДКИ КЛАССА «ЗУЛУ»

Находившийся на переходе из Южно-Китайского моря на базу в Йокосука (Япония) эсминец ВМС США «Орлек» (DD-886) был перенацелен на выполнение разведывательной задачи. В 1966 г. такая задача была лакомым куском для эсминца, оснащенного и

вооруженного преимущественно для ведения противолодочной борьбы и прошедшего несколько длинных месяцев в нудном патрулировании Тайваньского пролива и Тонкинского залива. Новое задание заключалось в наблюдении за группой из восьми советских дизельных подводных лодок, находившихся на поверхности и сопровождаемых тендером подводных лодок класса «Дон».

Эта группа подводных лодок советского Тихоокеанского флота, в составе которой были и лодки большого радиуса действия «Проект 611» (по классификации НАТО — класса «Зулу»), находилась на переходе во Владивосток из Филиппинского моря, в теплых весенних водах которого они отрабатывали учебные задачи. Экипаж «Орлека» с энтузиазмом встретил новое задание. На своем корабле противолодочной борьбы им редко удавалось померяться мастерством с реальными подводными лодками.

Американская Третья эскадра эсминцев в составе восьми кораблей базировалась на Йокосука (Япония) вместе с флагманом Седьмого флота ВМС США «Оклахома сити» (CLG-5). В составе экипажей эсминцев имелись «матросы западной части Тихого океана», наследники старого Азиатского флота. Это были старшины и главстаршины, которые постоянно находились в Японии и переходили с одного корабля на другой, по мере того, как каждые три года состав кораблей их эскадры менялся на новый по ротации. Как результат, некоторые из старшин первого класса и главстаршин были опытными морским волками, живущими в Японии со времен окончания войны в Корее, а некоторые даже дольше, с окончания Второй мировой войны. Многие из этих моряков поселились в домах либо в самой Йокосукэ, либо рядом с ней, в живописной префектуре Канагава.

В 1960-х годах Япония была недорогой страной, предоставлявшая морякам приятную передышку между походами и лишь некоторой сдержанностью отличающаяся от жизни в портах Западного побережья США.

Офицерский состав «Орлека» был представлен преимущественно молодыми и легко относящимися к жизни офицерами. Они были сильны своим характером, боевым духом и гордились своими действиями в Южно-Китайском море у побережья Северного Вьетнама. Они на полном ходу неслись в заданный район действий и, наверное, представляли собой забавное зрелище, потому что на топе мачты и на реях развевались три боевых вымпела неправдоподобно больших размеров, а на крохотной вертолетной площадке на корме стоял загадочный фургон цвета хаки. Три дня тому назад фургон поспешно, менее чем за два часа, погрузили на корабль на базе в Субик-Бей. Вместе с фургоном появилась горстка техников-связистов и имевший ученый вид взъерошенный лейтенант, неизвестно почему бегло говоривший по-русски. Присутствие фургона, с крыши которого торчали странные антенны, и внезапное появление техников-связистов, само существование которых представляло секрет, делало предстоящую работу «Орлека» еще более захватывающим делом.

Для одиночного эсминца, имевшего на вооружении только слегка обновленное оборудование времен Второй мировой войны для обнаружения подводных лодок, непрерывное наблюдение за восемью лодками представляло непростую задачу, особенно тогда, когда некоторые из лодок выполняли погружение. Предполагалось, что «Орлек» будет удерживать контакт с любой из лодок, находящейся под водой, передавая его, при возможности, самолету патрульной авиации, не теряя одновременно контакта с основной группой, состоявшей из тендера и остальных лодок. Поначалу это было необычно и интересно, потом наступила вторая неделя слежения, а советские моряки не выказывали признаков усталости или стремления вернуться в Японское море и свою родную базу.

Один молодой лейтенант был старшим вахтенным офицером, отвечавшим за подготовку и несение службы по офицерскому вахтенному расписанию. Он регулярно стоял вахты на мостике. Наблюдение за Советами было хорошим способом скоротать четыре часа вахты, а если повезет, то и узнать что-нибудь интересное. Глядишь, вылезет из своего фургона взъерошенный лейтенант, шмыгнет на мостик и скажет что-то мудреное о том, что у Советов на уме. Ни у кого не заняло много времени узнать, что этот лейтенант, которого прозвали «шпиончиком», командовал группой радиоперехвата.

Офицеры, стоявшие длинные вахты, одобрительно относились к появлению «шпиончика» на мостике. Он обычно выходил наружу во время ночных вахт, когда капитана не было на мостике и он не мог лицезреть его ужасающий внешний вид — «шпиончик» обычно

выглядел так, словно он только что вылез из мешка с грязным бельем. И хотя офицерский состав корабля знал, что только трем корабельным офицерам разрешено быть в курсе того, в чем состоит работа «шпиончика», взъерошенный лейтенант частенько давал подсказки, обычно почти явные, относительно того, чем Советы собираются заниматься. Лейтенант называл такие подсказки «прямой тактической поддержкой», и офицеры «Орлека» поняли, что они идут из фургончика радиоразведки лейтенанта. С самого начала наблюдения за советскими лодками офицеры «Орлека» пришли в изумление от возможностей группы «шпиончика», которая называлась подразделением группы военно-морской безопасности; однажды «шпиончик» продемонстрировал эти возможности, материализовавшись теплой тропической ночью на мостике во время полночной вахты. «Через несколько минут у вас будет пара надводных целей, идущих с севера. К нам присоединятся советский заправщик и эсминец класса «Котлин», — сказал он и исчез.

Через полчаса РЛС обнаружила две цели, идущие с севера. Их засеют РЛС обзора морской поверхности на дальности примерно 35 миль; обе цели шли курсом на эсминец. Все произошло абсолютно так, как предсказал «шпиончик». После этого случая другие офицеры глядели ему в рот, поражаясь силе зрения, скрытого в фургончике.

Любимым приемом советских моряков было двигаться на скорости восемь узлов, имея две лодки класса «Зулу», пришвартованными к длинному лодочному «выстрелу» на корме тендера (экипажи лодок в это время наслаждались удобствами на борту тендера водоизмещением 7000 тонн). Остальные шесть лодок тем временем описывали циркуляции вокруг тендера. На «Орлеке» приходилось нелегко, когда лодки менялись местами и одна из двух лодок начинала медленно отдаляться от тендера и незаметно погружалась. Русские иногда выполняли этот маневр ночью, когда легкая зыбь ограничивала возможности обзорной РЛС, а частый дождик затруднял визуальную видимость.

Репутация «Орлека» — как противолодочного корабля — была подвешена на тонкой ниточке непрерывных докладов об обстановке, которые первым читал командующий эскадры, затем командующий Седьмым флотом, и уж потом — множество надменных офицеров штаба, аналитиков и предсказателей, скрупулезно изучавших ситуация с противолодочной борьбой во времена «холодной войны».

Однажды ранним утром, при ухудшившихся погодных условиях, вахтенный офицер на мостике оказался не в состоянии определить, находятся ли по-прежнему за кормой советского тендера две подводных лодки или нет. Приказ командира эсминца ночной вахте требовал, во избежание опасной или сложной ситуации, держать в ночное время постоянную дистанцию до тендера в 1500 ярдов (около 1500 м). Однако вахтенный офицер был обязан поднять тревогу в случае неожиданного погружения одной из лодок, поскольку потеря одной лодки как визуально, так и на экране РЛС означала бы профессиональную дискредитацию «Орлека».

Держа в голове все эти мысли и все еще неспособный сосчитать, одна или две лодки тянутся за тендером, озабоченный молодой вахтенный офицер последовательными маневрами изменил местоположение «Орлека» за кормой тендера, плавно уйдя с левого борта тендера на правый. В обычных условиях это является абсолютно безопасным маневром, однако в нашем случае эсминцу пришлось пересечь курс одной из советских подводных лодок, шедшей в надводном положении в 2000 ярдах от тендера. Когда американский эсминец приближался к тендеру и занимал предписанную его командиром дистанцию для ночного времени, то он пересек курс советской подводной лодки, оказавшись от нее на дальности 500 ярдов, что, по мнению вахтенного офицера, представлялось нормальным. Эсминец медленно выходил на свою новую позицию, а вахтенный офицер все еще не мог разобраться, сколько же лодок тянется за тендером впереди эсминца.

Прошел почти час неопределенности, и, наконец, не получив подтверждения от гидролокатора, что одна из лодок могла занять подводное положение, молодой офицер, с растущей уверенностью и отбросив предосторожность, медленно подвел эсминец к тендеру на дистанцию 1200 ярдов, потом на 1000 ярдов и, наконец, на 800 ярдов. Все еще не могущий сосчитать лодки, вахтенный офицер приблизил эсминец почти на 600 ярдов к тендеру и приказал осветить прожектором море по правому борту тендера. Это было правильно, потому что он четко разглядел в красном свете прожектора только

видневшуюся над водой рубку лодки, которая медленно уходила от тендера. Я их застучал, подумал молодой американец, и вздохнул с облегчением. Теперь от него требовалось только отойти от тендера на безопасную дистанцию в 1500 ярдов и поймать гидролокатором погружившуюся лодку. «Орлек» начал медленно отставать от тендера, вес время держа в поле зрения остававшуюся за кормой тендера подводную лодку. Вахтенный офицер, который формально нарушил приказ командира эсминца ночной вахте, был убежден, что Центр боевой информации эсминца и вахтенный офицер этого Центра, отслеживавший ситуацию из своего закутка, а также остальные младшие чины его вахты не обмолвятся и словечком о том, что он подвел эсминец всего на 600 ярдов к советскому судну.

Медленно светало, близился конец вахты; гидроакустики удерживали хороший контакт с погружившейся лодкой, да и остальные лодки были либо перед глазами наблюдателей, либо на экранах РЛС. Вахтенный офицер приободрился — ведь он сумел незаметно вернуть эсминец на предписанную командиром дистанцию, и тут на мостике появился командир. То, что везде был порядок, командиру вроде бы понравилось. В этот момент советский тендер начал подавать «Орлеку» световые сигналы.

В ходе наблюдения американцев за советским подводными лодками обе стороны обменивались световыми сигналами только в случае необходимости, т.е. обычно тогда, когда одна сторона хотела заранее предупредить другую о потенциально опасном маневре. Поэтому когда с противной стороны стали подавать световые сигналы, американцы поняли, что с советского тендера будет передано важное сообщение. Через несколько минут в рубку зашел сигнальщик и сказал: «Сообщение от русских световыми сигналами, сэр, на английском языке».

На мостике воцарилось молчание, пока командир читал сообщение. После слов командира «когда сдадите вахту, зайдите в мою каюту» эйфория лейтенанта по поводу маленькой победы над русскими как-то не сразу, а постепенно, все же перешла в угрызения совести. Вскоре лейтенант стоял в каюте командира, а тот громко читал вслух сообщите русских, переданное на корявом английском языке:

«Ваш вахтенный офицер в последние часы ночи ведет себя вызывающим и провокационным образом, сокращая дистанцию между кораблями до менее 500 метров, пересекая курс одного из советских кораблей и вынуждая его совершить маневр во избежание опасности. Я требовать, чтобы ваш вахтенный офицер был сурово наказан и подобные безответственные действия избежать впредь. Я доложу об этом грубом проявлении слабой морской подготовки в штаб нашего флота для надлежащих дипломатических действий.

Советский командир».

Больше об этом случае не было сказано ни слова.

«ЖУК-ЩЕЛКУН»

В апреле 1964 г. американское судно-спасатель подводных лодок «Шантеклер» (ASR-7) достигло значительных успехов, отслеживая весенние военно-морские учения советского Тихоокеанского флота. Достигнутые результаты дали командующему ВМС США в зоне Тихого океана повод обратиться в феврале 1965 г. к начальнику штаба ВМС США с предложением снарядить новые суда для ведения военно-морской разведки в дополнение к уже имеющимся кораблям. Имевшиеся на то время корабли-разведчики действовали в интересах АНБ и не предназначались для специального наблюдения за океаном. В сентябре 1965 г. командующий ВМС США в зоне Тихого океана так объяснил цели действий этих новых судов: «выявить советскую реакцию на небольшое безоружное судно ВМС США, действующее в оперативных районах советского ВМФ». Таким образом, эти суда должны были являться наблюдательными платформами, «одетыми в форму ВМС США» и действующими в районах, где им будет приказано, и никоим образом не скрывающими свою национальную принадлежность, внешний вид и выполняемые действия.

Американские ВМС начали подобные разведывательные операции, получившие кодовое название «Жук-щелкун», направив в западную часть Тихого океана новое переоборудованное небольшое судно «Бэннер» (AGER-1). В период с августа 1965 г. по декабрь 1967 г. оно часто становилось мишенью для враждебных и провокационных действий со стороны Советов или коммунистического Китая. Историк военно-морской разведки У. Паккард пишет:

«Враждебные действия заключались в прохождении параллельным курсом на очень близкой дистанции, сближении на близкую дистанцию и опасном маневрировании, сближении с наведенными на «Бэннер» орудиями, окружении «Бэннера» траулерами и подачей сигналов «Ложись в дрейф или я открываю огонь». «Бэннер» надо было либо выводить из района, либо прикрыть его эсминцами. В 1967 г. командир «Бэннера» командир Ч.Р. Кларк, однако, не видел угрозы со стороны советских кораблей, поскольку у Советов было много своих действующих судов-разведчиков, и они, захватив «Бэннер», могли потерять гораздо больше. С другой стороны, Кларк отмечал, что «северные корейцы и красные китайцы были очень сомнительным фактором, поскольку никто не знал, как они себя поведут, однако сам факт нашего пребывания в международных водах и выполнения законных действий являлся нашей самой надежной защитой».

Успешные действия «Бэннера» по программе «Жук-щелкун» подвигай ВМС США оснастить еще два небольших судна для выполнения разведывательных задач. Этими судами стали «Пуэбло» (AGER-2) и «Палм Бич» (AGER-3).

Выполняя свои задачи, «Бэннер» вел радиоразведку не только в национальных интересах, но и снабжал ВМС США сведениями о Советах. Как свидетельствует Паккард, концепция «небольшого одиночного судна, действующего как корабль наблюдения и разведки, прошла испытания». Способность «Бэннера» находиться близко у берега позволила ему перехватывать такие радиосигналы, которые были недоступны станциям перехвата берегового базирования или же недостаточно полно перехватывались другими мобильными или береговыми средствами разведки. В ходе операций «Бэннера» был также накоплен значительный объем фотографий, сведений по акустике и гидрографии в районах вероятных целей.

Сходный рецепт решили попробовать на Атлантике. В период с 21 июня по 14 сентября 1966 г. судно «Атакапа» (ATF-149), оснащенное средствами электронного перехвата, впервые вело электронную разведку учений советского ВМФ у норвежского побережья. Ожидая начало учений, «Атакапа» обнаружило и вело наблюдение за двумя советскими подводными лодками класса «Зулу», следовавшими в Средиземное море. Успехи «Атакапы» подтвердили правильность концепции использования небольших судов в качестве собирателей разведывательных данных. После этого «Атакапа» вошла в Балтийское море, где также набрала значительный объем информации от перехвата в радиосетях, однако в этот раз она оказалась не совсем нужной, поскольку большая часть подобной информации уже была получена от других сил разведки. Реакция Советского Союза на плавание «Атакапы» как в Норвежском, так и в Балтийском морях была спокойной.

СУДНО ВМС США «ЛИБЕРТИ» И РАКЕТНЫЕ КАТЕРА КЛАССА «КОМАР»

Восьмого июня 1967 г. израильскими самолетами и торпедными катерами было атаковано и серьезно повреждено американское разведывательное судно «Либерти» (AGTR-5), ведшее разведку у побережья Египта. Тридцать членов экипажа «Либерти» погибли. Отказавшись от помощи, предложенной эсминцем советского ВМФ, «Либерти» ушло в Ла-Валлетту (Мальта) для срочного ремонта. После этого «Либерти» никогда больше не занималось разведкой. Израиль заявил, что ошибочно принял американское разведывательное судно за гораздо меньший по размерам египетский транспорт, и выплатил компенсации за погибших. Многие из оставшихся в живых членов экипажа «Либерти», включая старшего помощника капитана «Либерти» Джеймса Эннеса, считают,

что израильское нападение было умышленным и имевшим своей целью не дать Соединенным Штатам узнать об израильском наступлении против Сирии, которое должно было вот-вот начаться. Опубликованные в 2004 г. документы, относящиеся к внешним сношениям США периода арабо-израильской войны 1967 г., дают самую свежую оценку правительством США того инцидента, которая сводится к тому, что нападение произошло по ошибке. В статье, опубликованной в журнале «Записки американского военно-морского института», военно-морской историк Норман Польмар обращает внимание читателей на то, что может являться ключевым элементом головоломки:

«Одним из наиболее значительных документов является длинная расшифровка перехвата, сделанного американским самолетом-разведчиком ЕС-121 в сети радиообмена между израильскими вертолетами (летавшими рядом с «Либерти» после израильской атаки) и наземным пунктом управления. Одно из самых важных сообщений для вертолетов, которым уже сообщили, что в воде находятся люди, которых надо спасать, звучит так: «Обратите внимание: если кто-то из них (среди поднятых из воды) разговаривает, и разговаривает по-арабски, то вы доставляете его в Эль-Ариш. Если они разговаривают по-английски, а не по-арабски, то вы доставляете их в Лод (аэропорт близ Тель-Авива). Это понятно?» Снова и снова наземный пункт управления требовал от вертолетов определить национальную принадлежность судна. Американские документы критикуют израильтян за то, что они не разобрались с национальной принадлежностью судна до нападения до него, потому что (только единожды) определили, что «Либерти» движется со скоростью 30 узлов, и автоматически приняли решение атаковать быстроходное судно, о котором известно, что оно не принадлежит Израилу. И хотя документы, особенно длинная телеграмма от американского военного атташе в Белый дом, объясняют, как возникают подобные ситуации, израильское «сверхусердие» в условиях боевой обстановки безусловно внесло свою лепту в трагедию».

Польмар указывает, что в день нападения посольство США направило государственному секретарю США телеграмму, в которой процитировало высказывание начальника разведки Армии обороны Израиля, который рассказал американцам о намерении Израиля «нанести удар по Сирии, чтобы получить больше свободного пространства». Польмар подчеркивает, что сторонники теории преднамеренного удара по «Либерти» неправы, полагая, что Израиль держал в секрете свою подготовку нападения на Сирию. В день нападения эта информация стала доступной как правительству США, так и общественности Израиля. Бывший летчик палубной авиации А.Д. Кристол, а ныне писатель и судья, занимался изучением этого инцидента четырнадцать лет, и также поддерживает версию Польмара. Кристол критикует Д. Бэмфорда, автора книги, в которой говорится о том, что нападение было умышленным:

«Бэмфорд совершенно игнорирует тот факт, что всего за два дня до 8 июня 1967 г. Соединенные Штаты в Совбезе ООН публично заявили на весь мир, что на сотни миль от зоны боевых действий нет ни одного американского военного корабля. Цепная реакция началась с сообщения израильской армии о взрывах в Эль-Арише. Поскольку израильтяне контролировали ситуацию на земле и в воздухе, они предположили, что их обстреливают с моря, с какого-то военного корабля, бывшего у них па виду. Принимая во внимание публичное заявление США, кажется более логичным, что израильтяне приняли нечетко видимый серый военный корабль, плывущий у них на глазах, за судно противника, а не за американский корабль».

Замечание Кристола о взрывах в Эль-Арише подтверждает разговор А. Шелдона-Дюпле с египетским лоцманом, который произошел 20 апреля 1988 г. на борту французского эсминца «Монкальм» во время прохождения эсминцем Суэцкого канала. Лоцман канала был раньше морским офицером и в июне 1967 г. служил на ракетном катере класса «Комар». По словам лоцмана, египетские катера выпустили несколько ракет «Стикс» по израильским наземным войскам, наступавшим возле Эль-Ариша. По мнению лоцмана, израильская атака «Либерти» была вызвана стремительными действиями египетских ракетных катеров и их последующим исчезновением с места событий, что оставило израильтян в недоумении относительно действительного источника этой бомбардировки с моря.

Государственный секретарь США Дин Раек и командующий ВМС США в зоне Атлантики адмирал Томас Мурер израильские объяснения не приняли. Для многих выживших членов экипажа «Либерти» и писателя Д. Бэмфорда, израильская торпедная атака, которая последовала за авиационным ударом по «Либерти», вряд ли может быть объяснена неправильным определением национальной принадлежности.

Торпедная атака подтверждает их заявления о том, что это было обдуманное и циничное нападение с целью убить нежелательного свидетеля. Кристола, однако, оспаривает утверждения о том, что нападение израильских ВВС длилось около двенадцати минут и было прекращено, как только израильтяне поняли, что «Либерти» не является арабским судном. Кристола далее поясняет: «Пока ВВС начинали спасательную операцию, подошли торпедные катера, которые остановились и начали подавать сигналы «Либерти». «Либерти» ответило стрельбой по торпедным катерам, вследствие чего катера начали торпедную атаку. Она длилась менее пятнадцати минут, и все это время на торпедных катерах считали, что перед ними находится противник, который их обстрелял». Столкнувшись с фактами, военно-морская разведка Израиля представила свой вариант событий, который в изложении Кристола выглядит так:

«На рассвете 8 июня, примерно в 06:00, самолет-разведчик ВМС Израиля обнаружил «Либерти», которое двигалось курсом на юго-восток и находилось более чем в 70 милях к юго-западу от Эль-Ариша. Была определена национальная принадлежность судна, после чего информация была передана в штаб военно-морской разведки, который отметил «Либерти» значком на планшете боевой обстановки в штабе ВМС. Прошло пять часов, и отметку «Либерти» на планшете посчитали устаревшей информацией и удалили с планшета. В 11:00 в штабе произошла смена дежурных, однако информация о «Либерти» не была доложена офицеру, который принял дежурство. Приблизительно в 13:00, когда стало известно о судне, находящемся в 14 милях от побережья Синайского полуострова и двигающемся на запад, и обстреле с моря позиций израильской армии, старший морской начальник ничего не знал об утреннем обнаружении «Либерти» за много миль к западу». Аналитики ЦРУ пришли к выводу, что «Либерти» и египетский транспорт на удалении могли выглядеть одинаково и поэтому по ошибке могли быть приняты один за другой. Более убедительным выглядит заявление доктора М. Новицки. Бывший переводчик иврита в ВМС США, находившийся в тот момент на борту разведывательного самолета АНБ ЕС-121, писал Бэмфорду: «Мы записали многое, если не все, о нападении. Далее, наши материалы перехвата, до этого никогда не публиковавшиеся, свидетельствуют, что со стороны Израиля нападение было случайным». В журнале «Уолл Стрит джорнал» от 16.05.2001 г. Новицки писал, что израильская атака действительно произошла по ошибке: «Мое мнение, которое противоречит мнению мистера Бэдфорда, состоит в том, что... нападение было величайшей ошибкой». Ставшие достоянием публики материалы перехвата АНБ подтверждают эту точку зрения.

Рассказ египетского лодчана о том, что взрывы в Эль-Арише были вызваны ракетами, выпущенными с катеров класса «Комар», что, в свою очередь, вынудило израильские ВВС искать виновника взрывов в море, может послужить еще одним свидетельством для снятия обвинения с Израиля в умышленной атаке на своего лучшего союзника.

ВТОРОЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ «ЖУК-ЩЕЛКУН» И АМЕРИКАНСКОЕ СУДНО «ПУЭБЛО»

После инцидента с «Либерти» заместитель начальника штаба ВМС США приказал вооружить все разведывательные корабли США. 14.12.1967 г. разведывательным судам «Бэннер», «Пуэбло» и «Атакпа» перед последующими разведывательными операциями в море было приказано установить минимум по два пулемета калибра 12,7 мм. Это, конечно, вряд ли могло быть эффективным средством против реактивных истребителей и торпедных катеров, которые напали на «Либерти». Несмотря на неуспех с «Либерти», ВМС США продолжал сбор разведывательной информации в Средиземном море, на Черном море, у

побережья Африки, на Кубе и в западной части Тихого океана. (Модернизированный морской буксир «Атакапа» работал в Средиземном море с июня по октябрь 1968 г.) В 1967 г. «Пуэбло», построенное двадцать пять лет тому назад и использовавшееся сухопутными войсками США для прибрежных грузовых перевозок, было переоборудовано в надводное разведывательное судно и планировалось к использованию в ходе второго этапа операции «Жук-щелкун». Боевой приказ командующего военно-морскими силами США в Японии № 301—68 от 12.03.1968 г. гласил:

«Мной успешно проверены боевые возможности и политическая значимость использования одиночного малоразмерного судна типа траулер в качестве корабля наблюдения на море и ведения разведки. Второй этап предусматривает расширение объема операции с использованием двух судов («Бэннер» и «Пуэбло») для обеспечения непрерывного ведения разведки в заданном районе или в ходе операции. Целью операции является также проверка реакции Советского Союза на непрерывное присутствие американских разведывательных судов в районах действия советского ВМФ. Предполагается, что как опыт, накопленный в ходе выполнения второго этапа, так и тактические приемы и оборудование, разработанные и примененные нашими силами, последовательно приведут к выполнению третьего этапа операции — использованию большего количества малых судов».

Инструкции второго этапа операции «Жук-щелкун» требовали от разведывательных судов держаться не ближе 13 морских миль от берега и избегать любых действий, которые могут быть расценены как провокация. Погодные условия вдоль советского побережья в это время года и агрессивное поведение военных кораблей красных китайцев заставили отправить в первое плавание свежее испеченного разведчика «Пуэбло» к берегам Кореи, «страны утренней свежести». Риск от предстоящей операции представлялся минимальным, поскольку однотипное судно-разведчик «Бэннер» и более крупное «Оксфорд» во время их предыдущих походов к берегам Кореи не подвергались никаким угрозам. Служба перехвата иностранных ширококвещательных станций слышала предупреждения Пхеньяна о провокационных актах в территориальных водах «катерами-разведчиками», замаскированными под рыбацкие лодки, но американцам показалось, что недовольство северокорейского флота распространяется только на рыбаков и военные корабли Южной Кореи.

Начальник отдела текущей разведывательной информации при штабе командующего ВМС США в зоне Тихого океана Б.Р. Инман не был встревожен. Он не был знаком с телеграммой директора АНБ от 29.12.1967 г., в которой отмечалась усиленная активность морских сил Северной Кореи, в том числе и потоплении ими южнокорейского патрульного катера, однако позже заявил, что указанная телеграмма вряд ли бы повлияла на его оценку обстановки. 11 января 1968 г. «Пуэбло» покинуло Японию. Двенадцатью днями позднее судно было окружено канонерскими лодками Северной Кореи и, при попытке оторваться от них, было обстреляно, что привело к гибели одного американского моряка. Командер Л. Блэчер не пошел на риск потерять своих людей в ледяной воде и сдал судно в плен. Восемьдесят два члена экипажа «Пуэбло» были доставлены в Вонсан (КНДР) в качестве пленников. В последующие одиннадцать месяцев северные корейцы подвергали пленников пыткам, заставив некоторых моряков угрозами подписаться под «признаниями» в их вине и выступить по радио в политических передачах. Президент Линдон Джонсон отверг несколько военных вариантов решения вопроса и пошел на переговоры. 23 декабря 1968 г. экипаж судна был освобожден. ВМС США не стали предавать военно-полевому суду капитана судна и его первого помощника. Несмотря на все усилия экипажа, они не смогли уничтожить все имевшиеся на борту «Пуэбло» секретные документы, которые требовались им для выполнения поставленной задачи.

БУДУЩЕЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ

В течение 1968 г. американские разведывательные суда продолжали вести радио- и визуальную разведку в северной Атлантике. (Третье переоборудованное судно из серии

«AGER», «Палм Бич», в июле и начале августа 1968 г. занималось патрулированием в Норвежском море и северной Атлантике.) Планы увеличения количества судов серии «AGER» были положены под сукно. В июне 1969 г. «Палм Бич» действовало в восточной части Средиземного моря. В августе и начале сентября «Белмонт» также в восточной части Средиземного моря наблюдало за советским вертолетоносцем «Москва». К концу 1969 г. большая часть надводных разведывательных судов была выведена из боевого состава ВМС США. Предполагалось заменить их более быстроходными и лучше вооруженными эскортными эсминцами радиолокационного дозора. Эскортные эсминцы «Томас Д. Гэри» (DER-326) и «Калькатерра» (DER-390) были переоборудованы под корабли тактической военно-морской разведки (NTRS). На эсминцах были установлены специальные электронные комплексы (ICS Van), которые должны были обеспечить «сбор разведывательной информации в различных диапазонах по обнаруженным или указанным морским целям, обработку собранной информации на борту корабля и ее предварительную оценку, и передачу тактической и важной информации в режиме времени, близком к реальному». Во время иорданского кризиса (17—25 октября 1970 г.) «Калькатерра» действовал в восточном Средиземноморье. Однако финансовые трудности вынудили отказаться от переоборудования еще двух эскортных эсминцев для нужд ВМС США в зоне Тихого океана, а потом США вообще отказались от плана создания кораблей, могущих вести разведку в различных диапазонах радиоизлучений. Нападения северных корейцев на «Пуэбло» и через год на самолет-разведчик EC-121 вынудили Вашингтон отступить из-за опасения начала еще одной войны в Азии.

Несмотря на то, что советские траулеры-разведчики, сообщавшие в Ханой о предстоящих воздушных налетах, 03.10.1969 г. и 22.04.1970 г. подверглись нападениям со стороны южных вьетнамцев, советский ВМФ оказался более осмотрительным и последовательным в применении своих разведывательных судов. Как вспоминал советский разведчик-ветеран, «мы действовали не так, как американцы. Такими кораблями, как «Пуэбло», мы не рисковали. Мы действовали продуманно и тщательно планировали каждый свой шаг». Забавно, что после инцидента с захватом «Пуэбло», когда в США разгорелись дебаты относительно ценности кораблей-разведчиков, министр обороны США Р. Макнамара, выступая на закрытом заседании сенатского комитета, отметил полезность советских кораблей-разведчиков: «Иногда нам важно, чтобы советские корабли-разведчики... находились поблизости от наших сил. Во время арабо-израильского конфликта один советский корабль-разведчик следил за нашей ударной группой в Средиземном море... что позволило Советскому Союзу узнать о том, что заявление Насера и Хусейна о нападении американских самолетов на египетские войска не соответствует действительности, и для нас было чрезвычайно важно, что Советский Союз об этом знал».

Соединенные Штаты не полностью отказались от концепции надводного разведывательного судна, а просто вернулись к прежней практике использования амфибийных или вспомогательных судов. С противоположной стороны, советский ВМФ расширял свой флот разведывательных судов, свои «изгои» были и в советском рыболовном флоте — траулеры настолько чистые, что никто не поверил бы, что они регулярно занимаются ловлей рыбы. Обычно чайки не обращали на них внимания — признак, выдававший отсутствие запаха рыбы. В Англии, траулеры из Гулля и Гримсби с конца 1940-х годов занимались разведкой в Баренцевом море в рамках операции «Грэм». Потеря траулера «Гол» в Баренцевом море в 1974 г. возродила слухи о причастности английских траулеров к секретной разведывательной работе. Западная Германия, Норвегия и Франция, в числе других стран-членов НАТО, также имели разведывательные корабли, как имели их нейтральные Швеция и Финляндия и члены Варшавского договора Польша и Восточная Германия. В отличие от английского «Гола» и советских «изгоев», все они ходили под военно-морским флагом и считались военными кораблями.

Со своей стороны, в 1970-х и 1980-х годах советские «военно-морские» суда-разведчики («AGI»), как элемент национальной системы контроля за океаном, продолжали успешно выполнять свои задачи в Мировом океане в районах постоянного и временного дежурства. Китобойные суда типа «Мирный» и траулеры класса «Маяк», «Океан» и «Альпинист» стали ходить в Средиземное море в 1962 г. и с 1964 г., в связи с войной во Вьетнаме, в Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря.

Более крупные «Николай Зубов» и «Мома» использовались у Западного и Восточного побережья США и вблизи Гавайских островов, отслеживая действия американских ПЛАРБ вблизи Чарльстона и Пьюджет Саунд. Первое патрулирование было выполнено в 1965 г. После 1970 г. использовались гораздо лучше оборудованные корабли классов «Приморье» и «Бальзам», особенно для слежения за испытаниями американских ракет в Тихом океане. Суда классов «Приморье» и «Бальзам» были наиболее современными надводными судами-разведчиками, имевшими большие возможности для перехвата и анализа информации. На некоторых судах-разведчиках имелись средства для подводного обнаружения объектов (гидролокационные буи и звуковые средства), а также электронно-оптические датчики. Суда советского океанографического флота, как военные (AGR), так и гражданские (AMGS), также занимались разведкой. В военное время и военные, и гражданские океанографические суда могут использоваться как связные ретрансляторы, как постановщики мин — благодаря их точному навигационному оборудованию, или же как постановщики акустических ловушек, вырабатывающие шумы, которые вводят в заблуждение систему СОСУС и замаскируют реальное развертывание советских подводных лодок.

Советские корабли управления космическими объектами и контроля космического пространства также представляли ценную категорию разведчиков. Суда управления космическими объектами могли подавать различные команды на спутники, тогда как суда контроля просто отслеживали состояние космического пространства. Суда управления часто отмечались в Карибском море, как раз посередине между советскими наземными станциями в Крыму и на побережье Тихого океана; суда контроля, в свою очередь, ходили в Южную Атлантику и Индийский океан.

Глава 12

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКЕ, 1970-е гг.

Семидесятые годы прошлого века ознаменованы революцией в военно-морской разведке, которая характеризуется несколькими важными моментами. Во-первых, развертывание советского ВМФ в отдаленных районах океана заставило СССР увеличить свой флот разведывательных судов. Во-вторых, сегодня нам известно, что СССР в течение почти десяти лет мог читать расшифрованную переписку в системах связи американского флота и предугадывать почти каждый шаг ВМС США. Случись война, это обстоятельство оказалось бы решающим. В-третьих, появление средств разведки космического базирования позволило как СССР, так и США увеличить свои возможности по поиску морских сил друг друга в открытом море. Эти новые методы в какой-то мере потеснили традиционные методы сбора подобной информации с помощью агентурной разведки. И, наконец, военно-морская разведка Соединенных Штатов полностью изменила свою оценку и расчеты советской военно-морской угрозы.

К январю 1968 г. развертывание советских подводных лодок за пределами пунктов базирования показало их улучшение и новизну. Одна подводная лодка с ЯЭУ, предположительно, класса «Новембер», действовавшая в океане с 04.12.1967 по 19.01.1968 г., вообще озадачила американскую военно-морскую разведку. Выйдя со своей базы в Петропавловске (полуостров Камчатка), лодка прошла Алеутские острова, проверив, тесно взаимодействуя с советским разведывательным кораблем, систему СОСУС у Западного побережья США, после чего на высокой скорости произвела перехват авианосца ВМС США «Энтерпрайз» (CVAN-65), который направлялся в свою зону дежурства в западной части Тихого океана. Фрегат ВМС США «Тракстан» (DLGN-35) с ЯЭУ, сопровождавший

«Энтерпрайз», начал преследовать лодку и обнаружил ее своим гидролокатором, после чего передал контакт противолодочному самолету Р-3 «Орион». В сумерках лодка всплыла, и «Орион» «обрадовал» ее своим неожиданным появлением. Комментируя всю операцию, командующий противолодочными силами ВМС США в зоне Тихого океана писал: «Это продолжительное плавание подводной лодки (предположительно, класса «Новембер») вне района базирования показало значительные возможности и тактические приемы, которые до этого на Тихом океане не отмечались... В высшей степени скоординированные действия с разведывательным судном «Гавриил Сарычев» («AGI») явились первой операцией подобного рода, отмеченной на Тихом океане. По существу, это является признаком очень современного уровня планирования операции, очень эффективного командования и управления подводной лодкой и эффективной обеспечивающей системы связи. Маневры как подводной лодки, так и «Гавриила Сарычева» указывают на их по меньшей мере общее знакомство с системой СОСУС у Западного побережья США. Вопрос о том, знают ли они точное местонахождение приемников системы СОСУС или же их месторасположение определено теоретически... лежит в области догадок. Перехват «Энтерпрайза» (CVAN-65) является впечатляющей демонстрацией растущего профессионализма и уверенности в своих силах как экипажей советских атомных подводных лодок, так и системы управления и контроля, которой они подчиняются... Есть свидетельства того, что плановый выход «Энтерпрайза» в западную часть Тихого океана натолкнул Советов на мысль проверить свои находящиеся в море противолодочные ресурсы и выполнить многократный перехват. И хотя нет окончательных свидетельств, возможно, что перехват или попытка перехвата «Энтерпрайза» выполнялась и другими средствами... 5 января 1968 г. и ... возможно, 12 января другой лодкой, предположительно, также класса «Новембер». Разведывательное судно «Гавриил Сарычев»... могло внести значительный вклад в эту операцию, перехватывая информацию в районе Гавайских островов. Таким образом... операция в целом... требовала чрезвычайно эффективной и ответственной системы управления и контроля, высокой компетенции и уверенности экипажей подводных лодок и надежных систем подводной лодки».

ПРОХОДЯ МИМО...

Как раз в то время, когда советская атомная подводная лодка, которая позднее перехватила в западной части Тихого океана авианосец «Энтерпрайз», собиралась в дальний поход, уоррент-офицер американских ВМС Джон Уолкер, как полагают, забрел в советское посольство в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия) и продал за несколько тысяч долларов шифровальную таблицу для радиосвязи. Он договорился о последующей плате от 500 до тысячи долларов в неделю за передачу новой информации, которую он достанет в центре связи с подводными лодками ВМС США на Атлантике на ВМБ Норфолк, где он проходил службу. После своего ареста 20.05.1985 г. Уолкер пытался оправдать свои действия, заявив, что секретная информация по военно-морской связи, которую он продавал Советскому Союзу, уже была скомпрометирована в результате захвата северными корейцами американского судна-разведчика «Пуэбло» 23.01.1968 г.

Точная дата первого контакта Уолкера с советской разведкой остается неясной. Жена Уолкера, которая сдала его ФБР, заявила под присягой, что первые «необъяснимые» деньги и дорогие подарки появились буквально перед Рождеством (25 декабря) 1967 г. «В конце 1967 г.», писал об этом генерал-майор Олег Калугин, бывший начальник контрразведки КГБ, в своих противоречивых мемуарах. Калугин пишет о приходе Уолкера в советское посольство, но не указывает месяц, который мог быть ноябрем или другим, даже более ранним:

«Он приехал из Норфолка, нашел в телефонной книге адрес советского посольства и просто вошел в парадную дверь. Оказавшись внутри, он сказал кому-то из дежурных: «Мне нужно увидеться с офицером безопасности или с кем-то, кто занимается разведкой». Один из наших офицеров, который говорил по-английски, спустился к Уолкеру... Он взял

принесенные Уолкером материалы и поднялся наверх, где сидели Соломатин (резидент в Вашингтоне) и я... Мы никогда не видели ничего подобного... и было ясно, что материалы, которые принес Уолкер, являются подлинными. Соломатин, выросший в черноморском портовом городе Одессе, был к тому же и фанатиком флота. Он пролистал бумаги, которые принес Уолкер, и широко раскрыл глаза и закричал: «Мне это нужно!» Наш офицер спустился вниз и передал Уолкеру аванс в несколько тысяч долларов, после чего договорился встретиться с ним в этом же месяце в одном из универмагов Александрии, штат Вирджиния».

Слова Калугина звучат убедительно. Однако в диссертации, которую в 2001 г. в командно-штабном колледже сухопутных войск США защищала майор американской армии Лаура Хит, показано, что следователи ФБР сомневаются в этой версии. Они полагают, что Уолкер мог начать работать на Советский Союз ранее этой даты, может быть, как сообщник своего брата, лейтенант-командера Артура Уолкера. Артур подозревался в продаже секретной информации Советскому Союзу еще в начале 1960-х годов. Следователь ФБР по особым делам Р.Х. Хантер пишет в своем появившемся в печати отчете о расследовании дела Уолкера, что Джон Уолкер последовательно проваливал проверки на полиграфе. Камнем преткновения был всегда один и тот же «всепоглощающий вопрос» — как он начал шпионскую деятельность. Более того, в описании советского посольства, которое дал Уолкер, фигурирует железная ограда, в действительности же она появилась значительно позднее, в 1974 г. Как указывает Хантер, полиграф, однако, признал достоверным следующее заявление Уолкера:

«Я знаю, что вы уверены, будто я вру относительно начала работы из-за того, что я не прошел полиграф и истории с оградой. Тогда я предлагаю вам такой вариант: мой брат Артур попал в финансовое затруднение какого-то рода, возможно, это произошло в Нью-Йорке, и связался с нью-йоркскими волками-заемщиками. Артур отчаянно нуждался в деньгах, и я передал ему несколько секретных документов для продажи. После того, как Артур продал документы и получил какие-то деньги, он испугался и захотел свалить. Я не видел вреда в продаже информации Советам, поскольку наши страны не воевали и никогда не будут воевать. Я посчитал, что это легкий шанс заработать немного денег, поэтому где-то на земном шаре я нашел советское посольство и зашел в него».

Джон Уолкер споткнулся на двух вопросах полиграфа: участвовал ли каким-нибудь образом его брат Артур Уолкер в продаже секретных документов Советскому Союзу? Участвовал ли каким-либо образом Артур Уолкер в подталкивании Джона к его первому контакту с Советами?

Лейтенант-командер Артур Уолкер поступил на службу в ВМС США в 1953 г. и проходил службу в качестве офицера-подводника и инструктора по противолодочной борьбе. Имевшийся у него допуск обеспечивал ему доступ к совершенно секретной информации по системе СОСУС. Он мог передать информацию по СОСУС, которую определенно имел советский Тихоокеанский флот, когда в январе 1968 г. авианосец «Энтерпрайз» был успешно перехвачен советской атомной подводной лодкой. Джон также мог быть источником информации по СОСУС, если он начал свою предательскую деятельность в 1965—1966 гг., проходя службу на подводной лодке ВМС «Симон Боливар» (SSBN-641), вооруженной ракетами «Поларис». Хит полагает, что Джон мог заскочить в советское посольство «где-то на земном шаре» во время захода его лодки в один из иностранных портов, и начать шпионить еще до декабря 1967 г., дав Москве больше времени на то, чтобы спланировать захват «Пуэбло» чужими руками. Специалисты, которые допрашивали Уолкера и работали с материалами, уличавшими его в предательстве, полагают также, что на самом деле Уолкер начал работать на Советов сразу же после своего перевода в Норфолк в марте 1967 г.

Когда Джон Уолкер передал Советскому Союзу экземпляр ключей для шифровальных машин KL-47/KL-7, KL-7 являлась самой распространенной на Западе шифровальной машиной. Она использовалась во всех видах вооруженных сил США, в ЦРУ, Государственном департаменте и в некоторых странах — членах НАТО. Шифровальные машины KL-7 начали применяться в 1950-х годах, и их первым пользователем было Агентство национальной безопасности США. Когда Уолкер служил на подводной лодке «Симон Боливар», вооруженной ракетами «Поларис», то имел доступ ко всем криптографическим документам, относящимся к KL-7, включая ключи к кодам и секретные инструкции. KL-7, сходная со знаменитой немецкой шифровальной машиной «Энигма», но более сложная, была размером с телетайп и имела клавиатуру с тремя рядами кнопок и регистрами для переключения на буквы или цифры. Машина имела восемь роторов с тридцатью шестью контактами на каждом из них. Для установки новых ключей оператор должен был выбрать ротор, поместить его во внешнее пластиковое кольцо и установить новое положение контакта. Эта операция повторялась до тех пор, пока не будут сменены положения всех контактов ротора. Смена ключей производилась ежедневно в полночь по Гринвичскому времени. На борту «Пуэбло» имелась KL-7, и советская разведка об этом знала.

И хотя Уолкер заявляет, что он скомпрометировал только ту информацию, которая уже была утрачена с захватом «Пуэбло», именно информация Уолкера могла навести Москву на мысль просить Пхеньян захватить «Пуэбло». Вот что об этом пишет майор Хит:

«Скрупулезный анализ деталей говорит о том, что Джон Уолкер сыграл определенную роль в планировании инцидента с «Пуэбло». С советской точки зрения, подталкивание к захвату судна ВМС США, даже чужими руками, является очень рискованным делом, которое может быть оправдано только соответствующей богатой добычей. Захват одной или двух шифровальных машин может быть такой добычей; однако существует одна проблема — резонно предполагать, что на такую очевидную компрометацию США ответят какими-то изменениями в блоке шифрования, которые сделают захваченные шифровальные машины непригодными. США поступили именно так; однако у Советов был Джон Уолкер, передавший им копии приказов на внесение изменений в шифровальные машины, что позволило Советам доработать захваченные шифровальные машины до уровня, который был определен американскими приказами».

В день нападения экипаж «Пуэбло» не смог выполнить требования, касающиеся находящихся под угрозой захвата противником секретных документов и секретного оборудования. На «Пуэбло» имелась печь для сжигания документации, но она находилась на палубе и, следовательно, могла быть обстреляна артиллерией северных корейцев. Тяжелые мешки с документами были неудобны для переноски, и, в случае их затопления на мелководье, могли быть легко подняты северными корейцами. Попытки сломать шифровальные машины KL-47/KL-7 с помощью кувалд и пожарных топоров не увенчались успехом — машины выдержали удары.

Джон Уолкер, которого, как утверждают, председатель КГБ и будущий советский премьер Ю.В. Андропов считал «первым номером», дал Советскому Союзу возможность более десяти лет удерживал» решающее превосходство над американскими ВМС. Это случилось потому, что, по крайней мере, с 1967 г. по 1983 г., Уолкер передавал КГБ шифровальные ключи к американской системе трансляции «по флоту» (СТпФ). Как могло случиться, что единственный человек и, позднее, его подручные, могли достигнуть таких успехов? Майор Хит поясняет:

«Факты говорят, что СТпФ была сконструирована таким образом, что было практически невозможно обнаружить или удержать какого-нибудь негодяя со стороны от компрометации системы. Изучение персонала, работавшего с этой системой, было поверхностным и проводилось с задержками, основываясь преимущественно на интуиции, а не на строго научных критериях. Слишком много людей имело доступ к ключам и секретным документам, а система учета была не в состоянии даже теоретически обнаружить незаконное копирование секретных материалов. Ответственность за безопасность СТпФ была распределена между множеством организаций, что обусловило появление многих «дыр» в безопасности. Эти огрехи были перенесены в конструкцию и новых систем закрытой связи».

Как подчеркнула Хит, защита ключей СТпФ имела много изъянов. Когда Уолкер служил на флоте, там было восемьсот кораблей, на каждом из которых несколько матросов имели доступ к ключам для выполнения своих повседневных обязанностей. Сотни матросов работали на узлах связи на береговых базах. Хит определяет их общее число в «десятки тысяч». И это число может «быть больше 100 000», если добавить «личный состав, который мог иметь нерегулярный доступ к ключам — обманом или мошенничеством».

Хит пишет, что когда в 1971 г. Уолкер получил назначение на корабль снабжения ВМС США «Ниагара Фоллз», который готовился отправиться к побережью Вьетнама, на корабле находились — в качестве «резерва на борту» — ключи к шифровальным машинам на шесть месяцев вперед. Поскольку это был корабль снабжения, который имел на борту специальное помещение для работы и хранения секретных документов, «Ниагара Фоллз» использовалась также для доставки новых ключей и секретных документов другим кораблям, включая подводные лодки и авианосцы, а также большое количество ключей для американских сухопутных войск во Вьетнаме. Уолкер прослужил на «Ниагара Фоллз» три года (1971—1974), и в течение этого периода мог скомпрометировать ключи для всего американского флота в глобальном масштабе. Все меры предосторожности, установленные для охраны ключей, оказались не в состоянии поймать его. Как хранитель секретных документов, Уолкер был единственным человеком, которому разрешалось в одиночку находиться в помещении для хранения и работы с секретными документами. Уолкер обычно добровольно соглашался выполнять обязанности курьера и хранителя документов для других лиц. Таким путем он оказался в состоянии скомпрометировать ключи для шифровальных машин, используемых в радиосетях частей сухопутных войск США во Вьетнаме. Советский Союз также получил доступ к ключам ВВС США, которые применялись для шифрования приказов, передаваемых в адрес стратегических бомбардировщиков ВВС США Б-52 на острове Гуам при их налетах на Вьетнам. Запас таких ключей на предстоящий период хранился на борту «Ниагара Фоллз», и Уолкер передавал их КГБ при заходе корабля в иностранные порты. Объем материала, переданного им, был настолько велик, что во время допросов он даже не мог вспомнить, какие именно документы он скомпрометировал. Переданный ему КГБ фотоаппарат «Минокс» вышел из строя, выработав свой ресурс, и ему пришлось купить новый, чтобы продолжать снабжать своих кураторов ключами для американских шифровальных машин.

31 июля 1976 г. Уолкер добровольно уволился из ВМС, опасаясь, очевидно, что его жена-алкоголичка может совершить непредсказуемый поступок. Последние два года своей службы он провел в Норфолке, контролируя рассылку секретных материалов. После увольнения Уолкер стал работать частным сыщиком в Норфолке (штат Вирджиния), что было «крышей» для шпионской сети, в которую входили его брат Артур, ставший подрядчиком министерства обороны, Джерри Уитуорт, бывший стажер Джона, которого он склонил к шпионской работе и подготовил к ней, и, позднее, Майкл, сын Уолкера. Уитуорт и Майкл служили в ВМС.

В это время шифровальные машины KL-47 заменялись электронными системами типа KW-26 «Ромулус» и KW-37 «Ясон». Уитуорт дал Советам информацию по этим системам, что позволило им продолжать читать большинство сообщений, передаваемых по сетям американских ВМС. С 1976 по 1978 год Уитуорт служил на борту авианосца «Констеллейшн», где отвечал за безопасность криптографических материалов. Потом он попал на «Ниагара Фоллз», где занял бывшую должность Джона Уолкера. «Ниагара Фоллз» был кораблем снабжения и заранее знал о перемещениях сил флота. Как писал следователь ФБР Хантер, Джон Уолкер и Уитуорт «украли почти 100 процентов криптографических ключей и других ценных материалов, находившихся на борту «Ниагара Фоллз». После этого Уитуорт служил на береговом узле связи и закончил свою военную карьеру старшим радиооператором на борту авианосца «Энтерпрайз». С увольнением Уитуорта в 1983 г. к шпионской работе подключился Майкл Уолкер. Он был писарем в центре боевого управления авианосца «Нимиц» и имел доступ к множеству секретных инструкций и телеграмм.

Барбара Уолкер разрушила шпионскую сеть, сообщив в ноябре 1984 г. в ФБР о своем бывшем муже, который только что прекратил выплачивать ей деньги. Бывший агент КГБ Виктор Черкашин в своей книге «Куратор шпионов» пишет, однако, что Уолкера

скомпрометировал агент ФБР по фамилии Мартынов, который случайно подслушал в Москве разговор, в котором упоминалось его имя.

ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ В ИСТОРИИ ШПИОНСКИХ УСПЕХОВ

Военно-морская разведка Соединенных Штатов стала отмечать растущее количество тревожных признаков знания СССР секретов ВМС США. Советские подводные лодки обрели странную способность находиться именно там, где заканчивался эффективный радиус действия американских гидроакустических буев, как будто им были известны их технические характеристики. Советские подводные лодки начали появляться у американских баз как раз накануне планового выхода американских лодок в район патрулирования, а советские разведывательные корабли всякий раз оказывались в нужное время и в нужном месте при проведении учений американских ВМС. «Сейчас мы знаем, что они, по сути, имели копию оперативных планов и всего прочего разной степени важности, относящегося к ВМС США, на протяжении почти двадцати лет», — заявил Ричард Хейвер, заместитель директора военно-морской разведки. Советский ВМФ знал наперед о районах действия большинства, если не всех, кораблей ВМС США, включая стратегические подводные лодки с ракетами «Поларис» и «Посейдон», и мог, безусловно, отслеживать их связь. Советский ВМФ также знал свои уязвимые места и принимал успешные меры по их корректировке.

В своих письменных показаниях под присягой перед окружным судом Мэриленда контр-адмирал О. Студеман, тогдашний директор военно-морской разведки, рассказал об ущербе, нанесенном группой Уитуорт-Уолкер. Он привел высказывания советского перебежчика к бывшего офицера контрразведки КГБ Виталия Юрченко, который перед уходом па Запад был ознакомлен КГБ с делом Уолкера:

«КГБ считает операцию с Уолкером и Уитуортом самой важной операцией в истории КГБ. Информация, полученная от Уолкера, позволила КГБ расшифровать более одного миллиона сообщений. Учитывая продолжительность службы Уолкера, это составит в среднем более 150 сообщений в сутки. Это, безусловно, возносит операцию советских разведчиков в категорию одного из величайших шпионских успехов в истории разведки... Юрченко рассказал, что высокопоставленный чин КГБ поведал ему, что в случае войны информация, полученная от Уолкера, оказалась бы «разрушительной» для Соединенных Штатов».

В своих показаниях адмирал Студеман рассказал, какую информацию мог скомпрометировать Уолкер. Как вахтенный офицер-связист подводных сил ВМС США на Атлантике с 1967 по 1969 г., Уолкер имел доступ не только к тем сообщениям, которые были получены и отправлены во время его вахт, но и к великому множеству секретных документов, которые «давали Советам глубокое знание американских военных планов, вариантов действий, данных по тыловому обеспечению, уровня боеготовности сил флота и их тактики». Студеман добавляет, что подобные утечки информации обеспечили Советам «возможность принимать решения по их тактике действий почти в реальном масштабе времени, потому что они знали действительные возможности наших сил». Показания Студемана завершаются на грустной ноте: «Существует вероятность того, что кто-то другой, вычисленный Уолкером как подходящий объект для вербовки, все еще продолжает работать на Советы... Его надругательство... поставило под угрозу основу национальной обороны страны и бесчисленное количество жизней военнослужащих. Я считаю, что устранение урона от такой предательской деятельности займет годы и потребует много миллионов долларов из кармана налогоплательщиков».

Студеман также оценил ущерб, причиненный писарем старшиной Майклом Уолкером. Имевший доступ в помещение для хранения секретных документов, предназначенных к уничтожению и собранных в мусорные мешки, которые назывались «мешки для сжигания», Майкл, служивший на авианосце «Нимиц», украл полторы тысячи секретных документов. Отец и сын обсуждали возможные места будущей службы, которые обеспечивали бы

Уолкеру-младшему последующий доступ к секретным документам. По словам Студемана, тайным оружием Уолкера было «его умение завоевывать симпатию и доверие его начальников». В течение одного года и девяти месяцев Уолкер-младший передавал Советам «технические данные по самым современным системам оружия ВМС США, имевшимся на борту «Нимица». Он скомпрометировал процедуру контроля за ядерным оружием и порядок опознавания кораблей и самолетов, «что могло помочь в разработке контрмер». Хуже всего, он скомпрометировал подробности американской системы управления и контроля. Адмирал Студеман обобщил значение подобной информации:

«Самым опасным периодом любой тактической ситуации является переход с мирного положения к боевым действиям. В этот период существуют несколько «уровней», при которых, в зависимости от степени угрозы со стороны противника, наши командиры могут изменять «условия вступления в бой» или порядок руководства военными силами. По мере нарастания угрозы требуется более высокий уровень командования для отдачи приказа на более мощное реагирование на эту угрозу... Информация, которую Майкл Уолкер передал Советам, помогает им предугадывать наши действия и силы, которые разрешено использовать нашим командирам. Зная об этом заранее, они могут обмануть наши силы или определить, в каком состоянии мы находимся, и преподнести нам сюрприз. Естественно, такой же способностью смогут обладать и другие государства, с которыми Советы захотят поделиться подобной информацией».

Работа КГБ со шпионской сетью Уолкера является, возможно, даже большим успехом, чем операция союзников «Ультра/Энигма» во Второй мировой войне. В 1970-х годах действия шпионской группы Уолкера подвели США к проигрышу войны против Советского Союза, если бы таковая случилась. По словам Юрченко, «подобные знания на войне означают разницу между победой и поражением».

СЛЕЖЕНИЕ ЗА ОКЕАНОМ ВСЕМИ ВОЗМОЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Шпионская сеть Уолкера почти полтора десятка лет втихую подрывала военно-морскую мощь Соединенных Штатов, а тем временем рост советского ВМФ после провала кубинской авантюры вызвал одновременное усиление деятельности западных разведок и развитие систем слежения, предназначенных для наблюдения за крепнущими советскими силами. Традиционно Соединенные Штаты, окруженные, как буферными зонами, двумя громадными океанами, привыкли к мысли о своей безопасности. Теперь же они увидели перед собой воинственную силу, способную прорвать эти буферные зоны своим эффективным и современным океанским флотом.

Целенаправленные усилия по противодействию этой новой угрозе на обоих американских флангах не только заново подтвердили необходимость иметь на море мощные оперативные силы, но и вызвали разработку и создание гигантской информационной системы слежения за океаном (ИССО — SIS) и перетряску действовавшей системы военно-морской разведки. Системы обнаружения и оповещения, созданные умными головами, вскоре показали свою замечательную эффективность и выросшие возможности, особенно в деле обнаружения подводных лодок и слежения за ними. Вращение ИССО в систему обеспечения действующего флота сопровождалось интригами, иногда предательством и временами юмором. Некоторые истории о деятельности этой мощной организации стоит рассказать. Однажды в Лондоне некий лейтенант ВМС США был вызван в посольство своей страны, чтобы провести там брифинг для американских конгрессменов, прибывших на встречу с послом США. Из своего кабинета лейтенант поспешил через Гросвенор-сквер в американское посольство, и, как это модно делать в больших штабах, вместе с ним туда направились еще три командера с кэптенем в придачу. У лейтенанта в руках был большой складной планшет. В самый разгар действия, когда группа тяжело дышавших штабных офицеров пересекала забитую народом улицу, из секретного планшета выпал условный знак красного цвета. Тогда одна англичанка преклонного возраста легонько стукнула лейтенанта по плечу своей тростью и прошептала: «Молодой человек, вы только что

обронили на дорогу русскую подводную лодку», и подала ему кусочек красной ленты, на которой было написано «советская подводная лодка класса «Чарли».

Советская ПЛ «Проект 670» (по классификации НАТО — класс «Чарли»), имевшая ЯЭУ и вооруженная крылатыми ракетами, была образчиком значительного усиления возможностей Советского Союза. В отличие от своего предшественника, подводной лодки класса «Экоу», она могла производить пуск ракет из подводного положения, что представляло более серьезную угрозу для американских авианосных групп, чем ранее использовавшиеся советским ВМФ надводные корабли, ходившие за американцами на близкой дистанции. До появления лодок класса «Чарли» Советам, для слежения за американскими авианосными группами в кризисных ситуациях, приходилось полагаться на свои уязвимые к возможным американским ударам надводные корабли.

В Средиземном море, где обстановка, начиная с Шестидневной войны (1967 г.), затем войны Судного дня (1973 г.), и заканчивая ударами по Ливии в заливе Сидра (1986 г.), часто накалялась, 6-й флот США и советское Средиземноморское командование действовали как нитка с иглой, в условиях, максимально приближенным к боевым. Это давало им прекрасные возможности для наблюдения друг за другом с близкой дистанции.

В 1970-е годы, когда 6-м флотом США командовал ныне покойный адмирал «Айк» Кидд, тактика «слежения в реальном масштабе времени» была составной частью доктрины американских ВМС. Целью этой тактики было непрерывно отслеживать советские надводные корабли, вооруженные ракетами класса «поверхность — поверхность». Эти ракетные корабли должны были постоянно ходить за американскими авианосцами и держать их под прицелом. Теоретически предполагалось, что при вскрытии на борту авианосца деятельности по подготовке к нанесению авиационных ударов советский корабль слежения нейтрализует авианосец путем разрушения его летной палубы. Вот почему американский корабль «слежения в реальном масштабе времени» адмирала Кидда, «приклеенный» к советскому кораблю слежения, после получения соответствующего приказа должен был нанести по нему упреждающий удар. С течением времени эта задача все более усложнялась, поскольку советский флот увеличивал как число, так и боевые возможности своих кораблей, развернутых в этом районе.

Слежение за кораблями противной стороны на море является давно признанной практикой, которая продолжается и в наши дни, став гораздо менее опасным делом. Однако ранее, с началом распространения деятельности советского ВМФ на Мировой океан, плотное слежение было чревато опасностью того, что случайный инцидент может развиться в сложную и крупную конфронтацию. Еще не было подписано советско-американское соглашение по предотвращению инцидентов в открытом море; не было специальной сигнальной таблицы, кроме Международной таблицы сигналов, предназначенной для связи. Обе стороны действовали исходя исключительно из принципов моряцкого здравого смысла и джентльменского поведения.

В мае 1965 г. министр обороны США Р. Макнамара одобрил рекомендацию, согласно которой с американских ВМС снималась задача сбора информации методами агентурной разведки. Однако буквально через несколько месяцев это решение было пересмотрено, и 7 декабря 1965 г. министр ВМС США П. Нитце поставил директору военно-морской разведки задачу по выполнению программы тайного сбора разведывательной информации, которая должна была координироваться с разведывательным управлением министерства обороны (РУМО), аппаратом военно-морских атташе и службой расследований ВМС: «ВМС большей частью были пассивны в сфере скрытого сбора разведывательной информации. Однако постоянно вспыхивающие очаги ограниченных войн ясно свидетельствуют о необходимости проведения видами вооруженных сил скрытых действий до начала ограниченной войны. В связи с этим министр обороны определил... механизм для расширенного участия министерства обороны в деятельности по тайному сбору разведывательной информации. РУМО представило видам вооруженных сил инструкции по участию в данной деятельности».

Эта инструкция определяла особый характер скрытой разведывательной операции как «деятельность... спланированную и выполненную... таким образом, который обеспечивает секретность или скрытность операции и ее организатора». Руководство скрытым сбором разведывательной информации возлагалось на директора военно-морской разведки, причем

тайные операции исключались. Сходные задачи получили сухопутные войска и ВВС. В ВВС США уже существовала собственная разведывательная группа, которая занималась подъемом обломков советских, американских и прочих космических объектов, что считалось очень важным при выполнении программы «Лунная пыль».

157-я ударная группа ВМС (TF-157) базировалась в северной части штата Вирджиния; она являлась секретной разведывательной частью и имела чрезвычайные полномочия. Прикрытием группы являлись десять американских компаний, ее бюджет составлял 5 миллионов долларов, а в штате числилось 75 оперативных сотрудников, разбросанных по всему миру. Задачей группы было наблюдение за советским морским судоходством и кораблями ВМФ с помощью прогулочных яхт в таких важных точках, как Гибралтарский пролив, Суэцкий канал и Черноморские проливы. Другие задачи группы заключались в оценке советских вооружений для Переговоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) и эвакуации упавших американских и советских самолетов.

Первоначально было засекречено само существование в ВМС органа, занимавшегося агентурной разведкой, кроме того, публичного упоминания о TF-157 следовало избегать. В 1973 г. TF-157 добилась ошеломительного успеха, доложив о том, что во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г. Советский Союз доставил в Египет ядерное оружие. Новая скрытая организация ВМС выдавала «на-гора» впечатляющую информацию: «Большая часть этой информации была получена от скромных первичных источников, это касалось данных о портах и гаванях, об иностранном торговом судоходстве, и обычных для военно-морского флота докладов об обстановке. Сюда, во-первых, следует отнести и сделанные на суше высококачественные фотографии новых советских модифицированных ЭМ УРО класса «Кильдин» и крейсеров класса «Кара». TF-157 также предоставила подробности действий сирийских ВМС во время октябрьской войны 1973 г. Подразделение группы, вновь развернутое в районе Персидского залива, отслеживало деятельность советского и иракского флотов в этом регионе, и следило за морскими поставками вооружений в Ирак».

В 1974 г. TF-157 предоставила значительный объем информации по военно-морской тематике, включая много качественных фотографий торговых судов коммунистических стран, проходивших через Черноморские проливы, и доложила о перемещениях 110 судов, которые показали подозрительными управлению по борьбе с наркотиками США. Агенты TF-157 совершили поездки в районы Ленинграда, советских черноморских портов, Кольского залива и советских дальневосточных портов. Что касается Ближнего Востока, то в докладах TF-157 присутствовала информация, полученная в ходе нескольких поездок в порты Египта, Сирии и Сомали. На Дальнем Востоке сотрудники TF-157 сделали почти сотню поездок в КНР и Северную Корею. Один из агентов провел почти три месяца в одном из портов КНР и вернулся с подробными записями по всей морской и воздушной деятельности в этом порту за весь период его нахождения там.

ПАДЕНИЕ

Скрытные действия ВМС давали превосходные результаты, однако TF-157 была поражена изнутри своими непропорциональными расходами и внутренней грызней. Один из сотрудников TF-157 по имени Эдвин Уилсон, работавший в группе по контракту, забеспокоился по поводу того, что его контракт может быть аннулирован. Он пришел на прием к директору военно-морской разведки контр-адмиралу Б.Р. Инману и предложил ему создать новую разведывательную часть, которая взяла бы на себя выполнение задач, стоящих перед TF-157. Пришедший в ужас Инман предпочел прекратить «деятельность» группы, заявив, что она «вышла из-под контроля».

Командир TF-157 кэптен Дональд Нильсен 31.12.1975 г. напрямую обратился к Инману: «Конфликты мнений не являются забавой, когда они требуют от кого-то говорить своему начальнику вещи, которые тот, вероятно, не желает слушать... Вы являетесь, по крайней мере, частично, ответственным за это — за отделение, физическое и организационное,

которое обеспечило в большей степени нашу оперативную гибкость, а также позволило не видеть нас и, возможно, не думать о нас. Не находясь здесь, вы не можете оцепить объем, характер и разнообразие работ, выполняемых здесь повседневно... Может быть, если бы я чаще появлялся в вашем кабинете, то вы бы имели о нас другое... Что бы вы ни думали о нашей группе, я твердо верю, что все, что она делает, является правильным, эффективным и нужным ВМС. Я считаю, что решение о расформировании группы в связи с сокращением финансирования... является неправильным. Если одним мазком представить себе будущую картину, то ВМС утратят свои позиции, признанные всем разведывательным сообществом, как лидер скрытых операций в масштабе вооруженных сил, с потерей группы, обладающей лучшей программой действий, наиболее четко поставленными задачами, самым умелым руководством и самыми эффективными результатами работы. Отпадет необходимость в присутствии ВМС на национальных совещаниях по вопросам скрытной агентурной работы. Недоверие и неприятное пятно от оставления поля деятельности в силу сложившихся обстоятельств, умноженные на почти геркулесовы усилия по подбору персонала, которые будут предприниматься в других структурах и в самих ВМС, чтобы достичь наших теперешних возможностей, потребуют нескольких лет, минимум 5—10, чтобы только возобновить прежнюю деятельность, не говоря уж о том, чтобы выйти на те показатели, которые у нас есть сейчас. Вы, следующий директор военно-морской разведки или любой начальник штаба ВМС в один прекрасный день могут этого пожелать или потребовать... Я знаю вашу нелюбовь к цифрам, которые бы раскрывали результаты нашей работы, поэтому мы тщательно старались не «заливаться соловьем» про наши достижения. Достаточно сказать, что улов богатый и что он в большей степени заслуживает вашей гордости, чем вашего презрения».

Далее Нильсен перечислил двусторонние соглашения о сотрудничестве в области разведки с различными странами (Иран, Греция, Германия, Дания, Соединенное королевство, Япония и Италия), которые придется пересматривать или прекращать. Нильсен подчеркнул, что ВМС могут потерять способность «продвигать сотрудников, деньги и оборудование через частный сектор для обеспечения разведывательных операций и других усилий разведки... что является уникальным качеством, позволяющим выполнять подобные действия, минуя открытые государственные каналы, но оставляя за ВМС полный контроль за этими действиями». Нильсен напомнил Инману, что в 1974 г. TF-157 представила министру ВМС проект своего бюджета на сумму 5 миллионов долларов, который был одобрен: «эти парни правильно делают свое дело». Обращение Нильсена осталось без внимания. TF-157 расформировали.

Одним из многих факторов, приведших к плохому имиджу TF-157, было неправильное поведение органов агентурной разведки ВМС и сухопутных войск США в период проведения в США кампаний протеста против войны во Вьетнаме и в защиту гражданских прав. Эти органы пытались найти весомые доказательства участия советской разведки в тайном финансировании названных кампаний, и в поиски были вовлечены лучшие специалисты по агентурной разведке.

В период с 1976 по 1980 г., когда президентом страны был Д. Картер, директором РУМО являлся адмирал С. Тернер. По приказу президента он быстро уволил костяк опытных специалистов по агентурной разведке. Тернер решил, что все усилия США по сбору информации будут перенесены в область технических видов разведки. Так из агентурной разведки были вычищены большинство ее самых зрелых специалистов, многие из которых имели опыт работы во времена Второй мировой войны в Европе, на Тихом океане и на Ближнем Востоке.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

Одной из деликатных задач, стоявших перед агентурной разведкой ВМС, было отслеживание судоходства в Черноморских проливах. По мере того как советский ВМФ становился силой, действовавшей на морях и океанах планеты, его корабли, в силу

географии, были вынуждены проходить через жизненно важные проливы, окружавшие его Тихоокеанский, Балтийский и Черноморский флоты. Что касается Средиземного моря, то в случае войны Черноморские проливы должны были быть захвачены в первую очередь. Вплоть до распада средневековой Османской империи российский Черноморский флот был полностью блокирован в Черном море. Царь Александр I однажды заметил про Черноморские проливы, что они являются «ключом от двери моего дома». Внутренние водные пути России протяженностью более 4000 миль связывают пять внутренних морей России: Балтийское, Белое, Черное, Азовское и Каспийское. Отсюда следует понимание важности доступа к Черноморским проливам. После завершения строительства системы каналов «Волга — Дон» и «Волга — Балтийское море» стало возможным наладить грузовые перевозки между морями на судах водоизмещением 5000 тонн и баржах, принадлежавших мощному речному и прибрежному флоту СССР.

Во времена «холодной войны» Запад выдумывал различные планы и трюки относительно обороны Черноморских проливов в случае реальной войны. В НАТО была разработана концепция «Мобильной силы», которая прошла первую практическую проверку во время высадки десанта с кораблей на территорию греческой Фракии. Задача натовской «Мобильной силы» состояла в срыве наступления с севера армий стран Варшавского договора, направленного на прорыв греческих и турецких оборонительных линий к западу от Босфора, и захват проливов. Во времена «холодной войны» приобрела новую значимость международная конвенция, регулирующая правила прохода через проливы.

Глубокая озабоченность относительно безопасности Черноморских проливов возникла в 1936 г., когда над Европой второй раз за текущее столетие стали дуть ветры войны. Эта озабоченность заставила Турцию обратиться с дипломатической нотой к государствам, подписавшим Лозанскую конвенцию по проливам, в которой она обращала внимание на важность данного вопроса. В ноте предлагалось подписать новое соглашение по использованию проливов. Советский Союз, чрезвычайно озабоченный безопасностью своего черноморского побережья в свете распространения нацистской угрозы, первоначально поддержал Турцию. В результате была подписана Конвенция Монтро, которая определяла ограничения для военных кораблей по использованию Черноморских проливов в военное время и в тех случаях, когда Турция считает, что война против нее неминуема.

Конвенция Монтро, которая действует и сейчас, лимитирует тоннаж и время перехода всех основных боевых кораблей и подводных лодок, которым разрешено пользоваться проливами. Страны бассейна Черного моря имеют преимущество перед нечерноморскими странами, которое закреплено в соответствующей статье, требующей, чтобы страны бассейна Черного моря заявляли о своих кораблях, следующих транзитом в Средиземное море, за пять полных дней до даты прохода. О кораблях нечерноморских стран требуется заявлять за восемь дней до их транзита. Заявление должно оформляться в форме дипломатической ноты, которая подается в МИД Турции в Анкаре.

Советский ВМФ хотел быть уверенным, что он в любой момент может перебросить подкрепление своим силам в Средиземном море, поэтому он ввел практику постоянно заявлять о группе кораблей поддержки, в которую входили десантные корабли с морской пехотой на борту. По этой схеме Советы всегда имели заявленную для перехода группу кораблей, которая в любой день могла совершить переход, не рискуя опоздать с подачей заявления о нем за пять дней.

Советское правительство использовало длинные срочные декларации и манипуляции с формулировками и терминологией, давая тем самым понять, что оно будет готово увеличить свои силы в Средиземном море в случае необходимости. Когда напряженность нарастала, СССР мог рассчитывать на «флот, имеющийся в наличии», хотя и находящийся за серьезной географической узкостью. Такая ситуация дала западным разведкам возможность организовать уникальную операцию, которая, будучи начатой в конце 1960-х годов, проводилась с большим успехом до тех пор, когда необходимость в ней отпала. Для того чтобы военно-морская разведка Запада могла оценить планы Советского Союза по усилению своей военно-морской группировки в Средиземном море, требовалось заранее знать содержание советских дипломатических нот. Однако ноты передавались из рук в руки, и никакая радиоразведка не могла прочесть содержание меморандумов. Тогда

блестящие военно-морские умы прибегли к старейшей форме разведки и соткали замысловатую сеть, с помощью которой можно было аккуратно изымать нужную информацию из людской цепочки.

Было установлено, что доставкой деклараций из советского посольства через всю Анкару в МИД Турции занимается женщина-курьер. Западная разведка разработала подробный план, выполняя который лихой западный офицер-морьяк деликатно эту женщину скомпрометировал, потом соблазнил и завербовал. Для страховки подыскали и молодого клерка, который открывал конверты и переписывал содержание советских нот. Клерка тактично приняли в члены избранного клуба, не поскупились на дорогие подарки, и проблема была решена. Нужные декларации вдруг стали регулярно доступными по минимальной цене от рьяных подручных.

Заслуга в разработке хорошо показавшей себя схемы принадлежит одному одаренному богатым воображением военно-морскому атташе, о личности которого пока говорить рано. Схема работала много лет, в разгар самых напряженных кризисов на Ближнем Востоке. Более сложная схема ведения разведки в интересах другого западного военно-морского атташе, проживавшего в Анкаре, была задействована в Стамбуле. Западная разведка создала в Стамбуле специальную группу, которая своевременно докладывала о советских военных кораблях, проходящих через узкий Босфор, и фотографировала их. Пропорционально росту и обновлению советского флота росла и увеличивалась система слежения за океаном американцев и их союзников, а требования к своевременному информированию из Стамбула о проходе советских кораблей становились более жесткими. Для того чтобы получать информацию о реальном проходе советских военных кораблей, атташе организовал группу береговых наблюдателей, которая первоначально состояла из его помощника и нескольких иностранцев, проживавших в Стамбуле. Получив информацию об ожидаемом проходе, группа веером разлеталась по своим местам в готовности к фотографированию. Один человек с мощным биноклем занимал господствующий над местностью «наблюдательный пункт», с которого просматривались подходы к Босфору, другие в это время занимали места в небольшом катере и направлялись в самую узкую часть пролива, откуда они могли фотографировать корабли с близкого расстояния и идентифицировать их. Таким способом было сделано много замечательных снимков, на некоторых из которых можно даже опознать находившихся на борту кораблей старших советских офицеров.

Как правило, советский ВМФ проявлял невероятную изобретательность в маскировке подлинного наименования кораблей, проходивших через Босфор. В отличие от большинства флагов мира, корабли которых открыто демонстрируют свое название и постоянный тактический номер, на советском флоте, чтобы сбить с толку наблюдателя, применяли запутанную хитрость и обман, к которым можно отнести и использование всеми проходящими кораблями временных тактических номеров. И хотя этот прием легко раскрывался при сверке номеров с позывными кораблей в КВ-радиосетях, которые прослушивались радиоразведкой, было забавно наблюдать, до каких крайностей мог доходить советский ум. Зачастую номера кораблей перекрашивались в темноте, и иногда можно было увидеть, что на левом борту корабля краской нанесен один тактический номер, а на правом — другой.

Очень важным делом было не только определить класс кораблей, но выявить их истинное наименование, поскольку это позволяло оценить боевые возможности штатного вооружения кораблей, определить, являются ли они носителями ядерного оружия, требуется ли им обслуживание на базе или капитальный ремонт, — все это являлось важными задачами разведки. Необходимость выявления индивидуальных отличительных признаков кораблей, в ответ на советские контрмеры, привела к развитию военно-морской науки «вмятинология». И хотя изначально эта наука была инструментом для идентификации подводных лодок, находящихся в надводном положении, «вмятинологии» вполне подходила и для надводных кораблей, поскольку, как снятые в полиции отпечатки пальцев, безошибочно идентифицировала корабль по только ему одному принадлежащим мелким вмятинам на стальном корпусе. «Вмятинология» развилась в стройную теорию, однако советский ВМФ отказался от практики маскировки и в 1980-х годах стал показывать подлинные наименования своих кораблей.

Из Стамбула шел непрерывный поток ценной информации, а маленький катер был так назойлив в затеях с фотографированием, что советские матросы с проходящих кораблей стали частенько использовать большие зеркала, которыми они отражали солнечный свет и слепили фотографов. Завершение строительства моста над Босфором свело разведывательную задачу к простой прогулке по мосту, с которого открывался превосходный вид сверху.

Тем временем западные центры оперативной разведки работали над совершенствованием поддержки своего флота в реальном масштабе времени и стали применять новые методы определения местоположения интересующих их кораблей в море.

ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ

Средства оперативной разведки ВМС США включали современную радиоразведку, разведку в ИК-диапазоне, пассивную гидроакустическую систему и другие средства радиотехнической разведки; полученная с помощью этих средств информация передавалась в центры обработки. Начиная с августа 1960 г. стала поступать и ограниченная информация со спутников фото- и радиотехнической разведки. Делавшая свои первые шаги спутниковая разведка сумела тем не менее определить местоположение нескольких советских кораблей, РЛС которых работали на излучение. Оперативная разведка также регулярно получала информацию об акустических сигналах от системы СОСУС, и, кроме того, данные о погоде от центральной метеорологической системы ВМС и сведения из центра контроля за перемещением кораблей ВМС (орган, появившийся в годы Второй мировой войны для контроля за перемещением своих кораблей).

К началу 1970-х годов эта система эволюционировала и стала называться — SIS (Информационная система слежения за океаном, ИССО). Система могла обнаружить самолеты, готовящиеся к взлету на далеких советских аэродромах, предупредить о надводных кораблях, намеревающихся сняться с якоря, и подводных лодках, собирающихся покинуть свои базы. Западные системы наблюдения могли теперь отслеживать корабли, подводные лодки и самолеты, находящиеся под водой, на поверхности воды и над водой в масштабах Мирового океана, и даже находить корабли в районах плотного морского движения и стратегических узкостей типа Малаккского пролива, Ла-Машпа, Гибралтара.

С развертыванием в 1971 г. в Роте (Испания) центра ИССО система стала действовать в Средиземноморье. Центр в Роте стал первым в глобальной системе центров, предназначенных для предоставления ВМС США и флотам их союзников обработанных тактических разведывательных данных, добытых из различных источников. Эти данные были необходимы западным флотам для действий в прилегающих к центрам ИССО районам Мирового океана. Центр в Роте стал первым центром подобного рода и имел боевую задачу обеспечивать разведывательной информацией 6-й флот США, действовавший в Средиземном море. После него открылся центр в Камисея (Япония), он обеспечивал ВМС США в зоне Тихого океана. Оба эти центра работали совместно с центрами слежения за океаном при соответствующих штабах в Норфолке, Перл-Харборе и Лондоне.

Во время проведения первых советских крупных военно-морских учений глобального размаха «Океан-70» центр в Роте первым дал оценку действий советского флота применительно к действиям собственно 6-го флота США в контексте политической и военной обстановки в прибрежных странах бассейна Средиземного моря. Имевшаяся система слежения за океаном была в состоянии классифицировать суда, занятые в торговом судоходстве в обширных районах океана, и выделять из них небольшие советские разведывательные корабли, затерявшиеся среди рыбацких флотилий, а также подводные лодки, у которых на поверхности моря была только рубка. Современная радиоразведка комбинировала точный анализ передач с анализом всех форм электромагнитных сигналов, излучаемых с советских кораблей, подводных лодок и самолетов. Снятие

электромагнитных «отпечатков» с советских кораблей береговыми, корабельными и спутниковыми средствами позволили американцам идентифицировать и определять местоположение отдельных советских кораблей даже тогда, когда они включали свои РЛС на излучение на короткое время. С переходом советской военно-морской связи с ранее использовавшихся обременительных КВ-частот на спутниковые СВЧ- и УКВ-диапазоны, имевшие меньшую дальность связи, совершенствовались также и западные системы перехвата и определения местоположения объектов.

Американские пассивные акустические системы определения местоположения и слежения, как стационарные, так и установленные на надводных кораблях и подводных лодках, выполняли гигантскую работу, целью которой было тотальное слежение за всем океаном. Воздушные средства, могущие вести слежение с помощью различных средств разведки, например палубный самолет «Е-2» «Хокай» фирмы «Грумман», получили новые возможности для наблюдения за многочисленными военно-морскими целями со всех направлений. «Е-2» «Хокай» фирмы «Грумман» был военно-морским тактическим вариантом более крупного самолета ДРЛО, использовавшегося в оперативных целях на театрах войны. Эти системы слежения за океаном развивались по мере нарастания угрозы, которую представлял собой набравший силу советский ВМФ, и постепенно превзошли эту угрозу.

Имевшая невероятные размеры подводная система обнаружения и слежения СОСУС создавалась путем установки на морском дне пассивных гидроакустических приемников. Она достигла пика своей эффективности, когда обновленные компьютеры системы приобрели способность идентифицировать и классифицировать подводные лодки не только по их типу и классу, но и по индивидуальным акустическим «отпечаткам». Система СОСУС вместе с противолодочными патрульными самолетами «Р-3» «Орион» фирмы «Локхид» и атомными ударными подводными лодками класса «Лос-Анджелес» дали разведке ВМС США возможность идти нога в ногу с растущим числом советских БРПЛ классов «Янки», «Дельта» и «Тайфун». Лодки класса «Тайфун» были вооружены баллистическими ракетами с дальностью полета 8000 миль; эти ракеты запускались из подводного положения. И хотя эти ракеты имели увеличенную дальность пуска, позволявшую советским подводным лодкам поражать цели на континентальной части США, даже производя пуски из советских территориальных вод, американская система противолодочной войны в сочетании с истребителями лодок (американскими подводными лодками класса «Лос-Анджелес») предоставляла возможность находить и уничтожать эти советские лодки повсюду, где бы они ни находились.

Для определения местоположения объектов американцы применяли пеленгование радиостанций, работающих на КВ-частотах, и получали данные со спутников радиотехнической разведки, которые вели перехват излучений в СВЧ- и УКВ-диапазонах. Эти методы разведки получили громадное развитие в 1970-х годах и стали неотъемлемой частью разведывательной работы в действовавших самостоятельно авианосных боевых группах. Передовые методы радиоразведки и акустики, в сочетании с космической разведкой разных видов, буквально оголили океаны планеты перед тактической и стратегической разведкой США.

Как отмечали писатели К. Форд и Д. Розенберг, «самой значительной новацией 1970-х годов следует считать появление осенью 1976 г. новой системы радиотехнической разведки. Аналитики могли теперь почти в реальном масштабе времени отслеживать все корабли и другие морские средства, чье радиоэлектронное излучение перехватывалось радиотехнической разведкой».

А для подводных разведывательных операций США имели одну из самых больших в мире систем, о которой стало известно в 1997 г. Дерзкие операции проводили входившие в эту систему подводные лодки «Хэлибат», «Сивулф», «Грейбэк» и «Парче». Лодки прошли модернизацию и с конца 1960-х годов успешно применялись, вместе с дистанционно управляемыми глубоководными аппаратами («ДУГА»), для наблюдения, фотографирования и подъема объектов, представлявших ценность для разведки. К перископам этих лодок были прикреплены специальные устройства, с помощью которых производился сбор информации и фотографирование в инфракрасном диапазоне испытаний советских крылатых ракет в Охотском море. Эти лодки подняли со дна некоторые элементы

конструкции советских ракет большой дальности. В 1967 и 1976 гг. эти американские лодки «украли» две мины у острова Русский и подняли две атомные бомбы с советского самолета, который упал в море.

В 1981 г. бывший сотрудник АНБ Рональд Пелтон зашел в советское посольство в Вашингтоне и сам предложил купить у него некоторые документы американской разведки. Пелтона попросили сбрить бороду и, переодев в рабочую одежду, вывели из посольства. Позже его пригласили в Вену, где он встретился с офицерами управления «К». Ветеран КГБ Черкашин вспоминает о наиболее значительном откровении Пелтона: «Большая часть переданной им информации касалась общей деятельности АНБ. Действительно совершенно секретного в этой информации было мало, пока он, находясь в заграничной поездке, не «бросил» первую «бомбу»... Это произошло, когда он передал нам документы, касающиеся операции АНБ под названием «Айви беллз»... Под этим кодовым именем скрывалась чрезвычайно изобретательная, страшно дорогая и рискованная операция ВМС США по прослушиванию советских секретных кабелей связи, проложенных по дну Охотского моря, которое отделяет материковую Россию от полуострова Камчатка».

На советском Тихоокеанском флоте знали, что где-то есть утечка секретной информации, потому что всякий раз, когда производились пуски советских ракет, в этом районе появлялись американские самолеты. Советы спланировали операцию «Камбала» и попытались найти американские подслушивающие устройства, о которых они узнали от Пелтона. 20 октября исследовательское судно «Тавда» в 6 километрах от побережья Камчатки на глубине 84 метра обнаружило два контейнера, каждый из которых весил 7 тонн. В этом месте на дне моря были проложены кабели связи, которые соединяли штаб ТОФа во Владивостоке с базой подводных лодок в Петропавловске-Камчатском. К советскому кабелю, состоявшему из 120 жил, были прикреплены 120 записывающих устройств. Американская аппаратура питалась от батареи на уране-238 и могла передавать информацию на спутник через антенну, прикрепленную к бую, который периодически всплывал на поверхность. Советы нашли следы подобного оборудования и в Баренцевом море, однако само оборудование уже было убрано. Как сказал Черкашин, раздраженный сотрудник АНБ всего за 35 000 долларов продал многомиллионный шпионский проект. Несмотря на эту неудачу, американская система слежения за океаном, в драмах и переживаниях, появилась на свет, и ее эффективность увеличивалась по мере роста советского ВМФ. В 1970 г., в разгар подготовки к началу функционирования новых разведывательных центров в Роте и в Лондоне, нормальная работа американских офицеров разведки то и дело прерывалась кризисными ситуациями на Ближнем Востоке. Всякий раз, когда ситуация становилась критической, много советских военных кораблей, некоторые из которых были с морской пехотой на борту, так позиционировали себя на море, что всегда находились между кризисным районом и американскими силами. Как пишут Форд и Розенберг: «В целом, разнообразные новшества и улучшения, пришедшие в 1970-х годах, помогли создать современную систему слежения за мировым океаном, способную обеспечить командиров разных уровней управления ВМС США, находящихся в любой точке планеты, зорким «Божьим оком» для изучения тактической обстановки. Представлявшая из себя комбинацию воздушной, надводной и подводной разведок и непрерывно предоставляющая информацию о местоположении кораблей и судов, ИССО вскоре стала считаться эффективной разведывательной системой и одной из самых сильных сторон деятельности военно-морской разведки того времени».

«ПОТЯНУТЬ ЗА БОРОДУ»

В 1975 г. для оценки эффективности советской системы слежения за океаном американцами была спланирована одна запутанная операция, в основу которой был положен обычный океанский переход атомного авианосца. Этот план получил название «Потянуть за бороду».

Представьте себе раннее утро и громадный командный пункт Третьего флота США на Форд-Айленд в Перл-Харборе. На КП никого нет, кроме молодого вахтенного офицера и гигантской карты бассейна Тихого океана, закрывающей всю стену. Но вот проходит несколько часов, настенная карта покрывается условными знаками и становится центром внимания всего штаба, начиная с трехзвездного адмирала — командующего Третьим флотом, и кончая последним вахтенным. Командующий ВМС США в зоне Тихого океана, находящийся в своем штабе в Макалапа, удобно расположенном на холмах, возвышающихся над Перл-Харбором, тоже вовлечен в эту суету.

Все внимание приковано к голубой пластиковой линии пути, нанесенной на листы карты в форме дуги между Перл-Харбором и Субик-Беем. Бумага карты вдоль линии пути истрепалась от постоянного перемещения по ней цветных магнитов, сделанных в форме силуэта корабля и снующих по большущим дугам туда-сюда. Один угол карты, на который нанесена западная часть Австралии, висит над стоящим на столе кофейником. Уборщица оставила там швабру, она торчит прямо в ведре для мытья полов, и ручка швабры уперлась в Новую Зеландию и Тасманию. На другом краю карты изображена Нижняя Калифорния, она выглядывает из-за вешалки для одежды, на которую старший вахтенный офицер в сезон муссонов на Гавайях вешает свой плащ. Фуражка цвета хаки, висящая поверх плаща, демонстрирует стороннему зрителю потускневший золотой лист и «яичницу-болтушку»

[17]

, свидетельствующие о высокой должности ее владельца. Большинство старших вахтенных офицеров Третьего флота имеют за плечами большой срок службы.

Карта занимает все пространство стены от пола до потолка. Там, внизу, атолл Муруроа и Антарктида. На самом верху, в углу, где стена встречается с потолком, отогнутый кусок карты с мысом Провидения символизирует крайнюю изолированность последнего. Разноцветные силуэты кораблей теснятся на участке, ограниченном Гавайскими островами и районом западнее Японии и Филиппин. По левому краю, у черной линии, выделяющей территорию Советского Союза, полно красных фигурок с силуэтами кораблей, подводных лодок и самолетов. Справа от Петропавловска-Камчатского выстроились в боевом порядке красные подводные лодки — там крупная база подводных лодок. Еще одно скопление красных силуэтов — в Японском море; чтобы силуэты вышли в открытый океан, им надо преодолеть узкости — пролив Лаперуза на севере, Цугару в центре, и Цусимский и Корейский проливы — на юге. Рядом с перечисленными узкостями, которые являются головной болью Советов, нанесены пояснительные надписи, чернила надписей выцвели и едва видны. Затишье перед штормом: вахтенный офицер вглядывается в маршрут, по которому авианосец через несколько минут выйдет из Перл-Харбора и проследует в Субик-Бей на Филиппинах. Те непонятные коленца, которые вскоре выкинет авианосец, отзовутся опаской в душах советских штабных офицеров во Владивостоке и Главном штабе ВМФ на улице Грибоедова в Москве. В маршруте, разработанном на командном пункте в Форд-Айленде, имелась одна изюминка, положение которой на карте было помечено завтрашним числом и временем. Именно в этой точке авианосец начнет отвлекающий маневр и будет следовать по новому маршруту в режиме радиоэлектронного молчания. Этот маневр был рассчитан на то, что для поиска авианосца Советы задействуют свою систему слежения за океаном: спутники радио- и радиотехнической разведки, наземные станции радиоразведки, и загоризонтные РЛС. Предполагалось, что Советы мобилизуют все свои средства для поиска авианосца. Они могут также отправить на перехват и слежение за авианосцем атомную противозавтрашную ударную ПЛ, которая затаилась где-то в центральной части Тихого океана.

Необычное радиоэлектронное молчание авианосца, а им был «Энтерпрайз», вызовет появление «Медведей». «Медведи» — громадные самолеты-разведчики Ту-95Д с крыльями, как у совы — обладали большой дальностью полета. Они были способны, взлетев со своих баз в глубине советской территории (на карте американского КП была показана крайней слева), достигать Тихого океана и разведывать, что творится в районе, ограниченном условной дугой, которая охватывала Гавайские острова, Фиджи, Коралловое

море и даже Филиппины. Во времена «холодной войны» советские «Медведи» часто летали над или рядом с американскими авианосцами, совершавшими межбазовые переходы в Тихом океане, или же когда авианосные группы выходили на опасно близкую дистанцию к границам СССР. Задача, выполнявшаяся самолетами-разведчиками, была одинаково важна как в политическом аспекте, так и в военном. Эти полеты демонстрировали способность СССР отслеживать перемещения авианосцев и его готовность в любой момент заменить разведчики на самолеты того же типа, но вооруженные ракетами «воздух—поверхность». Появление гигантских бомбардировщиков вблизи авианосцев было обычной практикой демонстрации советских оборонительных возможностей. Когда авианосец реагировал на это появление подъемом в воздух дежурных истребителей, которые условно «перехватывали» бомбардировщики, это также было демонстрацией возможностей. Однако обе стороны в какой-то мере скрывали размах своих возможностей. Может быть, американские истребители намеренно перехватывали «Медведей» на дистанциях, которые были меньше их действительного радиуса действия. Аналогично советские самолеты могли умышленно «промахнуться» на несколько сот миль при выходе на авианосец и скрыть тем самым свои реальные возможности по разведке.

Осовремененный тактический покер продолжался годами. Обе стороны достаточно умело использовали свои вооруженные силы для того, чтобы оправдать получение дополнительных финансовых средств, которые позволяла бы им увеличивать свои преимущества при помощи все более современных «прибамбасов». В описываемом случае Соединенные Штаты, вместо того чтобы прятать авианосец, применили радиоэлектронное молчание, провоцируя советскую сторону показать большее в плане разведывательных возможностей, т.е. определить местоположение авианосца с помощью других — не только пассивных — средств ведения разведки. В этом морском покере ставка была сделана на поиск нового игрока.

Во время перехода «Энтерпрайз», кажется, доказал, что американский авианосец может действительно избежать обнаружения советской системой слежения за океаном, спрятавшись в морских просторах, как иголка в стогу сена, и двигаться незамеченным в любую точку Тихого океана для выполнения боевой задачи — при условии нахождения его радиотехнических средств в режиме радиоэлектронного молчания. Когда «бегемот» водоизмещением 90 000 тонн покинул Перл-Харбор и выходил на первый участок своего перехода, крохотный советский траулер радиоразведки, оцетинившийся антеннами, болтался где-то сразу за буями. Он медленно пристроился за кормой авианосца, и они направились к точке разворота авианосца. Не доходя до этой точки, «Энтерпрайз», имевший атомную силовую установку, неожиданно набрал скорость более тридцати узлов и быстро оставил траулер позади себя. Изменение курса «Энтерпрайза», который принял строго на юг относительно обычного маршрута перехода авианосцев, совпало с введением режима полного радиоэлектронного молчания. Советские были вынуждены начать поиск авианосца, и наблюдать конец спектакля было сплошным удовольствием.

Эта операция была придумана обладавшим большим воображением офицером разведки штаба Третьего флота командером П.Т. Уайтом, которого многие из его начальников считали непредсказуемым человеком. Однако его успех в руководстве переходом в западной части Тихого океана «священной коровы» — авианосца «Энтерпрайз» — продемонстрировал замечательную твердость характера командера.

Драма началась с переходом всех радиоэлектронных средств «Энтерпрайза» в режим радиомолчания и последующим продолжительным соблюдением этого режима — непростая задача для авианосца, на котором базируется авиационное крыло, и все привыкли к успокаивающей болтовне своих летчиков в УКВ-радиосетях. В течение нескольких часов две пары советских Ту-95 взлетели в быстрой последовательности и потянулись в Тихий океан на поиски. Первая попытка обнаружить авианосец провалилась, вторая была немного успешнее, хотя самолеты вышли на авианосец с очень большой ошибкой; это произошло после того, как радиоэлектронное оборудование авианосца стало работать на передачу в нескольких диапазонах излучения. Американская операция была полным успехом разведки; офицеры Третьего флота наблюдали, как Советские задействовали одну систему слежения за другой, и все напрасно. Для сторонников общей идеи применения авианосцев операция была подтверждением того, что в действительности Советские не так хороши, как

предполагалось. К тому же ничем не показала себя и советская подводная лодка, которая, как считали, находилась в середине Тихого океана в готовности к перехвату авианосца; возможно, ее там вообще не было.

Переход авианосца продолжался, а американцы радовались «спектаклю». Им особенно нравилось представлять себе картину того, как во Владивостоке, который находился на левом обрезе их настенной карты, какой-нибудь советский морской офицер возбужденно разговаривает по телефону с другим офицером, может быть, со своим начальником в Москве, и излагает тому свою версию событий, разворачивающихся на просторах Тихого океана.

Это была одна из многих операций «холодной войны», в ходе которых делались попытки скрыть действия сил флота от обширной системы слежения за океаном той или другой стороны. Позже, уже в Москве, американские военно-морские атташе имели много возможностей узнать мнение старших офицеров советского ВМФ относительно умения ВМС США прятать свои авианосцы в Мировом океане. В каждом случае советские офицеры давали понять, что им забавно слушать о том, будто бы американские командиры считают эту идею подтвержденным фактом. Бывший начальник советского Генерального штаба генерал армии Яков Моисеев в беседе, состоявшейся в ноябре 1994 г., сказал, что, согласно лучшим традициям русской шахматной школы, они иногда «играли» так, что у американских ВМС создавалось ощущение того, что они на самом деле спрятали свой авианосец. В действительности же, сказал Моисеев, «мы никогда не теряли из виду американские авианосцы, а просто использовали ваши операции по их сокрытию как полезные учебно-тренировочные мероприятия для наших систем слежения за океаном».

«ПОНИ-ЭКСПРЕСС»

Целью операция «Пони-экспресс»

[18]

был сбор данных об испытаниях советских МБР и их боеголовок. Соединенным Штатам требовалось точно знать, какие МБР есть у СССР и как они летают. Чтобы определить возможности и технические характеристики этих ракет, американским военным нужно было разместить на конечном участке полета ракет какие-то технические средства, которые позволили бы контролировать то, что именно в данный момент испытывается. После размещения подобных средств американцы могли бы собирать информацию, вылавливать уцелевшие после испытания части ракет и записывать данные телеметрии и, после их анализа, точно сказать, что показали испытания советского оружия.

Усилиям по сбору информации о стратегических ракетах был дан высший приоритет, в большей степени из-за проводившихся переговоров по ограничению стратегических вооружений и необходимости конкретно представлять, какую реальную угрозу должны парировать Соединенные Штаты. В середине 1970-х годов такую информацию могли предоставить не только исключительно разведывательные спутники, поэтому Соединенные Штаты разворачивали специальные средства наблюдения непосредственно на конечном участке полета ракет и их входа в атмосферу над полуостровом Камчатка и в районе падения ракет в Тихом океане.

Задумка «Пони-экспресс» была простой: установить наблюдательные средства на конечном участке полета ракеты над советским испытательным полигоном и попытаться «поймать» ракету до ее столкновения с землей. Территория Советского Союза простирается с запада на восток в более чем десяти часовых поясах. Советские РВСН испытывали свои МБР, запуская их с пусковых установок, расположенных в европейской части СССР, на усеянную вулканами и малонаселенную Камчатку, омываемую с востока водами Тихого океана. Соединенные Штаты могли разместить свои специально оборудованные корабли и

самолеты вне советских территориальных вод и воздушного пространства вблизи Камчатки, и следить за приближающимися боеголовками ракет с помощью РЛС и телеметрии на завершающем участке траектории, на участке входа в атмосферу земли и участке падения на холмы удаленной Камчатки. Подобные наблюдения позволяли оценить точность пуска и определить количество боеголовок на каждой ракете, а также получить другую ценную информацию.

Надводные суда, предназначенные для сбора подобной информации, получили наименование ARIS (инструментальные суда дальних полигонов, ИСП). У США имелось два судна подобного рода, которыми были переоборудованные транспорты для перевозки войск времен Второй мировой войны под названием «Ванденберг» и «Арнольд». Для обнаружения целей на сверхбольших дистанциях на судах были установлены большие антенны РЛС, работавших в диапазоне «Си» и имевших высокую разрешающую способность. Первоначально эти суда выполняли сходные задачи по слежению за ракетами во время испытательных пусков американских МБР на тихоокеанском ракетном полигоне, который раскинулся на обширном пространстве от Пойнт Мугу в Калифорнии до базы ВВС США Ванденберг.

Суда ARIS могли исследовать точность пуска американских МБР, а также функционирование самих ракет и их боеголовок; параллельно, по мере приближения ракет к цели они оценивали состояние системы противоракетной обороны. Экипажи судов были укомплектованы гражданским персоналом, но сами суда находились в подчинении командования морских перевозок ВМС США. На период испытательных пусков советских ракет в район Камчатки оба судна переподчинялись командующему Третьим флотом, штаб которого находился в Перл-Харборе. Это давало возможность всего одному начальнику и его штабу координировать действия судов и специальных самолетов, занятых сбором информации.

Помимо РЛС, работавших в диапазоне «Си», «Ванденберг» и «Арнольд» имели на борту секретное оборудование для слежения за ракетами, что делало эти суда и их экипажи очень ценными объектами. Структура управления и планы действий в чрезвычайных обстоятельствах в рамках операции «Пони-экспресс» готовились с учетом опыта захвата «Пуэбло», еще свежего в памяти. Учитывая аналогичные риски, штаб Третьего флота разработал легальные планы по обеспечению боевой авиационной поддержки судов «Пони-экспресс» в случае попытки нападения на них. Эти меры предосторожности были специально предусмотрены на случай попыток захвата советскими войсками «Ванденберга» и «Арнольда», которые отслеживали испытания ракет, находясь менее чем в 20 милях от побережья далекой Камчатки.

В операции «Пони-экспресс» принимали участие специально оборудованные самолеты ВВС RC-135, действовавшие со своих баз на Аляске, а также патрульные самолеты ВМС P-3 и EP-3 «Орион», которые вели радио- и радиотехническую разведку, совершая полеты с авиационной базы ВМС на о. Адык. На случай чрезвычайных обстоятельств боевая поддержка со стороны ВВС США могла быть оказана истребителями-бомбардировщиками F-4 «Фантом», которые базировались на о. Шемия. Возможные действия «Фантомов» требовали особенно четкого планирования операций по времени и характеру действий в связи с большими расстояниями и необходимостью выполнения дозаправок самолетов в воздухе в случае их вылета на поддержку участников операции «Пони-экспресс».

Во время этих операций потерь в личном составе не было, хотя несколько предпосылок к этому случилось. Однажды на «Арнольде», который оказался в беспокойных водах, полностью пропало электропитание, и он беспомощно дрейфовал несколько часов. Штаб Третьего флота ничего не мог сделать, и если бы судно в штормовую погоду затянуло на скалистые камчатские утесы, то все могло закончиться жутким кошмаром. Корпуса обоих судов были построены на этапе завершения Второй мировой войны, в 1940-х годах были сделаны и их силовые установки. Все действия по «Пони-экспресс» были отработаны как драматический балет и требовали от всех участников операции нахождения с точностью до долей секунды на положенном им месте в готовности к советским испытательным пускам. Обычно штормовые и неприветливые воды северной части Тихого океана оставляли мало места для ошибок.

Действия в рамках операции «Пони-экспресс» зачастую проводились по уведомлению, которое оставляло мало времени для «раскачки», т.к. уведомления составлялись на основе материалов перехвата разведки и неопубликованных графиков советских испытаний. Косвенно о предстоящих пусках можно было в общих чертах догадываться по увеличенной активности средства связи на обычных пусковых площадках в Капустинном Яру, Шары-Шагане и Плесецке, которые находились в западной части СССР. Как координатору разведки Третьего флота по «Пони-экспресс», Питеру Хухтхаузену доводилось частенько летать на дальние точки и инструктировать участников операции; этими точками были атолл Кваджелейн, Адьяк, и даже Панеэте на Французском Таити.

Советские РВСН начали испытательные пуски своих МБР в Тихий океан в начале 1970-х годов, в особенности это касалось новых ракет с увеличенной дальностью пуска типа «СС-18» и «СС-19». Первичной задачей советских испытательных пусков, наряду с менее масштабными исследовательскими и конструкторскими задачами, было стремление продемонстрировать миру, что ракеты большой дальности у СССР действительно есть. Большая часть испытаний представляла из себя эффектное зрелище, наблюдая которое Запад воочию видел, что у СССР есть МБР с разделяющимися боеголовками и дальностью пуска более 6000 миль. О пусках ракет в акваторию открытого океана всегда заранее сообщалось в прессе. Соединенные Штаты подгоняли свои корабли в этот участок океана, проверяли реальность проведения пусков и убеждались в действительных возможностях Советского Союза. Эта комплексная операция служила как советским, так и западным целям. Пуски ракет в акваторию открытого океана привлекали даже больше участников, чем пуски советских ракет на Камчатку.

ВМС США выделили для участия в «Пони-экспресс» два небольших эскортных эсминца класса «Клод Джоунс», прошедших модернизацию. Помимо здоровенной РЛС диапазона «Си», на кораблях установили специальные устройства для сбора объектов с поверхности воды. Предполагалось, что эсминцы будут находиться на конечном участке полета ракет и их столкновения с земной поверхностью; на этом участке с эсминцев должны будут сбрасываться специальные плавучие кольца. Оказавшись в воде, кольца раскроются, и из них вывалится устройство, напоминающее сеть. Подобные устройства предназначались для сбора ценных для разведки обломков спускаемых аппаратов. Такой материал, ценность которого даже невозможно представить, давал разведчикам американских ВМС возможность изучать боеголовки, саму ракету-носитель и ту секцию ракеты, которая несла разделяющиеся боеголовки.

Был один тревожный случай, когда спускаемый аппарат приближающейся советской МБР разделился на несколько ложных боеголовок. Боеголовки плюхнулись в Тихий океан таким образом, что два американских эсминца оказались буквально в «вилке», в которой дистанция до упавших ложных боеголовок составляла менее 100 метров. Ситуацию усугубляло присутствие в этом районе советских судов инструментальных измерений, которые предназначались для наблюдения за ракетой на конечном этапе ее полета. Этими судами были суда поддержки и контроля космического пространства класса «Сибирь», каждый из которых имел на борту вертолет. Присутствие в районе падения такого количества надводных судов и вертолетов часто делало его похожим на карнавал. В районе падения головных частей советских ракет могли находиться три советских судна инструментальных измерений, американское ИСП, и два американских эскортных эсминца — «Клод Джоунс» и «Макморрис». Все эти корабли и суда старались занять выгодное положение по периметру округлого в плане участка моря, который объявлялся Советским Союзом опасным для навигации в международном «Уведомлении для моряков и летчиков». Подобные уведомления выпускались за несколько дней до пусков с целью недопущения входа в указанный район кораблей и самолетов, могущих попасть там под удар несущихся в восточном направлении головных частей испытываемых МБР. Добавим к общему числу участников тройку советских вертолетов Ка-25, летающих по кругу, по меньшей мере один Р-3 «Орион» от ВМС США, еще, возможно, и ЕР-3, тоже от ВМС, от ВВС США RC-135 и, иногда, С-130 «Геркулес»; каждый из них старается очутиться как можно ближе к спускаемым аппаратам и никому не уступает.

Когда советские матросы догадались, для чего предназначены плавающие сетки, поставленные американцами, они усложнили дело тем, что заполнили их мусором и

отходами, которые они с чрезвычайной ловкостью сбрасывали со своего судна до появления спускаемого аппарата. После окончания операции американские матросы с большим интересом ожидали результатов анализа пойманного сетками улова — одна бутылка из-под «Столичной» водки, горбушка заплесневелого черного хлеба, неопознанный предмет одежды, скорее всего, носок, и так далее. Во время одного подобного испытательного пуска советский вертолет случайно упал в море. Американские корабли присоединились к поиску и спасению и подняли раненого члена экипажа, который, получив первую медицинскую помощь, был доставлен на советское судно. Несмотря на некоторые комичные аспекты этих операций, общая атмосфера была зачастую тягостной. Разведывательная информация, собранная на конечном участке полета ракеты и на этапе входа спускаемого аппарата в атмосферу, подтвердила возможности Советов по пуску ракет на расчетную дальность и сравнительную точность попадания в цель в объявленном районе. Однако пуски ракет производились обычно со стационарных пусковых установок, и гораздо реже с лодок, находящихся в погруженном состоянии. Позже Советский Союз стал производить пуски с лодок, которые находились в северной части Баренцева моря, ракеты летели через всю территорию СССР и падали в районе камчатского полигона, где Соединенные Штаты могли оценить точность пуска. Запад понял, что СССР действительно может запускать ракеты с подводных лодок; позднее выяснилось, что неустойчивое жидкое топливо, используемое в ракетах советских подводных лодок, до конца 1980-х годов служило причиной частых и дорогостоящих происшествий и ставило под сомнение общую надежность баллистических ракет. Из информации, которая начала публиковаться с 1991 г., западная разведка узнала о многих случаях взрывов и пожаров на советских подводных лодках, вызванных жидким ракетным топливом. Документально подтверждены по меньшей мере два случая самопроизвольного старта ракет с ядерными боеголовками из пусковых установок на борту лодки по причине случайного взрыва жидкого топлива. Несмотря на американские успехи в сборе разведывательной информации по ракетам, Советский Союз продолжал увеличивать свой неустойчивый стратегический арсенал.

МЯТЕЖ

В 1975 г. произошло чрезвычайное событие, ставшее предвестником будущих болезненных изменений в СССР, до которых оставалось еще десять долгих лет. И хотя какие-то сведения об этом происшествии просочились в мировую прессу тех времен, о нем было мало известно по давней причине засекречивать информацию о военных делах Советского Союза.

Событие, о котором идет речь, было в действительности настоящим мятежом, поднятым на самом современном для того периода времени противолодочном корабле Балтийского флота. Этим кораблем был «Сторожевой» («Проект 1135»), холеный многоцелевой фрегат водоизмещением 4000 тонн (по классификации НАТО — класс «Кривак-1»). Бунт спланировал и возглавил неуравновешенный политработник капитан 3-го ранга Валерий Саблин. Этот мятеж дал Тому Клэнси толчок для написания известного романа «Охота за «Красным Октябрем». В отличие от книги Клэнси, в которой всевозможные козни исходят от разочаровавшегося офицера-антикоммуниста, ищущего убежища на Западе, настоящие мятежники были радикальными марксистами-ленинцами и собирались «очистить брежневский режим от кумовства, взяточничества, карьеризма и презрения к народу». Представьте себе Стокгольм и шведский центр военно-морской разведки. Молодой дежурный лейтенант в одиночестве сидит у радиоприемника и контролирует радиообмен в сетях советского военно-морского флота. Он слышит переговоры советских летчиков, которые активно преследуют «Сторожевой». Потрясенный услышанным, лейтенант зовет на помощь, но ему никто не верит. И даже в конце эпизода операторы западных радиоразведок не верят своим ушам, прослушивая радиообмен советских средних бомбардировщиков Ту-16 «Барсук», преследующих корабль. Они слышат препирательства старших офицеров с неуступчивыми летчиками бомбардировщиков по поводу обстрела

своего собственного корабля. Бомбардировщики все же обстреливают фрегат, поскольку Саблин проигнорировал приказ заглушить двигатели. Неожданное применение силы приводит в чувство нескольких мятежных моряков, и они освобождают командира корабля, который с группой преданных присяге офицеров штурмуют мостик. В этой схватке Саблина ранят в ногу, и он сдаётся.

И хотя во время своего публичного протеста против коррупции Саблина поддержал практически каждый член команды, сдали Саблина его же сообщники по заговору. Позднее его судили и приговорили к казни за измену Родине. Саблин ни разу не отказался от своих взглядов относительно радикальных реформ.

НЕПРЕВЗОЙДЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

Для наблюдения за флотом противной стороны, который приближался к берегам Советского Союза, советская военно-морская разведка поначалу использовала средства перехвата коротковолновых сетей связи «вероятного противника», а также загоризонтные РЛС берегового базирования. В 1960-х годах самолеты-разведчики, имевшие большую дальность полета, а также разведывательные корабли значительно увеличили советские возможности по наблюдению за деятельностью американского и других западных флотов. Общее количество советских разведывательных кораблей, составившее в 1962 г. менее десяти единиц, возросло к 1979 г. до шестидесяти. В 1964 г. начал свою «службу» обновленный стратегический бомбардировщик Ту-95РТС («Медведь-Д»), на котором была установлена мощная РЛС. Всего было выпущено сорок таких самолетов. Самолетные РЛС могли обнаруживать надводные цели на дальностях до 200 морских миль и передавать информацию о них на надводные корабли и подводные лодки для выполнения ими загоризонтной атаки противника. Обычно, когда полет выполнялся на высоте более 3000 метров, «Медведь-Д» обнаруживал авианосную ударную группу на дальности 150 морских миль и передавал информацию о ней на свою подводную лодку, которая находилась на 100 морских миль позади самолета; таким образом лодка, бывшая на дальности 250 миль от авианосца, имела все данные, чтобы атаковать его. Умело используя эффект волноводности (особенности распространения электромагнитных волн в тропосфере), Советский Союз создал загоризонтные РЛС корабельного базирования, которые, при благоприятных условиях, могли обнаруживать цели на дальности до 200 морских миль.

После 1970 г. система космической разведки позволила ГРУ и разведывательным центрам флотов создать глобальную картину военно-морской деятельности «вероятного противника». Перед разведкой была поставлена задача обеспечить флот информацией о требуемых целях и были возложены прямые боевые обязанности по выполнению этой задачи. Созвездие советских космических систем морской разведки, получивших наименование «Море-1» и «Легенда», имело в своем составе спутники активной и пассивной разведки, способные обнаружить группировку кораблей и определить сигнатуру их РЛС и национальную принадлежность. Спутники активной радиолокационной разведки летали на низких орбитах и были способны выдавать свежую информацию о целях каждые 20—30 минут; в эту информацию входили скорость и курс кораблей. Спутники пассивной разведки перехватывали электромагнитную сигнатуру кораблей для их опознавания. В любой момент времени на орбите находилось не менее шести спутников разведки океана. Учитывая, что они вращались вокруг Земли на низких орбитах и имели небольшой срок службы, ежегодно требовалось запускать до 35 спутников.

В. Суворов в своей книге о ГРУ описал советскую военно-морскую разведку и сосуществование двух органов «космической» разведки:

«В Советском Союзе имеется два отдельных органа космической разведки, один из которых существует в ГРУ, а второй в ВМФ. Хотя военно-морская космическая разведка действует в интересах главного командования советского ВМФ, всю добытую информацию она передает также и в ГРУ. Взаимодействие между двумя органами космической разведки

координируется начальником Генерального штаба. При возникновении серьезной ситуации перед обоими органами ставится одна и та же задача, результаты выполнения которой потом анализируются и сравниваются».

Советская космическая система оказывалась уязвимой с началом военных действий, поэтому для обнаружения кораблей и слежения за ними нуждалась в поддержке других видов разведки, которые включали, в числе прочего, и перехват американских «трансляций по флоту», что дало возможность Москве в 1970-х годах знать местоположение каждого американского военного корабля.

Советский Союз не создавал глобальных гидроакустических систем, сравнимых с американской СОСУС. Тем не менее у побережья СССР было развернуто несколько гидроакустических станций, которые могла обнаруживать приближающиеся к берегу надводные корабли и подводные лодки.

Советская система, имевшая высокую степень централизации, была сравнима с американской системой ИССО. Подобно американской системе, она, получив способность «освежать» местоположение авианосных ударных групп «вероятного противника» через каждые полчаса, достигла вершины совершенства в конце 1970-х и в 1980-х годах

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Летом 1981 г. директор военно-морской разведки контр-адмирал Самнер Шапиро собрал старших офицеров военно-морской разведки на совещание для совместного решения очень важной проблемы. Среди участников совещания были аналитики из офиса военно-морской разведки, а также из ЦРУ, РУМО, военно-морского колледжа, и центра анализа ВМС. Эта военно-морская «фабрика идей» закончила совещание революционными выводами. До тех пор стратегия советского ВМФ рассматривалась как агрессивная; предполагалось, что Советский Союз в случае войны начнет очередную «битву за Атлантику» против западных морских коммуникаций в Атлантическом океане. Это совпадало с традиционными американскими взглядами на морскую войну. Теории морской мощи кэптана А.Т. Мэхена [19]

подчеркивали значение контроля над морскими путями и решающих сражений. В 1978 г. ВМС США опубликовали несекретную брошюру под названием «Понимание советского военно-морского развития», которая распространялась по всему флоту; целью брошюры было помочь силам флота лучше понять своего потенциального противника. Если судить по указанной брошюре, то американская военно-морская разведка видела в советском ВМФ «агрессивную силу, способную противостоять Соединенным Штатам по всем аспектам деятельности на море»; «Советы упорно верят в старую поговорку, что лучшей защитой является хорошее нападение»; «Советы используют свой флот во многом так же, как Соединенные Штаты и Великобритания... и способны сейчас выполнять большинство функций военно-морской державы в водах, удаленных от Советского Союза».

Информация, полученная от глубоко проникших в высшие советские круги американских источников, наряду с детально обоснованными дебатами между американскими специалистами по советскому военно-морскому флоту привели к полной переоценке старых мнений. Стало понятно, что если война с Соединенными Штатами будет вестись без реального применения ядерного оружия, то Советский Союз все равно примет все возможные меры по защите своих стратегических подводных лодок из опасения изменения ядерного баланса не в свою пользу. У советского ВМФ нет собственной стратегии. Он придерживается концепции «ядерного соотношения сил», которая решит проблему войны. С советской точки зрения не было смысла атаковать морские коммуникации Запада, или же, «а ля Мэхен», искать решающего сражения. Гораздо важнее будет сохранить свои

ядерные силы сдерживания. Военно-морская стратегия администрации Картера, которая делала упор на защите морских коммуникаций, стала отныне абсолютно неправильной. Как писали капитаны 1-го ранга В.П. Кузин и В.И. Никольский, дебаты такого рода уже имели место в Советском Союзе, когда «молодая школа», поддержанная премьером Н.С. Хрущевым и маршалом Г.К. Жуковым, бывшими приверженцами нападения на линии коммуникаций Запада, возложила подобную миссию на советский ВМФ. С точки зрения советской дальней перспективы очередное сражение за Атлантику было как чересчур дорогостоящим, так и малополезным, поскольку Москва собиралась завоевать Западную Европу менее чем за три недели (три недели требовались первым американским конвоям для перехода в Европу): «Жукову следовало знать тогда, что для реального уничтожения линий коммуникаций вероятного противника (т.е. для того, чтобы тоннаж потопленных судов превышал тоннаж судов, спущенных на воду) требуется ежемесячно топить торговые суда общим водоизмещением более двух миллионов тонн; а для этого потребовались бы, по самым скромным подсчетам, около тысячи советских подводных лодок и ежемесячный выпуск промышленностью не менее пятнадцати тысяч торпед. Обладая Жуков такими ресурсами, он, вероятнее всего, и поставил бы подобную задачу только перед советским ВМФ».

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОЦЕНКА

В результате подобных прорывов в добывании разведывательных сведений и их последующего анализа, американская разведка полностью изменила свое мнение относительно военно-морских приоритетов Москвы. «Революционная» «Оценка национальной разведки США» за 1982 г. перечислила следующие военно-морские приоритеты Советского Союза:

- обеспечение боевой устойчивости (защита и поддержка) советских подводных лодок с баллистическими ракетами (БРПЛ), в основном путем создания и сохранения безопасных укрытий, или бастионов, в районах развертывания советских БРПЛ;
- защита СССР и его союзников от удара сил НАТО морского базирования (авианосцы и БРПЛ стран Запада);
- поддержка наземных сил, ведущих боевые действия в Европе или любом другом месте;
- нарушение некоторых морских коммуникаций Запада. Новый анализ определял советские цели в войне как взятие под контроль и защита Карского моря, северных районов Норвежского и Гренландского морей, Японского моря, Охотского моря и северо-западного бассейна Тихого океана. Высшим приоритетом будет являться обеспечение «боевой устойчивости» стратегических подводных лодок» путем защиты их от атак сил Запада.

Форд и Розенберг писали:

«Конец 1970-х и начало 1980-х годов являются одним из тех немногих случаев в истории, когда накопленный разведкой материал помог привести страну к полному пересмотру ее концепции военных действий. Если говорить о США и СССР, то этот период является примером того, как хороший разведывательный материал, хорошо проанализированный и хорошо использованный работавшими совместно офицерами разведки и строевыми офицерами, позволил ВМС США разработать стратегию и планы войны, которые, если бы нам пришлось воевать с СССР, помогли бы гарантировать победу».

С этого времени Соединенные Штаты сосредоточили свои усилия на новой агрессивной морской стратегии, угрожая советским стратегическим подводным лодкам в их «домашних» водах, и нашли новое применение ресурсам, которые они ранее вкладывали в защиту морских коммуникаций.

Недоразумения в американо-советских отношениях имели «знакомые характеристики, безошибочные характеристики сползания к войне — именно такие, и никаких других».
Д. Кеннан

Возможно, никогда за послевоенные десятилетия ситуация в мире не была такой взрывоопасной и поэтому более трудной и неблагоприятной, как в первой половине 1980-х годов.

М. Горбачев, февраль 1986 г.

ОБРЕЧЕННЫЕ НАНЕСТИ УДАР ПЕРВЫМИ

Поскольку в последнее время было напечатано или стало доступным общественности много информации, касающейся секретов, ранее утаиваемых обеими сторонами американо-советского противостояния, то появилась возможность оглянуться назад и осмыслить тот пугающий период с 1981 г. по 1987 г., когда напряженность в отношениях между США и СССР достигла высочайшего уровня после Карибского ракетного кризиса 1962 г. В 1970-х годах Советский Союз достиг стратегического военного паритета с Соединенными Штатами. Военно-морской флот, созданный преимущественно благодаря усилиям Адмирала Флота Советского Союза Сергея Горшкова, стал крупнейшим в мире по количеству боевых кораблей и подводных лодок. Соединенные Штаты все еще превосходили СССР по количеству боеголовок на атомных подводных лодках, вооруженных баллистическими ракетами, однако, в отличие от Вашингтона, Москва не считала лодки с ракетами основным элементом стратегической триады, т.е. ракетных сил воздушного, наземного и морского базирования. По советской доктрине того времени, стратегические лодки, вместе с другими стратегическими силами, предназначались для уничтожения военных и административных центров «вероятного противника». Они официально не рассматривались как сдерживающая сила особого свойства. Основной заботой советского ВМФ оставались западные авианосцы и атомные лодки с ракетами, поэтому слежение за ними с близких дистанций являлось важнейшим элементом задачи воспрепятствовать нанесению ими ядерного удара по СССР. Для Москвы было важно не дать противнику возможности захватить инициативу. Для выполнения задач слежения была организована «боевая служба». На основе своей оценки намерений противника советский ВМФ был бы вынужден нанести упреждающий удар. По мнению СССР, срыв выполнения этой задачи означал проигрыш войны.

Именно по этой причине в периоды нарастания напряженности в 1950-х и 1960-х годах легкие артиллерийские крейсеры класса «Свердлов» отслеживали действия американских авианосцев. В случае обнаружения кораблем слежения подготовки авианосца к нанесению удара, что достаточно трудно скрыть, советский корабль просто открывал бы огонь по авианосцу с целью уничтожения его летной палубы. Верил кто-нибудь или нет, что эти массивные «бегемоты» на самом деле являются непотопляемыми, однако вывести из строя летную палубу авианосца несколькими точными выстрелами артиллерии главного калибра или ракетой явилось бы достаточно легким делом. Позднее эти советские артиллерийские платформы были заменены крылатыми ракетами большой дальности, которые могли запуститься с подводных лодок, самолетов и надводных кораблей.

Как было рассчитано теоретически, в 1970-х и 1980-х годах, количество противокорабельных крылатых ракет, которые корабли советского флота могли залпом выпустить по авианосной группе «вероятного противника», увеличилось с пятидесяти до примерно ста единиц; при этом учитывалось, что дальность пуска ракет не превысит 300 миль. Теоретически применение ста крылатых ракет считалось достаточным для уничтожения (при снаряжении ракет ядерными БЧ) или нейтрализации (при снаряжении ракет обычными БЧ) авианосной группы западного государства. Для выполнения этой критической задачи были серьезно улучшены системы обнаружения. Советские самолеты морской авиации могли обнаруживать и следить (с помощью РЛС обнаружения типа «Йен-Д» и «Рубин») за надводным флотом противной стороны на дальностях 180—240 морских миль при высоте полета самолета 10 000 метров. Советские дальние бомбардировщики морской авиации Ту-95РТС «Медведь», принятые на вооружение в 1966 г., и вертолеты Ка-25РТС («Гормон») были оснащены мощным целеуказателем «Успех-У». Они могли передавать информацию о целях на надводные корабли-носители ракет типа «Кында», «Креста-1», «Киров», «Слава» и «Современный», и на ракетные подводные лодки с ЯЭУ классов «Чарли» и «Оскар-1». На других самолетах и вертолетах стояли менее мощные РЛС с радиусом действия 30 морских миль (на самолете-амфибии Бе-12 и вертолетах Ка-25 и Ми-14); эти самолеты и вертолеты также передавали информацию о целях на надводные корабли и подводные лодки.

Умело используя особенность распространения электромагнитных излучений, которая получила название «эффект волноводности» и в то время не применялась в ВМС западных стран, Советский Союз разработал систему, способную видеть цели за горизонтом и поражать их с дальностей, которые превышали радиус действия обычной РЛС. Однако наиболее революционными советскими системами были автоматизированные приемники информации («Корвет», которая была введена в эксплуатацию в 1975 г., и «Коралл-Б» и «Касатка», введенные в 1981—1982 гг.), которые СССР использовал для обработки информации о целях, получаемую с разведывательных спутников. Спутники регистрировали излучения РЛС и других радиоэлектронных средств, установленных на кораблях боевых групп западных флотов. Советские спутники радиотехнической разведки, однако, были весьма уязвимы со стороны американского противоспутникового оружия, которое могло быть применено в первые решающие минуты боевых действий.

В середине 1980-х годов советский ВМФ возлагал серьезные надежды на большие противолодочные корабли (БПК), вооруженные торпедами или ракетами, типов «Кашин», «Крест-П», «Удалой». Такие же надежды были связаны с противолодочными самолетами дальнего действия берегового базирования — Ту-142 (противолодочный вариант «Медведя») и Ил-38. Позже для уничтожения атомных ракетных подводных лодок противника СССР мог использовать свои атомные подводные лодки классов «Виктор» и «Акула». В 1980-х годах количество противолодочных средств, предназначенных для борьбы с подводными лодками — носителями стратегических ракет, возросло в десять раз, и в итоге на каждую американскую подводную лодку со стратегическими ракетами приходилось примерно три советских противолодочных самолета, три противолодочных эсминца и две противолодочные подводные лодки. Западные подводные лодки с ракетами «Трайидент» и «Посейдон» патрулировали тогда в дальних морях Атлантического, Индийского и Тихого океанов, намного дальше радиуса поражения советского оружия. Как противовождение против таких дальнобойных баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок, адмирал Горшков задумал построить первые советские крупные авианесущие крейсера класса «Киев», которые смогли бы обеспечить противовоздушную оборону советских подводных лодок и надводных кораблей, следующих по пятам за западными подводными лодками. Советская военно-морская паука тоже не стояла в стороне и создала мощное поисковое оборудование: гидроакустические антенны и не имеющие аналогов в мире неакустические приемники для обнаружения турбулентного следа и электромагнитной сигнатуры подводной лодки. И все же, несмотря на усилия Джозефа Барра (бывшего собрата по шпионскому ремеслу покойного атомного шпиона Юлиуса Розенберга), который теперь трудился как протезе адмирала Горшкова, советская военная электроника отставала от западной.

Тем не менее упор на решающий ракетный удар требовал, чтобы советский ВМФ в любое время был готов ожидать нападения с Запада. Л.Л. Вторыгин, бывший офицер ГРУ, поясняет эту мысль: «Все наши подводные лодки были готовы для первого удара; только для первого удара; большинство лодок не уцелеет; наши люди это знали; они были людьми первого удара; что будет после этого, не имело значения; все равно у нас не было фабрик и заводов для ремонта этих лодок, не было баз обеспечения для этих лодок, не было хорошего жилья, как на Западе. Мы были уверены, что НАТО и США начнут войну; мы жили каждый день в ожидании и в готовности к этой войне».

ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП В ИНОСТРАННЫЕ ПОРТЫ

Советский океанский флот нуждался в полностью маневренном тыловом обеспечении и военно-морских базах за рубежом. Польские, восточногерманские, югославские, финские и шведские верфи стали оказывать необходимые услуги советскому флоту, в особенности по использованию плавучих доков. Однако разрешение проблемы отсутствия баз за рубежом требовало изменения политической линии, поскольку Советский Союз неоднократно заявлял, что он не нуждается в военных портах за рубежом, ибо он никому не угрожает. Это обещание просто ушло в сторону, когда советский ВМФ получил доступ к иностранным портам в Сирии, Гвинее, Алжире, Ливии и позднее — во Вьетнаме. Но, как писал в своей книге о морской стратегии бывший командующий Северным флотом адмирал И. Капитанец, у советского ВМФ никогда не было портов, в которых он нуждался: «Наиболее трудной задачей для Советского ВМФ было создание системы баз. У СССР не было баз за рубежом. Плавучие мастерские и вспомогательные суда не решали проблемы. По дипломатическим каналам СССР получил разрешение заходить в порты Сирии, Египта (1967 г.), Алжира (1969 г., возобновлено в 1978 г.) и Кубы (1970 г.). В 1971 г., по просьбе правительства Гвинеи, СССР получил доступ в порт Конакри. В 1972 г. советские корабли стали заходить в порты Сомали, в 1977 г. — порты Бенина. В 1978 г. им был предоставлен доступ в порты Сан-Томе и Принсипи. В 1979 г. Вьетнам разрешил использовать ВМБ в Камрань... Американское правительство стремилось ограничить доступ советских кораблей в иностранные порты, действуя обычно через дипломатические каналы. Эта политика давала результаты: в начале 1970-х годов Египет запретил заход советских кораблей в его территориальные воды. Стали более сложными заходы наших кораблей в порты Сирии и Алжира; позднее Сомали и Эфиопия также закрыли свои порты». По словам Л.А. Вторыгина, советский ВМФ никогда не имел и никогда не будет иметь того привилегированного статуса, которым обладают ВМС США: «ВМС США находятся на дежурстве во всех уголках планеты. У нас нет возможности держать наши корабли в море на постоянной основе; разница между нами в том, что ВМС США являются самостоятельной военной организацией и у ВМС США есть свой отдельный министр; они не могут представить свое существование без сильных ВМС; в нашей стране были некоторые военные эксперты, которые даже высказывали мысли о том, что Советскому Союзу флот вообще не нужен; это глупость, но так было сказано».

«ЗОЛОТАЯ РЫБКА» ГОРШКОВА И БОЛЬШАЯ ЭКОНОМИКА

По мнению Москвы, «главной задачей гонки вооружений, которую вели Соединенные Штаты, было измотать советскую экономику». Вот слова Л.А. Вторыгина по этому поводу: «Мы все время старались догнать. У них это есть; нам это тоже нужно». Громадные ресурсы, потраченные Горшковым, были, но мнению начальников других видов советских вооруженных сил, непропорциональны вкладу ВМФ в оборону Советского Союза. Стали легендой споры по поводу использования авианосцев, которые вели адмирал Горшков и

бывший командующий Тихоокеанским флотом адмирал Амелько. В последующем, когда Амелько занимал должность заместителя начальника Генерального штаба по военноморским вопросам и через него проходили бумаги по программам строительства ВМФ, он однажды исключил из заявки на строительство кораблей средства, которые предполагалось направить на постройку авианосца. Когда об этом узнал С.Г. Горшков, то он через секретариат Министерства обороны повторно включил вопрос о строительстве авианосца в заявку, подаваемую на утверждение министру обороны СССР.

Обладавший немалым влиянием Г. Арбатов, директор института США и Канады, также противился идее авианосца, с которой выступал Горшков. Арбатов подчеркивал экономический аспект «холодной войны»: «Если американцы будут прыгать с небоскреба, мы что, последуем за ними?» Программу авианосца, которую «пробивал» Горшков, не поддерживали и в ЦК КПСС. Л.А. Вторьгин вспоминает: «Они бы ликовали, если бы мы напрасно потратили эти деньги. «Холодная война» — это, в первую очередь, экономика. Валовой национальный продукт США в два раза превосходил валовой национальный продукт Советского Союза... и наши самые ярые противники хотели вымотать нас, чтобы мы развалились политически и социально».

Несмотря на противодействие со стороны ЦК КПСС, советский ВМФ продолжал плодить другие дорогостоящие программы, например, подводные лодки с титановым корпусом («Альфа», «Папа», «Сьерра»). Из-за своей высокой стоимости эти очень эффективные лодки получили название «золотых рыбок». Другим примером экстравагантности Горшкова был проект корабельной лазерной пушки. Лазер (оптический квантовый усилитель) мог быть потенциально опасным оружием. Первый рабочий лазер был продемонстрирован в мае 1960 г. Т. Мэйманом в исследовательской лаборатории Хьюз в Калифорнии. До начала советских исследований по разработке боевого лазера лазеры не обладали достаточной мощностью для уничтожения тяжелой техники. Чтобы стать реальностью, «лучи смерти», о которых в свое время говорил сербский гений Никола Тесла, должны еще были пройти длинный путь.

И все-таки советский ВМФ взялся за дело. По проекту ЛЮДР грузовое судно «Диксон» класса «Вытегралес» было переоборудовано в испытательную платформу для лазерной пушки, которая была сделана в Калуге. Для лазерной пушки требовалось 50 мегаватт электроэнергии, которые выдавали три авиационных двигателя. Первый выстрел лазерной пушки был назван «Ворошилов», он был произведен летом 1980 г. на Черном море.

Подготовка к производству выстрела из лазерной пушки, который длился 0,9 сек., заняла более 22 часов. Предполагалось, что лазерный луч будет незаметен для наблюдателя. Наземная цель была расположена на дальности 2,5 мили от пушки, сам факт попадания регистрировался как подъем температуры цели. Луч лазера оказался в состоянии пробить фюзеляж самолета. Систему первоначально планировали поставить на космические корабли, т.к. в космосе присутствует абсолютный вакуум и нет влаги. Горшков собирался поставить системы лазерного оружия на крупные надводные корабли. Для эффективного использования на море, однако, лазерной пушке требовалось чересчур много энергии и места.

Как и в случае с другими аналогично дорогими проектами создания оружия, превосходящего по своим качествам оружие противника, реальности экономики заставили советский ВМФ искать более скромные варианты. На некоторых крейсерах и эсминцах класса «Современный», которые вводились в боевой состав флота с 1980 г., были установлены лазерные дальнометы для корабельной артиллерии; несколько раз они удачно применялись для ослепления летчиков самолетов западных стран, которые чересчур близко подлетали к советским кораблям.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ РЕЙГАНА

В Вашингтоне многие расценивали расширение глобальных возможностей советского ВМФ, чего усиленно добивался Горшков, как попытку подрыва интересов Запада. Как свидетельствует «Оценка национальной разведки» ЦРУ от 15.11.1982 г.:

«Действия советского ВМФ вне районов дислокации продолжают отражать интересы СССР по укреплению его позиций в Третьем мире (особенно в районах, потенциально уязвимых для Запада) ... Советские морские силы демонстрировали поддержку союзным странам и стремились воспрепятствовать применению враждебных морских сил против советских союзников».

Как подчеркнул в своей книге «Эволюция морской стратегии США» профессор Д. Хатгендорф, план усиления ВМС США и расширения их операций с целью противостояния советскому военно-морскому вызову был разработан при администрации Картера адмиралом Джоном Холлоуэем, начальником штаба ВМС США в 1974—1978 гг.

«Адмирал Холлоуэй поставил главную задачу: иметь ВМС, в составе которых было бы 600 кораблей. Министерство обороны в январе 1977 г. уведомило конгресс, что на ближайшие 15 лет оно просит дополнительно более 90 миллиардов долларов сверх ранее выделенных. Когда число кораблей достигнет 568 единиц в 1985 г. и увеличится до 638 единиц в 1990 г., то ВМС США смогут обеспечить как контроль за океаном, так и свое присутствие, хотя в Индийском океане это будет невозможно сделать одновременно с другими театрами. Сделав такой вывод, министерство обороны подчеркнуло взаимосвязь между стратегией и бюджетными ассигнованиями на вооруженные силы».

Новая «морская стратегия», разработанная в конце 1970-х годов, и «600 кораблей», продукт этой стратегии, стали широко разрекламированными целями администрации Рейгана и его неистового министра ВМС Джона Ломана. Тогда, в 1980 г., новая республиканская администрация начала секретную кампанию морской психологической войны против Советского Союза. Она явилась ответом президента Рейгана на доктрину Леонида Брежнева по экспорту социалистических революций в Афганистан, Анголу и Никарагуа. В феврале 1981 г. президент Рейган одобрил возобновление секретных операций американских ВМС и ВВС у границ Советского Союза, то есть вновь начал ранее проводившиеся операции радиотехнической разведки — так называемые миссии «Феррет» («Хорёк»). В 1960-х и 1970-х годах американцами было выполнено более двадцати тысяч разведывательных полетов вдоль границ СССР и КНР. Некоторые из них безусловно выполнялись с нарушением советского воздушного пространства, это происходило тогда, когда СССР еще не имел системы раннего радиолокационного предупреждения. В 1971 г. США прекратили такие полеты, потому что Северная Корея сбила американский самолет-разведчик EC-121 у своего побережья. Администрация Рейгана возобновила подобные полеты, целью которых был поиск брешей в системе радиолокационных станций и всей ПВО СССР. Администрация Рейгана также разрешила ВМС США наносить условные удары по СССР. Как вспоминал бывший помощник министра обороны США Фред Айкл: «Все было очень секретно... Во избежание оставления документальных следов, никаких записей по этому поводу не делалось». Историк ЦРУ Б.Б. Фишер так определяет военно-морскую составляющую кампании психологической войны:

«По опубликованным свидетельствам, ВМС США играли ключевую роль в программе психологических операций, которую президент Рейган одобрил в марте 1981 г. и которая предусматривала плавание и учения вблизи морских подступов к СССР, в тех районах, где военные корабли США никогда раньше не бывали. Военно-морские учения американского флота, проведенные в 1981 г. и 1983 г. вблизи самых северных и самых восточных регионов Советского Союза, показали американские возможности по развертыванию авианосных ударных групп вблизи важных военных и административных центров, которое, вероятно, проходило без раннего обнаружения и противодействия этому развертыванию противной стороной».

Сообщалось, что в ходе названных учений отрабатывались секретные операции по условной неожиданной атаке морской авиацией США советских целей.

В учениях, которые проходили с августа по сентябрь 1981 г., армада из восьмидесяти трех американских, британских, канадских и норвежских кораблей, ведомая авианосцем «Эйзенхауэр», используя ранее спланированные и практически освоенные разнообразные приемы скрытого управления и маскировки, сумела незамеченной пройти рубеж по линии

Гренландия — Исландия — Соединенное королевство. Комбинация пассивных мер противодействия (режим радиомолчания и пониженная мощность излучения радиоэлектронных средств) с активными (постановка помех радиолокационным станциям «вероятного противника» и передача ложных сигналов своими радиолокационными станциями) превратили союзный флот в нечто, похожее на флот-невидимку. Этот флот не был обнаружен даже советским низкоорбитальным спутником радиолокационной разведки, специально запущенным по такому случаю.

Когда корабли вошли в зону досягаемости советских самолетов-разведчиков дальнего действия, советские летчики смогли поначалу идентифицировать корабли, но не следить за ними. В это время американские палубные истребители, избегая обнаружения советскими береговыми РЛС, совершали полеты на малой высоте, после чего выполнили беспрецедентную атаку советских самолетов, которые производили дозаправку топливом в воздухе.

На втором этапе учений от авианосной боевой группы отделились крейсер и три других корабля, которые направились через Норвежское море на север, а потом, через норвежский Нордкап, на восток, в Баренцево море. Они прошли рядом с важным в военном отношении Кольским полуостровом и оставались в этом районе девять дней, после чего присоединились к основной группе.

В период с апреля по май 1983 г. ВМС США провели крупнейшие на то время учения в северо-западной части Тихого океана, в которых были задействованы три авианосные боевые группы и стратегические бомбардировщики В-52 с оборудованием дальнего радиолокационного обнаружения. В какой-то момент учений группировка флота находилась всего в 450 милях от полуострова Камчатка и города Петропавловск-Камчатский, в котором имеется единственная советская ВМБ с прямым выходом в открытое море. Американские ударные подводные лодки и противолодочные самолеты действовали в защищенных районах («бастионах»), где советский ВМФ держал большое количество атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (БРПЛ). Самолеты ВМС США с авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз» выполнили заход на условное бомбометание по военному объекту на оккупированном СССР небольшом острове Зеленый, который входит в состав Курильской гряды. Дополнительно к этим учениям, если судить по опубликованным свидетельствам, ВМС выполняли «прессинг по всей площадке» на СССР в различных передовых районах. Американские военные корабли начали действовать в Балтийском и Черном морях и запросто заходить за мыс Нордкап в Баренцево море. Разведывательные суда выполняли свои задачи напротив побережья Крыма. Авианосцы с подводными лодками сопровождения стояли на якорю в норвежских фьордах. Американские ударные лодки отрабатывали атаки на советские БРПЛ, дежурившие под шапкой полярных льдов.

По мнению американцев, первая серия этих военно-морских и военно-воздушных операций была полным успехом. Как ВМС, так и ВВС считали, что могут избежать обнаружения советскими системами слежения за океаном и ДРЛО, и прорвать советскую ПВО.

Начальник штаба ВМС США отмечал в 1983 г., что Советы «там (на Камчатке) голы, как сойка, и они это знают». Подобная оценка была дана и для северной границы по морю. Но у американских ВМС на уме было и другое. Некоторые старшие офицеры были убеждены, что советская разведка читает переписку в американских системах связи. Они надеялись найти подтверждение этому в советской реакции на приближение их флота. Но с советской точки зрения силы США и НАТО, проводившие учения в защищенных водах норвежских фьордов юга в Японском море, нейтрализовать было очень трудно, поэтому логическое объяснение советской идеи нанесения упреждающих ударов по этим силам до того, как они достигнут защищенных зон действия, становилось еще убедительнее.

В сентябре 1982 г. четверка советских реактивных бомбардировщиков дальнего действия «Бэкфайр» приблизилась к авианосцам «Мидуэй» («CV-41») и «Энтерпрайз» («CVN-65»), которые принимали участие в военно-морских учениях вблизи Алеутских островов. На дальности 120 миль до авианосцев советские бомбардировщики произвели условный пуск крылатых ракет. На следующий день четыре других бомбардировщика «Бэкфайр» приблизились к американским кораблям и повторили условную атаку. Для Москвы

подобные агрессивные развертывания американских сил против советской территории служили предсказанием зловещего исхода — нападения на Советский Союз. Несмотря на колоссальное преимущество, которое советский ВМФ имел в 1970-х годах, когда он наслаждался — благодаря шпионской сети Уолкера — доступом к американской военно-морской связи, Советы продолжали отставать. Фишер полагает, что в начале 1980-х годов советская разведка уже не читала американскую военно-морскую переписку, что усиливало советские опасения, когда они пытались следить за американскими ВМС.

НАЧИНАЯ ОПЕРАЦИИ «РЯН»

В мае 1981 г. Брежнев выступал на закрытом совещании в КГБ и рассказал о своей озабоченности в связи с новой агрессивной политикой США. Глава КГБ Юрий Андропов заявил, что, по его мнению, США готовят ядерный удар по СССР, и предложил КГБ и ГРУ выявлять особые признаки подготовки США к войне в рамках операции «РЯН». «РЯН» является аббревиатурой русских слов «ракетно-ядерное нападение». В Вашингтон был направлен офицер КГБ, уполномоченный координировать сбор информации советской разведкой; ему поручили готовить ежедневные доклады по обстановке для Политбюро. Бенджамин Фишер считает, что Андропов сознательно пошел на худший вариант, дабы не повторить провала аналитиков советской разведки, не отреагировавших на предупреждения о немецком вторжении в 1941 г. Однако, подобно Сталину, который не доверял тайной разведке, восприимчивой к манипуляциям противника, имевшим психологическую направленность, Андропов предпочитал искать разведывательные признаки, которые не подтасуешь. Сталин обращал внимание на цену баранины на территориях, оккупированных нацистами, полагая, что вермахту понадобится теплая одежда для действий зимой. Он не мог поверить, что Гитлер надеялся разбить Красную Армию до наступления зимы. Так и Андропов, который потребовал от резидентуры в Лондоне проследить за признаками, свидетельствующими об увеличении запасов крови в английских банках крови и мяса в морозильниках. Как вспоминал ветеран КГБ Борис Григорьев, «на меня посыпались запросы, решение которых не входило в мои обязанности; мне ничего не говорили, но я беспокоился, потому что занимался поиском информации, которая означала войну». Похоже, советские лидеры действительно посчитали, что Соединенные Штаты приняли решение начать войну. На совещании с начальниками штабов армий стран Варшавского договора в сентябре 1982 г. в Минске маршал Огарков, который был первым заместителем министра обороны и начальником Генерального штаба, охарактеризовал недавние военно-морские учения США как «материальную подготовку к войне». Проводившиеся в тот период учения стран НАТО были, по его словам, «смертельно серьезными». Главнокомандующий ОВС стран Варшавского договора маршал Куликов сказал, что противник способен нанести неожиданный удар во всех частях Европы одновременно. Приход к власти председателя КГБ не изменил этих оценок. Безапелляционный коммунист, большой Андропов никогда не бывал в Соединенных Штатах. Он был убежден, что антисоветская риторика Рейгана свидетельствует о нарастающей угрозе его родине.

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ: РЕШИТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ «ИМПЕРИИ ЗЛА»

Опасения Андропова вскоре подтвердились. Восьмого марта 1983 г. президент Рейган объявил СССР «империей зла». Эта сдержанная речь на съезде евангелистов получила широкий резонанс в СМИ; для Советского Союза она явилась очередным воинственным заявлением, после которого советский маршал Огарков потребовал резко увеличить расходы на оборону. Менее чем через две недели, 23 марта, президент Рейган призвал научное сообщество США «обеспечить нас такими средствами, которые сделают ядерные

вооружения беспомощными и устаревшими». Он приказал разработать системы наземного и космического базирования, которые смогут защитить США от ядерных баллистических ракет. Стратегическая оборонная инициатива, СОИ, была воспринята в Москве как попытка создать брешь в стратегическом паритете, который привел к разрядке. Для СССР это был сигнал к началу новой гонки вооружений. Андропов публично обвинил США в «разработке новых планов развязывания ядерной войны в надежде выиграть ее». Маршал Огарков в беседе с американским журналистом признал, что ахиллесовой пятой Москвы является отставание в области военной электроники. «Современная военная мощь имеет в своей основе технологии, а технологии имеют в своей основе компьютеры. В США с компьютерами играют маленькие дети... Даже здесь, в министерстве обороны, компьютеры имеются не в каждом кабинете».

Занимавшийся в 1980-х годах аналитической работой Л.А. Вторьгин вспоминает, что, узнав о намерении создать щит против баллистических ракет в рамках СОИ, ГРУ сочло это невозможным. ГРУ пришло к выводу, что единственной целью СОИ является попытка вынудить Советский Союз принять какие-то контрмеры и еще больше истощить свои ресурсы.

Л.А. Вторьгин также согласен с заявлением российских авторов А. Колпакиди и Д. Прохорова о том, что выполненный ВВС США 10.06.1984 г. перехват над Тихим океаном спускаемого аппарата МБР «Минитмен» с помощью кинетического оружия был сфальсифицирован. «Это было сделано с целью заставить СССР потратить больше средств», — говорит Вторьгин. Советская разведка якобы обнаружила, что факт перехвата является дезинформацией. В район американских испытаний для наблюдения и сбора информации было направлено несколько советских кораблей. Они перехватили сигнал, переданный со спускаемого аппарата «Минитмен», который, послужив маяком, способствовал успешному перехвату спускаемого аппарата кинетическим оружием. Как говорит Вторьгин, «стало понятно, что испытания специально спланированы так, чтобы одурачить СССР. Мы доложили руководству. Но оно нам не верило».

И действительно, советское руководство воспринимало СОИ весьма серьезно и чувствовало себя обязанным отреагировать на нее.

22.10.1985 г. новый советский премьер и руководитель коммунистической партии М. Горбачев в своем секретном выступлении перед правительством Болгарии в Софии сказал, что основная проблема заключается в том, что американский промышленный комплекс намеревается установить абсолютное технологическое господство над остальным миром: «Идея СОИ шире. Ее целью является обеспечение постоянного технологического превосходства Соединенных Штатов не только над социалистическим сообществом, но и над американскими союзниками... Очевидно, они собираются поставить свой военно-промышленный комплекс... в такое положение, которое не сможет изменить никакая последующая администрация Соединенных Штатов. Если это произойдет, нам придется предпринять наши собственные военно-технологические усилия, хотя нам меньше всего хочется это делать».

С 1960-х годов Советский Союз стал строить специальные суда, предназначенные для слежения за космическими объектами, как национальными, так и иностранными, гражданскими и военными. Некоторые суда принадлежали Академии наук, хотя и могли использоваться в интересах военных. Другие суда, имевшие такие же возможности по слежению за космическими объектами, строились специально для военных целей и оснащались современным оборудованием радиотехнической разведки и гидролокатором; эти суда использовались в интересах как ВМФ, так и РВСН.

ГРУ заказало два специальных разведывательных корабля, имевших автономность плавания почти год, однако получило только один. Для противодействия американской угрозе Советский Союз построил корабль слежения за космическими объектами водоизмещением 35 000 тонн, с ЯЭУ, и максимальной скоростью хода 21 узел. Аппаратура слежения за телеметрической информацией и приемное оборудование этого корабля несколько отличались от аппаратуры и оборудования ранее построенных судов слежения за космосом. Получивший название «Урал» корабль был введен в боевой состав флота в 1988 г. Как и пара более ранних судов слежения за космосом класса «Маршал Неделин», «Урал» попал на Тихий океан, где США проводили свои эксперименты по «звездным войнам».

ПРОЩАЛЬНЫЙ: РЕВАНШ ОДУРАЧЕННЫХ

Есть свидетельства того, что американский план пустить под откос советскую экономику при помощи СОИ мог быть частично вдохновлен реакцией на информацию, полученную от советского перебежчика, бывшего офицера КГБ Владимира Ветрова, также известного как Прощальный. В начале 1980-х годов Ветров служил в московской штаб-квартире КГБ и выполнял там оценку разведывательной информации, собранной Управлением «Т», которое занималось западными технологиями. Разочаровавшись в советской системе и своем собственном будущем, Ветров, работавший ранее в Париже, добровольно, через своего французского знакомого, который однажды уже помог ему, предложил свои услуги французской контрразведывательной службе, ДСТ. Ветрову посчастливилось избежать слежки со стороны своих коллег. Сначала его самым рискованным образом курировал неопытный путешественник, которого сменил высокорослый сотрудник французского военного атташата, чьи габариты позволяли легко следить за ним на московских улицах. Незадачливый куратор все-таки сумел не попасть под наблюдение советских служб. Сообщалось, что с марта 1981 г. по февраль 1982 г. Ветров передал своему связнику более четырех тысяч секретных документов и предал огласке имена более двухсот офицеров КГБ, работавших по линии «Х» в городах Западной Европы под обычным дипломатическим прикрытием. Документы, похищенные Ветровым, представляли чрезвычайную ценность. В них содержался перечень текущих и будущих военных и военно-морских программ и соответствующих технологий, которые были получены или которые предстояло получить от конкретных западных компаний. В документах упоминались различные советские проекты и уточнялись детали похищения чертежей некоторых западных систем оружия, например, французского орудия морской артиллерии, что привело позднее к разработке аналогичного советского орудия. Документы демонстрировали зависимость советской индустрии от западных технологий и эффективность Военно-Технического Комитета как посредника между промышленностью и разведслужбами.

По словам Л.А. Вторыгина, этот технический Комитет помогал советской промышленности экономить значительные средства на исследованиях и разработках: «У нас были очень тесные отношения

с промышленностью; их требования были нашими требованиями; наша информация им предоставлялась; Военно-Технический Комитет собирал заявки от промышленности и передавал их разведывательным службам; эта система работала очень хорошо, и одной из ее главных задач была экономия средств».

Информация от Ветрова помогла только что избранному французскому президенту Миттеран, который был социалистом, завоевать у американцев доверие как их верного союзника. Это случилось на встрече в верхах в Оттаве в июле 1981 г., на которой президент Миттеран передал президенту Рейгану документы, полученные от агента Прощальный. Вот как вспоминает об этом бывший специальный помощник министра обороны США Г.У.

Вайс:

«С получением документов (досье Прощального, как окрестила их французская разведка), ЦРУ организовало мой доступ к ним. После прочтения этого материала мои самые страшные ночные кошмары стали явью. С 1970 г. линия «Х» добыла тысячи документов и образцов продукции, это такое количество, которое заставляет думать о том, что советские военный и гражданский секторы большей частью вели свои исследования, имея под рукой исследования Запада, в особенности, Соединенных Штатов. Наша наука работала на их национальную оборону. Мы понесли урон по РЛС, компьютерам, станкам и полупроводникам. Линия «Х» выполнила от двух третей до трех четвертей запросов — впечатляющий результат».

Вместо того чтобы арестовать или выслать из страны опознанных советских агентов, ЦРУ разработало коварный план в духе Макиавелли. Оно собиралось снабжать агентов

компонентами оборудования и полупроводников, которые те искали. Вспоминает бывший специальный помощник министра обороны США Г.У. Вайс:

«Я встретился с директором ЦРУ Уильямом Кейси во второй половине дня в январе 1982 г. Я предложил использовать материалы Прощального и подбрасывать или изготавливать продукты, которые ищет линия «Х», но они должны поступать из наших собственных источников и должны быть так «улучшены», чтобы по прибытии в Советский Союз выглядеть подлинными, а потом отказать в работе. Разведка США способна удовлетворить потребности линии «Х», о которых стало известно через Ветрова, но с нашим вариантом этих изделий. Тот обширный советский аппарат, который бросили на поиск этих изделий, вряд ли предполагал такой вариант... «Доработанные» компьютерные микросхемы нашли дорогу в советское военное оборудование, дефектные турбины были установлены на газопроводе, порочные планы сорвали производство на химических комбинатах и тракторном заводе. Пентагон подбросил уводящую в сторону информацию по самолетам-невидимкам, космической обороне и самолетам тактической авиации. Советский космический «челнок» являлся неудачным проектом НАСА, который был отвергнут. Когда Кейси рассказал президенту Рейгану об этом, тот пришел в восторг... Опять используя информацию, полученную от Прощального, Кейси отправил заместителя директора ЦРУ в Европу, чтобы ознакомить правительственные круги и разведслужбы стран НАТО с угрозой, которую представляет из себя линия «Х». Это привело к высылке или компрометации приблизительно 200 офицеров советской разведки и их источников и вызвало крах операций линии «Х» в Европе... Сердцевина советской сети по сбору данных о технологиях рассыпалась и не восстановилась. Этот смертельный удар как раз совпал с началом наращивания военной мощи, которое начал Рейган, его СОИ, и принятием на вооружение вооруженными силами США самолетов-невидимок».

Бывший министр ВВС США Томас Рид, служивший в то время в Совете национальной безопасности, объясняет, как ЦРУ воспользовалось моментом и снабдило советских агентов поддельным программным обеспечением, саботировав тем самым новый советский нефтепровод в Западную Европу и не дав Москве заработать так нужную ей твердую валюту: «Программное обеспечение трубопровода, которое контролировало насосы, турбины и задвижки, было запрограммировано через некоторое время пойти вразнос, что привело к сбросу скорости насосов и установочных регулировок задвижек, и создало давление гораздо большее, чем то, на которое были рассчитаны стыки и сварка швов... В результате получились самый монументальный неядерный взрыв и пожар, которые когда-либо наблюдали из космоса (летом 1982 г.)».

Ветров заплатил высшую цену за свое предательство. 22 февраля 1982 г. он попытался убить свою любовницу, которая хотела шантажировать его угрозой разоблачения, но по ошибке убил человека, который случайно вмешался в ссору. Ветров был приговорен к двенадцати годам за преступление, которое было совершено якобы на почве любви. Через год после этого президент Франции Миттеран выслал из страны сорок семь советских дипломатов в связи с разоблачением в стране сети КГБ, занимавшейся прослушиванием телефонов.

В 1997 г. российский журналист С. Костин заявил, что 23.03.1983 г. директор канцелярии французского МИДа показал советскому послу копии документа, переданного Прощальным, как свидетельство реальности шпионажа КГБ во Франции и оправдания высылки дипломатов. Имея описание документа, сделанное послом, КГБ не составило особого труда отыскать сам документ, проверить перечень рассылки и выйти на Ветрова. Предположив, что — против всех правил французская контрразведка поделилась с американцами данными о личности Прощального, Костин констатирует, что утечка могла произойти и по вине перебежчика из ЦРУ Э.Л. Ховарда, чей переход на сторону Советов вынудил директора ЦРУ уйти в отставку. Кем бы ни был источник разоблачения Прощального, Ветров был казнен в СССР 23.02.1985 г.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ РЕЙСЫ «КОРЕЙСКИХ АВИАЛИНИЙ»

Самый настораживающий эпизод новой «холодной войны» произошел в 1983 г., когда советский истребитель сбил пассажирский самолет корейской авиакомпании. Начало этой истории восходит к апрелю 1978 г.

Рейс № 902 южнокорейской авиакомпании «КАЛ» выполнялся по маршруту Париж — Анкоридж (Аляска) — Сеул. Самолет «Боинг-707» со 109 пассажирами вылетел из Парижа и взял курс на Анкоридж, где он должен был произвести дозаправку и продолжить полет далее на Сеул. В районе Северного полюса самолет неожиданно изменил курс на противоположный. Вместо Анкориджа он направился на юг, в сторону Мурманска и сосредоточения важнейших объектов советского Северного флота. Достигнув Кольского полуострова, самолет был перехвачен истребителем Су-15, который пилотировал капитан А. Босов. После того как попытка советского перехватчика войти в связь с нарушителем не удалась, А. Босов получил приказ сбить его. Советский летчик выпустил две ракеты, которые повредили левое крыло самолета и продырявили его корпус, что вынудило экипаж «Боинга» выполнить резкое снижение. Через сорок минут самолет произвел аварийную посадку на лед замерзшего озера Корпьярви, которое находилось в 250 милях к югу от Мурманска и всего в 20 милях от финской границы. Два пассажира самолета были убиты, остальные 107 человек были спасены советскими вертолетами. Через два дня пассажиров выпустили. На самолете не было инерционной навигационной системы, и, как заявили южнокорейские официальные лица, летчики в своих расчетах использовали обратный знак магнитного склонения. Кроме того, летчики не обратили внимание на положение солнца, которое почти на 180 градусов отличалось от требуемого. Авиационные специалисты мира пришли в ужас от ошибок такого масштаба.

Через пять лет и пять месяцев, в разгар новой «холодной войны», еще один южнокорейский авиалайнер сбил с курса. Рейс № 007 южнокорейской авиакомпании «КАЛ» начинался в Нью-Йорке, после чего самолет следовал в Анкоридж для дозаправки. 1 сентября 1983 г. в 13:00 по всемирному времени «Боинг-747» вылетел из Анкориджа курсом на Сеул; на его борту находились 240 пассажиров и 29 членов экипажа. Самолет летел значительно западнее запланированного маршрута, он пересек Камчатку и через Охотское море пошел в сторону Сахалина. РЛС советской системы ПВО более часа сопровождали самолет во время его полета над Камчаткой. Приказ на уничтожение нарушителя был отдан, когда он, завершая полет над Сахалином, намеревался вновь выйти из советского воздушного пространства. В 03:26 по токийскому времени истребитель Су-15, пилотируемый подполковником Г. Осиповичем, сбил южнокорейский лайнер; все 269 человек, находившиеся на его борту, погибли. Президент Рейган немедленно отреагировал, назвав произошедшее «варварским поступком, порожденным обществом, которое сознательно игнорирует права личности и ценность человеческой жизни и постоянно стремится к экспансии и господству над другими странами».

Через шесть дней Москва подтвердила уничтожение южнокорейского самолета, еще через три дня прошла пресс-конференция, на которой маршал Огарков, бывший тогда начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны, обвинил США и Японию в использовании пассажирского самолета для организации разведывательной операции: «Имеются неопровержимые доказательства того, что вторжение самолета «Корейских авиалиний» было умышленной и тщательно спланированной разведывательной операцией, которой руководили определенные центры на территории Соединенных Штатов и Японии. Гражданский самолет был выбран сознательно, игнорируя или, возможно, учитывая потери человеческих жизней».

Эти публичные высказывания отражали сильные подозрения внутри Политбюро относительно намерений Запада. Историк ЦРУ Б. Фишер приводит секретное письмо, датированное декабрем 1983 г., написанное министром обороны и председателем КГБ после анализа информации, зарегистрированной в «черных ящиках» сбитого «Боинга-747». Это письмо было опубликовано президентом России Б. Ельциным в 1992 г.:

«Оценка фактических материалов, полученных в результате анализа записей бортовых самописцев, и позиция американской администрации, занятая после уничтожения самолета, подтверждают тот факт, что мы столкнулись с тщательно спланированной крупномасштабной политической провокацией, организованной разведывательным

сообществом Соединенных Штатов и имевшей двойную цель. Во-первых, вторжение самолета в воздушное пространство СССР создавало условия, благоприятные для сбора информации о наших объектах ПВО на Дальнем Востоке с помощью различных средств, включая разведывательный спутник «Феррет». Если бы нарушитель безнаказанно пересек советское воздушное пространство, это, возможно, послужило бы для американцев поводом начать кампанию обличения неэффективности нашей ПВО на Дальнем Востоке. Во-вторых, в случае воспрепятствования полета советскими средствами, в готовности к запуску находилась глобальная антисоветская кампания по осуждению Советского Союза.

Л.А. Вторьгин вспоминает, что у него не было сомнений относительно цели второго нарушения советского воздушного пространства корейским гражданским самолетом: «Полет корейского авиалайнера в воздушном пространстве СССР имел целью активировать советские средства ПВО и собрать разведывательную информацию по этим средствам. Самолет пролетел над Камчаткой, и вроде бы ничего не случилось. Советское верховное командование не могло сразу взять ответственность за отдание приказа на уничтожение самолета. Потом Москва приняла решение сбить самолет. Мы не хотели выглядеть опозоренными (после предыдущих нарушений воздушного пространства) перед советскими людьми из-за неспособности защитить наше небо. Я почувствовал некоторую удовлетворенность, когда мы это сделали».

Фактически советская военная машина находилась тогда в большом напряжении. Учения ВМС США, проведенные весной 1983 г. недалеко от Камчатки, привели к повышению степени боевой готовности советских сил в Тихоокеанско-Дальневосточном регионе. Москва официально протестовала нарушение своего воздушного пространства американскими самолетами, которые якобы несколько раз вторгались в советское воздушное пространство на глубину примерно 20 миль. Как указывает Фишер, «советская ПВО находилась в повышенной готовности весь оставшийся период весны и все лето, может быть, даже дольше, а некоторые старшие офицеры были переведены к новому месту службы, получили взыскания или были уволены».

ПРОПАВШИЕ ТЕЛА И ГИГАНТСКИЕ КРАБЫ

Сбитый самолет еще не был найден. Южная Корея попросила США и Японию быть ее представителями в операциях по поиску и подъему самолета, и уполномочила их противодействовать любой попытке подъема самолета в международных водах. Совместная американско-японская экспедиция из шести исследовательских судов, защиту которой обеспечивала «Ударная группа 71» в составе крейсера, двух эсминцев, пяти фрегатов и двух вспомогательных судов, безуспешно вела поиски в районе к северу и северо-западу от острова Монерон. Советские корабли сосредоточили свои усилия на поиске в советских территориальных водах.

Спасательную операцию с советской стороны, в которой участвовали как военные, так и гражданские средства, возглавлял адмирал В.В. Сидоров, командующий советским Тихоокеанским флотом. Сначала в район поисков прибыли военные водолазы, после 15 сентября к ним присоединились гражданские водолазы, прибывшие из Севастополя. В своем докладе командир американской ударной группы описал действия советской стороны:

«В течение шести дней с момента падения самолета южнокорейской авиакомпании, Советский Союз направил в район общих поисков шесть кораблей. За восемь последующих недель наблюдения со стороны американских военных кораблей в районе поиска и спасения это число возросло до приблизительно 19 советских военных, относящихся к военным, и коммерческих (но, безусловно, подчиненных военным) кораблей. Количество советских кораблей в районе поиска и спасения в этот период варьировалось ежедневно от минимум шести до максимум тридцати двух; в этот период в операции участвовали не менее сорока восьми различных кораблей не менее сорока различных классов».

После этих событий, приведших к гибели южнокорейского самолета, Россия отчаянно старалась улучшить свой имидж на международной арене. 16.10.1992 г. российская газета «Известия» напечатала пять секретных документов, относящихся к происшествию с корейским «Боингом-747». Ранее совершенно секретные, они были опубликованы по указанию президента Б. Ельцина. Эти документы свидетельствуют, что советские перехватчики не пытались войти в контакт с южнокорейским самолетом и не делали предупредительных выстрелов; в документах говорится, что СССР, обнаружив останки самолета примерно в 5 милях от советских территориальных вод на глубине 180 метров, в полной секретности поднял «черные ящики» самолета. В документах также говорится об «Имитации поиска в Японском море», целью которого было направить усилия США и Японии по определению местонахождения останков самолета по ложному следу. В этой связи на начальной стадии поисков, когда СССР еще не знал точного местонахождения останков самолета, советские корабли создавали трудности для американских кораблей. В 1991 г. исследовательская группа Республиканской партии в Комитете конгресса США по иностранным делам дала такое описание подобных нарушений:

«Советские военные корабли и вспомогательные суда совершили много серьезных нарушений соглашения 1972 г. «О предотвращении инцидентов на море»... таких, как преднамеренная попытка таранить некоторые корабли США и их союзников, подача ложных сигналов флажками и ложных световых сигналов, захват целей радарными советских систем оружия... отправка вооруженной высадочной группы с угрозой высадки на японское вспомогательное судно, арендованное США. Русские провели учения к северо-востоку от острова Монерон с реальными стрельбами корабельной артиллерии; они направили бомбардировщики «Бэкфайр», вооруженные ядерными ракетами «воздух—поверхность», с целью запугивания поисковой группы ВМС США... перемещали маркеры американских гидролокаторов... манипулировали поисковыми усилиями ВМС США, вынуждая их вести поиск фальшивых датчиков на дне моря в международных водах с очень большими глубинами».

В своей книге «Спасение № 007: нерассказанная история о рейсе «КАЛ» № 007 и уцелевших в этом рейсе» писатель Б. Шлосберг утверждает, что большая часть членов экипажа и пассажиров должна была остаться в живых после падения самолета. В пользу этого предположения говорит то, что ни тела пассажиров, ни их багаж не были обнаружены ни в останках самолета, ни рядом с ними. Он предполагает, что самолет мог совершить аварийную посадку на воду, а советские пограничники могли спасти оставшихся в живых пассажиров и подобрать оказавшиеся на плаву чемоданы. Это мнение более чем сверхординарное, поскольку трудно поверить в то, что советские власти предпочли держать пассажиров рейса № 007 в пленниках, а пятью годами ранее в аналогичном случае с южнокорейским самолетом отпустили пассажиров рейса № 092. Еще более невероятным кажется то, что подобный секрет мог сохраниться в тайне после развала Советского Союза. Советские комментаторы сначала предположили, что на борту «КАЛ» № 007 вообще не было пассажиров — точка зрения, которой до сих пор придерживается контр-адмирал И. Иванов, бывший сотрудник контрразведки. В таком случае что могло случиться с самыми натуральными людьми, которые поднялись на борт самолета?

Л.А. Вторьгин считает, что миф о пустом самолете разошелся по Советскому Союзу для успокоения общественности, напуганной убийством невинных людей. Второе объяснение, что тела превратились в порошок, было сразу же отвергнуто специалистами по авариям. Тот факт, что тела находились под водой почти пятьдесят дней, прежде чем останки самолета были обнаружены, может свидетельствовать в пользу третьей теории: они были съедены гигантскими крабами и акулами. Капитан 1-го ранга О. Малов, бывший водолаз ВМФ, участвовавший в этой операции, говорит, что видел части человеческих тел среди обломков самолета, все они были в состоянии сильного разложения.

Б. Шлосберг возражает против того мнения, что должно было быть найдено большое количество скелетов и костей. Корреспонденты газеты «Известия» Шальнев и Иллеш беседовали с Михаилом Игоревичем, капитаном советского подводного аппарата «Тинро-2», который предложил четвертое объяснение: большинство пассажиров могли быть вытянуты из самолета наружу в результате декомпрессии и лишиться одежды в воздухе; в

этом случае их тела рассредоточены в более обширном районе. Возможно, комбинация третьего и четвертого объяснений более всего соответствует истине.

ВЕРДИКТ «ЧЕРНЫХ ЯЩИКОВ»

Вскоре после того как самолет был сбит, группа экспертов, представляющих Министерство обороны, КГБ и Министерство авиационной промышленности начала работу с «черными ящиками», которые в конце октября в обстановке секретности были подняты и доставлены в НИИ ВВС в Москве. В своем первом письме па имя Ю.В. Андропова тогдашний министр обороны маршал Д. Устинов и председатель КГБ В. Чебриков отмечали, что секретность в отношении факта подъема «черных ящиков» соблюдена: «В настоящее время у нас нет данных о том, что какая-либо информация о подъеме указанного оборудования и его доставке в Москву стала доступной разведывательному сообществу США и Японии». Этот документ, предназначенный для внутреннего использования, был обнародован в 1992 г. по распоряжению Б. Ельцина; документ демонстрирует абсолютную уверенность советских экспертов в том, что вторжение авиалайнера было умышленным. 28.11.1983 г. эксперты представили свой анализ «черных ящиков» Ю.В. Андропову. В их докладе подчеркивалось, что экипаж не пытался взять на себя управление самолетом для того, чтобы скорректировать траекторию полета, «несмотря на то, что имелась вся необходимая приборная информация, показывающая значительное отклонение от международной трассы». Более того, экипаж использовал текущие данные от инерциальной навигационной системы (ИНС) для «представления фальшивой информации пунктам управления воздушным движением относительно положения самолета на международной воздушной трассе». В анализе подчеркивалось, что «ни единичная ошибка, ни комбинация ошибок в программировании траектории полета экипажем не могли привести к подобному полету, поскольку постоянный магнитный курс контролируется ИНС». В заключение анализа говорится: «есть основания полагать, что южнокорейский самолет следовал по заранее проложенному маршруту и его экипаж знал действительное местоположение в течение всего времени полета».

В декабрьском письме советскому руководителю Д. Устинов и В. Чебриков также подчеркнули, что «ИНС не была подключена к автопилоту и использовалась только для получения информации о местоположении самолета на международной трассе в любое время в течение всего полета». Устинов и Чебриков пишут в заключение: «Принимая во внимание... высокие профессиональные навыки летного экипажа и высокую надежность навигационного оборудования самолета, следует считать как несомненно установленный факт, что вторжение южнокорейского самолета в воздушное пространство СССР было намеренным». Однако, следуя рекомендациям специалистов, министр обороны и председатель КГБ предложили не передавать бортовые самописцы в международную организацию гражданской авиации (ИКАО), поскольку информация может быть неправильно понята и использована в «кампании антисоветской истерии».

«УМЕЛЫЙ СТРЕЛОК-83» — ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Для советского руководства инцидент с рейсом «КАЛ» № 007 был хладнокровно спланированным американским заговором, целью которого было подвергнуть Советский Союз остракизму на международной арене. Последующая антисоветская пропаганда в ООН и других международных организациях подтвердила это. Фишер приводит высказывание Андропова, сделанное им 29.09.1983 г., относительно американско-советских отношений: «Если кто-то и питал иллюзии относительно возможности эволюции к лучшему в политике действующей американской администрации, то недавние события их полностью развеяли».

За четыре недели США положили конец кубинскому господству на Гренаде, крохотном островке в Карибском море, который был к тому же и членом британского Содружества наций. Через неделю, 02.11.1983 г., НАТО начало плановые десятидневные командно-штабные учения под кодовым наименованием «Able Archer-83» («Умелый стрелок-83»). Особенностью плана учений было условное осложнение обстановки с условным введением боевой готовности № 1 — высшей степени боевой готовности и условное нанесение ядерного удара. Бывший резидент КГБ в Лондоне О. Гордиевский писал, что Москва ошибочно приняла учения «Умелый стрелок-83» за уловку, призванную скрыть подготовку к реальному ядерному удару. Ночью 8 ноября КГБ неправильно информировал свои резидентуры о том, что американские войска в Европе отобилированы, что может означать начало обратного отсчета времени для неожиданного ядерного удара. От резидентур КГБ потребовали дать немедленное подтверждение этой информации.

В ту ночь у П. Хухтхаузена, бывшего тогда военно-морским атташе США в Белграде, состоялся неожиданный телефонный разговор с его соседом, советским военным атташе полковником Владимиром Жуком. Хотя Жук проживал менее чем в 1000 метров от резиденции военно-морского атташе США, Хухтхаузен редко виделся с советским атташе. После ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. большинству западных атташе запретили общаться с их советскими коллегами. Но поздний телефонный звонок был на самом деле чем-то неслыханным. Жук был озабочен, он спросил, не может ли Хухтхаузен зайти к нему, чтобы поговорить. Поскольку американского военного атташе, начальника Хухтхаузена, на тот момент в городе не было, он согласился зайти к Жуку. Когда Хухтхаузен пришел, его провели в казенно обставленную комнату с темно-красными портьерами, закрывавшими стены, и неприветливым Лениным на портрете. «Известно ли вам что-нибудь о военных приготовлениях НАТО к нападению на СССР?» — задавший этот вопрос советский полковник говорил на прекрасном сербо-хорватском. Захваченный врасплох Хухтхаузен немного подумал, потом сказал: «Полковник Жук, если бы НАТО собиралось неожиданно напасть на вашу страну, то меня здесь, в Белграде, они бы наверняка информировать не стали. Я о таких планах не знаю». Жук потом достал бутылку водки, и они подняли тост за дружбу.

Имевший место ранее всплеск активности секретных каналов связи между Вашингтоном и Лондоном, который на самом деле относился к американскому вторжению на Гренаду, вроде бы подтверждал опасения Москвы. В качестве ответной меры Советский Союз привел в повышенную готовность свои ядерные силы и установил высшую степень готовности для самолетов-носителей ядерного оружия, и, возможно, для других стратегических сил. Москва, получившая информацию от своих агентов, отменила высшую степень боевой готовности после окончания учений НАТО 11 ноября. Историк Войтех Маєтны считает, что в критический момент восточногерманская разведка убедила Москву. Сообщалось, что президент Рейган был очень удивлен, когда ему рассказали о советских страхах. Узнав об операции «РЯН», он заявил своему советнику Р. Макферлейну: «Не понимаю, как они могли в это поверить, но это что-то такое, над чем стоит задуматься». В то же время американская разведка посчитала предупреждения Гордиевского за пропаганду. Годом позже, в мае 1984 г., в отчете ЦРУ было сказано, что «советские руководители не осознавали подлинной опасности неминуемого конфликта».

Вице-адмирал Ю. Квятковский, последний начальник разведки советского ВМФ, не помнит напряженной обстановки в ноябре 1983 г. Историк Б. Фишер считает, что «Умелый стрелок-83» подвиг президента Рейгана на изменение политики в отношении Советского Союза и поиск путей сближения с Москвой. Рейган в своих мемуарах признается, что он был удивлен, когда неожиданно осознал, что «столько человек в высшем эшелоне советской иерархии действительно боятся Америки и американцев».

ПЛАНИРУЯ НЕМЫСЛИМОЕ

9 и 10 ноября 1983 г. советского «упреждающего» ядерного удара, «дитяти» неверных расчетов, удалось избежать. Президент Рейган даже думать не хотел о ядерной войне. В своих мемуарах он выразил сильные сомнения по поводу возможности рациональных действий в такой обстановке. «У нас было много различных планов действий на случай ядерного нападения. Но все могло случиться так быстро, что мне непонятно, о каком планировании или каких обстоятельствах можно было бы говорить в такой ситуации... Шесть минут, чтобы отреагировать на отметку цели на экране РЛС и решить, стоит ли начинать Армагеддон? О каких обстоятельствах говорить в такое время?»

Тем не менее в 1970-х и 1980-х годах в военных планах говорилось об обычной войне с «ограниченными» ядерными ударами. Появление оружия, подобного крылатым ракетам «Томагавк», способных уничтожать выбранные цели обычными боеприпасами, изменило также и представление об угрозе. Подобное оружие, скорее всего, позволило бы США достичь победы над Советским Союзом, не прибегая к ядерным средствам.

В начале 1980-х годов новая «морская стратегия» Рейгана увеличила нагрузку на советское руководство. Советский ВМФ возобновил сотрудничество с советскими ВВС по наблюдению за военно-морскими силами НАТО и США в прибрежных районах, где применение ракет залпами могло оказаться неэффективным из-за рельефа местности. Опять же с его упором на ракеты, флот Горшкова был по определению флотом первого удара, полностью зависимым от разведки и критической оценки намерений «вероятного противника». Л.А. Вторьгин «морскую стратегию» администрации Рейгана как нечто действительно новое не воспринимал:

«Я не видел большой разницы между американской стратегией 1970-х годов и их стратегией 1980-х годов. Я считал, что публичные заявления являются просто ширмой. Главной задачей американских ВМС было не дать советскому ВМФ возможности играть активную роль на войне. На Тихом океане американцы в первую очередь уничтожили бы наши базы подводных лодок; потом уничтожили все наши командные пункты и центры связи, лишая советские морские силы средств связи, в результате чего они стали бы неспособными противодействовать американским силам; в-третьих, они уничтожили бы инфраструктуру экономики. Нашей целью было сделать все, что возможно, для ограничения способностей американцев уничтожить нашу оборону. Мы не планировали нападать на Японию или какие-то другие объекты США в Тихом океане; наша стратегическая авиация должна была просто «позаботиться» относительно их центров связи; это было основной задачей советских сил. Нам не хватало сил, чтобы воевать с американскими ВМС на обширных просторах Тихого океана; мы уделяли основное внимание тому, как защитить свои военно-морские базы; не в пассивной форме, а в какой-то активной форме. По всей Атлантике мы были более активны, особенно в северной Атлантике и в Средиземном море; в центральной Атлантике мы могли использовать только подводные лодки для нарушения американских коммуникаций и для слежения и уничтожения авианосных боевых групп при их выходе в районы, в которых они могли применить свои палубные самолеты».

Адмирал И. Капиталец, командующий советским Северным флотом, подробнее объяснил значение северо-атлантического театра:

«Северная Атлантика может использоваться нашими морскими противниками для нападения на основные военные и гражданские центры социалистических стран и для поддержки своих войск. На этом театре США и их союзники по НАТО были готовы сконцентрировать свои основные силы для достижения превосходства на море... Они могли развернуть боевые силы флота в составе 4 авианосцев, 10—12 многоцелевых атомных подводных лодок и 10—12 стратегических атомных подводных лодок из состава ВМС США, Великобритании и Франции, а также противолодочные и десантные экспедиционные силы... Боевые действия в северо-восточной Атлантике имели бы самый ожесточенный характер... Стратегические морские силы НАТО, включая группы подводных лодок, вооруженных ракетами «Томагавк»... считались главной угрозой этому району».

Историк «холодной войны» Войтек Маєтны проделал новаторскую работу, исследовав военные планы Варшавского договора относительно войны в Европе. В своей работе он использовал рассекреченные материалы из архивов стран — бывших членов Варшавского договора: Польни, бывшей ГДР, Венгрии, бывшей Чехословакии, Румынии и Болгарии.

Военные планы Варшавского договора были «после 1975 г. наступательными», — вспоминает ветеран «холодной войны» — офицер польского флота, который служил в штабах Варшавского договора. Но, добавляет он, сам адмирал Горшков не верил, что они когда-нибудь будут использованы. Военные планы как Варшавского договора, так и западных стран предполагали, что первый удар наносит противная сторона, этот удар отражается с последующим переходом в контрнаступление. Л.А. Вторьгин поясняет, почему Советскому Союзу требовалось оккупировать Западную Европу в максимально короткое время и какую роль в этом должен был сыграть советский ВМФ: «Европа — основной путь для нападения на Россию, вспомните Наполеона и Гитлера. Советский Союз недосыгаем с севера; Дальний Восток чересчур далек; Европа являлась основным путем; с хорошей инфраструктурой для переброски войск; с хорошими железными и автомобильными дорогами; с населением, подготовленным к встрече американцев и симпатизировавшим им; у американцев была бы поддержка с тыла. В Европе у американцев уже были накоплены гигантские запасы. Все было на своем месте — оружие, боеприпасы, запасные части, все было хорошо спланировано. Чтобы применить это оружие, американцам требовались люди, которых они собирались быстро перебросить в Европу морским путем. Когда вы задумаетесь над нашими мотивами, то поймете, что для СССР главной задачей было немедленно захватить Европу, не давая американским войскам возможности высадиться на европейском континенте. Наши воздушно-десантные дивизии быстро проходят Норвегию, Францию, Испанию, Португалию и завоевывают их, не давая американцам возможности для отправки подкреплений. Советский ВМФ в это время противодействует морским силам НАТО; его можно использовать только для ударов с флангов для поддержки флангов наших сухопутных армий. Подводные лодки будут использованы для срыва американских морских перевозок. Европа будет главным театром будущей войны, и, извините, достанется Франции, потому что французская территория выгодно расположена и хорошо подготовлена для встречи американских войск». Архивные материалы Польши и Болгарии говорят о том, что на эти страны возлагались важные обязанности по нападению на Датские и Черноморские проливы и их захвату. И в Польше, и в Болгарии имелись значительные десантные силы, и они могли взять проливы под свой контроль. Что касается Польши, то, начиная с 1960-х годов, ядерное оружие могло быть применено для поддержки наступления и как средство убедить население и вооруженные силы Дании прекратить борьбу после нанесения ядерных ударов по Эсбьергу и Роскильде (о. Зееланд). Как пишет доктор Г.Х. Турбивилль (младший), бывший директор зарубежных военных исследований в Форт Ливенуорт, Советский Союз также отслеживал состояние ключевых элементов инфраструктуры на континентальной части США, имея в виду возможную подготовку и отправку американских сил в Европу: «Сотрудники советской разведки... годами тщательно изучали и систематизировали газеты, журналы и другую печатную продукцию США и их союзников, с целью выявления и оценки состояния ключевых объектов обеспечения боевых действий, которыми располагали США для мобилизации и развертывания своих войск и ведения войны».

«АТРИНА»

Возможно, последним критическим событием в психологической конфронтации явилась операция «Атрина» — попытка советского ВМФ обмануть американскую систему слежения за подводной обстановкой. Адмирал Г.Г. Костев дал такое описание операции, которая продолжалась три месяца: «После 1984 г. началась эра Чернавина. Самым значительным событием тех лет явилась операция «Атрина». Она знаменовала собой начало конца советского ВМФ. Северный флот подготовил пять многоцелевых атомных подводных лодок. Они должны были уйти в Западное полушарие, в район Бермудского треугольника. Секретность сохранялась до самого последнего момента. Даже командиры лодок ничего не знали вплоть до дня своего убийства. Адмирал Чернавин называл операцию «подводной завесой». Помимо лодок, в

операции принимали участие два судна типа «Колгуев» с гибкими антеннами и дивизия авиации ВМФ. Координацию действий всех сил осуществлял адмирал Капитанец. В марте 1987 г. из Западной Лицы ушла первая лодка. После этого еще четыре лодки одна за другой покинули свои базы. Вскоре они образовали подобие завесы, двигающейся на Запад. Позднее Чернавин напомнил участникам операции, что ее целью является оценка ситуации в Атлантическом океане, т.е. то, что трудно достигнуть, используя обычные средства разведки. В ходе операции советские подводные лодки имели несколько контактов с американскими и английскими подводными лодками. Вероятно, они также обнаружили наши атомоходы. Американское правительство забеспокоилось. Морские силы США начали охоту за советскими подводными лодками. Однако их попытки оказались безуспешными. Пять лодок вышли к побережью США. Американцы приняли наши многоцелевые лодки за ракетные лодки. Этот факт усугубил ситуацию. По мнению Чернавина, по этой причине американцы бросили на поиск лодок дополнительно три эскадрильи самолетов базовой патрульной авиации и три разведывательных судна с кораблями эскорта. Были также развернуты шесть американских атомных ударных подводных лодок».

«Атрина» продолжалась три месяца. По свидетельству Костева, американские усилия найти участников операции (три ПЛ «Проекта 671РТМ» К-299, К-234, К-502 (по классификации НАТО — класс «Виктор-III») и две ПЛ «Проект 671Р/РТ» К-147, К-488 (по классификации НАТО — «Виктор-1/П») были напрасными. Советские подводные лодки умело использовали эффект слоя температурного скачка воды и прятались в нем. Оценивая итоги операции, командование советского ВМФ пришло к выводу, что ВМС США не располагают достаточными силами, чтобы противостоять широкомасштабным операциям советских подводных лодок в Атлантике и на Тихом океане. С другой стороны, американцы твердо уверены в том, что они никогда не теряли контакта с советскими подводными лодками, просто им пришлось развернуть большее количество средств слежения.

Глава 14

ШВЕДСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ВОДЫ, 1980-1990 гг.

В последнее десятилетие «холодной войны» напряженность в отношениях между Западом и Советским Союзом еще больше усилилась из-за серии тревожных сообщений о неопознанных вторжениях в территориальные воды нейтральной Швеции. Годами эти инциденты оставались неразъясненными, но теперь появились новые подробности об их участниках.

Как всегда, подозревали в первую очередь Советский Союз. СССР традиционно являлся основной «головной болью» для шведской безопасности, и, начиная с первых дней «холодной войны», Стокгольм, несмотря на провозглашенный суверенитет Швеции, был негласным партнером Атлантического альянса. Как безопасное пристанище, шведские воды могли быть использованы обеими сторонами, а территория страны могла послужить для Красной Армии проходом для нападения на Норвегию, которая являлась членом НАТО. Охрана тысяч островов, островков и скал, которые представляют собой береговую линию Швеции, имеющимися у страны скромными силами ВМС, береговой охраны и полиции, почти невозможна. Кроме того, на большинстве островов никто не живет. Вторжения продолжались почти десять лет, начиная с 1980 года, с отдельными попытками вторжения в 1992 г. и 1993 г. Правительство Швеции учреждало три комиссии (в 1983 г., 1995 г. и 2001 г.) для оценки и переоценки этой проблемы.

ПОЙМАНЫ НА МЕСТЕ

В 1980 г. ВМС Швеции посчитали, основываясь на данных акустической разведки, что они обнаружили в своих водах ударные дизель-электрические лодки советской постройки «Проект 613» (по классификации НАТО — класс «Виски»), принадлежавшие флотам Советского Союза и Польши. В течение нескольких недель марта того же года шведские ВМС еще охотились и за якобы другими двумя неопознанными подводными лодками, действовавшими во внутренних территориальных водах страны вблизи военно-морских баз Карлскруна и Мускё. После долгих размышлений, отчаянных заламываний рук и фальшивых акустических контактов, советский ВМФ был пойман на месте, однако это случилось только через год.

Подводная лодка С-363 (класс «Виски») с тактическим номером 137 на рубке была обнаружена шведским рыбаком севшей на скалу примерно в миле юго-восточнее основной шведской ВМБ Карлскруна. Телеграфное агентство «ЮПИ» сообщило, что командир подводной лодки причиной своего затруднительного положения назвал «неисправную РЛС и плохую погоду». Шведское правительство, однако, быстро отвергло это объяснение как неприемлемое. Морские специалисты заявили, что такое глубокое проникновение в шведские воды требует точной навигации, и потребовали разъяснений.

30 октября премьер-министр страны Т. Фёльддин приказал вооруженным силам страны держать этот район свободным от посторонних судов и, поскольку на подходе была спасательная группа советского ВМФ, остановить односторонние попытки СССР по освобождению лодки. Шведские силы, состоявшие из трех торпедных катеров класса «Спика», заставили лечь на обратный курс советский буксир-спасатель, который уже находился в 12-мильной зоне шведских территориальных вод. Тем временем на огневой позиции береговой артиллерии, которая находилась поблизости, приборы управления огнем произвели захват целей и навели артиллерийские установки калибра 120-мм и 77-мм на два советских эсминца, которые сопровождали буксир. Советские корабли, которыми командовал вице-адмирал Калинин, быстро ретировались.

Вечером 30 октября советский посол в Швеции посетил МИД страны и выразил сожаление Москвы по поводу инцидента. Обе стороны согласились относительно того, что командир подводной лодки капитан 3-го ранга Петр Гущин будет опрошен на борту шведского торпедного катера в присутствии двух советских дипломатов, а представители шведских ВМС получат возможность ознакомиться со штурманским бортовым журналом. Контр-адмирал Э. Свеннсон и кэптен Э. Соннерстедт (оба из ВМС Швеции) говорят, что экипажу лодки предоставили четыре дня для «корректировки» журнала и составления правдоподобной истории о случившемся. Потом, 5 ноября, после продолжительной беседы с командиром лодки, Швеция согласилась отпустить лодку, когда позволят погодные условия.

Тем временем Институт военных исследований Швеции произвел серию замеров уровней радиации окружающей среды; измерения выполнялись с борта судна береговой охраны Швеции, пришвартованного рядом с советской подводной лодкой. Сообщалось, что было обнаружено присутствие двадцати двух фунтов (около 10 килограммов) урана-238, что свидетельствовало о наличии на борту советской подводной лодки торпед с ядерной боевой частью. Это было плохим знаком, поскольку Швеция, СССР, Финляндия, Норвегия и Дания являлись участниками договора о безъядерном статусе Скандинавии. В конце концов через неделю лодку освободили, и она присоединилась к советским кораблям, поджидавшим ее поблизости. Министр иностранных дел Швеции заявил, что, насколько это касается Швеции, инцидент закрыт и «протестов больше не будет». Москва отвергла предположение Швеции относительно того, что подводная лодка могла быть вооружена торпедами с ядерной боевой частью, а американское правительство, в свою очередь, выпустило заявление, в котором говорилось, что боевые корабли советского ВМФ обычно имеют на борту ядерное оружие.

СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ

В воспоминаниях о своей морской службе капитан 1-го ранга в отставке Сергей Апрелев излагает «русский взгляд» на происшествие с подводной лодкой С-363, основанный, частично, на его предположениях и догадках. Апрелев, сам подводник, заслуживает того, чтобы познакомить читателя с тем, что он назвал началом «перископного синдрома»: «В тот вечер на лодке С-363 (тактический номер 137) ничего не предвещало каких-то событий. Очередной день патрулирования; еще полторы недели до возвращения на базу. Район, в котором лодка действовала в подводном положении, находился в центре Балтийского моря. Монотонность плавания время от времени нарушалась шумом больших паромов да рыбацкими суденышками, сновавшими вдоль берега. Лодка едва не запуталась в трале. Через какое-то время им удалось освободиться, не получив серьезных повреждений, если не считать погнутой антенны гониометра, которая была нужна штурману для снятия акустических пеленгов. Это было началом серии ошибок, которые привели их к злключениям. Начнем со штурмана: это был молодой, но уже опытный лейтенант, которому командир лодки, сам по образованию специалист по торпедному оружию, полностью доверял. Как бы там ни было, святой долг командира проверять штурмана, который на данном типе дизель-электрических лодок работает в одиночку... Другим фактором, усложнявшим ситуацию, было присутствие на борту лодки старшего начальника, которым был командующий флотилии... Статистика свидетельствует: когда на борту два начальника, происшествия случаются чаще...

Командующий флотилии имел репутацию умного человека... Он был опытным мореплавателем и все же доверял командиру подводной лодки... А у командира подводной лодки было два варианта: доверять своему штурману или постоянно стоять у него за спиной. Скорее всего, командир, чтобы дать возможность штурману поверить в себя, выбрал первый вариант. Но штурман, Борис Коростов, не любил работать с секстантом... Он предпочитал пользоваться радионавигационной системой «Декка», которая покрывала Балтийское море...

Чтобы не ошибиться в секторах патрулирования, Коростов брал пеленги с уже погнутой антенной гониометра. Он стал сомневаться относительно истинного положения подводной лодки. Коростов думал, что на скорости три узла они не могли далеко уйти. Молодой штурман решил, что, поскольку лодка вскоре должна была всплыть для подзарядки аккумуляторов, то он тогда и уточнит местоположение. Штурман не поделился с командиром своими сомнениями относительно истинного положения лодки, когда лодка всплыла, Коростов решил, что течением лодку немного снесло с курса. Тем временем капитан приказал лечь на курс 030 градусов истинного пеленга, полагая, что лодка находится там, где доложил штурман, то есть в центральной части Балтийского моря. Вахтенный офицер также был уверен в местоположении лодки, о котором доложил штурман. Вахтенный офицер и дозорные были заняты своей основной задачей, которая заключалась в своевременном обнаружении «вероятного противника» и отдалении команды на погружение...

Когда замполит лодки В. Беседин сменил вахтенного офицера, ситуация казалась нормальной: темно и холодно, как и должно быть в восемь вечера в октябре... Замполит умело маневрировал среди небольших камней, которые он из-за плохой видимости принял за нефтяные пятна. Если бы не его мастерство, то лодка бы села на грунт гораздо раньше... К сожалению, лодка напоролась на рифы... Скалистый риф пропорол внешний корпус лодки, похоронив всякую надежду сняться с рифа своими собственными силами... Первым делом надо было доложить в штаб Балтийского флота, что и было немедленно сделано». Апрелев далее пишет, что на рассвете к севшей на скалу лодке подошел шведский буксир, на борту которого находился кэптен К. Андерсон, начальник штаба ВМБ Карлскруна. Апрелев утверждает, что Андерсон якобы принял советские объяснения и в последующем вежливо обошелся с экипажем.

Отвечая на это печатное свидетельство Апрелева, контр-адмирал Свеннсон указывает, что в тот момент шведские офицеры не обнаружили никаких повреждений на антенне гониометра лодки и «не могли согласиться с советскими заявлениями о том, что те приняли скалы за нефтяные пятна». В своих мемуарах Апрельев пишет, что лодка села на скалы, находясь в надводном положении. ВМС Швеции оспорили это заявление, потому что их береговая РЛС не обнаружила лодку, к тому же на лодке должны были заметить 20-метровый маяк, который, как утверждали русские, они приняли за рыбацкое судно. Министерство обороны Швеции заявило, что в это время в районе Карлсруна проходили испытания секретной торпеды. Это, посчитали шведы, и явилось истинной причиной присутствия там советской подводной лодки.

НАВИГАЦИОННАЯ ОШИБКА?

Правительство Швеции трижды меняло свою оценку инцидента с советской подводной лодкой класса «Виски». Шведские ВМС в 1985 г. заявили, что записи в вахтенном журнале советской лодки и показания гирокомпаса за последние двадцать минут пути лодки были скорректированы, и что шведские офицеры, осматривавшие радио- и навигационное оборудование лодки, нашли его исправным. ВМС заявили также, что ими был перехвачен радиообмен между советской подводной лодкой и командиром советских спасателей, в ходе которого командир спасателей приказал лодке говорить шведам, что на лодке произошла навигационная ошибка.

Десять лет спустя шведская Комиссия по подводным лодкам повторила прежнее утверждение: «Принимая во внимание условия навигации и видимости на момент инцидента, это нарушение было умышленным». После этого в 2001 г. другая комиссия, возглавляемая послом, пересмотрела обстоятельства инцидента и выразила свои сомнения относительно действительных намерений советской подводной лодки. Комиссия отметила, что советский ВМФ вел поиски своей подводной лодки в совершенно другом районе Балтики: «Необычно неповоротливый характер этого вторжения и необычный маршрут лодки вызывают вопросы относительно того, было ли это вторжение намеренным или нет. До сведения комиссии было доведено, что советская сторона в течение шести часов вела поиск подводной лодки в районе, назначенном ей для патрулирования, который располагался восточнее о. Борнхольм, и только потом узнала, что лодка находится в шведских территориальных водах». В конце концов, то, что казалось самым очевидным, было меньше всего понятным.

ИНЦИДЕНТ В ХАРСФЬЯРДЕНЕ

В июне 1982 г., всего через месяц после того, как Москва согласилась выплатить Швеции компенсацию за «Виски» на камнях»

[20]

, шведские ВМС и ВВС «запечатали» Ботнический залив, находящийся в северной части Балтийского моря, в попытке предотвратить бегство из залива неопознанной подводной лодки. Ранее смотрители трех шведских маяков заметили в шведских территориальных водах некую подводную лодку. Она следовала курсом на север в сторону канала глубиной 20 метров; этот канал находился в южной части Ботнического залива. 9 июня вертолеты ВМС Швеции сбросили в этом районе несколько глубинных бомб, а шведские власти заявили, что вторая лодка, скорее всего, уже успела покинуть территориальные воды страны.

В августе того же года было заявлено о нескольких контактах с подводной лодкой вблизи Лансдорта. Через два месяца шведские вертолеты и корабли снова вели поиск, предположительно, иностранной подводной лодки, на этот раз в районе Стокгольма. Эти поиски проходили сразу же после выборов, которые выиграл социал-демократ Улоф Пальме. После этого в шведской столице в период с 25 по 27 сентября с визитом находился отряд американских кораблей в составе крейсера «Белкнап» (GG-26), фрегата «Элмер Монтгомери» (FF-1082) и корабля обеспечения «Мононгахела» (A-178). В самом начале второй половины дня 26 сентября пассажиры городского парома в Стокгольме заметили вблизи американских кораблей и всего лишь в нескольких сотнях метров от королевского дворца перископ. Пара стокгольмцев, которая его наблюдала, изобразила на бумаге нечто, имевшее высоту примерно 80 сантиметров, которое они приняли за перископ. Через три дня другая пара шведов сообщила о том, что они наблюдали рубку (размером приблизительно 90 см на 120 см) небольшой подводной лодки серого цвета, которая была замечена ими на выходе из стокгольмской бухты. Далее, 1 октября, двое других шведов сообщили, что они наблюдали две темных трубы, находившиеся примерно в метре друг от друга, которые двигались в сторону секретной ВМБ Мускё, расположенной к югу от Стокгольма. Местные газеты писали, что экипаж шведской подводной лодки также докладывал о неизвестной подводной лодке, находившейся в 300 метрах от Мускё.

6 октября ВМС Швеции проинформировали прессу, что они захлопнули ловушку за, как считали шведы, советской подводной лодкой, и теперь сбрасывают глубинные бомбы, принуждая лодку к всплытию. Представитель военных заявил, что лодка находится в ловушке в заливе Харсфьарден, в 10 милях от открытого моря, и может попытаться скрыться только через два узких прохода, окруженных скалами, в которых шведы установили мощные мины. Во время прочесывания залива, в котором участвовали сорок кораблей и судов ВМС Швеции, включая судно-спасатель подводных лодок, и десять вертолетов, было сброшено семь глубинных бомб. Через два дня шведские военные проинформировали прессу, что лодка, за которой они охотились с прошлой пятницы, скорее всего, скрылась. Военные также заявили, что они, вероятно, обнаружили и вторую лодку. Вертолеты сбросили еще шесть глубинных бомб в районе отмеченных контактов, а затем присоединились к кораблям шведских ВМС, находившимся в 20 милях к югу от Мускё, для совместного поиска. Еще несколько глубинных бомб было сброшено на следующий день, когда лодка, вероятно, пыталась проскользнуть через канал в открытое море.

10 октября шведские власти сообщили, что советский патрульный самолет Ил-38 барражирует над Балтийским морем, проявляя «необычный интерес» к району Харсфьарден и, возможно, пытается установить связь с загадочным нарушителем. Сообщалось о постановке помех на частотах радиосвязи с целью исключить контакт между советским самолетом и предполагаемой лодкой. Лодку обнаружили в полдень 11 октября стационарные детекторы магнитной аномалии в районе Харсфьарден. Была подорвана мина весом 600 килограммов. На следующий день шведский генерал Леннарт Льюнг, командующий вооруженными силами, предположил, что лодка могла скрыться. 12 октября, обнаружив признаки вероятной подводной лодки в бухте Хоре, находившейся еще южнее, шведские ВМС установили там мощную мину. В официальных документах, которые цитирует Оле Туландер, говорится, однако, что в ночь с 11 на 12 октября донная система гидроакустических датчиков в Мельстене зарегистрировала металлические звуки, относящиеся, очевидно, к слесарным работам, выполняемым на, предположительно, поврежденной лодке. На следующий день магнитофоны шведских ВМС записали шумы «какой-то лодки», которая, оставив за собой шведские датчики, держала курс в открытое море.

Но самые волнительные события произошли вечером 13 октября. Сначала начальник штаба вооруженных сил страны вице-адмирал Б. Стефенсон приказал подполковнику С.-О. Квиману, начальнику района Мельстен, ввести в действие пятичасовое «прекращение огня». После этого атака на подводную лодку, которую выполняли три патрульных катера и вертолет, была прервана приказом от военно-морской базы, который ограничил число сбрасываемых глубинных бомб до двух. Подполковник Квиман был очень расстроен этим приказом, так как наложенные ограничения давали лодке возможность скрыться. Как

объясняли контр-адмирал Э. Свеннсон и кэптен Э. Соннерстедт, данное решение было направлено на защиту жизней невинных граждан и матросов, которые могли оказаться в этом районе в темное время. Однако эти ограничения действовали только на один-единственный вечер 13 октября, по не па вечер предыдущего или последующего дней. Наконец, 27 октября, через год после инцидента с советской подводной лодкой класса «Виски», шведские ВМС прекратили трехнедельные поиски.

Рассерженное шведское правительство, поставленное в неудобное положение, как оно полагало, непрекращающимися вторжениями в шведские территориальные воды иностранных подводных лодок, приказало своим вооруженным силам изменить тактику и унижить вероятного нарушителя, захватив его в плен. А шведским ВМС пообещали новое противолодочное оружие.

Последовало шестимесячное расследование и заключение официальной шведской комиссии, в котором говорилось, что в наглom вторжении в воды вблизи шведской секретной подземной базы в Мускё участвовало до шести подводных лодок стран Варшавского договора, из которых три были подводными лодками класса «Виски» и три — советскими сверхмалыми подводными лодками. На дне моря остались следы по меньшей мере одной советской сверхмалой лодки, похожие на отпечатки танковых гусениц. Эти следы напоминали следы, оставленные советской научно-исследовательской подводной лодкой, которая активно действовала в районе Азорских островов, якобы разыскивая там «потерянный континент Атлантиды», и попутно исследовала расположенные поблизости датчики американской системы СОСУС. Эта сверхмалая подводная лодка, сообщалось в заключительном докладе, «могла проползти пятьдесят миль на север до входа в подземный канал, ведущий к центру Стокгольма». Комиссия сделала вывод, что «нарушения в Харсфьярдене, как и другие нарушения 1980—1982 гг., были совершены подводными лодками, принадлежавшими флотам стран Варшавского договора». Исследователь Оле Туландер пишет:

«В своей работе комиссия использовала Доклад штаба министерства обороны от 18.04.1983 г. В Докладе говорилось, во-первых, что визуальные наблюдения были засчитаны как подводные лодки Варшавского договора, во-вторых, были сделаны два акустических наблюдения, и по обоим случаям был сделан вывод, что они относятся к подводным лодкам Варшавского договора. В-третьих, данные радиоразведки нельзя выносить на публику по соображениям безопасности, но они определенно говорят в пользу подводных лодок Варшавского договора. В-четвертых, наличие следов сверхмалой подводной лодки свидетельствует о том, что за этими вторжениями стоит Варшавский договор, поскольку, согласно Докладу штаба министерства обороны, «подобные системы почти невозможно сохранить в тайне на Западе».

Эксперты предположили, что Советский Союз мог заниматься сбором разведывательной информации в плане подготовки возможного в случае войны нападения на Швецию и Норвегию для последующего контроля за жизненно важными коммуникациями в северной Атлантике. Улоф Пальме, новый премьер-министр страны, которого подозревали в особых симпатиях к Москве, пришел, как сообщалось, в ярость и возложил всю ответственность на Советский Союз. Он заявил о «стрельбе на поражение», т.е. о новом порядке поведения в случае столкновения с подобными фактами: «Будущие нарушители могут положиться на правительство Швеции, которое прикажет своим вооруженным силам немедленно потопить нарушителя»

ПЕРИСКОПЫ И МЕРТВЫЙ ВОДОЛАЗ

В ноябре 1982 г., всего лишь через месяц после инцидента в Харсфьярдене, в северной части Мисигена были обнаружены новые следы на дне. К этому времени противолодочное вооружение ВМС Швеции было в состоянии полного упадка. Последний шведский эсминец, «Таиланд», оснащенный погружным сонаром (гидроакустический приемопередатчик, буксируемый за кораблем на длинном кабеле передачи информации),

был только что выведен из боевого состава флота. Корветы и минные тральщики, оснащенные современным оборудованием, на вооружение флота еще не поступили. А в апреле и мае следующего года, совпав по времени с яростными протестами Москвы, число вторжений даже неожиданно возросло.

С 1 по 10 мая 1983 г. в Сундсвалле были замечены две подводные лодки и одна или больше сверхмалых лодок. Представитель шведских ВМС заявил, что вертолеты не смогли обнаружить сверхмалую лодку. «Но это не означает, что она не лежит на дне», — добавил он. В конце концов пришли к мнению, что нарушители ускользнули под днищем советского или финского танкера или паромов, проходивших через этот район. А в это время из Осло пришло сообщение о том, нарушитель замечен в норвежском Хардангерфьорде. Норвежские ВМС также оказались бессильны. Карл Бильдг, молодой специалист по военным делам от консервативной оппозиции и будущий премьер-министр страны, заметил тогда, что «норвежские ВМС с их фрегатами, подводными лодками немецкой постройки, с поставленными из Соединенных Штатов самолетами Р-3 «Орион», а также с доступом к информации от системы СОСУ С, отнюдь не достигли больших успехов в борьбе с этой новой и очень сложной угрозой, чем рассчитывающие только на свои силы их коллеги из нейтральной Швеции».

1 июля стали действовать новые правила, которые расширили возможности ВМС Швеции по использованию оружия против подводных лодок-нарушителей. Новые правила были встречены шуткой: перископ возможной подводной лодки, замеченный у северо-восточного побережья Швеции, оказался канализационной трубой, которую воткнули в воду какие-то хохмачи. «Это не очень смешно», отреагировал на прикол представитель шведских ВМС. Не было смешно и советской прессе, бывшей в ярости от шведских обвинений в адрес Москвы. Статья в газете «Известия» от 3 июня вопрошала: «Имеют ли участники этого розыгрыша хоть малейшее представление о том, где проходит граница между реальностью и фантазией?»

Но со шведской стороны это не было фантазией. В августе и сентябре ВМС опять сбрасывали глубинные бомбы по тому, что, как полагали, являлось иностранной подводной лодкой, высматривающей, как проходят маневры шведских ВМС возле базы Карлсруна. В целом же в 1982 г. было отмечено более сорока вторжений иностранных подводных лодок, все они принадлежали странам Советского блока; в 1983 г. было отмечено двадцать пять явных и тридцать восемь возможных нарушений, совершенных подводными лодками.

В конце апреля 1983 г. посол Швеции в ООН А. Ферм передал в Нью-Йорке М. Мильштейну, отставному генерал-лейтенанту ГРУ, и Г. Арбатову, директору советского Института США и Канады, ноту с требованием уважать границы Швеции, уважать нейтралитет Швеции и прекратить намеренные нарушения шведских территориальных вод советскими подводными лодками. В мае Улоф Пальме направил аналогичную ноту в Москву через посла СССР в Стокгольме и временно отозвал посла Швеции из Москвы. Он также объявил, что официальные визиты между двумя странами будут резко сокращены. Советское телеграфное агентство ТАСС рьяно опровергало обвинения в том, что советские подводные лодки вторгались в шведские воды: «Необходимо категорически подчеркнуть полную беспочвенность этих измышлений». Потом, 6 мая, в своем официальном ответе Москва опять отвергла формальный протест Стокгольма: «Согласно точной и тщательно проверенной информации от соответствующих советских органов, советские подводные лодки не находились в территориальных водах Швеции в указанное в ноте время. Ни одной подводной лодки не находилось и в двадцатимильной зоне от этих вод. Именно по этой причине они не могли заниматься деятельностью, описанной в ноте шведского правительства».

Год 1984-й начался со шквала новых инцидентов, в которых были замешаны подводные лодки и водолазы. Военно-морская база Карлсруна в период с 9 февраля до начала марта вновь стала сценой для бесплодной погони. Установленные на дне детекторы магнитной аномалии засекли три подводных лодки и сверхмалую подводную лодку, а также оснащенные двигателем устройства для передвижения под водой. Шведские военные подорвали одну мину, двадцать две глубинных бомбы и двадцать восемь сигнальных зарядов пониженной мощности. Очень странно, однако, что приказы, отданные верховным командованием Швеции, не требовали уничтожить нарушителей. Район был закрыт

наглухо, однако совершенно неожиданно вице-адмирал Б. Стефенсон опять приказал убрать заграждения для прохода торгового судна. Многие посчитали тогда, что сам главнокомандующий уже во второй раз позволил нарушителю скрыться.

Советская военная газета «Красная звезда» последовательно отвергала повторяющиеся обвинения: «За «перископной болезнью» скрывается желание правых сил Швеции увидеть чужие подводные лодки у берегов Швеции. Эти силы заинтересованы в наращивании вооруженных сил, тесных связях с НАТО и разжигании недоверия к внешней политике СССР. Они стремятся испортить традиционные отношения добрососедства между СССР и Швецией и с этой целью поощряют галлюцинации по поводу советских подводных лодок». Галлюцинации не проходили. 5 марта шведский военный представитель сообщил, что шведские силы, участвующие в охоте за другой подводной лодкой, обстреляли троих водолазов. Их заметили выходящими из воды на маленьком острове Алмо, где ранее в вечернее время уже был обстрелян одиночный водолаз. Солдаты нашли тайник с продовольствием и с еще большим рвением продолжили поиски, остановив даже похоронную процессию и открыв гроб. Ничего не было найдено.

В течение почти полутора месяцев весь противолодочный арсенал Швеции был задействован в безрезультатных поисках неуловимых подводных лодок и водолазов. Представитель верховного командования Швеции выразил свое разочарование и заявил: «Мы не раз пытались объяснить эти факты как природный феномен, однако, в конце концов, есть сообщения, которые на этот счет отнести нельзя». В целом в 1984 г. было шестьдесят инцидентов, из которых двадцать были или бесспорными, или возможными. В 1985 г. количество происшествий немного снизилось. 12 апреля ВМС применили противолодочные гранаты по предполагаемой лодке вблизи входа в залив Карлсхамн на юго-восточном побережье страны и после тринадцатичасовой охоты за ней сдались и прекратили поиск. В конце 1985 г. шведские военные чуть было не подняли из воды тело некоего водолаза, который утонул в рыбацкой сети. Рыбаки незаконно поставили свои сети в районе, который был заминирован, когда сеть подняли, то обнаружили в ней водолаза, который, очевидно, запутался в сети и утонул. Охваченные паникой рыбаки бросили тело обратно в море. В 1985 г. были сообщения и о других нарушениях в пяти отдельных районах.

В мае 1986 г., опять же в Стокгольмском архипелаге произошло несколько серьезных инцидентов и выполнялся длительный поиск подводной лодки. Против вероятных подводных лодок и сверхмалых лодок было применено больше трех десятков глубинных бомб и шестьдесят гранат. С июня по октябрь в шести других районах побережья велась охота за отмеченными там контактами.

В 1987 г. правительство Швеции приняло решение не публиковать больше статистические данные о предполагаемых нарушениях. Несмотря на это решение, пресса продолжала информировать читателей об инцидентах, которые имели место в Стокгольмском архипелаге в мае и июне 1988 г. и январе—феврале 1989 г. В первом случае нарушителя обнаружили визуально и акустически в центре района проведения шведских противолодочных учений, и обрушили на него от ста до ста двадцати глубинных бомб. По словам командующего флотом Побережья, шведы никогда не были так близки к поимке иностранной подводной лодки. Было найдено несколько комплектов подводных дыхательных аппаратов, но их принадлежность было невозможно определить.

В 1987 г. один из сотрудников Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ) опубликовал серьезную работу под названием «Операции советских подводных лодок в водах Швеции, 1980—1986 гг. Через три года корпорация «РЭНД» выпустила свое исследование под названием «Более странное, чем фантазия: операции советских подводных лодок в шведских водах». Авторы обеих книг не сомневались, что все нарушители были из Советского Союза. Шведский автор завершал свою работу выводом о том, что Советский Союз проводил операции подводных лодок в территориальных водах Швеции «почти непрерывно, начиная с времен Второй мировой войны».

СЛЕД МОСКВЫ?

В июне 1988 г. шведская газета «Афтонбладет», ссылаясь на «советского правительственного чиновника», заявила, что СССР несет ответственность за отправку подводных лодок во внутренние воды Швеции с конца 1970-х годов до 1985 г., прекратив подобные вторжения только с приходом к власти Михаила Горбачева. Источник сообщил также, что советские стратеги не верили в нейтралитет Швеции в случае всеобщей войны и им было «необходимо узнать, где можно укрыться от шведских ВМС и шведского электронного оборудования». Это «признание» вызвало вспышку опровержений. Посол СССР в Стокгольме уверенно и категорически заявил, что «Ни одна советская подводная лодка никогда не приближалась к шведским территориальным водам ближе, чем на 50—70 километров». Маршал Сергей Ахромеев в 1988 г. заявил, что командиры советских подводных лодок имеют строгий приказ не нарушать территориальные моря Швеции и любые заявления об обратном являются беспочвенными и непонятными. После развала Советского Союза некоторые бывшие подводники бывшего советского Балтийского флота, часть из которых является выходцами из стран Балтии, заявляли о том, что они принимали участие в операциях внутри территориальных вод других стран, занимаясь преимущественно высадкой агентов. Такие заявления были опровергнуты в книге бывшего подводника отставного капитана 1-го ранга Апрелева, однако подобные операции являются обычной практикой подводников всех стран, и трудно поверить, чтобы советский ВМФ не занимался сходной деятельностью. В целом же Советский Союз при проведении своих морских и воздушных разведывательных операций был более предусмотрителен и осторожен, чем Запад, и инцидент в Карлсруна действительно был навигационной ошибкой подводной лодки С-363 на каком-то этапе ее действий. Тем не менее, как объяснял шведский эксперт по подводным нарушениям контр-адмирал Э. Свенссон, подразделения советского спецназа, базировавшегося в Налдиски, вели разведку шведских берегов с применением сверхмалых подводных лодок «Сирена» и «Тритон», чьи действия обеспечивали траулеры. Позднее они применяли более крупные сверхмалые подводные лодки «Тритон-2», но они всегда были зависимы от судов поддержки. Даже нахождение на противоположном берегу Балтийского моря этой специальной элитной части советских боевых пловцов само по себе являлось важной косвенной уликой. Было еще две совершенно секретных части ГРУ, прозванные «Краб»; сегодня номера этих частей известны—40056 и 45707. Они были созданы в 1965 г. и 1976 г., соответственно, и были нацелены на операции против американской системы СОСУС. На Балтике они не базировались, но могли действовать там с носителя — подводной лодки. Были и другие свидетельства, указывающие на деятельность Варшавского договора в Швеции. Службы безопасности Швеции обнаружили в 1986 г., что сотрудники польской разведки, под видом торговцев произведениями искусства, побывали в домах примерно ста двадцати шведских лодчанов, с целью установления их личностей и, вероятно, изучения возможности устранения с началом боевых действий. Аналогично, предполагалось, что группы спецназа Балтийского флота, высаженные с подводных лодок, смогут гораздо эффективнее нейтрализовать шведские военно-морские базы, порты, позиции РЛС, средства связи и береговую артиллерию, чем это сделали бы бомбардировки. Американский военно-морской аналитик Роберт Вейнланд предположил, что СССР мог планировать с началом боевых действий захват и использование аэродромов в южной части Норвегии, подобные намерения могли быть вызваны и организованными «Солидарностью» беспорядками, которые ослабили надежность польского союзника по выполнению его задач и захвату Датских проливов. По мнению Вейнланда, всплеск с активностью подводных лодок-нарушителей мог быть связан с внутренней ситуацией в Польше. В 1995 г. новая шведская комиссия по подводным лодкам-нарушителям проводила опрос относительно роли Советского Союза в нарушениях шведских территориальных вод и по работе шведской комиссии 1983 г. Агентство радиоразведки Швеции (FRA) в письме на имя министра обороны сообщило, что не располагает данными радиоперехвата о переговорах советской стороны во время преследования нарушителей в Харсфьярдене. Более того, сигналы, которые передавались из шведских вод, даже не будучи окончательно идентифицированы по их национальной принадлежности, «были определены как

переданные на западной аппаратуре связи». Как министр юстиции, так и министр иностранных дел поставили под сомнение выводы комиссии 1983 г. по подводным лодкам и высказались против направления формального протеста Советскому Союзу.

ИСПОВЕДЬ

В 2000 г. бывший министр обороны США Каспар Уайнбергер дал весьма примечательное интервью программе шведского телевидения под названием «Стриптиз»:

«Шведское телевидение: Имела ли НАТО основания нарушать шведские воды?

Уайнбергер: Одна из обязательных сторон деятельности НАТО, как оборонительного альянса, заключалась в проверке состояния обороны против нападения советских подводных лодок во всех районах. И, несомненно, были случаи, когда НАТО желала убедиться, что надлежащая береговая оборона какого-то государства действительно существует как элемент единой оборонительной линии альянса. Я обратил внимание, что бывший премьер-министр Карлссон сделал несколько заявлений о том, что НАТО готовится к войне. Это абсолютно неправильно. НАТО готовится к защите против нападения. У НАТО нет наступательных возможностей и нет наступательных планов. Операции в водах Швеции являлись частью обычных плановых проверок обороноспособности, которые проводила и вынуждена была проводить НАТО, если она действительно хотела видеть себя ответственной за оборону и могущей ее осуществлять. Случай с советской подводной лодкой класса «Виски» в 1981 г. был настоящим нарушением, подводные лодки могут появляться там, где их присутствие нежелательно, и именно поэтому мы делали эти проверки боеготовности и различные маневры, чтобы убедиться, что они не смогут этого сделать, не обнаружив себя... Прямые консультации и дискуссии одних ВМС с другими ВМС, которые мы проводили, причем со всеми странами, не только со Швецией, были направлены на обеспечение способности НАТО выполнить эту задачу и иметь широкие возможности для проверок, путем маневров, или в какой-то иной форме, адекватности обороны и наличия у Советов новых возможностей, которые бы требовали каких-то изменений в нашей обороне или других действий подобного рода. Помимо тогдашнего нарушения, совершенного подводной лодкой класса «Виски», других нарушений не было. Советы не показали иных возможностей для нападения, против которых у нас не было бы защиты... Дело в том, что требовалось часто проверять возможности всех стран, не только на Балтике, которая, безусловно, имеет важное стратегическое значение, но и в Средиземном море, и в морях Азии, и во всех остальных. Шведское телевидение: Как часто это делалось в Швеции?

Уайнбергер: Не знаю. Достаточно часто, чтобы удовлетворить требованиям военных о том, что все в норме. Мы знали, когда Советы получают подводную лодку нового типа. Потом нам требовалось посмотреть, как выглядит наша оборона против этой лодки. Все это делалось на регулярной основе, и на согласованной основе».

Шведский премьер-министр отреагировал на это интервью на следующий день, выступив в парламенте Швеции: «Бывший министр обороны США, в своем длинном интервью в четких выражениях представил рациональное обоснование того, что, по его мнению, НАТО несомненно делала в наших водах».

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИНЦИДЕНТУ В ХАРСФЬЯРДЕНЕ В ОКТЯБРЕ 1982 г.

В 2001 г. еще одна комиссия — уже третья комиссия по подводным лодкам, возглавляемая послом Р. Экеусом, — производила переоценку фактов. В ходе работы комиссии министр обороны Швеции Бьорн фон Сидов предоставил исследователю Оле Туландеру доступ к

ранее секретным документам по инциденту в Харсфьярдене. Изучение документов Тунандером пролило свет на многие поразительные факты.

Темно-серая рубка подводной лодки, которую шведская пара заметила в конце сентября, была высотой один метр, шириной полтора метра и имела форму квадрата. Рубка подводной лодки, которую 4 октября в Садхамме наблюдал командир местной береговой охраны, имела квадратную форму и была высотой около 10 метров. Как пояснил контр-адмирал Свеннсон, «в темноте он наблюдал ходовые огни (красный и зеленый) на объекте, который сначала приблизился к наблюдателю, а затем удалился от него за островок. Он определил его высоту в 10 метров. Однако нельзя сказать, каким был угол наблюдения в тот момент, когда он прикидывал размер объекта. Можно сделать двоякий вывод — он видел либо рубку, либо подводную лодку. В 1982 г. я отнес это наблюдение к подводной лодке, потому что быстроходный патрульный катер вскоре после названного наблюдения обнаружил в том же районе подводный объект. Не уверен, сделал бы я подобную интерпретацию сегодня». Согласно записям в журнале регистрации военно-морской базы от 5 октября, по показаниям гидролокатора цель классифицировалась как небольшая подводная лодка длиной 35—40 метров. Через два дня в Берга отметили темную квадратную рубку размером 3 на 4 метра. Выставляя напоказ свои рубки, подводные лодки умышленно привлекают внимание, что крайне необычно для советской подводной лодки. Описания двух квадратных рубок — одна большая, одна маленькая — не подходят для советских лодок. Наблюдение длилось несколько минут, и идентификация лодок не составила бы проблемы, особенно если бы лодки принадлежали к хорошо известным классам советских подводных лодок.

В день, когда лодки замечали, министр обороны Швеции согласился на применение силы для принуждения лодок к всплытию. 11 октября, через час после взрыва мощной мины, из глубины на поверхность поднялось ярко-желтое химическое вещество. Патрульный катер взял образцы этого вещества. Желто-зеленый краситель является для подводных лодок визуальным сигналом бедствия, используемым в основном в ВМС США; краситель можно обнаружить со спутника как визуально, так и с помощью РЛС.

Позднее, в 2001 г, посол Р. Эксус сообщил, что результаты анализа образцов не найдены, а фотографии желто-зеленого красителя пропали. Начальник штаба шведских ВМС в Восточном военном округе заявил, что ему никогда не докладывали о желто-зеленых пятнах красителя. Контр-адмирал Э. Свенссон также не был в курсе этого инцидента и сомневался в его реальности

В ночь с 11 на 12 октября донные гидроакустические датчики зарегистрировали звуки, возникающие при механическом воздействии на металл и определенно относившиеся к слесарным работам, выполняемым на лодке, возможно, поврежденной. Документы, предоставленные исследователю Оле Тунандеру, свидетельствуют, что в шесть часов вечера 12 октября ВМС Швеции записали на пленку «определенно подводную лодку», которая, оставив позади себя шведские гидрофоны слежения, выходила в открытое море. Тунандер подчеркивает, что оригинальные доклады ссылались на магнитофонную запись шумов медленно вращающегося винта — приблизительно 30—40 оборотов в минуту, что является характеристикой западной подводной лодки.

Первый доклад 1983 г., основанный на двух магнитофонных записях (12 октября и 13—14 октября), был сделан вечером 14 октября; он гласил: «Последующий анализ записей на магнитофонных пленках, сделанных 12—14 октября, свидетельствует, что классификация «подводная лодка» («определенно подводная лодка»), произведенная 12 и 13—14 октября, подтверждается... Вывод... такой, что на этой лодке поврежден вал винта или сломана одна из лопастей».

Контр-адмирал Э. Свеннсон, выступая на шведском телевидении, высказался в пользу того, что магнитофонная запись шумов винта продолжительностью три минуты сорок семь секунд, сделанная 12 октября, указывает, скорее всего, на советскую подводную лодку класса «Виски». Адмирал Ян Ингебригтсен, начальник шведской военно-морской разведки в 1982 г., выступая на той же программе телевидения, сказал, что его подчиненные прослушали пленку вскоре после октябрьского инцидента и отвергли предположение о том, что запись указывает на советскую подводную лодку. Отдел анализа акустических сигналов ВМС Швеции (MUSAC) и отдел акустики исследовательского института министерства

обороны Швеции (FI) опять проверили магнитофонные записи. Первый заявил, что это могло быть надводное судно, второй (май 2008 г.) предположил, что шумы, скорее всего, могли принадлежать пассажирскому катеру «Амалия», который именно в тот день перевозил журналистов в район инцидента.

Посол Экеус в ходе расследования в 2001 г. обнаружил, что в журнале регистрации штаба министерства обороны отсутствуют все страницы с записями, сделанными в период со второй половины дня 13 октября по раннее утро 14 октября.

Комиссия Экеуса подвергла уничтожающей критике проведенное расследование инцидента в Харсфьярдене и утрату критически важных свидетельств во время расследования:

«Критики в особенности заслуживает обращение с пленками и другими подтверждающими материалами. Магнитофонные записи, сделанные во время важных происшествий, хранились небрежно, не сохранились результаты анализа проб воды и нефти, а также фотографии, и исчезла информация из журнала регистрации Верховного командования». Сотрудник военного архива Пер Класон считает, что исполнители деяния не осознавали важности записей, которые они делают, поэтому не сумели их подчистить. Он предположил, что, в случае судебных слушаний, записи никогда не всплывут на свет. Контр-адмирал Свеннсон отверг вероятность того, что магнитофонные записи могли быть сфальсифицированы:

«Записи на пленках делались на 7-канальном магнитофоне «Ракал». На магнитофоне нет стирающей головки, поэтому стереть что-то с пленки невозможно. Пленки с записями вертолетом и автомобилем были доставлены непосредственно в министерство обороны. Исследовательская группа включала в себя сотрудников исследовательского института министерства обороны, отдела материально-тылового обеспечения министерства обороны и школы противолодочной войны. Каждый обнаруженный звук изучался и заносился в протокол. Протокол сохранился, его сравнивали с пленками. Различия не обнаружено. Независимый эксперт перепроверил пленки в 2008 г. Он категорически отвергает возможность фальсификации пленок в 1982 г. Даже сегодня это трудно сделать». Комиссия также осудила ВМС Швеции за «явное отсутствие тактического руководства и вмешательства командования», что послужило «причиной многочисленных слухов и спекулятивных гипотез». К примеру, взбудораженное общество считало, «что некоторые из этих нарушений были совершены лодками НАТО с молчаливого согласия шведских ВМС, и что верховное командование умышленно позволяло лодкам нарушать шведские территориальные воды, и что лодки отпусались с молчаливого согласия правительства, и т.д.».

Комиссия Экеуса отвергла обвинения как в адрес бывшего Советского Союза, так и в адрес НАТО: «Расследование не нашло никаких фактических оснований для подобных слухов. Имеющийся на сегодня подтверждающий материал не представляется убедительным для признания Советского Союза ответственным за нарушения. Председатель комиссии Свен Андерссон и члены комиссии вынесли скорее политическое, чем объективное суждение. Они посчитали это необходимым, несмотря на подтверждающий материал». Потом комиссия Экеуса сделала добавление: «Это относится и к решению правительства подтвердить суждение комиссии, хотя, в свете превалирующей политической ситуации, критиковать данное действие кажется безосновательным». Комиссия Экеуса признала, что шведский дипломатический протест Советскому Союзу не был подкреплён твердым фактическим материалом; она также отвергла слухи о причастности НАТО к нарушениям. Национальная принадлежность нарушителей становилась все более загадочной.

В сентябре 2002 г. Рольф Экеус, председатель последней по времени шведской комиссии по расследованию инцидентов с подводными лодками, беседовал с Войцехом Ярузельским, бывшим президентом, бывшим премьер-министром, бывшим министром обороны и бывшим главнокомандующим вооруженных сил Польши. Генерал Ярузельский рассказал, что Швеция никогда не являлась целью для Варшавского договора:

«Начиная с 1965 г., я присутствовал на каждом совещании Варшавского договора, и вопрос о Швеции как таковой ни разу не поднимался. Я несколько раз говорил с Гречко и Устиновым про Скандинавию и Скандинавские страны. Относительно Финляндии, они были убеждены, что она сохранит свою нынешнюю позицию. Норвегия представляла интерес только из-за своей береговой линии, служившей базой для флота и авиации НАТО.

Но, насколько я понимаю, наступательных действий против Норвегии не планировалось. Их было бы трудно осуществить. В случае успеха наступления на западе континента вопрос с Норвегией решался сам собой. О Швеции всегда говорили с уважением, учитывая современную оборону и стабильную экономику Швеции. Швеция не изменит свою теперешнюю позицию из-за боязни быть втянутой в конфликт. Советский Союз был заинтересован в сохранении шведского нейтралитета, поэтому советские маршалы не видели никаких причин, которые могли бы дать основания для вмешательства. Была, правда, озабоченность относительно такого развития ситуации, когда НАТО входит в Швецию, возможно, не напрямую, а для создания фронта в тылу.

Что касается Швеции и Скандинавии, Скандинавских стран, то мы, в Польше, не были посвящены в советские планы, которые простирались шире, чем совместные планы Варшавского договора. Для нас было очевидно, что Советский Союз, как единственная страна Варшавского договора, обладающая ядерным оружием, что давало ему особые привилегии, планировал какие-то вещи и держал это за семью замками. Мы были посвящены в общее содержание, но не знали составляющих этих планов. То, что у нас было, так это собственное планирование, и, если говорить о Скандинавских странах, то оно фокусировалось на Дании, поскольку она была членом НАТО, и на высадке на Зееланд. Ресурсы, которыми мы обладали, давали нам мало возможностей для реализации подобных планов, но идея была такова, что мы должны были продемонстрировать нашу мощь. Поблизости от Швеции находится Борнхольм, который, возможно, и подлежал захвату, но в отдаленном будущем, не в первые дни начала войны. Сама по себе Ютландия представляла интерес не как цель, а как вариант обеспечения северного фланга. Эрезунд интересовал нас, Каттегат тоже. Там выполнялись разведывательные задачи, но наш флот был мал. Когда ему задали вопрос относительно вторжений подводных лодок, генерал Ярузельский заявил, что ничего об этом не знает: «Как Советский Союз, так и Польша заявляли, что они не имеют к этому никакого отношения. У меня нет никаких оснований что-то скрывать сейчас... Какие цели могли преследовать подобные операции? Может быть, проверить реакцию шведских ВМС или исследовать какие-то участки моря. Это могло случиться и как навигационная ошибка... Сверхмалые подводные лодки? В этом случае они были тем, что русские держали от нас в секрете».

На самом деле, крупных сверхмалых подводных лодок, отвечающих описаниям шведов, в составе советского Балтийского флота в период 1980—1988 гг., когда было больше всего нарушений, насколько известно, не имелось.

Малые подводные лодки «Проект 865» «Пиранья» (по классификации НАТО — «Лосось») появились гораздо позже. Из двенадцати первоначально запланированных лодок было построено только две, МС-520 и МС-521, которые были спущены на воду в 1986 г. и 1990 г., соответственно. Лодки «Пиранья» были малыми подводными лодками (длина 28,2 м, ширина 4,8 м, и высота 5,1 м), которые идеально подходили для действий в Шведском архипелаге. Они несли на борту пловцов, которые должны были выполнять специальные задания, в том числе и саботаж. Титановый корпус лодок делал их невосприимчивыми к магнитным минам. Обе подводных лодки первоначально находились в Лиепаве и были окрашены бело-красным для маскировки их истинного назначения. От любопытных глаз и спутников их прятали в бетонном туннеле. С развалом Советского Союза лодки перебазировали в Кронштадт; в 1995—1997 гг. они опять входили в состав флота и в конце концов были выведены из боевого состава и отданы на слом. Сверхмалые подводные лодки, о которых знают на Западе, состояли на вооружении совершенно секретных тогда подразделений «Краб» Северного и Тихоокеанского флотов, но они начали службу после 1983 г. В НАТО эти лодки получили названия «Икс-рей», «Палтус» и «Юниформ», причем первые два класса этих лодок действовали с больших подводных лодок-носителей. На Западе нет ни одного сообщения о том, что какая-то из сверхмалых лодок этих классов была когда-либо развернута где-то рядом с Балтийским морем. Если у сверхмалых подводных лодок и были когда-то еще более мелкие предшественники, действовавшие до 1983 г., то их секрет выдержал скрупулезное наблюдение, которое американские спутники осуществляли за советскими портами, и волну опрометчивых поступков, которая последовала за развалом Советского Союза.

Если кто-то даже и думал, что какие-то нарушения были действительно умышленно совершены Советским Союзом и его элитными подразделениями спецназа, то подобные предположения были далеко от удовлетворительных в случае со шведским «перископным синдромом».

На деле после 1982 г. граждане Швеции перестали характеризовать эти нарушения как «советские». Говоря о следах, обнаруженных на морском дне во время инцидента в Харсфьярдене, адмирал И. Иванов, бывший офицер советской контрразведки, проходивший службу на Северном, Тихоокеанском и Балтийском флотах, просто отметил, что советский ВМФ находил подобные следы на дне моря в районе главной ВМБ БФ в Балтийске, на Балтийском море, и в Феодосии, на Черном море. Но, в таком случае, кто еще мог быть потенциальным нарушителем?

НЕОЖИДАННЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Новые признания, хотя все еще противоречивые, обозначили новых подозреваемых. В период с 22 по 26 сентября 1982 г. ВМС США проводили на Балтике крупномасштабные военно-морские и десантные учения; в учениях были задействованы и три десантных корабля-дока: «Плимут рок» (LSD-29), «Ралей» (LPD-1) и «Трентон» (LPD-14). За неделю до инцидента в шведских водах все три корабля заходили в Киль (ФРГ). В Экенфьорде, близ Киля, находится база западногерманских специальных подводных частей («Kampfschwimmers»), которые могли оказать какую-то логистическую поддержку «тюленям» — специальным подразделениям ВМС США (USN SEAL), действовавшим в Балтийском море. По данным Туандера, один офицер ВМС США в звании кэптен, ответственный за оперативное применение группы № 2 «тюленей» в 1980-х годах, с 1980 г. по 1982 г. находился в Экенфьорде вместе с немецкими «Kampfschwimmers».

Десантные корабли-доки уже использовались ранее для транспортировки глубоководного погружаемого аппарата NR-1 в районы выполнения его секретных задач. Ярко-красная рубка аппарата в таких случаях для маскировки покрывалась слоем черного лака. Любой из вышеназванных десантных кораблей-доков мог разместить внутри себя небольшой NR-1, который отвечал описаниям 45-метровой подводной лодки, стоявшей на дне и видимой на экране РЛС. До этого, в 1971 г., NR-1 успел тайком пробраться в Средиземное море в закрытом доке десантного корабля «Портленд» (LSD-37) и проверить там некоторые узкости на предмет возможного наличия мин, установленных советскими силами.

Десантные корабли-доки могли также перевозить и любые другие специальные транспортные средства или сверхмалые подводные лодки.

Еще более озадачивающим было обнаружение шведскими ВМС вне Стокгольмского архипелага гражданского танкера под американским флагом «Мормакски» в октябре 1982 г., когда велась охота за подводной лодкой. Туандер утверждает, что отставные офицеры разведки говорили ему, что «Мормакски» является одним из нескольких переоборудованных танкеров, способных перевозить сверхмалые подводные лодки.

В годы «холодной войны» американские подводные лодки участвовали во многих дерзких операциях в национальных водах других стран. Несколько атомных ударных подводных лодок класса «Стэрджеон» были отобраны для специальных операций и работы с транспортными средствами водолазов.

В марте 1984 г. корреспондент «Эй-би-си ТВ» в Пентагоне рассказал о тайных операциях американских подводных лодок:

«При ведении разведки американские подводные лодки постоянно нарушают территориальные воды других стран. Большинство совершенно секретных задач выполняется в водах Советского Союза, однако, по словам военных, как продолжающих службу, так и уволенных в запас, некоторые операции проводились в территориальных водах тех стран, которые считаются союзниками США. Даже союзники, говорят военные, иногда делают вещи, о которых, по их мнению, США знать не должны, вещи, которые, по неосторожности, могут угрожать безопасности Соединенных Штатов. Эти задачи решают

специально оборудованные атомные ударные подводные лодки, а в некоторых случаях — и миниатюрная подводная лодка с ЯЭУ NR-1. Она имеет экипаж в составе семи человек и колеса в нижней части корпуса, с помощью которых она ползает по дну. Этот аппарат считается в ВМС США исследовательским судном».

Бывший командир группы № 3 «тюленей» Гэри Стаблфилд дал ясное определение тайных операций:

«Тайные операции — это такие операции, в которых мы не выглядим американскими «тюленями» (мы надеемся), у нас нет формы, нет удостоверений личности, ничего, что могло бы свидетельствовать о связи с вооруженными силами или правительством США. Всего несколько «тюленей», может быть, один «тюлень» из двухсот, отправляются выполнять реальную тайную операцию... Это те случаи, когда правительство хочет предпринять прямые действия некоторого рода, не предавая их огласке, и я участвовал в таких операциях».

Тунандер еще цитирует Стаблфилда, который добавляет:

«Мы проводили некоторые тайные операции в начале 1980-х годов, действительно серьезная и интересная подготовка на НАТОвском и Атлантическом театрах... Мы останавливались и работали с системами поддержки, системами спасения и ухода от преследования, и мы стали наглеть и думать о походе в заграничные места. Все это требовало от нас походить на людей, которые не служат в ВМС США, и делать вещи, которые люди из ВМС США делать не должны».

Тунандер приводит высказывание офицера ЦРУ, который охарактеризовал инцидент в октябре 1982 г. как «что-то вроде подводного U-2».

[21]

Примерно в том же духе высказался старший офицер ВМС США в беседе с бывшим директором политического отдела МИД Норвегии — поврежденная в 1982 г. подводная лодка была американской. В 1993 г. бывший министр обороны США Д. Шлезинджер в беседе с Тунандером подтвердил, что американская подводная лодка была повреждена в Стокгольмском архипелаге в 1982 г. По сведениям, которыми располагает Тунандер, операция была задумана комитетом по дезинформационным операциям, в котором председательствовали Б. Кейси и Д. Аллен, и по одному представителю от министерства обороны и Госдепартамента. Руководил тогдашними операциями совместный (ЦРУ-ВМС) офицер национальной подводной разведки (NUR).

Поскольку США, очевидно, решили признаться в своих действиях, то как это действительно делалось и с помощью чего?

NR-1, построенная в 1969 г. в Гротоне (штат Коннектикут) для ВМС США, стала первой в мире глубоководной подводной лодкой с ЯЭУ. Она имела два убираемых колеса на телескопических стойках; колеса были снабжены резиновыми крышками и обеспечивали фиксированный клиренс между килем лодки и дном, что давало возможность использовать специальное оборудование лодки для подъема со дна моря предметов.

Размеры NR-1 почти совпадают со шведскими описаниями подводной лодки длиной 35—40 метров, стоявшей на дне моря и видимой на экране гидролокатора.

Для специальных операций ВМС США использовали и более крупные по размерам ударные лодки. Вторая в ВМС США по возрасту атомная подводная лодка «Сивулф» (SSN-575) была в 1965—1967 гг. оборудована специальным отсеком для размещения «тюленей». Лодка ВМС США «Кавалла» (USN-684) класса «Стэрджеон» также занималась доставкой «тюленей» к месту их тайных операций. Обе лодки базировались на Тихом океане и обе были отмечены вышестоящим командованием в 1982 г. и 1983 г. «Сивулф» была награждена медалью ВМС «Экспедиция». Она продемонстрировала «превосходные» показатели в оценочных категориях «боевая эффективность», «силовая установка» и «электрооборудование». В категории «борьба за живучесть» лодка получила оценку «зачтено». После этого лодка встала на крупный ремонт. Тунандер предположил, что именно «Сивулф» могла быть той более крупной лодкой, которая была повреждена в Стокгольмском архипелаге в октябре 1982 г. Однако кажется маловероятным, чтобы США рисковали крупной атомной подводной лодкой в ограниченных водах Шведского

архипелага. С другой стороны, если оставить в подозреваемых лодку NR-1, то форма и размеры подводных следов, оставленных на дне в Харсфьярдене, не соответствуют параметрам резинового колеса этой лодки, выставленной для всеобщего обозрения после ее вывода из боевого состава американских ВМС.

НОВЫЕ ПРИЗНАНИЯ

В своем интервью шведскому телевидению 07.03.2000 г. К. Уайнбергер упомянул двухсторонние контакты между ВМС США и ВМС Швеции по координации планов нарушения территориальных вод Швеции. Он также назвал эти действия операцией НАТО. Под НАТО Уайнбергер подразумевал участие стран — членов НАТО, а не спланированную операцию НАТО. Датский генерал-лейтенант, командовавший БАЛТАП (региональное военное командование НАТО для Дании, северной части ФРГ и Балтийского моря) в 1993—1995 гг., сказал, что «было интересно проверить, во-первых, способность Швеции к защите своей территории и, во-вторых, ее желание защищать свою территорию. Это был законный интерес НАТО. Норвежцы и датчане могли сказать остальным странам НАТО: как соседи шведов, мы им верим. Они точно будут защищать этот фланг. Тем не менее крупные страны и сверхдержавы предпочитали иметь собственную информацию, подтвержденную их собственными средствами».

Новые телевизионные интервью позволили узнать о доминирующем британском участии в нарушениях. Как заявил в интервью телевизионной программе «Стриптиз» сэр К. Спид, бывший член парламентского комитета по обороне (1983—1987 гг.), английские подводные лодки проверяли береговую оборону Швеции. Отвечая на вопрос, вторгались ли английские лодки в стокгольмский залив, он сказал: «Не совсем, но что-то в этом роде». Один шведский офицер в звании командер, бывший начальник акустической разведки шведских ВМС, в ноябре 2001 г. подтвердил, что он в свое время передал комиссии Экеуса акустическую сигнатуру английской подводной лодки класса «Оберон».

Бывший начальник штаба командования подводных сил британских королевских ВМС заявил Туландеру, что он участвовал в двух походах в Балтийское море на подводных лодках класса «Оберон». Лодки проходили Датские проливы в подводном положении и потом направлялись к советскому побережью Балтики, после чего уходили в шведские воды. Он подтвердил, что на советское побережье высаживались боевые пловцы специальной службы катеров («SBS»), но отказался говорить о деятельности «SBS» в Швеции. Бывший командир подводной лодки класса «Оберон» сказал еще, что он участвовал в походе в Ботнический залив, к северу от Аландских островов. На каждую операцию требовалось разрешение министра. Один раз в операции участвовала британская подводная лодка «Орфеус», на которой был оборудован специальный отсек, который давал возможность пятерым военнослужащим специальных сил покинуть лодку, находящуюся под водой. Также сообщалось о подводных лодках ФРГ, которые использовали шведские воды для практической отработки операций против побережья советских республик Латвии и Литвы.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА РЕЙГАНА И ТЭТЧЕР

Вторжения подводных лодок самым существенным образом повлияли на отношение шведского общества к СССР. Туландер сообщает, что в 1976 г. шесть процентов населения Швеции видели в СССР прямую угрозу их стране. В 1980 г., после ввода советских войск в Афганистан, эта цифра немного выросла и составила восемь процентов. В 1981 г., после октябрьского инцидента с «Виски» на камнях, отношение резко изменилось, и уже 34 процента шведов стали считать СССР прямой угрозой, а 71 процент населения видел в

СССР недружественное государство. После инцидента в Харфьярдене в октябре 1982 г. 42 процента шведов стали рассматривать СССР как прямую угрозу, а 83 процента — как недружественное государство. Вторжения подводных лодок полностью изменили представление шведов о Советском Союзе: только 1—2 процента опрошенных продолжали считать СССР дружественным государством. Одновременно с этим, популярность США возросла с 20 до 40 процентов.

Вне зависимости от того, чьи лодки нарушали шведские территориальные воды, неопровержимый факт говорит о том, что шведское общественное мнение стало с гораздо большей симпатией относиться к США и НАТО. И все же, до тех пор, пока на публике не появятся новые реальные участники вторжений и не расскажут, чем они занимались, вся история с вторжениями останется до конца не объясненной.

Эта тема до сих пор горячо обсуждается в Швеции, и контр-адмирал Свеннсон полагает, что за большинством вторжений стоял все-таки Советский Союз. Он несколько раз ездил в Россию, где беседовал больше чем с сотней подводников, как ветеранов, так и продолжающих службу. Некоторые рассказывали ему, что они действительно нарушали шведские территориальные воды. Как бы там ни было, комментарии бывшего американского «тюленя» Г. Стаблфилда и интервью бывшего министра обороны США К. Уайнбергера говорят за то, что СССР был не одинок. Контр-адмирал Свеннсон до сих пор пребывает в сомнениях: «Я не могу понять, зачем американцам так глубоко забираться в архипелаги. Если они хотят «показать перископ», то это гораздо легче и безопаснее сделать рядом с архипелагом. В этом районе полно катеров, которые дадут им «аудиенцию». Неоспоримым фактом остается признание обеими сторонами невозможности игнорировать наличие потенциальной зоны действий, в которой противная сторона может найти убежище или организовать нападение с неожиданного направления. Как заметил один из ветеранов советской военно-морской разведки, эти инциденты в такой степени повлияли на советско-шведские отношения, что стороннему наблюдателю было бы любопытно узнать, какой интерес преследовала Москва, продолжая свои якобы вторжения и рискуя получить еще один инцидент «Виски» на камнях». Новый инцидент, несомненно, привел бы к разрыву дипломатических отношений Швеции с СССР и более тесному сотрудничеству между этой страной и НАТО.

Глава 15 ШПИОНЫ В ВОЕННОЙ ФОРМЕ, 1980-1991 гг.

Перечень имен сотрудников аппарата американских военных атташе, погибших за последние тридцать лет при исполнении ими своих обязанностей, действует отрезвляюще. В этом списке числятся подполковник сухопутных войск Чарльз Рей, убитый в Париже в 1983 г. террористом из Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), элптен ВМС США Уильям Нордин, военный атташе в Афинах (Греция), которому оторвало голову при взрыве автомобильной бомбы в 1988 г. Уоррент-офицер сухопутных войск США Кеннет Уэлш и старшина ВМС США Майк Вагнер погибли при обстреле американского посольства в Бейруте (Ливан) в 1984 г. Главстаршина ВМС США, координировавший работу офиса военного атташе, сгорел при пожаре в американском посольстве в Исламабаде (Пакистан) в 1979 г. Четверо молодых женщин, работавшие в офисе военного атташе в Сайгоне, погибли 04.06.1975 г. в авиационной катастрофе самолета С-5, оказавшись тем самым в числе последних жертв долгой вьетнамской войны. Стереотипный портрет военного атташе как некоего «сачка» с дипломатическим паспортом рушится этим неполным перечнем потерь среди сотрудников военных атташатов.

В разгар «холодной войны» обстановка, в которой работали и жили западные дипломаты в странах Варшавского договора и Советского блока, была откровенно враждебной. Имелись свои ограничения и в некоторых других государствах, где также существовал жесткий централизованный контроль за информацией, например, в Индии и Югославии, которые политически декларировали себя неприсоединившимися странами. Даже в странах-союзниках США, таких, как Израиль, Пакистан и Япония, были свои органы, которые контролировали военную и промышленную информацию гораздо жестче, чем это делалось в большинстве стран Запада.

Век высоких технологий не преуменьшил роль военного атташе, скорее, он изменил методы его работы. Недосток точных данных от надежных источников агентурной разведки проявил себя во всей красе во время трагических событий конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда дипломатическая защита американских посольств, гарантированная Венской конвенцией 1949 г., была проигнорирована или даже нарушена некоторыми правительствами или политическими группировками в ряде стран.

В таких странах, как Иран, Ливан и Пакистан, личный иммунитет, гарантированный дипломатам, грубо и трагически нарушался. То бурное время дало новый толчок работе с агентурой по сбору информации, касающейся международных террористов и группировок религиозных и политических фанатиков.

Опыт тегеранских заложников поднял значение агентурной разведки. Агентурная разведка Соединенных Штатов была реорганизована согласно плану агентурной разведки министерства обороны США. По новому плану, все усилия военных по сбору разведывательной информации агентурными методами сосредотачивались в оперативном отделе разведывательного управления министерства обороны (РУМО), который также руководил деятельностью военных атташе всех видов вооруженных сил. Это нововведение встретило поначалу противодействие со стороны разведывательных структур видов вооруженных сил, в особенности — сухопутных войск, чей опыт в области агентурной разведки намного превосходил опыт других видов вооруженных сил. Противодействие было понятным, но потом сухопутные войска, с определенной неохотой, все же влились в общую струю.

Нижеследующие отрывки написаны на основе воспоминаний Питера Хухтхаузена о его работе в качестве военно-морского атташе Соединенных Штатов в Белграде (Югославия) и Бухаресте (Румыния) с 1980 по 1984 г.

БАЛКАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТТАШЕ

1980-е годы отмечены как серьезными успехами американских военных атташе, так и их значительными провалами. Большинство достижений мало кому известны вне узкого круга посвященных.

В странах, где существует жесткий централизованный контроль над информацией и где деятельность в области обороны окутана плотным покровом секретности, западным дипломатам, и военным атташе в особенности, приходится много путешествовать. «Идите отсюда и почувствуйте, чем живут люди», — говорил своим сотрудникам посол Дэвид Фундерфурк в американском посольстве в Бухаресте (Румыния). Поездки давали атташе возможность увидеть своими глазами то, что в более открытых странах можно было узнать со страниц свободной прессы. На Западе информация, касающаяся новых веяний в экономике, сельском хозяйстве, строительстве торгового и военного флотов и вооружений, свободно доступна из печати. Атташе, подобно журналистам, зарабатывают на жизнь, выхватывая нужное из потока информации.

Во времена «холодной войны» Румыния, зажатая в тисках органов государственной безопасности («Секуритате»), была в числе тех восточноевропейских стран, которые больше других секретили свою военную информацию. Даже самые незначительные аспекты деятельности в области обороны были герметично запечатаны от иностранцев, которые этим интересовались. Туристские карты Румынии были подкорректированы, чтобы

скрыть военные базы. Некоторые сооружения — мосты, узлы связи, транспортные узлы, электростанции и порты — вошли в перечень стратегических объектов, которые иностранцам нельзя было наблюдать и фотографировать. Информация по военной тематике придерживалась военными органами от появления в печати.

В связи с этим американский военно-морской атташе в Белграде, одновременно аккредитованный и в Румынии, планировал свои частые поездки в Бухарест таким образом, чтобы они совпадали с государственными и военными праздниками Румынии. Это давало ему возможность лично увидеть максимально большое количество старших румынских офицеров и высокопоставленных правительственных чиновников. Зачастую он ездил в Бухарест с атташе из других стран НАТО. В области сбора разведывательной информации в этот период перед ним стояли три задачи: приоткрыть занавес и взглянуть поближе на активную программу Румынии в области военно-морского строительства; раскрыть истинный характер взаимоотношений между военной машиной Румынии и вооруженными силами СССР; и развенчать публичные заявления о том, что эта страна запретила транзит советских войск и войск других стран Варшавского договора через свою территорию. Румыны были большими любителями прятать военные базы от своего народа и от иностранных военных атташе. Они применяли переносные стены для воспреещения наблюдения за строящимися объектами с открытых дорог, поэтому атташе были вынуждены странствовать по бездорожью, где на машине, а где и пешком. Это предполагало незаметное покидание нужного района, или, что хуже, встречу с нервным часовым и выяснение личности, так что вероятная ценность наблюдения подлежала быстрой оценке на предмет степени возможного риска быть опознанным, обвиненным и задержанным местными сотрудниками госбезопасности.

Из достижений начала 1980-х годов следует назвать своевременные действия полковника Фрэнка Мастро, американского военного атташе в Бухаресте. Он лично дезавуировал заявление румынского диктатора Николае Чаушеску о том, что войска стран Варшавского договора не пересекают транзитом румынскую территорию. Мастро вместе со служащими аппарата атташе ночью перехватили два советских конвоя, следовавших через территорию Румынии по железной дороге и по шоссе. Тщательно спланировав свои действия и получив «наводку» от радиоразведки, Мастро и его помощники глубокой ночью подъехали на своих машинах к стратегической автодороге и железнодорожным переездам и стали поджидать появления советских конвоев. Мастро даже удалось вклиниться в советскую автомобильную колонну, и, по-лягушачьи, скачками, обгоняя грузовик за грузовиком, подсвечивать и фотографировать номерные знаки советской воинской части. В разгар этой работы машины румынской секретной службы («Секуритате») попытались прижать их к обочине, но опыт Мастро и мастерство его водителя оказались выше, чем у румын, и они закончили свою полночную гонку, от которой волосы стояли дыбом, в американском посольстве. В отместку, на следующий день все четыре шины на автомобиле Мастро оказались поврежденными «Секуритате».

В тот же период сотрудники американского атташата провели чрезвычайно дерзкую операцию в румынском военном порту Констанца. Сильная охрана базы затрудняла усилия американцев по наблюдению за новейшими кораблями. Диктатор Чаушеску создавал флот, который был непропорционально велик относительно любой угрозы для его страны, со стапелей сходили новые военные корабли, однако атташе было трудно прорваться через плотное кольцо безопасности и взглянуть на них с близкого расстояния.

Тем не менее американским военно-воздушному и военно-морскому атташе удалось совершить отчаянный набег на охраняемую верфь. Остановившись на безопасном расстоянии от базы и осмотревшись, они заметили, что на охраняемой базе одни из ворот открыты для проезда множества грузовиков со строительными материалами. Грузовики сновали туда и сюда непрерывной чередой, привлекая мало внимания со стороны вооруженной охраны, которая просто давала им отмашку на проезд. Американцы аккуратно замазали грязью дипломатические номера на своем внедорожнике румынского производства и, убедившись, что машина наблюдения, которая обычно сопровождала их, находится на безопасном расстоянии, аккуратно вписались в бесконечную череду грузовых машин. Они проехали ворота базы незамеченными и сделали несколько кругов вдоль военно-морского причала, где рядами были пришвартованы корветы, корабли минной

войны и вспомогательные суда. Когда они направились к выезду с базы, военно-морской атташе, занявший сзади импровизированное гнездышко наблюдателя, обнаружил, что на его фотоаппарате случайным образом была установлена неправильная выдержка затвора. «Надо вернуться и сделать еще один заход», — воскликнул он. Полковник ВВС, который был за рулем, аккуратно развернулся, и они вновь направились к причалу, в этот раз еще ближе подъехав к кораблям. Потом они присоединились к обратному потоку машин и выскользнули за ворота. Машина слежения, которой они умело избежали при въезде на базу, стояла на прежнем месте и заметила американцев только тогда, когда те покидали базу. Четырехчасовая дорога до Бухареста и ждущей их относительной безопасности американского посольства превратились в дикую гонку, во время которой машина с сотрудниками румынской безопасности старалась подстроить американцам ДТП. Американский полковник ВВС, однако, ранее служил летчиком стратегического бомбардировщика В-52, и оказался более умелым водителем, чем шофер румынской машины. С «охоты» атташе вернулись непойманными и с добычей. Другим лихим дипломатом был зажигательный французский военный атташе в Бухаресте, имевший звание подполковника. Когда его задержали в запретной зоне за фотографирование полетов военных самолетов на базе ВВС в Крайове, засняв перед этим в компрометирующем виде на фоне румынской базы ВВС, подполковник решил, что наступил конец его карьеры. Однозначно, подумал он, последует неизбежное наказание — объявление его личности персоной «нон грата» — и высылка из страны. С места инцидента его отпустили, и он поехал назад в Бухарест, терзая себя мыслями о трудном разговоре с начальством, который ждал его по прибытии в посольство. По дороге ему пришлось остановиться, и это случилось поблизости от другого военного объекта, который также представлял большой интерес для разведки. Решив, что на его карьере военного атташе уже поставлен крест и хуже теперь наверняка не будет, он плюнул на меры предосторожности и, забыв обо всем, перелез через забор, проник на базу, сфотографировал всю внутреннюю обстановку секретного объекта, потом перебрался через забор в другом месте и уехал незамеченным. Его не выслали — предыдущий инцидент был загадочным образом забыт.

ВИЗИТЫ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ НА БАЛКАНЫ

В тот период «холодной войны» матросы ВМС США, которых прозвали «голубые куртки», хорошо показали себя во время заходов американских кораблей в иностранные порты. Значение таких визитов часто ставится под сомнение многими сотрудниками американских учреждений за рубежом. Однако если говорить о Югославии и Румынии, т.е. странах, которые любили подчеркивать свою относительную независимость от Москвы, то в этом случае визиты имели гораздо большую ценность, чем в других государствах. Эти визиты были единственной возможностью для Соединенных Штатов «показать флаг» и редчайшими прецедентами для сошедших на берег тысяч американцев смешаться с окружающим их коммунистическим населением.

Визиты военных кораблей играли важную политическую роль в международных отношениях Соединенных Штатов. Для самих американских атташе, характер работы которых в стране пребывания предполагал определенную изолированность, визиты были возможностью встретиться с офицерами и матросами своего флота и поделиться с ними своим региональным дипломатическим опытом. Организация и проведение успешного визита представляли определенную трудность для атташе, работающего в полностью закрытом обществе, в котором ощущается недостаток обычной продукции собственного производства. На его плечах лежала ответственность за подготовку «сцены» для прибывающего в страну с визитом американского корабля. Атташе должен был гарантировать навигационную безопасность даже в тех случаях, когда принимающая сторона считала свои навигационные карты секретными. Атташе организовывал и отвечал за безопасность, протокольную программу, спортивные и развлекательные мероприятия для команды корабля. Визиты американских кораблей в обычные страны Запада были

достаточным испытанием для атташе, но в закрытых обществах, где население скрывают от визитеров, эта работа могла довести атташе до расстройств или, порой, до состояния разъяренности. Больше всего атташе боялись, что какой-нибудь невинный, но неосторожный поступок вызовет оглушительный международный кризис.

Морской опыт учит, что если на флоте что-то происходит неправильно, то оно происходит чрезвычайно неправильно. Но в тот период «холодной войны», когда корабли американских ВМС ходили с визитами в Югославию, Румынию, и, в конце концов, в Советский Союз, случаев неправильного поведения со стороны американских матросов было очень немного. Это признание, и не только заслуг командования, от офицеров до старшин, которые достойно подготовили матросов к этим ответственным визитам, но и личных качеств современного американского моряка. Молодой американец из какого-нибудь маленького городка на Среднем Западе или из Бруклина, насмотревшись всякого в «ночных стрип-клубах» Гамбурга, Неаполя, Марселя или Норфолка, оказывался в одиночном увольнении на берег в этих коммунистических странах и вел себя с большей уверенностью, чем любой средний гражданин этих стран, поскольку этот средний гражданин был гораздо менее свободен, чем этот американский матрос.

ВМС США в этот период выполняли особо полезный долг как гибкий инструмент американской внешней политики: роль ВМС как прямого инструмента политики не уменьшилась с рассредоточением дипломатических миссий по всему миру или из-за увеличения скорости работы и надежности средств связи. Вид американского военного корабля, покачивающегося на якоре, спешащий на берег в своем катере командир этого корабля, весь в белом и с дипломатической депешей к вождю далекой республики — с годами на этой картине изменились только стиль военной одежды и формы корабля, но не важность содержания.

В конце 1970-х и в 1980-х годах 6-й флот США являлся необходимым инструментом обновленной, но шаткой внешней политики «дифференциации» в самые темные дни «холодной войны». В обществе, жаждущем любой информации о внешнем мире, подобные контакты были единственным способом поддержать искорку надежды. Сопоставление демократии и тоталитаризма на примере матроса, оставленного один на один с жителем страны — феномен, значение которого еще не оценено до конца — было явно в пользу Запада. Это, безусловно, поддерживало надежду во многих гражданах несчастной страны, где стремление к лучшей жизни зависело от возможности хотя бы мельком убедиться, что лучшая жизнь на самом деле где-то действительно есть.

6-й флот США стал играть свою роль в решении этой задачи с началом в 1972 г. регулярных ежегодных визитов, спланированных в черноморский порт Констанца. ВМС США и посольство в Бухаресте придавали огромное значение ежегодным летним визитам в Констанцу.

Тогдашний румынский берег Черного моря представлял собой непрерывную череду курортов, построенных из громадных и чрезвычайно ужасно выглядевших бетонных блоков заводского изготовления. Эти большие комплексы напоминали запущенные тюрьмы. Они были той теплой Меккой на берегу моря, где собиралась привилегированная партийная элита стран Варшавского договора. Комплексы, которые носили названия планет солнечной системы, принимали из коммунистических стран только коллективные туры. Тех немногих западных отдыхающих, которые приезжали в Констанцу, обслуживал отель «Интернешнл», принадлежавший румынской государственной туристической компании. Строгая охрана, которую обеспечивала «Секуритате», старалась не допустить контактов между румынами и визитерами из других восточных стран с западными гостями. Песочные пляжи с полосками бурой земли тянулись вдоль побережья; пляжи были забиты купальщиками из обделенных солнцем Советского Союза и других стран Восточной Европы. В такую обстановку в самый разгар туристического сезона и попадали каждый год сотни матросов с кораблей 6-го флота США.

Во время одного из таких визитов румынский оркестр, возглавляемый первой скрипкой, решил в полном составе перебежать в США и обратился за помощью к американскому атташе; действие происходило в присутствии всей иерархии румынского военно-морского флота во время перерыва в концертной программе, организованной для американских морских офицеров на румынском государственном винном предприятии «Мурфатлар».

Полдюжины оркестрантов сбились кучкой за скрипачом и заявили о своем желании просить у ВМС США политического убежища—не потом, а еще до окончания концерта. Американский офицер все-таки умудрился каким-то образом перенести обсуждение этого вопроса на потом, после окончания концерта, когда мог представиться более удобный случай. Позже он убедил оркестрантов, что у них будет больше шансов, если они подождут еще несколько лет. Американские дипломаты все время опасались, что попытка к бегству может внезапно положить конец напряженной доброжелательности, которую демонстрировали обе стороны в ходе ежегодных визитов военных кораблей. Когда американские корабли стояли у причала, румынская служба безопасности прибегала к запугиванию местного населения во избежание продолжительных контактов с американскими офицерами и матросами.

В те дни, когда корабли были открыты для посещения местных жителей, на них скапливались сотни молодых любопытных румын. Для создания атмосферы гостеприимства посетителей угощали хот-догами, воздушной кукурузой, мороженым и печеньем. Офицеры связи румынского флота стояли в сторонке и приглядывали за тем, чтобы ничто не нарушило порядок в «день открытых дверей». Чтобы не допустить запанибратства, сотни курсантов румынского военно-морского училища выстраивались в две длинные шеренги, образуя коридор, тянувшийся от входа в порт до четвердека американского корабля. Для прохода на корабль гражданские посетители сдавали полиции свои документы, удостоверяющие личность, и шли по этому коридору. Чего только не делали румынские власти, чтобы запугать и зашпынить толпу посетителей, но не испортить настроения у гостей у них американцев.

Румынские офицеры связи противились раздаче проспектов румынским посетителям американских кораблей. Румыны заявляли, что брошюры, которые раздавались в предыдущие визиты, содержали вредную пропаганду. Дело в том, что один раз румынское министерство обороны заранее запросило американцев ознакомить его с проспектами, которые будут распространяться на американских кораблях во время их визита в страну, чтобы дать свое «добро» этим проспектам. Когда американские дипломаты, готовившие в Бухаресте визит кораблей, узнали об этой просьбе, то взяли обычную брошюру типа «добро пожаловать на борт», подготовленную к последующему переводу на румынский язык, и передали ее в министерство обороны. Командер Нику Падарариу, злока из отдела внешних сношений министерства обороны, просмотрел брошюру и нашел в ней оскорбительные слова. В брошюрке говорилось, что американские корабли входят в состав 6-го флота США, который представляет собой сдерживающую и ударную силу НАТО в южной Европе. Румыны предложили, чтобы в брошюре было сказано о двухсторонних отношениях США — Румыния, а аббревиатура «НАТО» не использовалась. Американцы проигнорировали эту поправку и раздавали посетителям брошюры с неизменным текстом. Румыны, в свою очередь, просто отбирали брошюры у посетителей, побывавших на американском корабле.

Большим облегчением было наблюдать, что количество посетителей, поднимающихся на борт американского корабля, совпадает с числом гостей, покинувших его. Обычного американского матроса, который, как правило, впервые в жизни наяву видел контроль и подавление, проявление открытой жестокости полицией и военными по отношению к населению иногда провоцировало на хитроумный ответный удар. И американский матрос порой делал это изобретательно.

Однажды, по завершении «дня открытых дверей», у полиции остались невостребованными два удостоверения личности, сданные двумя молодыми румынскими девушками. В глазах командера Нику Падарариу, старшего офицера связи с румынской стороны, сквозил ужас, когда он подходил к американскому атташе. «Мы должны найти этих девушек, — сказал он, почти потребовал, — должны, в противном случае визитов кораблей больше не будет». Естественно, американцы никогда не разрешили бы румынам обыскивать свой корабль, который являлся суверенной американской территорией. Но и не хотелось американцам, чтобы инцидент вышел из-под контроля. В ходе тщательной, но спокойной проверки, которую провел экипаж, девушек не нашли, и корабельная жизнь продолжилась своим чередом. Однако хитроумие американских «голубых курток» восторжествовало. Вскоре после приема, организованного румынским флотом для экипажа корабля, две

привлекательные румынских девушки появились рука об руку с двумя американскими матросами на прогулке в парке Констанцы. Было заметно, как облегченно вздохнули румыны, однако никто никогда не разгадал способ незаметного убийства девушек с корабля. Гораздо более серьезный инцидент произошел в июне 1984 г. в ходе визита американского корабля в Констанцу, когда группа головорезов «Секуритате» напала на пятерых американцев, трое из которых являлись сотрудниками посольства. В кровавом побоище молодчики «Секуритате» пустили в ход резиновые дубинки и кастеты. К сожалению, кто-то из румын ткнул разбитой бутылкой в лицо американскому морскому пехотинцу, который был охранником американского посольства. Американец потерял глаз. В три утра разъяренный участник пьяной потасовки разбудил атташе, который спал в своем номере в гостинице; атташе отвечал за связь с румынами по линии военно-морского флота. Атташе узнал, что раненый морской пехотинец вместе с другим охранником посольства, который был из сухопутных войск, исчез на машине «Секуритате» и его нигде не могут найти. Последующий поиск по темным и безлюдным улицам спящего румынского города в конце концов увенчался успехом. Сотрудники посольства знали, что молодой морпех ранен, поэтому они начали по очереди объезжать станции скорой помощи и больницы Констанцы. За рулем их машины сидел посольский шофер, румын, о котором было известно, что он информатор «Секуритате». С третьей попытки на неосвещенной улице они нашли больницу, оказавшуюся в невероятно запущенном состоянии. Малоподвижный охранник в форме «Секуритате» вызвал испуганную медсестру, которая сказала, что какое-то время назад сюда привезли американца. Медсестра провела сотрудников посольства в плохо освещенный кабинет, в котором пахло дезинфицирующим средством и мочой. После короткого ожидания появилась женщина-врач, говорившая по-английски, на ней был халат, который, наверное, когда-то считался белым, но теперь был испачкан пятнами крови, старыми, успевшими потемнеть, и более свежими. Женщина что-то прошептала и грустно покачала головой, а дипломаты мгновенно решили, что случилось худшее и бедный морпех скончался. Женщина провела их в палату, где стояли десять кроватей; на забрызганных кровью стенах палаты стороннему глазу в двух оттенках предстало то, что раньше являлось зеленой краской.

Американцев провели прямо к кровати, на которой лежало тело, покрытое темными одеялами. Голова морпеха была в бинтах, которые закрывали оба глаза. Напротив одного глаза на бинте виднелось темное влажное пятнышко. Морпех был в сознании и, на удивление, логичен. Он отозвался на свое имя: «Все в порядке, сэр, только ничего не вижу через эти бинты». Потолок палаты был в потемневших пятнах крови, а по стене пробежали несколько тараканов.

«К сожалению, мне пришлось удалить левый глаз, — прошептала врач на хорошем английском. — Он был разорван на пять частей. Надеюсь, что зрительный нерв не поврежден».

Дипломаты заверили морпеха, что его скоро заберут. Они оставили у постели морпеха сотрудника консульства и, подавляя позыв к рвоте, скорым шагом покинули безрадостное заведение. Быстро добравшись до американских кораблей, они вызвали самолет военной медицинской эвакуации С-9 «Найтингейл» с военной базы Рейн-Майн во Франкфурте (ФРГ). Самой запомнившейся деталью всего инцидента для американцев была реакция румын на прибытие через несколько часов самолета медицинской эвакуации ВВС США в аэропорт Констанцы. Два сотрудника американского посольства стояли рядом с двумя румынскими офицерами и наблюдали, как серебристый реактивный С-9 с американским флагом, изображенным на хвостовой части фюзеляжа, рулит в их сторону. Он остановился на площадке всего в нескольких метрах от машины «скорой помощи», в которой находился раненый морпех. На самолете открылась боковая дверь, и на асфальт, как по волшебству, медленно опустилась платформа подъемника. Стоявший рядом с американцами румын неожиданно спросил: «Сколько человек вы собираетесь эвакуировать?»

— Одного, — ответили они.

— Только одного? — спросил изумленный офицер. — Вы послали этот громадный самолет, чтобы забрать одного человека?

Трое бортпроводников в ослепительно белых одеждах быстро перевезли каталку с пациентом на платформу, которая плавно поднялась и исчезла внутри самолета. Большая дверь закрылась и была заблокирована, после чего самолет начал выруливать на ВПП. Он снова поднялся в воздух, не пробыв на земле и десяти минут. Вместе с пораженными румынами с площадки уходили и сотрудники посольства, благодарные небу за то, что они американцы.

СЛУЖБА В БЕЛГРАДЕ

После смерти маршала Тито в мае 1980 г. установленные им в Югославии диктатура и формула этнического равенства начали сходить на нет. Это дало возможность каждой бывшей союзной республике стать независимым государством. Большая часть того, что напечатано ниже, основана на личных наблюдениях Питера Хухтхаузена, сделанных во время его службы военно-морским атташе в Белграде (с одновременной аккредитацией в Бухаресте с 1980 по 1984 г.).

В начальные годы Второй мировой войны Тито нашел убежище в Советском Союзе, однако советскую идеологию потом он не принял. К концу войны стала ослабевать и поддержка со стороны Сталина, который давно приглядывался к югославским портам на Адриатическом море. Советский поиск портов в теплых водах восходит к Петру Великому. Запад не на шутку опасался, что Югославия может оказаться в тесных объятиях Варшавского договора — или силой оружия, или чем-то соблазненная. Использование Советским Союзом югославских портов на Адриатике стало серьезной проблемой и поставило ВМС США на передний край послевоенной геополитики на Балканах. Портами, о которых идет речь, были Риека вблизи Триеста, Сплит на центральном побережье, и Тиват в стратегически важном Которском заливе на юге.

В 1948 г. Запад, довольный разрывом Тито с другими странами коммунистического блока, поспешил в Югославию с экономической и военной помощью. Многие югославы до сих пор с теплотой вспоминают продовольственные посылки, полученные ими из США в послевоенные годы, американскую экономическую помощь и согни американских танков и другое тяжелое вооружение, которое потоком шло в страну, удерживая ее по нужную сторону нового «железного занавеса».

Демонстрируя истинное неприсоединение, правительство Югославии приветствовало визиты военных кораблей как Варшавского договора, так и НАТО. США следили за тем, чтобы количество визитов кораблей 6-го флота совпадало с количеством визитов советских кораблей, так что Югославия оставалась действительно неприсоединившейся.

Вот так порты Адриатического моря стали популярным местом для захода в них на отдых кораблей как американских ВМС, так и советского флота. В тот период заходы советских кораблей в порты Средиземного моря ограничивались Сирией, Ливией и Алжиром. С другой стороны, корабли НАТО могли пользоваться первоклассными портами Французской и Итальянской Ривьеры и регулярно заходить в Грецию и Турцию. Для советского ВМФ визиты в Дубровник, Сплит или Риеку были настоящей отдушиной, поскольку Израиль находился под запретом, а Египет в 1972 г. закрыл свои порты для советских кораблей. Как результат, заходы советских кораблей давали возможность военно-морским атташе НАТО в Белграде собирать важную разведывательную информацию. Поскольку любые действия советских вооруженных сил в любой точке земного шара были окутаны секретностью, то военные атташе в Югославии были единственными западными военными экспертами, которые могли с близкого расстояния наблюдать за действующими силами советского ВМФ.

Во время этих визитов атташе в Белграде доходили до крайностей, изобретая тактику добывания ответов на бесконечные вопросы о советском ВМФ, которые задавали им аналитики из Вашингтона и Лондона. Атташе часто ставили задачу идентифицировать старшего офицера советской делегации по имени, званию и должности в иерархии советского флота. В те дни любой отрывок информации по советским вооруженным силам

имел значение. Белградские атташе имели прямые контакты с офицерами советских кораблей, их командирами и находящимися на борту советскими адмиралами. Поскольку во всем мире существует практика открытого посещения местными жителями прибывших в их страну с визитом иностранных кораблей, у атташе была возможность вместе с другими посетителями подниматься на советские корабли и взглянуть на них с близкого расстояния. В 1984 г., в конце своего четырехлетнего пребывания в Югославии, американский военно-морской атташе лично побывал на большинстве советских надводных военных кораблей разных классов, стоявших у причала в югославских портах. Когда советский вертолетоносец УРО «Москва» впервые пришел с визитом в Дубровник, западные атташе из кожи лезли, стараясь подобраться к нему поближе. У вертолетоносца была большая осадка, поэтому он стоял на якоре примерно в миле от порта Груз в Дубровнике. Намереваясь получше все рассмотреть, американский и английский военно-морские атташе раздобыли шлюпку с подвесным мотором и подошли к вертолетоносцу поближе. Увлечшись изучением корабля, они проморгали смену погоды и внезапно попали в «буру» — классический адриатический шторм с сильным северным ветром. Их швыряло вверх и вниз под ударами волн, и атташе боялись, что мотор сорвется в воду. Потом вдалеке они увидели моторную лодку, которую отправили с вертолетоносца; лодка направлялась в их сторону. Советские матросы на лодке знали, очевидно, чем занимались незваные гости, и на тот случай, если шлюпку зальет, сопровождали их до самого порта.

Во время другого визита отряда советских военных кораблей западные атташе с фотоаппаратами устроили на советских офицеров «засаду». Отряд возглавлял ранее незнакомый адмирал, и было предположение, что он является вновь назначенным командующим советской Средиземноморской эскадрой. Когда советская официальная делегация вошла в городскую ратушу Дубровника для обычного приема у мэра города, натовская бригада «фотографов» рассредоточилась вокруг здания, словно группа заказных киллеров. Они ждали выхода адмирала после окончания приема у мэра, чтобы сделать его крупную фотографию в фас. Стояло лето, на улице было полно туристов, так что «фотоохотники» легко смешались с толпой, успев заметить, однако, что их возню снимают на пленку одетые в гражданское платье сотрудники наружного наблюдения контрразведки югославского флота. Атташе удачно сфотографировали адмирала, который оказался вице-адмиралом В.И. Селивановым, командующим Средиземноморской эскадрой.

В другой раз, когда советские корабли были с визитом в Риске, Хухтхаузен попал в группу канадских и американских офицеров, задержанных югославским полицейским при фотографировании советских военных кораблей. Полицейский потребовал документы. Когда Хухтхаузен предъявил свой дипломатический пропуск, югослав показал его кому-то из русских: «Гляди, я же говорил тебе, что он из вашего посольства!» — Товарищ, он из американского посольства, не из нашего! — сказал возмущенный русский. Растерянный югославский страж порядка увел Хухтхаузена с пирса; как только они завернули за какой-то дом и оказались наедине, полицейский извинился и отпустил Хухтхаузена.

В другой раз, во время визита советских кораблей в Дубровник, американский и итальянский атташе катались по заливу на маленькой моторной лодке и прошли чересчур близко к советской подводной лодке, стоявшей у причала в порту Груз. Усиленный громкоговорителем голос человека, говорившего на хорватском, разорвал послеобеденное спокойствие залива: «Эй, вы двое, в маленькой лодке, чем вы там занимаетесь?» Атташе заметили югославскую группу наружного наблюдения на полицейском катере, который отвалил от ближайшего причала и направился в их сторону. Атташе стали поспешно удирать. Из-за неисправности в моторе полицейский катер резко замедлил ход и застыл посередине залива; два западных офицера тем временем спокойно скрылись в толпе на рыбацком причале.

Атташе из стран НАТО также наблюдали и фиксировали поведение советских матросов, которые ходили в увольнение в городах Далмации. Матросов отпускали группами по пять-шесть человек, группу возглавлял офицер либо мичман. У них было очень мало карманных денег, которые они тратили на покупку нужных вещей вроде сигарет, открыток, югославских журналов и мыла. Советские матросы обычно демонстрировали высокий уровень дисциплины, скорее всего, оттого, что были запуганы строгим наказанием, часто

физическим, за плохое поведение. Поведение советских матросов разительно отличалось от поведения американских матросов, которые знакомились с местными девушками, покупали самые дорогие сувенирные изделия и слонялись по городу в основном парами. От матросов советских групп требовалось вернуться на корабль до наступления темноты, американцам обычно разрешалось возвращаться к полуночи и даже позднее, в зависимости от их ранга. Было件нятно, что средний югослав в этих портах Далмации живет гораздо лучше, чем живут в собственной стране советские матросы, которых могли призвать на флот из Сибири, Якутии, Средней Азии или Москвы. Позднее, уже в Москве, американский атташе понял, что из всех советских военных их сограждане больше всего завидовали рыцарям моря, которые имели роскошь видеть то, что происходит вне запечатанного границами СССР.

В городе Тиват, недалеко от входа в живописный Которский залив, находилось югославское судоремонтное предприятие. Этот закрытый залив достаточно известен в истории, поскольку был когда-то портом приписки флота некогда могущественной имперской Австро-Венгрии, распавшейся во время Первой мировой войны.

В порту Тиват на югославском предприятии производился ремонт военных кораблей Советского Союза, Ливии и некоторых других стран. В 1970-х и 1980-х годах в Тивате обычно находились два советских военных корабля, которыми были тендер подводных лодок и дизельная подводная лодка класса «Фокстрот», проходившая регулярное техническое обслуживание. Ливия тоже держала в Тивате две подводные лодки класса «Фокстрот» советской постройки, на которых выполнялось периодическое техническое обслуживание. В 1980—1984 гг. в любой момент времени в Тивате было три подводных лодки советской постройки.

ВМС США пытались использовать это постоянное присутствие как доказательство того, что Югославия растяжимо трактует понятие о неприсоединении. Югославский флот умело парировал такие обвинения, заявляя, что подобное присутствие не нарушает законодательство страны, касающееся территориальных вод и присутствия в югославских портах иностранных военных кораблей. Упомянутое законодательство определяло общий тоннаж, разрешенное количество кораблей и продолжительность пребывания иностранных военных кораблей в портах страны.

В тот период то и дело происходили стычки между ВМС США и Ливией, возникавшие из-за чрезмерных притязаний Ливии на границы своих территориальных вод в заливе Сидра и продолжающейся поддержки Ливией международного терроризма. Ливия была ключевым союзником Югославии, там работали около тысячи югославских инженеров, в Югославии, в свою очередь, на военных базах и объектах югославской народной армии проходили подготовку много ливийцев. Всякий раз, когда в Средиземном море вспыхивал очередной кризис между 6-м флотом США и ливийцами, американские ВМС били тревогу и заставляли своего военно-морского атташе в Белграде разведывать состояние ливийских дизельных подводных лодок в Тивате. Несмотря на то, что полковник Каддафи безалаберно использовал имевшиеся у него советские системы оружия, 6-й флот США был внимательным и проявлял предосторожность.

Поскольку одна треть ливийских подводных лодок постоянно находилась на балканских задворках в Тивате, а единственным американским морским офицером, который мог узнать о их статусе, был военно-морской атташе в Белграде, то ему постоянно ставили задачу доложить по первому требованию: 1) Сколько ливийских подводных лодок находится в Тивате? 2) Готовы ли они к выходу в море? 3) Имеются ли у них на борту торпеды?

Тиват находился в 420 милях строго на юг от Белграда, за горами Черногории. В хорошую погоду до Тивата можно было добраться на машине за 12—16 часов. В срочных случаях это можно было сделать за несколько часов, долетев самолетом «Югославских авиалиний» сначала до Дубровника, а потом на арендованной машине добираться до Тивата. Однако процесс приобретения авиационных билетов и оформление аренды автомобиля, что в Югославии само по себе в лучшем случае было сложным делом, заранее выдавали намерения атташе. А если учесть, что заявку на поездку за пределы Белграда надо было подавать за двое суток до дня поездки, то вся дорога до Тивата могла быть усеяна постами наружного наблюдения.

И все же когда ВМС США требовали, тесно связанная между собой группа атташе западных союзников принималась за работу. Выполнив описанные выше дорожные формальности, они могли уже через несколько минут после окончания разведки добраться до телефона и дать американскому флоту требуемую информацию. Безусловно, они нарушали все требования безопасности по использованию телефонной связи в коммунистической стране, однако задачу свою они выполняли и никогда не действовали по одной и той же схеме больше одного раза. Как правило, в течение нескольких часов 6-й флот получал от американского военно-морского атташе в Белграде информацию о том, находятся в югославском порту ливийские лодки или нет, какие на них ведутся работы и все ли металлические листы обшивки корпуса лодок на месте или нет. Последние два признака могли свидетельствовать о готовности лодки к выходу в море.

В какой-то из таких напряженных периодов появилось предположение о том, что ливийские лодки могут ускользнуть из Тивата раньше запланированного срока. В тот период один из авианосцев 6-го флота был с визитом в Венеции, которая находится на самой макушке Адриатического моря. Чтобы отслеживать возможный выход ливийских лодок, двое атташе из стран НАТО целую неделю мотались из одного далматинского гостевого домика, где за сутки проживания они получали постель и завтрак, в другой и высматривали ливийские лодки. В каждой из гостиниц у них был замечательный вид на выход из порта Тивата в открытое море.

Задача, которую они выполняли, была сложной и не очень вписывалась в окружающую их местность, которая не могла быть более прекрасной. Черногорское и боснийское побережье, где разбросаны прибрежные города Югославии, в том числе и Тиват, выглядит восхитительно. Иностранцы офицеры часто забирались высоко в горы, окружавшие прекрасный залив Котор, наслаждались там запахом мимозы и любовались далекими островами лазурной Адриатики. Это был рай, они в нем работали, и в ядерный век это казалось фантазией. Они были актерами высокой драмы «холодной войны», в которой были свои жесткие понятия. Однажды, обнаружив, что ливийская подводная лодка неожиданно уходит из порта, двое натовских офицеров поспешили к одному из немногих городских телефонов, чтобы передать в Белград кодированное сообщение. На почте, где был только один телефон, они увидели у телефонной будки очередь из нескольких местных сотрудников безопасности. Атташе спокойно ретировались незамеченными и зашли в какую-то соседнюю гостиницу. В кабинете офицера службы безопасности гостиницы они заявили, что им надо срочно связаться с американским посольством в Белграде, поскольку один из них потерял паспорт, после чего им предоставили телефон и они передали в посольство нужную информацию. Естественно, для подобных поступков необходимо иметь некоторое воображение, но задание было успешно выполнено.

Случайно американский военно-морской атташе нашел ключик к задаче с подводными лодками — местный информатор. Это сэкономило время, но его использование повышало риск, принося, правда, нужную информацию. Удача улыбнулась атташе, когда он повстречал югослава, работавшего мастером на ремонтном заводе в Тивате и непосредственно занимавшегося ремонтом ливийских лодок. Звали его Якоб, он был боснийским евреем из Сараево, который всем сердцем ненавидел арабов вообще и ливийцев в особенности. Планируя каждый свой шаг, атташе руководил деятельностью информационной сети Якоба. Вот так, за очень небольшую плату, американский атташе получал своевременную и точную информацию от источника непосредственно на месте событий и немедленно отправлял ее в ВМС США. Схема работала практически, но в этой работе были и напряженные моменты.

Как-то раз Якоб передавал атташе недельный график проведения ремонтных работ на судоремонтном заводе в Тивате; их встреча происходила в переполненном ресторане в богемном районе Белграда, который назывался Шкадарлия. По взаимному согласию они каждый раз меняли место встречи. К молодому боснийцу стали цепляться несколько человек из сербской шпаны, залившие в себя чересчур много сливовицы. Опасаясь, что их поймали в момент совершения акта шпионажа, атташе и Якоб поспешили разбежались в разные стороны, и только позже поняли, что сербы привязались к ним только из-за того, что увидели на цепочке Якоба звезду Давида. Никакие уговоры не могли заставить Якоба

отказаться от своего талисмана, но, по крайней мере в Белграде, он стал носить цепочку под рубашкой.

В один из вечеров американский атташе спокойно шел по влажным камням выложенной булыжником темной и продуваемой ветром улице Белграда. В воздухе висели крепкие запахи чеснока, сливовицы и табака. Атташе прошел мимо пустого киоска, оглянулся и убедился, что одинокая фигура позади действительно следует за ним. Атташе опять пошел в сторону реки и мимо осыпающихся стен старой крепости Калемегдан. Он незаметно шмыгнул в дверной проем и остановился. Дождь на исходе лета сделал Белград могильно холодным. Тень от Калсмегдана темным пятном лежала на узкой улице. Человек, преследовавший атташе, остановился, и атташе замер. С недавних пор служба наружного наблюдения стала работать более плотно, и становилось все труднее и труднее добираться из дипломатического квартала в Дединье на берег реки в убогой и зловонной нижней части города, не прихватив за собой хвост пешего наружного наблюдения. Атташе свыкся с тем, что за ним следят из машины наблюдения; подозрительные машины, следующие по пятам за атташе, были обычным делом. В этот раз, вместо того чтобы осторожно уйти, атташе по виду своего преследователя попытался определить, кто он — сербская полиция или военная контрразведка. И те, и другие были одинаково грубы, беспринципны и вне всякого контроля. Американец устал после долгого пути из Сараево, но ему надо было хотя бы на короткое время сбросить с хвоста преследователя и встретиться с информатором. Он сжался в пахнущем мочой проеме и прислушался. В тишине проплыли звонкие «тук-тук-тук» от шедшего по Дунаю катера.

Атташе вышел из дверного проема и спокойно пошел назад в противоположном направлении. Молодой Якоб будет ждать у крепостной стены, нервный и взвинченный. У него будет в запасе только один час, после чего он должен будет доставить доклад о состоянии ремонта подводных лодок в ливийское народное Бюро в их посольстве в центре Белграда. Уже больше шести месяцев атташе получал от своего информатора написанные от руки копии еженедельных докладов о состоянии ремонта ливийских подводных лодок в порту Тиват. Выход на добровольного помощника, работавшего на верфи, был для атташе улыбкой фортуны. Информация была ценной и всякий раз точной. Это была славная сделка: радостный офицер разведки 6-го флота получал точные даты убийства ливийских подводных лодок, а атташе, обеспечивший его этой информацией, расставался с изрядным количеством американского виски и лишался многих часов сна, которые он убивал на хождения на убогий берег реки и обратно.

Якоб был надежен, точен и горячо предан своему антиарабскому делу. Его крайняя преданность, однако, ставила под вопрос его надежность как источника информации. Один раз на встречу по передаче информации пришла его симпатичная сестра, которая рассказала, что ее горячий братец, заметив, как к ней пристают двое ливийских матросов, подрался с ними; это произошло где-то близ Тивата. Как бы там ни было, встречи по передаче информации по лодкам продолжались больше года, а потом неожиданно прекратились. На встречу с атташе в Белграде Якоб опять послал свою сестру, которая передала его последнее сообщение. Темноглазая красавица, чуть не плача, объяснила, что ее взрывной брат снова избил ливийца, на этот раз офицера, и не кулаками, а гаечным ключом. Якоб бежал из города, сумел найти себе место на пароме, который ходил из соседнего с Тиватом Бара в итальянский Бари. Из Италии Якоб намеревался пробраться в Израиль и поступить на службу в армию. Хотя ВМС США и потеряли надежный источник информации, израильская армия приобретала, без сомнения, решительного воина. Когда атташе открыл принесенный конверт, который был необычно большим, то нашел там чертежи всего судостроительного завода в Тивате и перспективный план ремонта ливийских и советских подводных лодок на ближайшие полгода.

В случае с посольством Ливии в Белграде удача еще раз улыбнулась атташе, который нашел еще один источник информации. Девушка работала оператором телефонного коммутатора посольства; ее отец, бывший в свое время видной политической фигурой в Югославии, сильно пострадал от Тито и много лет провел в тюрьме. Горечь и лишения, которые довелось пережить семье молодой красивой девушки в связи с гонениями на ее отца, были прекрасной мотивировкой ее разведывательной работы против коммунистического режима в Белграде и ливийских террористических структур. Эта

женщина давно эмигрировала из Югославии, а до этого не только своевременно сообщала обо всех переговорах по правительственной связи ливийского посольства, но и делала это с открытым желанием работать как против ливийской международной террористической сети, так и правительства коммунистической Югославии, которое она ненавидела всем сердцем. Ее работа внесла значительный вклад в последующее воспреещение подготовки ливийских террористов в Югославии в начале 1990-х годов.

Удачливый атташе жил в постоянном опасении того момента, когда его излишнее рвение и энтузиазм вынудят его переступить незримую черту и оказаться пойманным во время совершения какого-нибудь изобличающего поступка. После этого в процесс включится правительство страны пребывания и вышлет офицера на его родину. Другим фактором, сдерживающим инициативу, были взаимоотношения внутри самого американского посольства. Рядовые сотрудники посольства считали себя обязанными любой ценой улучшать отношения со страной пребывания, поэтому активная разведывательная деятельность против этой страны вызывала со стороны посольских сотрудников почти такую же враждебность, которую питали к ней те, против кого эта разведка велась. Послы Соединенных Штатов в Югославии того периода (1980—1984), Л. Иглбергер и Д. Андерсон, в большинстве случаев оказывали разведке максимальную помощь; хотя было ясно как божий день, что если атташе будет задержан контрразведкой страны пребывания, то посольство умоет руки и заявит, что атташе действовал на свой страх и риск и в нарушение действующих в посольстве правил поведения в принимающей стране. Так что атташе был действительно в одиночном плавании, имея перед собой опыт некоторых неудачливых предшественников, которые убыли домой ранее положенного срока, высланные либо правительством страны пребывания, либо своим собственным послом. Военно-морским атташе положено заниматься флотом, нравится это или нет атташе других видов вооруженных сил и остальным сотрудникам посольства, подозревавшим, что военно-морской атташе срывается на прекрасное побережье Далмации просто для того, чтобы отдохнуть от скучной и грязной столицы.

БЫЛИ И ДРУГИЕ УСПЕХИ

В начале 1980-х годов двое других военных атташе показали свое мастерство в Польше, которая находилась на военном положении и под угрозой ввода советских войск. Полковник сухопутных войск США Ч. Уильяме и канадский полковник А. Пол-Дадди оценивали повседневное состояние готовых к входу в Польшу советских войск и давали ценную информацию. Систематически получать подобную информацию от средств спутниковой и радиоразведки тогда не представлялось возможным в связи с облачностью, закрывавшей обзор, и мерами маскировки и скрытого управления войсками, которые использовались в советских частях. Двое полковников снабжали Запад информацией, которая помогала предугадывать, когда советские войска могут войти в Польшу. В середине 1980-х годов американский военный и военно-морской атташе на Мадагаскаре добился одного из самых известных, наверное, успехов в истории разведки последних лет. Бывший летчик самолета базовой патрульной авиации Р-3 Томми Томпсон весьма недурно играл в теннис. Во время своей командировки на Мадагаскар он подружился с президентом страны, который тоже был заядлым теннисистом. Они стали регулярно встречаться, и вскоре между ними завязались настоящие дружеские отношения. В то время правительство Мадагаскара разрешило СССР (в обмен на неназванную сумму финансовой помощи) построить станцию радиоразведки на одном из холмов, возвышающихся над Индийским океаном. Станция была оснащена сложными антеннами конструкции Волленвебера, что давало советской разведке большие возможности по слежению за американскими ВМС в Индийском океане. Президент страны был благочестивым мусульманином и с подозрением относился к советскому присутствию; президент поведал кэптену Томпсону, что сделка по станции радиоразведки была вызвана скорее финансовыми проблемами его страны, чем

выражением поддержки безбожному СССР. Кэптен Томпсон, от которого его начальство требовало узнать как можно больше про эту станцию радиоразведки, во время партий в теннис и после них понемногу вытягивал из президента кусочки требуемой информации. Президент быстро смекнул, какой интерес советская станция радиоразведки представляет для американца, и совсем неожиданно преподнес Томпсону роскошный подарок. В один из дней к Томпсону должен был подойти человек «от президента», который проводит его на советскую станцию, строительство которой завершено, однако, согласно договоренности с СССР, станция закрыта на ключ и на ней нет советского персонала. Очевидно, догадливый президент хотел выбить из Советского Союза дополнительные средства и уж после этого разрешить работать на станции. А пока он позволил кэптену Томпсону взять с собой фотоаппарат и осмотреть все, что ему захочется. Томпсон поступил точно так, как предложил президент. Он прошел на территорию станции, которая имела внушительные размеры, но охранялась только местной милицией. Станция была напичкана электронным оборудованием. Томпсон осмотрел все сооружения и все сфотографировал, как изнутри, так и снаружи. Серия из нескольких докладов и безупречные фотографии объекта принесли ему награду «Разведчик года», которую он получил от директора ЦРУ. Советский атташе на Мадагаскаре никогда не конфликтовал с ним по этому поводу.

Успех другого атташе был менее зрелищным, но тоже принес ценные результаты. В 1984 г. военно-морской атташе США в Белграде проживал в шикарном районе Дединье, поблизости от грандиозной виллы Тито, с которой был вид на реку Сава. По воле случая, советский, румынский и восточногерманский атташе проживали всего в 100 метрах от него. Поскольку американский атташе был одновременно аккредитован и в Румынии, он, естественно, подружился с румынским атташе, полковником, который уже прослужил в Белграде тринадцать умопомрачительных лет. Румынский атташе с женой каждый год ездили в Бухарест, чтобы, как объяснял румын, повидаться с семьей и получить свежую «накачку» от разведывательного управления «Секуритате», которой все боялись при пожизненном президенте страны Николае Чаушеску. Со временем выяснилось, что румынский атташе был большим любителем американского виски, и перед каждой поездкой атташе домой в Румынию американец предусмотрительно одаривал его коробкой виски «Джим Бим». Прошло несколько лет, подарок стал ритуалом, и это в конце концов дало результат.

Летом 1984 г. страны Варшавского договора проводили крупные учения в Болгарии. По замыслу учений, советские, румынские и болгарские части формировали в Болгарии единый фронт и отрабатывали действия по захвату западного побережья Черноморских проливов. Обстановка была напряженной, и западные атташе, естественно, гонялись за информацией о предстоящих учениях. Поскольку румынский атташе вновь собирался в свое ежегодное паломничество в Бухарест, американец в этот раз поднял планку и снабдил его двумя коробками виски. Через месяц румын вернулся и попросил своего американского коллегу о встрече, которая, как он настаивал, должна была произойти в саду. Приятным летним вечером румын передал американцу полный план предстоящих учений. Позднее, на конференции американских военных атташе в Лондоне, военно-морского атташе США в Белграде заставили поделиться его рецептом получения такой бесценной информации. — Какие секреты, — спросили его, — вы передали румыну за эту информацию? — Уйму виски, — ответил он.

СУДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ ЛЕНИНГРАДА

В Советском Союзе, в наиболее жестких и порой опасных условиях деятельности, группы военно-морских атташе стран НАТО добывали на ключевых объектах чрезвычайно большое количество информации по военно-морскому строительству. Однако там, где тонкая линия поведения «добытчика» разведывательной информации натывалась на местах на топорные методы работы службы наблюдения, нередко случались и инциденты. Период середины «холодной войны» изобилует историями про Ленинград, где деятельность

канадских, английских, американских и французских военно-морских атташе частенько «подслащивалась» физическим контактом с сотрудниками советской службы контрразведки, которых атташе между собой называли громилами.

Когда по ходу строительства приходилось выставлять на всеобщее обозрение какой-то элемент нового секретного корабля, например, секцию корпуса подводной лодки или даже весь корпус, то советская служба контрразведки часто получала подкрепление. Ряды сотрудников контрразведки тогда усиливались легионами дружинников, которыми являлись отработавшие смену работники предприятия и находившиеся на пенсии ветераны труда. Носившие красные нарукавные повязки дружинники старались противодействовать западным атташе, которые шастали чересчур близко от секретных военных объектов.

Ленинград был одним из немногих портов Советского Союза, постоянно открытым для иностранцев. На территории Большого порта находились пять судостроительных предприятий, где строились военные корабли и подводные лодки. И поскольку девяносто процентов остальной территории СССР было закрыто для посещения иностранцев, Ленинград, естественно, становился для западных военно-морских атташе той притягательной смотровой площадкой, на которую они могли пробиться через плотную завесу советской контрразведки. Советы предпринимали серьезные и часто неуклюжие меры по маскировке своих новых кораблей и подводных лодок, которые обретали свои формы на стапелях или в гигантских цехах, в которых строились подводные лодки. Шли годы, и атташе стран НАТО, работая плечом к плечу с американскими и английскими аналитиками, продвигались вперед в решении поставленных перед ними задач.

Эти аналитики, будучи специалистами по строительству военно-морских кораблей, использовали все источники разведки, включая снимки со спутников, и могли предсказывать, когда произойдет спуск на воду тех или иных кораблей и подводных лодок. Спуск на воду обычно был самым уязвимым моментом строительства, привлекавшим много любопытных глаз. Однако Советы тем не менее придумывали различные экраны замысловатых конструкций и ложные шатры, стараясь не дать западным атташе сделать даже несколько снимков спускаемого на воду корабля.

В течение многих лет набережная лейтенанта Шмидта оставалась единственной автомобильной дорогой и единственным тротуаром, откуда острый глаз мог разглядеть новую подводную лодку, появляющуюся из-за раздвижных ворот цеха завода «Судомех», находящегося на другой стороне реки Невы. В период подготовки к спуску на воду Советы прибегали к грубой силе, наводняя набережную лейтенанта Шмидта пешими и в машинах сотрудниками контрразведки, — вездесущими громилами. Громилы, которых обычно подбирали не по гибкости ума, а по их внешним габаритам, были противниками в тянувшейся годами благородной джентльменской игре под названием прятки. Иногда, правда, игра велась не совсем по-джентльменски. Как-то раз, к примеру, капитан ВМС США и майор морской пехоты, сотрудники посольства США в Москве, попались громилам, которые повалили их на землю и сняли с них брюки. Незадачливым офицерам пришлось пройтись январским днем через центр Ленинграда до американского консульства. На следующий день ленинградская газета поместила фотографию офицеров, топающих по морозцу без штанов с такой подписью: «Шпионы из ВМС США задержаны у советского судостроительного завода».

Осторожность осторожностью, но активному военно-морскому офицеру часто приходилось пренебрегать здравым смыслом в угоду своим амбициям. Для того чтобы с близкого расстояния сделать фотографии только что построенного атомного ракетного крейсера класса «Киров» и подобрать упавшие с его палубы «сувениры», некоторые военно-морские атташе не боялись в середине зимы ходить по льду замерзшей Невы, а другие пробовали проникнуть на базу подводных лодок в Балаклаве на Черном море и взглянуть на экспериментальную подводную лодку «Белуга», которая возвышалась там на железнодорожных платформах.

В 1986 г. большого успеха в сборе разведывательной информации достиг лейтенант-командер Д. Нортхап, весьма решительный помощник американского военно-морского атташе. Его своевременно сделанные фотографии гребного винта советской подводной лодки (на первом снимке винт лежал в кузове грузовика, а на втором висел в воздухе, поднятый краном во дворе ленинградского Балтийского судостроительного завода)

оказались критическим косвенным доказательством, которое потребовалось в очень деликатном судебном деле против компании «Тошиба». Фотографии, сделанные Нортхапом, подтверждали факт продажи японцами Советскому Союзу критически важной технологии, необходимой для изготовления гребных винтов подводных лодок. Эта продажа была грубейшим нарушением западных ограничений в рамках координационного комитета по многостороннему контролю («КОКОМ»), который регулировал продажу высоких технологий странам организации Варшавского договора. Незаконная продажа японцами Советскому Союзу этого оборудования, работа которого контролировалась компьютером, обошлась ВМС США примерно в один миллиард долларов. Эти деньги ушли на модернизацию аппаратуры обнаружения, которая должна была соответствовать параметрам новых и менее шумных японско-советских гребных винтов.

Вероятнее всего, советский ВМФ узнал о своем ужасающем отставании в борьбе за понижение шумности подводных лодок, вызванной кавитацией гребного винта лодки, из информации, полученной через шпионскую семейку Уолкерсов. КГБ сумел обойти ограничения, налагаемые на технологии, которые требовались СССР для производства более качественных винтов. Он умело организовал выход советской компании «Техмашимпорт» на московское представительство мелкой японской торговой фирмы «Вако Коеки». Последняя обратилась к «Тошибе» за разрешением на экспорт фрезерного станка «МВР-110», который обрабатывал гребные винты судов в девяти плоскостях. В 1981 г. «Техмашимпорт» заказал четыре подобных станка. Когда «Тошиба» запросила лицензию на экспорт, то в своем запросе указала, что станок работает в двух плоскостях, что вполне соответствовало ограничениям «КОКОМ», которые разрешали экспорт в страны Варшавского договора станков, работающих максимум в трех плоскостях. В запросе на экспортную лицензию в графе «цель поставки» компания «Тошиба» указала «для улучшения энергосистемы общего пользования в Ленинграде». Для управления этими станками Советский Союз заказал системы компьютерного управления «НС-200» у оказавшейся на финансовой мели норвежской компании «Конгсберг», которая, как и японцы, фальсифицировала экспортную документацию, указав, что оборудование работает всего в двух плоскостях. Вот так, всего за четыре миллиона долларов, Советский Союз приобрел и установил на ленинградском заводе «Судомех» станки и оборудование управления высшего технического уровня. За относительно небольшие деньги Советский Союз исправил основной изъян своего подводного флота, стоимость которого составляла многие миллиарды рублей.

У военно-морской разведки уже были многочисленные свидетельства нарушения японцами торговых ограничений, но они были секретного характера и не могли быть использованы в открытом суде. Поэтому фотографии конечного продукта, сделанные Нортхапом, позволили начать судебное дело против компании «Тошиба».

ИЗБЫТОК УХАРСТВА

Случалось порой, что хорошо сталированные и осторожные разведывательные операции оборачивались против самих участников этих операций и превращались в серьезные акты откровенного шпионажа. Именно в такой компрометирующей ситуации оказались в 1988 г. двое помощников американского военно-морского атташе в Москве, которые попытались подобраться как можно ближе к закрытой советской базе морской авиации в Саках (советский эквивалент испытательной базы авиации ВМС США в Потоксент Ривер). Двое американцев сели в обычный пассажирский автобус, маршрут которого заканчивался в небольшой деревне рядом с обширной базой. Довольные собой офицеры ехали в автобусе, дорога шла вдоль аэродрома, американцы смотрели в окна и запоминали то, что они видят за ограждением базы. Потом автобус неожиданно свернул в сторону базы, намереваясь пересечь большое летное поле. Охрана на въезде на базу установила личности двух молодых американцев и задержала их. Понурым помощникам военно-морского атташе, не предполагавшим такой извилины в маршруте автобуса, было предъявлено привычное

стандартное обвинение: попытка проникновения двух американских военных шпионов на особо секретную экспериментальную базу советской морской авиации.

В другом случае военно-морской атташе и его жена сумели пробраться на территорию исследовательского центра противолодочной борьбы, расположенного на крымском побережье вблизи Ялты, недалеко от летней дачи генерального секретаря Горбачева. Американская военно-морская разведка предполагала, что на этом объекте проводятся испытания новых и нетрадиционных способов измерения дальности. Атташе пришлось оставить своего «сообщника по преступлению» и в одиночку продолжать разведку. Он стоял рядом с испытательной площадкой, прекрасно видный со всех сторон, и сосредоточенно разглядывал оборудование для измерения дальности. Неожиданно к нему подошел охранник с красной нарукавной повязкой и потребовал объяснений. Атташе рискнул сказать, что он ждет жену, которой срочно потребовалось зайти в кусты. Смущенный преследователь быстро ушел, дав возможность американской паре беспрепятственно ретироваться.

И все-таки в голове каждого атташе присутствовал скрытый страх, который временами обретал черты безголового командера Лайонела Крэбба. Всегда существовала вероятность того, что незамеченный часовой слишком энергично отреагирует на обнаруженного им нарушителя, и уж тогда не поможет никакой дипломатический иммунитет.

Если часовой на объекте обнаруживал иностранного атташе, проникшего на закрытую территорию с фотоаппаратом в руках, то это могло привести к серьезным и даже трагическим последствиям. Неожиданное противостояние могло спровоцировать часового, имеющего плохое образование и такой интеллект, которого хватало только на то, чтобы сообразить, что он должен что-то делать. Именно такой случай повлек смерть неудачливого майора сухопутных войск США А.Д. Николсона (младшего) 24 марта 1985 г. в ГДР Американская военная миссия в Потсдаме (ГДР) была одной из четырехсторонних миссий, которые после окончания Второй мировой войны действовали в четырех зонах оккупации побежденной Германии. В задачу миссий входило наблюдение за военной деятельностью другой стороны и информирование об этом своего соответствующего штаба. После объединения Германии в 1990 г. миссии были распущены. В 1985 г., однако, миссии еще функционировали, и майор А. Николсон выполнял обычную задачу по наблюдению вблизи района, обозначенного как постоянно закрытый объект Группы советских войск в Германии (ГСВГ). В ГСВГ тогда насчитывалось девятнадцать дивизий, которые были лучшими в Советской Армии. Николсон успешно проник в танковое хранилище, внимательно все осмотрел и сделал фотографии пустых боевых машин. Он действительно проникнул в это хранилище. Появление советского часового было неожиданным для Николсона, при виде нарушителя занервничал и сам часовой, застрелив не успевшего скрыться американца. Трагизм ситуации заключался в том, что советские военные не разрешили напарнику Николсона по его рискованному путешествию организовать вызов первой помощи, которая могла спасти жизнь майору. Николсон истекал кровью, а советские и американские военные наблюдали за этим и не могли помочь.

ПОГОНЯ ЗА ТЕНЬЮ

В 1987 г. аппарат американских военных атташе в посольстве США в Москве еще не пришел в себя от потрясших его скандалов и дрязг. Годом раньше посольство взорвал секс-скандал, в котором были замешаны охранявшие посольство морские пехотинцы США; тогда начальство прознало, что многие молодые морские пехотинцы из подразделения безопасности посольства регулярно совращались молодыми и привлекательными советским женщинами, работавшими в консульстве.

Американское посольство размещалось тогда в желтом здании на Садовом кольце Москвы; здание было построено немецкими военнопленными в 1950-х годах. В сумрачном десятиэтажном доме работали большинство сотрудников военных атташатов и служащих Государственного департамента, которые занимали вычурно отделанные апартаменты. В то

время в посольстве работали примерно 244 гражданина СССР, которые были административными помощниками, помощниками в деловых поездках, уборщиками и нянями по уходу за младшими членами семей американцев. Безусловно, они все работали на КГБ и имели почти свободный доступ в жилые помещения консульства; им, однако, не разрешалось заходить в рабочие кабинеты, где хранилось немало секретов. Подразделение безопасности посольства комплектовалось специально отобранными молодыми морскими пехотинцами рядового и сержантского состава, которые подчинялись консулу посольства по административным вопросам. Государственный департамент ревностно поддерживал такой порядок подчиненности, и между морскими пехотинцами и персоналом военных атташатов лежала глубокая пропасть. В 1986 г. персонал военных атташатов американского посольства насчитывал тринадцать офицеров сухопутных войск, ВМС и ВВС США, а также нескольких рядовых и сержантов. Пока морские пехотинцы были заняты постельными делами с молодыми советскими нянями и секретаршами, КГБ прилежно проникал в новые уголки посольства. В 1986 г. президент Рейган скопом выслал пятьдесят пять советских дипломатов, работавших в советских представительствах в Вашингтоне и Нью-Йорке, обвиненных в недипломатическом поведении, другими словами, в шпионаже. Советский Союз ответил высылкой из Москвы пятерых американских дипломатов, среди которых оказался и военно-морской аташе, бывший некогда командиром подводной лодки.

Полагая, что советские спецслужбы проникли в консульство, и в ответ на высылку американских дипломатов — но в большей мере для того, чтобы «спасти лицо» — Государственный департамент приказал уволить всех 244 советских работников американского посольства и запретил любым советским гражданам посещать американское посольство. «Линия фронта» была обозначена. Но пришла московская зима, самая холодная за последние пятьдесят лет, и верхом комедии было наблюдать старших американских дипломатов, которые, отказавшись от советской помощи, сами убирали лопатами снег, сами оформляли документы для поездок и сами крутили баранки служебных автомобилей по стылой советской столице. Среди хаоса и неразберихи того периода, когда дипломатические отношения между США и СССР опустились до самого низкого уровня в их истории, самая несуразная программа по сбору разведывательной информации достигла своего зенита.

В течение продолжительного периода времени американская разведка получала отрывочную информацию об интенсивном строительстве подземной железнодорожной системы, которая создавалась под глубоко расположенными и богато украшенными линиями московского метро. Сообщалось, что прокладывается туннель диаметром 9 метров для миниатюрной железной дороги; эта подземная дорога будет связывать Кремль с Министерством обороны, КГБ и другими учреждениями, имеющими недобрую славу. Строительство туннеля началось еще в сталинскую эпоху, но было прервано войной. Предполагалось, что в случае ядерной войны подземная железная дорога доставит высших советских руководителей в подземные командные центры, безопасные места и пункты эвакуации. В 1980-х годах у военных аташе были совершенно секретные фотографии со спутников, которые свидетельствовали, что строительство продолжается. Американским военным аташе было приказано найти фактический материал, подтверждающий строительство.

Если внимательно смотреть вдаль поверх московских крыш, то можно заметить разбросанные в разных местах города и странно смотрящиеся навесы, установленные на стальных конструкциях на высоте от 15 до 55 метров над землей. Предполагалось, что в этих сооружениях находятся ленты транспортеров, которые поднимают из глубины на поверхность выбранную из строящихся туннелей землю. Американских аташе по вечерам регулярно заставляли наблюдать и хронометрировать процесс подъема на поверхность выбранной во время проходки туннелей земли. Этой разведывательной операции, которая проводилась в абсолютной секретности, была присвоена высшая категория приоритетности и срочности. Многие аташе, отправляясь на дипломатические приемы и обеды или же возвращаясь с них, старались свернуть поближе к площадкам, где велись работы по подъему земли, чтобы взглянуть, что там происходит. Часто случалось, что аташе, в полной парадной одежде, поверх которой был наброшен черный плащ, холодными и

влажными московскими ночами часами торчали возле подъемников, подсчитывая и хронометрируя количество поднятой наверх грязи. Процесс строительства продолжался и в период горбачевской «оттепели», и вроде бы свидетельствовал о зловещих советских планах начать внезапную ядерную войну. Аналитики американской разведки были совершенно сбиты с толку тем, что строительство подземной системы эвакуации руководства страны, начатое в полном секрете при Сталине, все еще продолжалось. В конце концов с падением Берлинской стены и развалом Советского Союза, подробные планы этой экстравагантной тайной железнодорожной системы, похожей на линию метро, которая в Вашингтоне соединяет сенат США и Белый дом, были беззаботно переданы американским бизнесменам, работавшим в России со «Всемирным банком» после ухода Горбачева. Не представляя, какое значение имеет эта подземная дорога для американских военных, сотрудники «Всемирного банка» посчитали планы ее сооружения пережитками коммунистического прошлого. Рассказанное выше — всего лишь один пример того, как отрывки поразительной разведывательной информации оказались невостребованными в схватке за посткоммунистическую Россию. Обе стороны вбухали уйму денег в эту систему. Советский Союз изрядно потратился на строительство железной дороги, а Соединенные Штаты убивали время, деньги и энергию, стараясь узнать как можно больше о проекте, который так и не был завершен.

Глава 16 СОВЕТЫ, ШТАТЫ... ИЛИ КТО-ТО ДРУГОЙ? 1940-1980-е гг.

В 1990 г. в советской прессе появилась серия статей, затрагивающих тему НЛО и противовоздушную оборону. В статьях выражалась озабоченность по поводу того, что американские системы в рамках Стратегической оборонной инициативы (СОИ) могут запутаться с определением принадлежности неопознанных летающих объектов, НЛО, принять их за летящие в сторону США ракеты и начать неспровоцированную контратаку Советского Союза. В статьях упоминались «десятки тысяч НЛО», которые наблюдались над территорией Советского Союза, и которые Академия наук СССР не могла объяснить. Содержание статей в советских газетах перекликалось с озабоченностью, которую тридцатью годами раньше на страницах «Нью-Йорк тайме» выразил бывший директор Центрального разведывательного управления контр-адмирал Роско Хилленкоттер. Опытный офицер военно-морской разведки, секретный посланник Ф.Д. Рузвельта в Европе и американский военно-морской атташе в Париже и Виши после немецкого вторжения во Францию, Хилленкоттер был назначен первым директором (1947—1950 гг.) вновь созданного Центрального разведывательного управления. Его знаменитая статья про НЛО появилась в феврале 1960 г.:

«В своем кругу общения высокопоставленные офицеры ВВС искренне озабочены по поводу НЛО. Однако официально проводимая политика секретности в этом вопросе вкупе с высмеиванием предмета разговора подводят многих американцев к мысли о том, что НЛО — это ерунда... Я настаиваю на немедленных действиях конгресса относительно уменьшения опасности, вызванной секретностью по поводу НЛО... Следующие две опасности неуклонно возрастают: первая — опасность случайного начала войны, вызванная ошибочной классификацией групп НЛО как внезапное нападение Советского Союза, и вторая — опасность того, что в решающий момент Советское правительство может обманом заявить, что НЛО являются секретным оружием русских, против которого бессильны наши средства обороны. Я настаиваю на немедленных действиях конгресса относительно уменьшения опасности, вызванной секретностью по поводу НЛО».

После этого заявления Хилленкоттер оставил работу в Национальном комитете исследования воздушных феноменов, одним из соучредителей которого в 1956 г. был он сам. Ходили слухи, что адмирала попросили это сделать.

И статья Хилленкоттера, и публикации в советской прессе предполагали, что обнаружение НЛО может по ошибке развязать ядерную войну. Семидесятые годы прошлого века были настолько богаты на свидетельства об увиденных НЛО, что высшим военным разных стран пришлось выступить по этому вопросу публично. Французский министр обороны Роберт Галлей (1973—1974) и британский начальник объединенного комитета начальников штабов адмирал Нортон Хилл (1971—1973) сделали откровенные заявления о реальности загадочных объектов. Во вступлении к книге специалиста по НЛО Т. Гуда адмирал Хилл писал:

«Мне кажется, что существует масса свидетельств того, что объекты, которые наблюдались в земной атмосфере и даже на самой поверхности нашей планеты, не могут быть отнесены ни к объектам, созданным человеком, ни к какой-либо физической силе или эффекту, известному нашим ученым... Очень большое число наблюдений подтверждается людьми, которым я безусловно верю. Поражает тот факт, что очень много наблюдений было выполнено подготовленными наблюдателями, такими как офицеры полиции, военные и гражданские летчики. Их наблюдения во многих случаях подтверждаются... или техническими средствами, например, РЛС, или, что еще более убедительно... нарушением работы электрического оборудования того или иного рода».

Менее чем через десять лет, 17.09.1987 г., президент Рейган поставил этот вопрос перед ООН. Выступая на открытии 42-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, американский президент заявил, что США и СССР должны объединить усилия «на тот случай, если планета столкнется с вторжением внеземных существ».

СОВЕТСКИЕ РАКЕТЫ НАРУШАЮТ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО ШВЕЦИИ?

После загадочного «воздушного налета» на Лос-Анджелес в феврале 1942 г. (см. «Введение») первый в истории «холодной войны» случай «сбитая с толку» сил противовоздушной обороны произошел, по-видимому, летом 1946 г. Очевидцы из Швеции и Финляндии сообщали, что они наблюдали в небе объекты, имеющие форму ракет и летевшие с невероятной скоростью. Первоначально это явление приписывалось захваченным у немцев и усовершенствованным ракетам «Фау-1» и «Фау-2», которые запускались из советской зоны оккупации в Германии. Однако, по свидетельству очевидцев, среди которых был и один летчик ВВС Швеции, наблюдавший загадочные объекты 14.08.1946 г., сигарообразные объекты не имели крыльев и рулей направления и не оставляли за собой следов пламени. Сообщалось, что скорости некоторых объектов превышали 2000 миль в час.

Пытаясь найти объяснение этим фактам, посольство США в Стокгольме обвинило Советский Союз, который по политическим мотивам мог «запугивать шведов в связи с переговорами о предоставлении займов или повлиять на усиливающееся американское давление на Швецию после визита в эту страну американских военных кораблей». Данное объяснение было повторено в телеграмме американского посольства в Государственный департамент от 29 августа: «Несмотря на то, что уже получено более 800 сообщений о НЛО и новые сообщения продолжают поступать, у шведов до сих пор нет вещественных доказательств. Все подробности имеющихся к настоящему времени сообщений уже отправлены в Вашингтон нашими военным и военно-морским атташе. Мой собственный источник информации считает, что какое-то государство проводит практические эксперименты над Швецией. Мой источник думает, что этим государством является Советский Союз. Он обещает поставить меня в известность раньше других об обнаружении каких-либо вещественных доказательств».

ДЖОНС СОМНЕВАЕТСЯ В ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Профессор Р.В. Джонс, блестящий руководитель британской технической разведки, отменил все сообщения и усомнился в очевидцах. В своих мемуарах он писал:

«У нас имелось одно возражение со стороны разведки, которое, несомненно, отражало общее настроение относительно мотивов советских действий в 1945 г. Оно возникло раньше, чем появились сообщения о летающих тарелках; ... экипажи наших бомбардировщиков докладывали об одномоторных ночных истребителях с желтыми огнями в носовой части над Германией тогда, когда нам было известно, что одномоторных ночных истребителей в воздухе нет. Так что мы не очень-то удивились, когда о таких случаях стали сообщать из Швеции, которая считала себя фронтовым государством, каковым она окажется в случае попытки русских продвинуться на запад».

Джонс не был согласен с общим мнением, что наблюдаемые объекты являлись летающими бомбами дальнего действия, которые запускались Советским Союзом с целью напугать шведов. Он не видел никакого смысла в том, чтобы Советский Союз предупредил Запад о наличии у него управляемых летающих бомб, имеющих большую дальность полета и более надежных, чем «Фау-1» и «Фау-2». Несмотря на множество докладов о летающих объектах, не было ни одного сообщения об упавшем объекте, хотя, как сообщалось, какие-то куски «ракет-призраков» с них падали и были обнаружены на земле. Как свидетельствует Джонс, они были неправильной формы, похожи на комья, и их трудно было ассоциировать с какими-нибудь элементами какого-то механического устройства. Швеция предоставила Джонсу несколько подобных комьев, и он отправил их в отдел химического анализа в Фарнборо. Коммодор британских ВВС Винтрас, который являлся начальником разведки британских королевских ВВС, был потрясен результатами анализа. В состоянии крайнего возбуждения он позвонил Джонсу: «Ну, что я вам говорил! Фарнборо проанализировало те образцы, которые вы прислали, и обнаружило, что один из комьев на более чем девяносто восемь процентов состоит из неизвестного химического элемента!»

Джонс удивлялся: «У русских не только есть летающая бомба с фантастическими летными характеристиками, у них есть еще и топливо для этой бомбы, которое сделано из химического элемента, который является чем-то новым в мире химии». Скептицизм Джонса не мог принять заявлений о том, что ракеты являются советскими. Он также посчитал комья обычными кусками кокса, а «ракет-призраки» метеорами, настолько яркими, что их можно было увидеть при дневном свете.

В октябре 1946 г. шведские военные признали, что они оказались не в состоянии определить происхождение и природу «ракет-призраков»: «Радиолокационными станциями отмечено около 200 объектов, которые не могут быть природными феноменами или продуктами воображения, их также нельзя отнести и к шведским самолетам».

СОВЕТСКИЕ ДИСКИ... НАД НЬЮ-МЕКСИКО?

Вскоре другие загадочные объекты вторглись в воздушно-космическое пространство Соединенных Штатов и начали облетывать военные объекты, включая испытательный полигон «Уайт Сэндз» в Лас-Крузес, штат Нью-Мексико, на котором проводились испытания ракет «Фау-2». В июне—июле 1947 г. ВВС сухопутных войск США и ВМС США начали собирать доклады очевидцев, наблюдавших странные объекты. Эти сообщения вошли в ныне рассекреченный документ «S-03537», напечатанный на базе ВВС Райт-Филд Дейтон в 1949 г.; с этим документом можно ознакомиться в национальном архиве в Колледж Парк, штат Мэриленд. В документе много докладов от военнослужащих. Некоторые доклады рассказывают о четко управляемых летающих дисках, которые наблюдались при ясной погоде и которые не подходили под описания ни одного из известных самолетов.

В одном случае два небольших НЛО вихрем вертелись вокруг ракеты. В двух других случаях военнослужащие ВМС смогли наблюдать за объектами с помощью теодолитов. Испытаниями ракет руководил командер Р.Б. Маклэпган, специалист по корабельной артиллерии и управляемым ракетами. С августа 1946 г. Маклэглин командовал подразделением ВМС США, которое участвовало в секретных программах на испытательном полигоне «Уайт Сэндз». Маклэглин начал заниматься исследованиями в области управляемых ракет в 1939 г., т.е. через четыре года после окончания академии ВМС США. К 1941 г. он разработал прием наведения управляемой ракеты по лучу РЛС (изменение направления полета ракеты после ее пуска), что повышало точность зенитного огня по высоколетящим самолетам. Во время войны Маклэглин был артиллерийским офицером на авианосце ВМС США «Интрепид» и участвовал в боевых действиях, включая и тот случай, когда в течение трех с половиной минут авианосец был атакован тридцатью тремя японскими самолетами, пилотируемыми камикадзе.

Маклэглин так рассказывает о происшествии с загадочными объектами:

«В тот день мы проводили пуск ракеты ВМС в верхние слои атмосферы. Вскоре после старта ракеты неизвестно откуда появились два небольших объекта округлой формы и приблизительно диаметром 20 дюймов (около 50 см), которые приблизились к ракете и вместе с ней стали подниматься вверх. (О подобных дисках ранее уже докладывалось, докладывалось также и о более крупных дисках.) В тот момент, когда ракета развила скороподъемность более 2000 футов в секунду (приблизительно 600 м/с), объект, находившийся к западу от ракеты, пересек струю выхлопных газов и присоединился к объекту, который был к востоку от ракеты. Они затем, очевидно, «решили», что ракета движется недостаточно быстро для них. Они ускорились, обогнали ракету и ушли вверх и на восток. Примерно через восемь минут после того, как ракета упала на землю в районе полигона, я получил доклад от поста оптического наблюдения, который располагался на вершине горы. Ракета, говорилось в докладе, только что прошла над горой и теперь удаляется от полигона в направлении на запад. Это мог быть один из двух объектов, которые мы наблюдали ранее, или же это был третий объект. Следует добавить, что до этого мне поступили доклады от одиннадцати человек, находившихся на пяти наблюдательных пунктах, не имевших связи между собой и расположенных в разных сторонах света. Во всех докладах говорилось о двух замеченных объектах, которые действовали так, как я указал выше».

Три происшествия с участием НЛО, которые произошли над полигоном «Уайт Сэндз», подвигли Маклэглина на смелый вывод: «Принимая во внимание все обстоятельства трех появлений НЛО (одно из которых я наблюдал лично), в которых я несколько не сомневаюсь... я полагаю... что имеется так много свидетельств от такого большого числа надежных источников, поэтому мы не должны довольствоваться неубедительными объяснениями, а приложить усилия и найти ответ. Я думаю, что тарелки являются пилотируемыми космическими кораблями... поскольку они имеют такие летные характеристики.

Объяснение Маклэглина, которое он опубликовал в журнале «Тру», не слишком расходилось с другим заключением, которое сделало командование материально-технического обеспечения ВВС в секретном докладе, который в январе 1969 г. был рассекречен. В докладе, датированном 23.09.1947 г. и подписанном командующим командования материально-технического обеспечения ВВС генералом Н. Твайнингом, констатируется следующее:

«А. Феномен является чем-то реальным, а не «ясновидением» или фикцией. Б. Существуют объекты, по форме приблизительно похожие на диск, и таких размеров, которые соответствуют размерам самолета... В. Полетные характеристики объектов, такие, как исключительная скороподъемность, маневренность (особенно по крену) и перемещение, которое можно считать уходом при визуальном обнаружении или контакте с нашим самолетом или РЛС, дают основания предположить, что некоторые объекты имеют ручное, автоматическое или дистанционное управление. Г. Объекты имеют некоторые общие характеристики: 1) Поверхность металлическая или светоотражающая. 2) Отсутствие следа, за исключением нескольких случаев, когда объект действовал, очевидно, на пределе технических возможностей. 3) По форме похожи на круг или эллипс, с ровным дном и

куполообразным верхом. 4) Есть несколько докладов о полетах группой в составе трех-девяти объектов с четким выдерживанием интервала и дистанции между объектами. 5) Полет не сопровождается звуком, за исключением нескольких случаев, когда был отмечен значительный рокот. 6) Расчетная скорость в горизонтальном полете примерно 300 узлов (около 550 км/ч)».

Остается фактом, что в 1947 г. высокопоставленный генерал ВВС и офицеры ВМС очень серьезно воспринимали появление «феномена тарелок». Они не сомневались в физической реальности аппаратов, которые наблюдались над сверхсекретными военными объектами на континентальной части США и демонстрировали выдающиеся летные характеристики.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГРУППЫ И ИХ СВЯЗЬ С ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКОЙ

После проектов «Сайн» и «Грудж» в 1947—1948 гг., в 1952 г. последовал проект «Блю бук», и только что созданные ВВС США официально получили задачу исследовать феномен «летающих тарелок» и собирать доклады от населения. Однако в документе, официально полученном канадским историком С. Фостером из национального архива Канады в 1979 г., говорится о существовании параллельной секретной исследовательской группы, которой руководил ведущий американский ученый доктор Ванневар Буш. В этом документе с грифом «совершенно секретно», датированном 21.11.1950 г., канадский ученый У.Б. Смит дает отчет о своей поездке в Соединенные Штаты: «Я навел кое-какие справки в канадском посольстве в Вашингтоне и получил следующую информацию по летающим тарелкам: 1) информация по этой теме максимально засекречена, даже сильнее, чем информация по водородной бомбе; 2) летающие тарелки существуют; 3) принцип действия тарелок до сих пор неизвестен, однако здесь по этой теме работает небольшая группа, возглавляемая доктором В. Бушем; и 4) сам предмет рассматривается властями страны как имеющий величайшее значение для США».

К работе на правительство Соединенных Штатов Буша привлек президент Ф.Д. Рузвельт, которому американский военно-морской атташе в Лондоне кэптен А.Г. Кирк рассказал о том, как англичане используют для изучения и противодействия секретному немецкому оружию профессора Р. Джонса, одного из своих лучших ученых. Перед назначением в июле 1946 г. на должность председателя объединенного (министерство обороны и министерство ВМС) бюро по исследованиям и разработкам Буш председательствовал в национальном совещательном комитете по аэронавтике и офисе научных исследований и разработок. Другие факты проливают свет на глубокую вовлеченность в изучение НЛО людей, связанных в 1940-х годах с военно-морской разведкой. Контр-адмирал Роско Хилленкоттер и Томас Таунсенд Браун были основателями (1956 г.) национального комитета по исследованиям воздушно-космических феноменов, НККВКФ (NICAP) — частной исследовательской организации, которая противодействовала правительственной политике секретности в отношении НЛО.

Томас Таунсенд Браун был военно-морским ученым и пионером исследований в области магнито- и гидродинамики. Историк П. Шацкин проследил связи Брауна как с ВМС, так и с разведкой. В 1930 г. Браун поступил на работу в исследовательскую лабораторию ВМС и в качестве штатного физика участвовал в 1932 г. в международной экспедиции ВМС США по изучению земного притяжения на Вест-Индские острова. После этого он служил на яхте «Каролина» в качестве радиста и оператора гидроакустического оборудования, общаясь там с владельцами компании звукозаписывающей аппаратуры «Ар-Си-Эй Виктор» и Уильямом Стивенсоном, канадским бизнесменом, работавшим на британскую секретную службу и ставшим впоследствии, в годы Второй мировой войны, офицером связи по разведке между Англией и США.

В 1939 г. Браун работал в авиационной компании «Глен Л. Мартин», потом вернулся на флот. Он был произведен в лейтенанты и назначен руководителем исследований и разработок по магнитному и акустическому поиску мин и их тралению при корабельном

Бюро. После этого — при загадочных обстоятельствах — он ушел из ВМС и стал работать в авиационной корпорации «Локхид-Вега». Шацкин считает, что до 1950 г. Браун работал по какой-то секретной программе; после этого он стал рекламировать сконструированный им очиститель воздуха. Браун получил широкую известность как изобретатель ионизатора воздуха. Его устройство по виду напоминало окно, но в нем не было электродвигателя и движущихся частей. С помощью электричества жидкость, воздух или вода прогонялись через рамку. Эта система могла найти применение на водоплавающих средствах и задержать винт; вода в этом случае обтекала корпус водного судна. В 1953 г. Браун пробовал поднять в воздух небольшой диск, к которому был подсоединен высоковольтный провод питания; принцип действия аппарата был основан на взаимодействии электрического и гравитационного полей.

Исследования Брауна основывались на ранних работах загадочного и зажигательного сербского гения Николы Тесла. Тесла, после изобретения радио, придумал переменный ток, вращающееся магнитное поле и дистанционно управляемые катера и торпеды для обороны побережья. Он также теоретически обосновал метод радиолокации — за пятнадцать лет до появления первого радиолокатора — и так называемые лучи смерти. Биограф Тесла Маргарет Чейни установила, что когда сербский ученый умер в Нью-Йорке в 1943 г., то его бумаги просматривали и снимали с них копии доктор Д. Трамп, подчиненный доктора Ванневара Буша по офису научных исследований и разработок, и У. Джордж, сотрудник офиса военно-морской разведки. Оба чиновника констатировали, что «в бумагах не обнаружено каких-либо новых значительных принципов или методов». Тем не менее командование технической службы ВВС сухопутных войск США (Райт Филд, штат Огайо) получило и держало у себя некоторые бумаги Тесла — как было сказано, «дня оценки». Именно в Райт Филд, как было первоначально заявлено в пресс-коммюнике ВВС сухопутных войск, был отправлен неустановленный предмет, найденный в Росуэлле. Остальные бумаги были возвращены в Югославию, где Тито позднее позволил советскому ГРУ с ними поработать.

Подобно Н. Тесла, Браун проводил фундаментальные исследования в области электромагнетизма, гравитации, антигравитации, радиоактивности, физике поля и спектроскопии. Браун работал в Национальном исследовательском комитете министерства обороны (NDRC) и офисе научных исследований и разработок у доктора Буша, а потом перешел в частную индустрию. В этом контексте заявление Брауна о том, что он может объяснить принцип действия НЛЮ, очень важен, хотя его опыты 1953 г. не смогли, по всей видимости, убедить его американских коллег.

РЕАКЦИЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА И ЛОРДА МАУНТБЭТТЕНА БИРМАНСКОГО НА ПРОИСШЕСТВИЯ В НЬЮ-МЕКСИКО

Через свою разведывательную сеть, внедренную в «Манхэттенский проект», Москва знала о событиях, происходивших в Нью-Мексико. 13 августа 1991 г. российская газета «Рабочая трибуна» опубликовала интервью с В. Бурдаковым, профессором российской АН. Вспоминая свои разговоры с СП. Королевым, Бурдаков рассказал, что в июле 1947 г. ученый-ракетчик был вызван в Министерство государственной безопасности на Лубянке, где ему было подготовлено место для проживания. Ему передали иностранные газеты и документы, относящиеся к летающим тарелкам, и попросили изучить их, для чего ему была придана группа переводчиков. Через несколько дней Королев был у Сталина, который поинтересовался его мнением по этому вопросу. Королев сказал, что данный феномен действительно существует, однако угрозы он не представляет. Сталин ответил, что заключение Королева совпадает с мнением других ученых, которые консультировали его по этому вопросу; этими учеными были Мстислав Келдыш и Александр Топчиев, будущие президент и вице-президент АН СССР.

Ф. Зигаер, официальный биограф адмирала лорда Луиса Маунтбэттена, цитирует в своей работе разговор, который адмирал, будучи тогда командующим Средиземноморским

флотом британских королевских ВМС, имел со своим приятелем в 1950 г. В отличие от Королева, Маунтбэттен видел в загадочных объектах потенциальную угрозу. В разговоре с приятелем адмирал сделал особый упор на заявлении доктора Ванневара Буша от 06.10.1949 г. по поводу инцидента, описанного командером Маклэглином: «Тот факт, что они способны парить и с ускорением опять удаляться, несмотря на земное притяжение, и даже вращаться вокруг «Фау-2», там, в Америке (как свидетельствует их ведущий ученый), говорит о том, что они далеко обогнали нас. Если они здесь появятся в большом количестве, то могут устроить войну между капиталистами и коммунистами. Если человечество хочет выжить, то оно должно сплотиться».

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ ВСТРЕЧАЮТ МИНИСТРА ВМС

10 февраля 1951 г. четыре члена экипажа транспортного самолета ВМС США, выполнявшего полет по маршруту Кефлавик (Исландия) — Ардженшиа (Ньюфаундленд), доложили о предпосылке к столкновению со светящейся сферой. Лейтенант Кингдон, второй летчик экипажа, дал такое описание этого происшествия:

«Объект был очень большим и имел форму круга со сверкающими желто-оранжевыми огнями по его внешней кромке. Создалось впечатление, что он набирает высоту и движется с громадной скоростью, и казалось, что он находится на встречном курсе с нашим самолетом. Когда выяснилось, что существует опасность столкновения, объект, по-видимому, сделал разворот на 180 градусов и исчез за горизонтом с пугающей скоростью. Во время описываемых событий в кабину экипажа зашел лейтенант А.Л. Джонс, который был командиром самолета, и выполнил поворот в сторону объекта, однако тот исчез из поля зрения в течение короткого периода времени».

О фактах наблюдения НЛО докладывали не только младшие офицеры. Свидетелями появления НЛО были министр ВМС США Ким-бал и начальник штаба ВМС США адмирал А. Рэдфорд, летевшие на Гавайи двумя отдельными самолетами. Как указано в документах рассекреченной «Блю бук» ВВС США, инцидент с участием двух дискообразных аппаратов произошел 14.03.1952 г. вблизи Гавайских островов. В вышедшей в 1973 г. для массового читателя книге отставной майор корпуса морской пехоты ВМС США Дональд Кихоу так описывает то происшествие:

«У них была просто потрясающая скорость, — рассказывал мне позднее в Вашингтоне министр ВМС Кимбал. — Летчики моего самолета определили ее в 1500—2000 миль в час. Объекты дважды облетели наш самолет и потом поднялись вверх с курсом на восток. Позади нас шел еще один самолет ВМС, на котором летел адмирал А. Рэдфорд. Дистанция между самолетами составляла около пятидесяти миль. Я слышал, как старший летчик моего самолета сообщил им о том, что мы только что наблюдали. Практически тут же нам ответил старший летчик самолета Рэдфорда, чрезвычайно взволнованный. НЛО теперь кружили вокруг их самолета — они покрыли пятьдесят миль меньше, чем за две минуты. Через несколько секунд летчик Рэдфорда сообщил нам, что объекты оторвались от их самолета и скрылись из вида». После посадки министр Кимбал послал по радио доклад в ВВС, поскольку именно ВВС официально занимались исследованием НЛО». Вернувшись в Вашингтон, Кимбал ознакомился с объяснениями по данному явлению, которые представили ВВС, и отмахнулся от них. Он приказал контр-адмиралу К. Болстеру, курировавшему в ВМС научные исследования, проводить полное расследование всех сообщений от ВМС и морской пехоты о подобных фактах и попытаться получить копии более ранних сообщений свидетелей указанных происшествий. Расследования ВМС должны были вестись отдельно от проекта ВВС «Блю бук».

Через три месяца три летчика авиации ВМС — экипаж самолета «Прайватир» — наблюдали над Северным полюсом три диска, которые зависли под нижней частью воздушного шара «Скайхук», который был загружен чувствительными фотопластинами для фотографирования космических лучей. Командер Э.П. Стаффорд, один из свидетелей

того происшествия, рассказал в 2004 г. в журнале ВМС США «Найвал истории», что три объекта покинули свое место под нижней частью воздушного шара и, образовав строй «клин», начали отдаляться вверх от шара, висевшего на высоте около 90 тысяч футов (30 километров). Они исчезли с поразительной скоростью менее чем за три секунды.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ НА УЧЕНИЯХ «МЕЙНБРЕЙС»

В сентябре 1952 г. НАТО проводило свои первые крупные учения под названием «Мейнбрейс», в которых неожиданно «приняли участие» несколько летающих дисков и сфер. Объекты наблюдались и были сфотографированы личным составом ВВС и ВМС, а также корреспондентами мировых изданий, которые освещали ход учений. Это происходило всего через месяц после того, как неопознанные объекты наблюдали летчики самолета «Прайватир» над Северным полюсом. Маневры НАТО начались 13 сентября и продолжались двенадцать дней. По сообщению ВМС США, в учениях участвовали «войска восьми стран НАТО и Новой Зеландии, в том числе более 80 тысяч военнослужащих, 1000 самолетов и 200 кораблей... вблизи Дании и Норвегии». Самыми крупными из когда-либо проводившихся учений руководил британский адмирал сэр П. Бринд.

13 сентября датский эсминец «Виллимоэс» находился к северу от острова Борнхольм. В ночное время лейтенант-командер Ш. Йенсен и несколько человек команды эсминца наблюдали неопознанный объект треугольной формы, излучавший ярко-красное свечение и летевший с высокой скоростью на юго-восток. Йенсен определил его скорость в более чем 900 миль в час. Его сообщение было отправлено в ВВС США для регистрации по проекту «Блю бук».

Незадолго до одиннадцати часов утра 19 сентября британский реактивный самолет «Метеор», возвращавшийся на свою базу в Топклиф (Йоркшир, Англия), обнаружил, что за ним следует серебристый диск, который в полете раскачивался взад и вперед, словно маятник. Находившийся на земле лейтенант Д. Килбурн и другие наблюдатели сообщили, что когда «Метеор» стал выполнять полет по кругу, то НЛО прекратил движение и завис в воздухе. В висении объект, имевший форму диска, вращался вокруг собственной оси. Потом он неожиданно стал набирать высоту, перемещаясь на высокой скорости на запад, изменил курс и исчез в юго-восточном направлении.

20 сентября личный состав авианосца «Ф.Д. Рузвельт», одного из самых крупных участников учений, наблюдал серебристый сферический объект. Фоторепортер У. Литвин сделал серию цветных фотографий этого объекта, которые потом изучала разведка ВМС и ВВС. Менеджер проекта ВВС США «Блю бук» кэптен Руппелт высказался по поводу фотографий так: «Фотографии превосходные... Судя по размеру объекта на каждом последующем снимке, можно заметить, что он движется с большой скоростью». Было немедленно проверено предположение о том, что с одного из кораблей был запущен воздушный шар; это предположение не подтвердилось. Но на этом дело не кончилось. В тот же день примерно в 19:30 трое офицеров ВВС Дании заметили блестящий диск над датской базой ВВС Каруп. Объект, казавшийся сделанным из металла, пролетел над ними и исчез в восточном направлении. На следующий день шестеро летчиков британских королевских ВВС, выполнявшие над Северным морем полет в составе группы реактивных самолетов, заметили блестящую сферу, которая приближалась к ним со стороны корабельной группировки. НЛО ушел от преследования самолетов и исчез. Возвращаясь на базу, один из летчиков оглянулся назад и увидел, что за его самолетом следует НЛО. Он сделал разворот, чтобы догнать НЛО, но НЛО также развернулся и исчез.

27 и 28 сентября другие летающие объекты были замечены над Западной Германией, Данией и южной Швецией. Ярко освещенный объект с хвостом, как у кометы, наблюдался продолжительное время вблизи Гамбурга и Киля, где он хаотично перемещался. После окончания учений «Мейнбрейс» офицер разведки британских королевских ВВС, находившийся в Пентагоне по программе обмена, сказал кэптену Руппелту, менеджеру

группы исследования НЛО ВВС США, что эти наблюдения «вынудили британские королевские ВВС официально признать существование НЛО».

«НЕОБЪЯСНИМЫЙ ФЕНОМЕН НА МОРЕ»

Феномен НЛО, как оказалось, не ограничивался небесами. Приведенный ниже отчет был опубликован в январском (1952 г.) выпуске журнала Института ВМС «Просидингз». Он рассказывает о происшествии в Аравийском море, свидетелем которого оказался командер Д.Р. Бодлер (Резерв ВМС США), капитан судна «Чарльз Тафте» класса «Либерти»:

«Наше судно прошло Ормузский пролив и двигалось курсом на Индию. С четвертьдека правого борта еще можно было наблюдать огни небольшого маяка Квоин Илс, дальность до него составляла 20 миль, истинный пеленг 305 градусов. Ночь была светлая и ясная, с очень хорошей видимостью, без луны. Третий помощник вызвал меня на мостик, сказав, что он наблюдает нечто такое, что, по его мнению, должен был увидеть и я. С левого борта судна, в направлении приблизительно четыре румба — это в сторону Ирана — находилась светящаяся лепта, которая, как нам показалось, пульсировала. По виду свечение напоминало северное сияние, но оно находилось намного ниже, на уровне горизонта или даже ниже. Изучение свечения с помощью бинокля показало, что оно определено находится ниже горизонта, в воде, и приближается к судну. По мере приближения этого феномена стало видно, что пульсации начинаются в центре ленты и идут от него к ее крайним точкам. На дальности примерно одна миля от судна стало заметно, что феномен имеет приблизительную форму круга диаметром от 1000 до 1500 футов (от 300 метров до 450 метров). Стало ясно, что пульсации вызваны вращением всего объекта вокруг его смещенного центра; полоски света напоминали лучи поисковых прожекторов, исходящих от центра наружу и вращающихся (против часовой стрелки), словно спицы гигантского колеса.

В течение нескольких минут судно занимало условный центр феномена. Слегка искривленные полоски света бегали под судном, быстро перемещаясь от носовой части левого борта к его корме, потом с кормы правого борта к носу. Свечение было достаточно сильным для того, чтобы хорошо видеть верхние элементы надстройки... Очертания «колеса», четко обозначенные «спицы», вращающиеся вокруг центра, и скорость, с которой каждая полоска света перемещалась в воде, — все это исключает возможность того, что данный феномен был вызван косяками рыб, дельфинами и тому подобным».

Коммандер Бодлер был убежден, что ему «посчастливилось наблюдать один из редких случаев наиболее забавного и впечатляющего феномена природы». Но был ли это феномен природы?

Будучи не в состоянии объяснить подобные инциденты, и Восток, и Запад подозревали противную сторону в использовании этих феноменов в качестве уловок.

ОЧЕНЬ ЗЕМНЫЕ ДИСКИ

Пока канадская и французская фирмы «Авро» и «Кузине» пытались разработать собственные действующие летающие диски, разведывательные службы Соединенных Штатов изучали возможности СССР по производству подобных летательных аппаратов. 21 января 1948 г. разведка сухопутных войск США направила всем американским военным атташе, находящимся за границей, письмо о необычном самолете. У разведки сухопутных войск была информация о том, что Советский Союз планирует построить целый флот — 1800 единиц — реактивных шестимоторных самолетов «Гортен VIII» типа «летающее крыло» на заводе в г. Гота, который находился в советской зоне оккупации Германии.

Среди длинного перечня требований к военным атташе был и запрос армейской разведки относительно местонахождения братьев Вальтера и Римара Гортен, а также их сестры, и их возможных связей с Советами. Армейская разведка имела несколько вопросов и по дискам: «Предпринимаются ли какие-то усилия по разработке «Параболы» Гортена или модификации данной конфигурации до формы овала или диска?

По любому самолету, чьи очертания напоминают овал, диск или тарелку, требуется информация по следующим темам:

1) Способ управления пограничным слоем — поглощение, сдвиг или комбинация этих способов.

2) Специальные органы управления для обеспечения эффективного маневрирования на очень малых скоростях или на сверхбольших высотах».

Ни одно летающее крыло или диск Гортена, на которые надеялись Советы, так и не были построены.

Несмотря на то, что не было никаких доказательств успехов немцев в их экспериментах с летающими дисками, опасения по поводу того, что Советский Союз также займется подобными экспериментами, сохранялись даже и в 1954 г. В декабрьском (1954 г.) выпуске сборника ВВС США «Эр интеллидженс дайджест» была помещена статья, озаглавленная «Летающий диск». В статье высказывалось предположение о возможной разработке Советским Союзом самолета, имеющего форму диска, и делались намеки на то, что у США могут скоро появиться свои собственные летающие диски:

«Самолеты новой конструкции, имеющей форму диска, обретают свои черты на рабочих столах авиационных конструкторов Запада... это вполне может стать началом новой эры в истории полетов... новый тип реактивного самолета, оснащенного двигателем, который имеет большие размеры, чем любой из существующих двигателей, должен взлетать и садиться вертикально и обладать способностью висеть в воздухе... Один из больших вопросов, перед которыми стоят теперь Соединенные Штаты, таков: А что делается в Советском Союзе в области создания самолета, имеющего форму диска? Если Соединенные Штаты приемлют возможность успешного создания самолета округлой формы, то они должны также согласиться с тем, что и Советский Союз способен создать подобный самолет».

В статье выражалась озабоченность по поводу будущих возможностей Советского Союза запускать диски со своих подводных лодок для нападения на Северную Америку. Округлая форма конструкции диска позволяет ему взлетать с относительно маленькой несущей платформы, установленной на палубе корабля под округлым укрытием. Ссылка на декабрьский (1954 г.) выпуск сборника ВВС США «Эр интеллидженс дайджест» была сделана в информационном письме офиса военно-морской разведки от 13.01.1955 г. американскому военно-морскому атташе в Москве; к письму прилагался перечень вопросов и небольшое пояснение:

«Самолет-диск способен взлетать вертикально; это значит, что он способен базироваться на борту большинства военных кораблей, включая подводные лодки». В статье далее говорится: «Понятно, что самолет-диск и подводная лодка представляют собой убийственную комбинацию в наступательных действиях. Расчеты показывают, что диску потребуется всего тридцать минут для выполнения серии нижеуказанных действий: взлета с площадки на палубе подводной лодки и подъема на высоту 65 000 футов (около 20 000 м) и выше, выхода в район цели, расположенной в глубине материка в 200—300 милях от береговой черты, сброса там бомбовой нагрузки и быстрого возвращения к месту базирования на подводной лодке». Нет сомнений, что военно-морской атташе должен быть готов доложить информацию по самолету, имеющему форму круга, как только появится возможность добыть подобную информацию; и все-таки вышеизложенное может представлять интерес по предмету, который может иметь очень важное значение, возможно, и не в столь отдаленном будущем.

Рукотворные диски не оправдали возлагавшихся на них надежд. Тем не менее интересно отметить, что Томас Таунсенд Браун в 1955 г. был принят в штат французской фирмы «SNCAS», где он вел исследовательские работы по взаимодействию электрического и гравитационного полей; это продолжалось до тех пор, пока конкуренты не поглотили его фирму.

ОБОРОНА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА И ДОКЛАДЫ О НЛО

Страх перед внезапным советским нападением с воздуха привел к организации в 1949 г. барьера из кораблей радиолокационного дозора, которые охраняли подступы к северо-восточной части Соединенных Штатов с морских направлений. С введением в 1948 г. «Инструкции по докладу о важных разведывательных наблюдениях» (JANAP-146) ВМС США обязывались передавать по инстанциям доклады о «неустановленных целях», которые могли оказаться советским секретным оружием, примененным по Соединенным Штатам. После того как в прессе появилось много материалов о НЛО на учениях «Мейнбрейс», вышла более конкретная инструкция (PNAV), предписывающая ВМС направлять доклады о НЛО в ВВС США (проект «Блю бук») и в Пентагон. В 1954 г. вышла обновленная инструкция JANAP-146, которая требовала от всех кораблей ВМС и судов, принадлежащих правительству Соединенных Штатов, в том числе и кораблей береговой охраны, докладывать о «неизвестных воздушных целях» командованию ПВО континента (CNAD). В 1955 г. к мероприятиям по сбору этой информации были привлечены суда торгового флота и рыболовецкие суда (так называемая разведка торгового флота, MERINT). Доклады о «группах самолетов, летящих в сторону Соединенных Штатов, замеченных военных кораблях и подводных лодках, НЛО и управляемых ракетах» должны были представляться на ближайшую военную или гражданскую радиостанцию для последующей передачи силам охраны морской границы. Доклад о НЛО в ВВС США (проект «Блю бук») также становился стандартным правилом для всех кораблей, как военных, так и гражданских, и некоторые доклады о наблюдениях отсылались дважды — чтобы соответствовать обеим инструкциям. Из зарегистрированных в «Блю бук» в период с 1952 г. по 1969 г. 258 случаев наблюдения, сделанных на военных кораблях и гражданских судах, 43% докладов были сделаны кораблями ВМС США, 37% гражданскими судами, и 19% — береговой охраной США. ВВС США, однако, не опубликовали сведения об общем количестве докладов, сделанных во исполнение этих инструкций. Данный факт говорит о том, что проект «Блю бук» был ширмой, за которой скрывалось последующее секретное изучение подобных наблюдений, сделанных в других странах, о чем нельзя было говорить открыто и было нелегко объяснить.

СИГАРА И АВИАНОСЕЦ

Об одном таком случае рассказал в печати бывший член команды авианосца «Ф.Д. Рузвельт» Чет Грусинский из Клинтон, штат Мичиган. Он опубликовал несколько статей, в которых описал, что ему довелось однажды увидеть в небе над летной палубой авианосца: «Я был членом команды авианосца с 1958 по 1960 г., и я был одним из многочисленных очевидцев случая появления НЛО, которое произошло в сентябре или октябре 1958 г. Корабль находился в плавании вблизи американской военно-морской базы Гуантанамо на Кубе, время было между 20:00 и 22:00, и тут появился маленький огонек и начал нас преследовать, а потом вообще направился прямо на нас. Небо было ясным, воздух теплым, и я, будучи не на дежурстве, поднялся на летную палубу (где, по правде говоря, мне находиться не полагалось). Неожиданно эта штука оказалась над нами; она имела форму сигары, с рядом окон, через которые мы могли видеть фигуры людей, наблюдающих за нами. Мое лицо чувствовало тепло от этого аппарата. Он был абсолютно бесшумен. Я прикинул, что на летной палубе находилось человек двадцать пять, которые также все это видели. Кто-то из вахты на мостике орал в корабельную трансляцию, требуя, чтобы вахтенный офицер с палубы или вахтенный офицер с мостика бегом прибыл на летную палубу. Внезапно объект изменил свою окраску на красно-оранжевую. (Это произошло

тогда, когда, на фоне темного ночного неба, я смог разглядеть его сигарообразную форму). И он быстро исчез. Между тем движение самого корабля внезапно прекратилось. Я считаю, что наблюдение за объектом продолжалось минут пять или немного дольше. Специальные следователи... один за другим поднимались на борт авианосца (под тем предлогом, что они якобы расследуют дело об азартных играх на нижней палубе!). Но они беседовали со многими матросами по поводу того случая. Мой старшина первого класса спрашивал меня о том, что я видел, и я ответил, что не знаю, что это было. После этого я ничего не слышал об этом случае».

ФЕНОМЕН И СОВЕТСКИЙ ВМФ

По мере того как советский ВМФ увеличивал размах своих действий, его корабли также встретились с серией необъяснимых явлений и объектов.

В 1962 г. капитан 3-го ранга Квятковский, будущий начальник разведки советского ВМФ (1987—1992 гг.), увидел в перископ подводной лодки яркий красно-оранжевый огонь над Фарерскими островами. Он понял, что это не могло быть огнями северного сияния.

В 1965 г. капитан 2-го ранга Воронов докладывал о том, как его лодка всплыла в Атлантическом океане для встречи с вспомогательным судном. На палубе лодки находилось несколько членов команды, которые заметили сигарообразный объект длиной 100—150 метров на дальности 1 миля от лодки. На экранах радиолокаторов воздушной обстановки и обзора надводной обстановки объект отмечен не был. На глазах у экипажа из нижней части объекта появились три пучка света, которые осветили поверхность океана, после чего «сигара» плюхнулась в воду и исчезла в глубине.

В августе 1965 г. экипаж советского торгового судна «Радуга» с дальности 2 мили наблюдал летающий диск, который излучал свет. Он появился из-под воды и завис на высоте 100—150 метров над поверхностью моря. Объект был полностью освещен. Во время подъема из глубины моря объект поднял в воздух значительный объем воды, которая потом скатилась обратно в море.

Контр-адмирал советского ВМФ Чефонов вспоминает о двух странных встречах с невидимыми объектами, которые произошли в конце 1960-х годов:

«Я тогда был командиром атомной подводной лодки. Мы возвращались на свою базу к северу от Находки и шли в надводном положении. Был сильный туман и нулевая видимость. Мы следовали на базу, ориентируясь по радиолокатору, и вдруг операторы засекли объект, который на громадной скорости шел перпендикулярным курсом. Наш центральный командный пост (ЦКП) старался определить его скорость и проследить маршрут. Сначала я приказал прибавить ход, но объект продолжал следовать встречно-пересекающимся курсом.

Потом я решил, что рисковать не стоит, и мы остановились. Мы подавали звуковые сигналы, сделали несколько выстрелов из ракетницы и направили прожекторы на свою лодку, осветив ее. Я слышал, как оператор РЛС считывает дистанцию до объекта. 5 метров, 4,3,2,1... Все, кто был на палубе, напряженно всматривались в туман. Все напрасно.

Оператор РЛС крикнул, что объект вошел в «мертвую зону» — 0,5 метра. Ничего. Ничего не произошло. Объект испарился. Мы подождали еще 15 минут. Потом я приказал увеличить скорость. Объект не возвращался. Мы пришли на базу. На следующий год произошел еще один случай. Мы возвращались на базу с полигона, на котором отрабатывали учебные задачи. Была великолепная видимость. На экране РЛС опять отметка. Нас было шесть человек на мостике. Мы напряженно глядим по сторонам, но ничего не видим. ЦКП опять докладывает, что мы на встречно-пересекающемся курсе: ничего, абсолютно ничего. Опять я следую инструкции и приказываю подать звуковой сигнал и отстрелить сигнальные ракеты. Невидимая цель опять в нашей «мертвой зоне». Оператор РЛС отсчитывает остающиеся метры: ничего. Когда мы вернулись на базу и я доложил командующему флотилией об этом инциденте, он только скептически махнул

рукой: «Нам и так забот хватает. Если мы доложим об этом случае, то приедут проверяющие из главного штаба ВМФ. Нам это надо?»

ЛЯГУШКИ ИЗ ГЛУБИНЫ

В начале 1960-х годов советские атомные подводные лодки новейших конструкций обрели возможность действовать на таких глубинах, которые и не снились их предшественникам. Тогда же многие из новых советских подводных лодок столкнулись с устойчивым явлением, которое до сих пор не поддается рациональному объяснению. Пассивные гидролокаторы этих лодок записывали странные звуковые сигналы, которые звучали как лягушачье «ква-ква». Этот четкий и ясный звук не напоминал ни одного из известных подводных звуков. Загадочный подводный феномен и официально стал называться «квакер». В некоторых случаях «квакер» реагировал на работу активного гидролокатора подводной лодки и как бы «общался» с ним, отвечая странными звуками. Создавалось впечатление, что «квакер» обладает разумом: он шел следом за советскими подводными лодками и игрался с ними, вертелся вокруг них, пересекал их турбулентный след, и следовал за ними, когда лодки пытались от него оторваться. У командиров советских подводных лодок было неприятное ощущение того, что утрачен фактор внезапности и они не могут уйти от преследования — за исключением случаев возвращения лодок на базу приписки. Некоторые советские специалисты полагали, что звуки, издаваемые «квакерами», соответствуют звукам, автоматически вырабатываемым американскими подводными пассивными устройствами в ответ на сигнал контакта с подводной лодкой. Другие специалисты объясняли наличие желатиновой субстанции на корпусах лодок столкновениями с гигантскими кальмарами. Третьи, наконец, приписывали эти звуки неопознанным подводным объектам (НПО).

ОСОБАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА РАЗВЕДКИ В СОВЕТСКОМ ВМФ

В 1969 г., когда ВВС США собирались завершить свое широко разрекламированное изучение НЛО в рамках проекта «Блю бук», Адмирал Флота Советского Союза, ГК советского ВМФ С.Г. Горшков распорядился начать секретное расследование феноменов неопознанных летающих и подводных объектов. Советский Союз опасался, что некоторые из необъясненных явлений связаны с разработками ВМС США новых разведывательных и противолодочных устройств. Горшков приказал провести полное и систематическое расследование всех неизвестных феноменов, ранее отмеченных на море. Министр обороны СССР маршал Гречко распорядился создать особую исследовательскую группу из сотрудников разведки флотов и разведуправления ГШ ВМФ. Горшков был готов решить загадку: «Проблема для нас настолько новая и настолько трудная, что мы не пожалеем сил и средств, чтобы найти ответы на вопросы наших моряков и наших кораблей, — сказал он. — Результат важен».

Горшков поставил нелегкую задачу: вести систематическое изучение и анализ всех необъясненных феноменов, включая НЛО, о которых сообщалось или сообщается в мире и которые могут представлять опасность для советских кораблей и судов. С этой целью на все флоты были отправлены секретные приказы, которые требовали обеспечить полную поддержку работе особой группы. В штабах флотов на каждом театре военных действий (ТВД) были разработаны особые инструкции. Офицерам разведки флотов и разведуправления ГШ ВМФ была поставлена задача собирать такие материалы и представлять их в особую группу. Группа неоднократно выезжала на флоты, беседовала с командным составом, делала выписки из вахтенных журналов и собирала фотографии.

Помимо этого, ГШ ВМФ организовал несколько экспедиций. В апреле 1970 г. советский траулер-разведчик «Харитон Лаптев» был направлен в Северную Атлантику для сбора акустических сигнатур с больших глубин для лучшего понимания загадки «квакеров». Однако выполнение этой задачи было прервано, потому что «Харитон Лаптев» был перенацелен на спасение экипажа атомной ударной подводной лодки К-8. Лодка всплыла после пожара на борту, но впоследствии затонула вблизи Бискайского залива. (Экипаж К-8 покинул лодку, но получил приказ из Москвы вернуться на поврежденную лодку и попытаться идти на буксире. Экипаж вернулся на лодку, но она неожиданно затонула, унеся с собой в океанскую могилу пятьдесят два человека.) Проводились и другие походы, и Горшкова регулярно информировали о их результатах. Важное наблюдение было сделано осенью 1977 г. По словам первого заместителя ПС ВМФ адмирала Смирнова, 07.10.1977 г. тендер подводных лодок «Ватта», находившийся в Баренцевом море примерно в 200 милях от Кольского полуострова, был облетан девятью летающими дисками; облет продолжался 18 минут. После этого происшествия адмиралами Смирновым и Навойцевым был отдан приказ подготовить и распространить «Методические указания по организации на флоте наблюдения за физическими и ненормальными явлениями и оценке их влияния на окружающую среду, живые организмы и техническое оборудование».

«МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ...»

Документ, который был подписан контр-адмиралом М. Искандеровым, первым заместителем начальника штаба Северного флота, и капитаном 1-го ранга Е. Гашкеничем, офицером ГШ ВМФ, давал исчерпывающее определение «ненормальным физическим явлениям и объектам»:

«В нашей стране и в зарубежных странах случайными наблюдателями, а также профессиональными специалистами (экипажами воздушных судов, командами морских судов и различными службами наблюдения) были замечены ненормальные физические явления и объекты (отличающиеся от известных явлений и объектов).

Ненормальные явления можно разделить на две группы:

— местные явления, которые позволяют говорить о различных геометрических формах и четких очертаниях;

— укрупненные явления, которые наблюдаются одновременно над большей территорией и имеют несколько большие размеры.

Появление и вид этих явлений характеризуется изменением геометрических форм, изменением курса движения, маневрами, световыми эффектами, и наличием электромагнитных полей и других видов излучений, которые влияют на окружающую среду, живые организмы и электро- и радиотехническое оборудование.

Результаты наблюдений позволяют выделить четкие признаки, которые характеризуют ненормальные явления:

— Форма: сферическая, цилиндрическая, дискообразная с одной или двумя выпуклыми сторонами, дискообразная с куполом; к другим внешним деталям можно отнести окна и иллюминаторы; и способность разделяться на части, которые могут летать самостоятельно.

— Свет: свет на темном фоне, стабильный или в виде свечения, пульсирующий свет; многоцветный свет одновременно или последовательно, типа радуги и др.

— Запах: необычный.

— Звук: отчетливый.

— Особенности маневрирования: очень высокая скорость, необычный курс, висение, словно будучи подвешенным в воздухе, резкие маневры, вибрация, вращение, способность перемещаться из воздуха в воду и обратно».

Объясняя необходимость изучения ненормальных явлений, «Методические указания...» связывали собираемую информацию с будущими исследованиями космоса: «Имеющаяся информация по ненормальным явлениям дает основания считать, что проблема требует

серьезного исследования для лучшего понимания атмосферы Земли и космического пространства и их будущего использования». «Методические указания...» требовали предоставлять «бесспорную информацию по ненормальным физическим явлениям и их влиянию «на окружающую среду, живые организмы и техническое оборудование». Они разъясняли, что ВМФ с его военными кораблями и их датчиками идеально подходят для выполнения этой задачи: «Эти явления могут наблюдаться визуально и с помощью технических средств, имеющихся на кораблях ВМФ и у береговых сил и объектов флота».

«Методические указания...» детализировали порядок подготовки исследователей и действия на случай события, которое по определению нельзя предугадать: «Предсказать ненормальное явление (или объекты) невозможно. Для получения более полной информации об этом явлении и его характере требуется использовать все имеющиеся технические средства: радиолокационные станции, фотоаппараты и другую съемочную аппаратуру; радиостанции для установления первоначального контакта; акустические дальнометры; дозиметры; компасы; бинокли, телескопы и другие оптические приборы». «Методические указания...» требовали также следить за воздействием ненормальных явлений и объектов на оборудование и людей: «Появление и действия феноменов требует от нас обратить особое внимание на следующие вопросы: состояние вооружения и датчиков, наличие рентгеновского излучения, перерывы в радиосвязи, интенсивная вибрация стрелок компасов и другого электромагнитного оборудования, отказ в работе двигателей внутреннего сгорания, помехи в трансляции информации «по флоту», сбой в работе электронных и механических часов, и на другие воздействия на окружающую среду, живые организмы и людей».

В последующих параграфах «Методических указаний...» речь шла о фотографировании ненормальных явлений и объектов, использовании цветных фильтров и спектральных эмульсий, а также о точной регистрации параметров гидрометеорологической, воздушной и геофизической обстановки. В последней части «Методических указаний...» говорилось о содержании письменных отчетов, присвоении им грифа «секретно» и отправке отчетов в штаб (в трех экземплярах) и гидрометеорологические центры в течение пяти дней после возвращения корабля на базу.

ГРУ ПРИНИМАЕТ ЭСТАФЕТУ

Необъясненные явления тем временем преследовали советский ВМФ. В течение почти шести месяцев осени и зимы 1978—1979 гг. НЛО регулярно наблюдали зависшим над базой советских подводных лодок в Западной Лице. Диск меньших размеров минимум один раз пролетал над складами боеприпасов. В Баренцевом море командир подводной лодки, вахтенный офицер и радист всплывшей подводной лодки наблюдали в перископ диск, который завис на высоте примерно 15 метров над рубкой подводной лодки и направил телескопический пучок света на палубу. В мае 1979 г. на Черном море в нескольких метрах от надводного корабля в воздух из-под воды взлетел громадный диск. Он поднял какой-то объем воды, которая потом упала в море. Сообщалось, что советский ВМФ сделал хорошую фотографию этого явления. В декабре 1980 г. члены команды исследовательского судна «Виктор Бугаев», которое находилось в 200 милях западнее Гибралтара, наблюдали сигарообразный объект, который завис над палубой юта. «Сигара» была белого цвета и имела черное пятно. Позже «сигара» разделилась на две части, одна из которых полетела на северо-запад, а вторая на северо-восток. Наблюдение за объектом продолжалось четыре минуты и было зафиксировано в бортовом журнале.

В начале 1980-х годов, однако, исследования «ненормальных явлений и объектов» советским ВМФ было остановлено. После широко известного наблюдения НЛО над Петрозаводском 23 сентября 1977 г., за исследование проблемы взялась Академия наук СССР, которое проводилось параллельно с работой, ведшейся в этом направлении в Министерстве обороны СССР. Первоначально обе программы имели общее название

«Сетка». Потом было принято решение поручить ГРУ централизованным порядком собирать и анализировать информацию, полученную от военных источников. Те офицеры, которые до этого были заняты проблемой в особой исследовательской группе ВМФ, не хотели переходить в ГРУ и получили новые назначения в системе разведки ВМФ. Однако в ГРУ была передана вся имевшаяся информация, которая получила гриф «совершенно секретно» и была запрещена к упоминанию в открытых источниках. В тот же период были приостановлены исследования по «квакерам», которыми занимался по меньшей мере один институт в Ленинграде. Скорее всего, исследования по «квакерам» также были переданы ГРУ, как и материалы по НЛЮ. Исследовательская группа ГРУ позже получила имя «Горизонт», а потом «Галактика». Изучением физических эффектов, отмеченных при наблюдениях ненормальных явлений и объектов, было занято сто тридцать научных институтов. Существование в ГРУ исследовательской группы по НЛЮ оставалось секретом до 1989 г., когда «гласность» сняла цензорское табу на публикации о НЛЮ. По словам капитана Евгения Литвинова, который возглавляет комиссию по аномалиям в географической секции АН РФ, «Галактика» прекратила свою деятельность после развала СССР.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ПОМЕХИ

Электромагнитные помехи и отсутствие радиосвязи и электропитания были наиболее частыми физическими эффектами на кораблях, которые посещали загадочные объекты. О подобных эффектах сообщалось как в США, так и в Советском Союзе. Зарегистрированный в ГКИВКФ (NICAP) файл содержит рассказ Джима Копфа о случае неожиданной потери связи авианосцем ВМС США «Джон Ф. Кеннеди» (CV-67), над которым 02.07.1971 г. завис НЛЮ:

«Я получил назначение в отделение связи авианосца «Кеннеди» и прослужил там около года. Корабль возвращался в Норфолк, штат Вирджиния, завершив двухнедельные учения по проверке боевой готовности в Карибском море. В Норфолке мы должны были провести 30 дней. Экипаж ждал отдых и встречи с семьями, а потом мы уходили на шесть месяцев в Средиземное море. Я дежурил в центре связи. В мои обязанности входило следить за работой восьми телетайпов, которые печатали «Трансляции по флоту»... Был вечер, примерно 20:30, и на корабле только что закончились вечерние полеты. Я снял с телетайпа только что полученное сообщение и отвернулся от аппарата, чтобы положить сообщение в скоросшиватель. Когда я повернулся к телетайпам, то увидел, что основные аппараты печатают чушь. Я взглянул на резервные аппараты — то же самое. Я сделал несколько шагов к переговорному устройству, которое соединяло меня с дежурным по связи. Я вызвал его и сообщил, что пропала «Трансляция по флоту». Мне ответили, что исчезли все виды связи. Я посмотрел в сторону оператора «Оперативной сети флотской связи» и заметил, что у него тоже что-то не ладится. Потом я услышал, как оператор сети связи авианосной ударной группы докладывает вахтенному офицеру об отсутствии связи и в его сети. В дальнем углу нашего отсека находилась пневматическая труба, которая соединяла нас с сигнальным мостиком (т.е. тем местом, где сообщения передаются и принимаются при помощи светового семафора и сигнальных флажков). У нас есть связь с сигнальным мостиком по переговорному устройству, и мы услышали, что кто-то орет в это устройство: «Тут что-то висит над кораблем!». Через секунду мы услышали, как другой голос закричал: «Боже, это конец света!». Нас было шестеро в центре связи, мы посмотрели друг на друга, и кто-то сказал: «Пошли посмотрим!». Центр связи располагается внутри, прямо под летной палубой, почти посередине корабля. Мы вышли, прошли через отсек дежурного по связи, вышли через его дверь и двинулись по коридору, длина которого примерно 15 метров, к люку, который выводит к лесенке на самом краю летной палубы (напротив «острова», т.е. той части корабля, где находится мостик)...

Мы глянули вверх и увидели большую сферу, излучающую свет. Она казалась большой, но у нас не было точки отсчета. Поэтому, скажем, если сфера висела низко над кораблем, ну,

допустим, на 30 метрах, то ее диаметр мог быть 60—90 метров. Если она висела на высоте 150 метров над кораблем, то она была большего диаметра. От нее не исходило никакого звука. Свет, который она излучала, не был чересчур ярким, так, примерно, в половину силы солнечного света. Свет немного пульсировал и был желто-оранжевого цвета. Мы наблюдали сферу не более 20 секунд, потому что объявили тревогу по Боевому расписанию, в коридоре показался офицер-связист, который потребовал, чтобы мы вернулись в центр связи. Мы вернулись и находились там (поскольку там были наши посты согласно Боевому расписанию). Ничего особенного делать не пришлось, поскольку связь все еще отсутствовала. Примерно через 20 минут телетайпы возобновили нормальную работу. Мы находились на постах согласно Боевому расписанию еще около часа, но теперь работе связи уже ничто не мешало. Я не видел и не слышал ни об одном докладе об этом инциденте. Через несколько часов после этого случая, я разговаривал с моим хорошим знакомым из Боевого информационного центра (БИЦ), который был там оператором РЛС. Он сказал мне, что во время инцидента экраны всех РЛС просто мерцали. Я также разговаривал с парнем, чье рабочее место было на штурманском мостике. Он сказал мне, что ни один из компасов не работал, а боцману, который был там дозорным, медики давали успокаивающие средства. Я думаю, что это именно он кричал про конец света. Интересно, что из пяти тысяч человек, находившихся на борту авианосца, феномен видели всего несколько человек. Это произошло потому, что незадолго до того, как все это началось, закончились полеты и весь личный состав, занятый на летной палубе, уже находился на нижних палубах и отдыхал. Следует сказать, что на борту авианосца немного мест, куда можно выйти и побыть на свежем воздухе. Из того, что я смог узнать, следует, что в течение 20 минут, пока эта штуковина висела над кораблем, все электронное оборудование прекратило работать. Два самолета F-4 «Фантом», которые входили в группу боевого патрулирования в воздухе и находились в готовности взлететь в любой момент, не смогли запустить двигатели».

Сообщения о подобных помехах были и в советском ВМФ. В 1977 г. летающая тарелка наблюдалась на Северном флоте, и тендер подводных лодок «Волга», возле которого все это происходило, потерял радиосвязь с базой, которая отсутствовала весь период наблюдения за тарелкой. После ее исчезновения все системы стали нормально работать. В 1979 г. экипаж дальнего самолета-разведчика Ту-142, взлетевшего из Оленегорска в Мурманской области, наблюдал двояковыпуклый объект, диаметр которого составлял около 30 метров; объект имел ряд иллюминаторов. На борту Ту-142 отказали приборы, и ему пришлось слить в океан около 100 тонн топлива и совершить аварийную посадку. После этого объект поднялся вертикально вверх и исчез.

В сентябре 1982 г. во время учений Тихоокеанского флота у побережья Камчатки была внезапно на тридцать минут нарушена КВ-радиосвязь «берег—корабль»; над кораблями в это время наблюдалось несколько НЛО. В октябре 1988 г. в трех милях к югу от острова Сухотка члены команды авианесущего крейсера «Новороссийск» наблюдали над своим кораблем гигантский объект с 36 огнями, расположенными симметрично; НЛО имел нечеткие контуры. Все электронные системы на борту «Новороссийска» отказали, прекратили нормальную работу и дизель-генераторы и аккумуляторные батареи радиостанций. Объект с высокой скоростью удалился в южном направлении, через сорок секунд после этого восстановилась работа средств связи, а еще через три минуты стали нормально работать РЛС и системы управления огнем. В общем, само явление и его последствия продолжались 15 минут.

Случай, аналогичный тому, о котором в 1949 г. докладывал капитан американского судна, произошел с двумя десантными кораблями, которые вывозили войска из Луанды (Ангола). Как вспоминал позднее полковник В., три подводных огня наблюдались впереди корабля, позади его и под ним. Огни следовали вместе с кораблем примерно 15 миль, после чего исчезли. Во время этого инцидента радиосвязь между двумя кораблями прервалась, а на втором корабле с экрана РЛС пропала отметка первого корабля. Эти помехи исчезли вместе с огнями.

ПОСТИГАЯ СМЫСЛ НЕВЕРОЯТНОГО

С закрытием в 1969 г. проекта ВВС США «Блю бук» и официальным окончанием исследования НЛО ВВС США в 1974 г. американские военные вроде бы перестали интересоваться феноменами. Даже в период действия проекта «Блю бук» американские военные в ироничном тоне публично комментировали эту тему; подобный тон сквозил и в военных разведывательных сводках. Тем не менее в интересах обороны США и Канады отмеченные НЛО подлежали докладу, как того требовали «Инструкция по докладу важных разведывательных сообщений» (JANAP) и аналогичная инструкция командования ПВО Северной Америки (НОРАД). Рассекреченный доклад атташе РУМО США о впечатляющем наблюдении НЛО над Тегераном в сентябре 1976 г. свидетельствует о том, что с нимзнакомился и начальник штаба ВМС США, т.е. то, что интерес к предмету все-таки не угас. Аналитик РУМО так прокомментировал этот документ: «Прекрасный доклад. Классический случай, который отвечает всем критериям, необходимым для серьезного изучения феномена НЛО». Аналитик назвал характеристики НЛО «потрясающими», отметив, что объект показал «чрезмерную маневренность». Доклад, хранившийся в архивах РУМО, был опубликован в соответствии с Актом о свободе информации, своим появлением подтвердив, возможно, по недосмотру, что вооруженные силы США, несмотря на все опровержения с их стороны, все еще отслеживают и изучают феномен НЛО.

Как запоздалое и косвенное признание Томаса Таунсенда Брауна и его исследований в области электроракетных двигателей малой тяги, американское НАСА в ноябре 2001 г. разместило на своем сайте захватывающее, но мало кем замеченное объявление о том, что им запатентован новый электроракетный двигатель малой тяги. Браун считал, что именно электроракетные двигатели малой тяги позволят объяснить принцип действия силовой установки и необыкновенные характеристики НЛО. НАСА прокомментировало свою новость таким образом: «подобная технология, в связи с отсутствием движущихся частей, обеспечит большую надежность в решении вопроса о создании тяги в газовой среде. Предполагается возможность создания тяги и в водной среде». НАСА перечислило возможные области применения нового изобретения: линейный ускоритель для запуска полезных нагрузок, комбинация с приводом на вал, шаговый исполнительный механизм, орбитальное маневрирование близ Земли на низких орбитах. Еще одно применение может заключаться в использовании подобного двигателя как дополнения к ракетному двигателю, а потом и его замены для космических полетов. Как однажды заметил Наполеон, «невозможно» — это слово, которое можно встретить только в словаре для дураков».

В 1980-х годах в советском ВМФ было много случаев наблюдения НЛО, пик наблюдений пришелся на 1989 г. В 1982 г., во время военно-морских учений под Балаклавой на полуострове Крым, истребитель-перехватчик преследовал летающий объект, который скрылся под водой. В декабре 1983 г. командир и члены команды судна-спасателя подводных лодок «Спрут» наблюдали в Кольском заливе Баренцева моря медленно летящий объект овальной формы; высота его полета составляла от 500 до 1000 метров. На глазах членов команды объект разделился на три сферы, которые направились на запад, в сторону Норвегии. В головах командного состава советского ВМФ эти наблюдения оставили мало сомнений относительно не американского и не земного происхождения этих объектов, которые могли передвигаться на невероятных скоростях и погружаться в воду. Как выразился Адмирал Флота Чернавин, бывший главнокомандующий советским ВМФ, «согласно марксистско-ленинской теории, вселенная не имеет границ и является бесконечной; поэтому мы не можем отрицать жизнь на других планетах».

Глава 17

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОГО ВМФ, ГОД 1989-й И ПОЗДНЕЕ. ПОТЕРЯ «КОМСОМОЛЬЦА»

7 апреля 1989 г. центр слежения за океаном и разведки Атлантического флота США перехватил короткий сигнал, который означал, что какая-то советская подводная лодка терпит бедствие. Спутник радиотехнической разведки определил, что лодка находится в северной части Норвежского моря. Сигнал бедствия с советской подводной лодки был одновременно перехвачен и разведывательным центром британских королевских ВМС («DI-3 Navy»), который для оценки ситуации быстро организовал отправку в район бедствия самолета базовой патрульной авиации «Нимрод».

Вскоре после этого в разведывательный центр НАТО в Будё (Норвегия) пришло сообщение о том, что примерно в 200 милях к западу от Нордкапа находится советская подводная лодка, которая испытывает проблемы; по этому сигналу в повышенную боевую готовность были переведены норвежские патрульные самолеты. Подсистема определения местоположения, входящая в систему слежения за океаном, зарегистрировала несколько советских надводных кораблей, покидающих за воды, в которых обычно действует советский Северный флот, и направляющихся на высокой скорости к источнику сигнала бедствия. Было также отмечено, что несколько советских торговых судов изменили свой курс и направились в тот же район.

Через два с половиной часа британский «Нимрод» был в нужном месте. Летчик подтвердил в зашифрованном сообщении, что советская ударная подводная лодка с ЯЭУ, известная по классификации НАТО как лодка класса «Майк», действительно находится в надводном положении и, очевидно, борется с пожаром; в ледяной воде рядом с лодкой видны члены ее команды. Норвежские ВВС послали ясный сигнал советскому правительству, предложив использовать свои вертолеты с базы Будё для организации спасательных работ. На предложение помощи советский ВМФ ответил отказом. Хотя система слежения за океаном и разведки работала хорошо, разведывательные центры США и НАТО, сопоставляя кусочки информации, смогли понять только то, что лодка всплыла, когда на ее борту уже был пожар, а потом, через несколько часов, очевидно, произошел и взрыв. Было понятно также, что многие члены команды лодки борются за свою жизнь в ледяной воде. В район бедствия прибыли советские самолеты дальнего радиуса действия, с которых на воду было сброшено дополнительное спасательное оборудование.

Это случилось в период кампании открытости, которую проводил советский президент Михаил Горбачев, и, несмотря на попытки ВМФ утаить подробности происшествия, обрывки информации появились в московских газетах и на экранах национального телевидения. В конце концов, были обнародованы подлинные факты о случившемся, и репутация верхушки советского ВМФ оказалась запятнанной. Через четыре дня после гибели лодки представитель Северного флота выступил по национальному телевидению и успокаивающе заявил, что на борту лодки ядерного оружия не было и что реактор лодки безопасно остановлен. Через два дня ВМФ заявил, что на самом деле в носовом торпедном отсеке лодки было две торпеды с атомной боевой частью. Вскоре после этих неуклюжих действий было расформировано политическое управление советского ВМФ, оказавшееся жертвой реформ, которые проводил Горбачев. Он ломал параллельную командной политической структуру во всех Вооруженных силах СССР. В конце концов политический комиссар, замполит, «умер». Питер Хухтхаузен был в то время военно-морским атташе США в Москве (с 1997 г. по 1990 г.), и ниже следует его рассказ о том, что же случилось холодным апрельским днем 1989 г.

«Атомная подводная лодка «Комсомолец» (К-287), имевшая титановый корпус, была революционным новшеством в семействе атомных подводных лодок. Она воплотила в себе новейшие достижения советской технологии строительства атомных подводных лодок и мота погружаться на глубину более 1000 метров. Лодка выполняла боевую задачу в северной части Норвежского моря, когда на ней случился пожар. Пожар возник из-за возгорания гидравлической жидкости в механизме управления рулем направления, он так и не был потушен. Когда скачки напряжения воспламенили катушки сервоприводов, пожар

быстро перекинулся еще на пять отсеков. Команда не сумела изолировать пожар, в особенности после того, как лопнула линия подачи воздуха высокого давления и сжатый воздух начал раздувать пламя. Высокие температуры вызвали возгорание краски на оборудовании и плавление защитных противогазов, сделанных из резины, прямо на лицах членов команды. Многие моряки получили отравления, когда избыточное давление в одном горящем отсеке погнало угарный газ (окись углерода) в систему аварийного дыхания лодки, к которой через гибкие дыхательные шланги были подключены некоторые участники тушения пожара.

Через несколько минут после начала пожара лодка всплыла с глубины 150 метров, но она беспомощно болталась на поверхности, пока команда боролась с огнем. Неожиданно взорвались баллоны с кислородом и емкости со смазкой, что вызвало разрушение прочного корпуса и привело к интенсивному затоплению лодки. Сначала лодка медленно оседала в воду, а потом быстро затонула; первой ушла под воду корма лодки. Спасатели еще не прибыли. Большая часть команды «Комсомольца» прыгала в арктическую воду без спасательного снаряжения, когда лодка была еще на поверхности моря.

Командир подводной лодки капитан 2-го ранга Евгений Ванин оставался на подводной лодке и предпринимал героические усилия по спасению тех, кто оставался на борту тонущей лодки. Большинство из сорока двух погибших членов экипажа погибли от переохлаждения в ледяной воде».

Через полгода после гибели «Комсомольца» кэптен П. Хухтхаузен побывал с визитом на борту атомного крейсера «Киров» в Североморске. Из разговора с медицинским персоналом крейсера я узнал, что «Киров» был первым военным кораблем, прибывшим к месту гибели «Комсомольца» и подобранным из ледяной воды несколько человек команды подводной лодки. Двое из спасенных, которых осмотрел корабельный доктор и не выявил у них никаких нарушений здоровья, внезапно скончались. После медицинского осмотра они плотно поели, закурили сигареты и глубоко затянулись. По словам доктора, эти двое надыхались дыма, что не было установлено в ходе медицинского осмотра. Другие спасшиеся говорили о надувных плотиках, которые после сброса с самолетов-спасателей сразу же затонули, и о специальной одежде, которая оказалась дырявой и пропускала ледяную воду. Еще более жутким был рассказ о том, что аварийная спасательная камера подводной лодки оказалась неисправной. По словам корабельного доктора, который занимался лечением единственного из пятерых, выжившего в этой стальной клетке, которая поднялась на поверхность, это было ужасно.

Врач с «Кирова» оказался замечательно интеллигентным молодым человеком, он волновался, рассказывая мне эту историю. Не знаю, что заставило его так переживать — то ли ужасные воспоминания, то ли тот факт, что он рассказывает подробности военноморскому офицеру Соединенных Штатов. Доктор был сухощавым мужчиной, на вид ему можно было дать тридцать с чем-то лет, волосы на его голове были смяты, словно он только что стянул свитер. Он носил очки с такими толстыми стеклами, что его увеличенные диоптриями глаза казались слишком большими для его лица. Глядя на него, я мог разглядеть сквозь толстые стекла поры на его бровях; линзы стекол, в свою очередь, были настолько заляпаны, что я удивился про себя, что он может видеть в таких очках. В первые минуты нашей встречи доктор просто смотрел на меня широко открытыми глазами, привыкая, очевидно, к мысли, что он разговаривает с одетым по форме офицером ВМС США и вес это происходит на борту советского крейсера, в его медицинском кабинете. Убедившись, что кроме нас в лазарете никого нет, доктор потянул меня за руку вглубь помещения: «Вы первый американец, с которым я встречаюсь, — сказал он. — Но вы не похожи на капиталиста».

Доктор закончил свои слова несколькими однотонными звуками, словно оп что-то напевал про себя с закрытым ртом. Пока я размышлял, стоит ли мне радоваться, что я не похож на капиталиста, доктор провел меня дальше в изолятор и предложил мне сесть рядом с пустой койкой. «Я хочу вам кое-что рассказать, хм-хм. Важно, что вы это услышите. Я думаю, вы доложите куда следует о том, что я расскажу, ведь атташе являются разведчиками, да?» Он использовал русское слово «разведчик», которое имеет широкий смысл — от собственно разведчика до информатора. Доктор казался сгустком нервов и то и дело поглядывал на дверь, за которой скрывался коридор. Я размышлял над ответом, а доктор тем временем

налил мне чашку чаю. Потом он налил себе, уселся на краешек маленького серого стола и начал свой рассказ.

«Вы знаете, что мы прибыли на место происшествия сразу после того, как «Комсомолец» ушел под воду, и забрали нескольких оставшихся в живых из воды и с торгового судна, которое также прибыло в этот район? Вот, — продолжал он, добавляя почти после каждого слова свое «хм-хм», — командир «Комсомольца» Евгений Ванин оставался на лодке, когда она вдруг начала тонуть. Ванин был храбрым человеком. Пока все остальные старались спасти себя, он пытался спасти тех, кто оставался в лодке и собирал их в спасательной камере — даже тоща, когда лодка камнем шла на дно. Из пятерых человек, которые поднялись на поверхность в спасательной камере, в живых остался только мичман Слюсаренко».

Все время, что доктор рассказывал мне о единственном спасшемся в спасательной камере, он вертел стаканом, который находился в металлическом подстаканнике.

«Когда Слюсаренко лежал здесь, — доктор ткнул пальцем в сторону небольшой кровати, стоявшей позади его ступа, — то рассказывал мне, как командир лодки Ванин отыскал четверых человек, тоже оставшихся на лодке, и помогал им карабкаться на руках и коленях к спасательной камере. Напомню, лодка тонула не с ровным килем, поэтому им пришлось ползти вверх по проходам, цепляясь руками за что попадет, потом перебираться через козырьки люков и открывать люки, которые были у них над головами. Вы можете представить такое?»

«Когда они забрались в спасательную камеру, другой офицер, Юдин, и мичман Черников закрыли нижний входной люк камеры. Командир приказал Юдину подготовить камеру к отделению от корпуса лодки. Буквально перед попыткой отделения они услышали бешеный стук по нижнему люку камеры. Еще кто-то, скорее всего, инженер лодки, пытался попасть в спасательную камеру через закрытый люк. Те, кто уже был в камере, попробовали снова оторвать нижний люк, но не сумели этого сделать. Камера уже набрала несколько кубометров воды, которая закрывала нижний люк, делая его практически неподъемным». Доктор рассказывал, как будто он сам находился сейчас в этой спасательной камере, и все быстрее вертел чайным стаканом в подстаканнике. «К ужасу тех, кто находился внутри камеры, они продолжали падение вместе с лодкой. Они все еще не могли отделиться от лодки. Юдин еще раз потянул рукоятку отделения камеры от лодки, и опять ничего не произошло. «Как она работает? — закричал он».

«Читай инструкцию», — ответил командир.

«Представляете? — спросил доктор, уставившись на меня дикими глазами. — Они ни разу не практиковались со спасательной камерой. Они тонули и читали инструкцию! По совершенно необычной предусмотрительности, инструкция висела рядом с рукояткой отделения. Представляете? — повторил доктор. — На лодке пожар, они идут на дно, и бедняге Юдину приходится все бросить и читать инструкцию. — Доктор немного заикнулся в конце этого предложения. — Хуже всего, что стук в нижний люк продолжался... и отсеки лодки лопались один за другим с треском, от которого тошнило... и лодка уже миновала свою критическую глубину в одну тысячу метров... а глубиномер камеры вышел из строя еще на четырехстах метрах».

Доктор светился, его голова была неестественно наклонена. «Как рассказывал Слюсаренко, Юдин спокойно изучал инструкцию, и тут лодка ударилась о дно и камера сама отделилась от лодки и начала всплывать на поверхность». Чайный стакан, который вертел доктор, вдруг треснул и распался на куски, как бы иллюстрируя его описание взрывающейся лодки. Он продолжал: «Отделившись в конце концов от корпуса лодки, спасательная камера понеслась вверх. Но это не спасло пятерых человек, которые в ней находились. Не спасло, хотя камера и была рассчитана на компенсацию разницы в давлениях. Она выскочила на поверхность чересчур быстро, в результате чего четверо погибли от баротравмы — как при высотной декомпрессии. Их тела были выброшены через небольшой люк камеры как тряпичные куклы; люк открылся на поверхности, и их выдуло внутренним давлением камеры, словно из пробитой автомобильной крыши. Камера заполнилась водой и тут же затонула».

«Все умерли, за исключением Слюсаренко; когда люк открылся, его выбросило первым, когда он оказался у меня здесь, то был обморожен, со сломанными конечностями и разбитой головой. Это преступление — отсутствие тренировки».

За дверью послышалась какая-то возня, и в корабельный лазарет неожиданно ворвался старший офицер. Он был в более высоком звании, чем доктор, который поднялся со стола и стоял, как в шоке. «Иностранным посетителям здесь находиться не положено», — буркнул старший офицер и быстро вывел меня из лазарета, оставив там доктора, который был так переполнен эмоциями, что не мог говорить. Кровь капала из свежего пореза на его руке, а он все смотрел на разбитый стакан.

Гибель «Комсомольца» стала серьезным обвинением в адрес порочной конструкции советской подводной лодки и установленных мер безопасности. Позднее, в ходе расследования, выяснилось, что команда лодки не провела ни одной тренировки по обращению с новейшими современными автоматически сбрасываемыми спасательными плотиками, ни по спасательной камере и ни одной тренировки даже по элементарным вопросам борьбы за живучесть лодки. Были созданы автоматические передатчики сигналов бедствия, которые без вмешательства человека должны были отрываться от тонущей лодки, подниматься на поверхность и передавать через спутник сигнал бедствия, однако команда лодки приторочила точечной сваркой передатчики к корпусу лодки, чтобы они не потерялись. Прискорбные подробности провалов в подготовке команды «Комсомольца» содержатся в книге «Гибель «Комсомольца»: аргументы конструктора», которую написал Дмитрий Романов, один из тех людей, которые первоначально занимались конструкцией этой лодки.

По мере того как появлялись новые свидетельства о происшествиях и предпосылках к происшествиям в бывшем СССР, холодные факты высвечивали узкую разделительную полосу между безопасностью и полной катастрофой, существовавшую в советских вооруженных силах. С тех пор появились новые версии трагедий, произошедших на море. Многие из них известны фрагментарно, что дает больше подробностей относительно происшествий с атомными подводными лодками и документирует ужасающую хронологию разбрасывания советского ядерного мусора.

В северной части Норвежского моря на глубине более одной мили русские установили в носовой части «Комсомольца» девять заглушек, предназначенных для предотвращения распространения плутония из боеголовок двух торпед. По словам руководителя экспедиции доктора Сагалевича, девять отверстий в носовой части лодки были закрыты заглушками, сделанными из резины и титана. Шесть отверстий принадлежали носовым торпедным аппаратам, и три отверстия были разрывами, появившимися в процессе гибели лодки.

Русские отказались от плана подъема всего корпуса лодки как чересчур рискованного. Они были настолько озабочены состоянием останков «Комсомольца», находившихся на дне Норвежского моря, что обратились к Западу за помощью в разрешении проблемы распространения радиоактивности. После совместного изучения вопроса, в котором участвовали Россия, США и страны Европы, русские соорудили бетонный саркофаг вокруг останков корпуса лодки, который должен сохранить двадцать шесть фунтов плутония (около 11 килограммов); плутоний находится в торпедах с ядерной боевой частью, которые, как было установлено, ржавеют с угрожающей скоростью. Район, где покоится лодка, относится к одному из самых биологически продуктивных районов Мирового океана. Минимальное распространение радионуклидов по пищевой цепочке морская вода — планктон — рыба может привести к мрачным экологическим, экономическим и политическим последствиям.

Со дня гибели линкора Черноморского флота «Новороссийск» прошло более пятидесяти лет, но тот урок, похоже, ничему не научил. Как пишет Дмитрий Романов в своей книге «Трагедия подводных лодок»:

«29 октября 1955 года на стоянке в базе приписки на Черном море в результате внешнего взрыва затонул линкор «Новороссийск» и погибло более шестисот человек.

Правительственная комиссия по расследованию причин гибели линкора признала центральный аппарат ВМФ полностью ответственным в его гибели, поскольку он не уделил должного внимания частным вопросам. Ответственные сотрудники центрального аппарата

были виновны в недостаточной подготовке команды корабля к выполнению задач по боевой готовности и борьбе за живучесть, а также за отсутствие документации по действиям в борьбе за живучесть. Тридцать три года спустя трагедия на борту «Комсомольца» произошла по точно таким же причинам. Корабль тонет; люди гибнут, а центральный аппарат ВМФ продолжает вести себя так, как будто ничего не произошло».

РЕЦЕПТ БЕДСТВИЯ

Растущее число свидетельств о неудовлетворительном состоянии техники безопасности на советском ВМФ в период «холодной войны» требовало более тщательного расследования. П. Хухтхаузен занимался этим в сентябре—октябре 1995 г. и беседовал со спасшимися участниками гибели нескольких подводных лодок, включая «Комсомолец» К-287 («Проект 685» «Плавник»; по классификации НАТО — класс «Майк»), К-219 («Проект 667» «Навага»; по классификации НАТО — класс «Янки») и командным составом эскадры и флотилии, в которые организационно входила не вернувшаяся из похода подводная лодка К-129 («Проект 629»; по классификации НАТО — класс «Гольф-II»). Он также выслушал аргументы, которые представили старшие конструкторы нескольких проектов подводных лодок из ЦКБ морского судостроения «Рубин», и старшие офицеры управлений тыла и судостроения советского ВМФ. Хухтхаузен беседовал и со старшими офицерами флота, как отставными, так и продолжающими службу в ВМФ России, включая НГШ ВМФ адмирала Валентина Селиванова и адмирала Валентина Поникаровского, бывшего командира атомной подводной лодки и начальника военно-морской академии.

После дискуссий стало понятно, что существует четкая поляризация точек зрения конструкторов и пользователей подводных лодок относительно причин пожаров, отказов реакторов и других происшествий; вместе с тем, обе стороны согласны, что чрезвычайное напряжение, вызванное гонкой вооружений во времена «холодной войны» — во что бы то ни стало превзойти флоты Запада по количеству выпускаемых современных кораблей и подводных лодок — серьезно повлияло на частоту инцидентов. Кроме того, действовавшие силы флота были под сильнейшим нажимом, когда от них требовалось любой ценой «произвести развертывание» в периоды значительного усиления активности, которые определялись состоянием отношений между противоборствующими сторонами «холодной войны». В результате пользователи сглаживали углы в вопросах техники безопасности при эксплуатации и обслуживании военной техники и оборудования.

Один крупный изъян в технической готовности ВМФ был порожден системой, которая управляла советской военной промышленностью. Если на Западе размеры военных расходов определялись состоянием экономики, то советская военно-промышленная машина управлялась бюрократической системой централизованного планирования. Из доводов, которые представили как пользователи военной техники, так и кораблестроители, стало понятно, что в вопросах технической информации обратная связь от пользователей к строителям и конструкторам военной техники в существовавшей советской системе провалилась с треском. Пяти- и десятилетние планы, которые исходили от политических руководителей в Кремле и в подготовке которых инженерный состав или военные играли весьма маленькую роль, направляли деятельность каждого конструкторского бюро или судостроительного предприятия. Это вело к тому, что руководство промышленных предприятий, стремясь следовать графику производственного плана, закрывало глаза на многие недостатки и не делало упор на контроль качества и создание запаса надежности — два требования, которые являются центральными в военной промышленности Запада. Другой особенностью процесса конструирования и производства советских подводных лодок являлось осуществляемое на практике личное участие одного или двух высокопоставленных личностей в каждом проекте. По забавному противоречию с коммунистической идеологией, которая говорит о коллективном труде, за проектирование и строительство «Комсомольца», начиная с этапа планирования в конце 1960-х годов и до

завершения строительства и спуска на воду в 1983 г., несли ответственность только три человека.

«Проект 685» «Плавник» — это русское название программы строительства подводных лодок класса «Майк», согласно которой должны были быть построены атомные ударные подводные лодки, имеющие самую большую в мире рабочую глубину и, возможно, самую большую подводную скорость. Это был личный проект главного конструктора Владимира Кормилицына, помощника главного конструктора Дмитрия Романова и помощника Анатолия Чувакина, который в 1989 г. умер от сердечного приступа, узнав, что прототип проекта, подводная лодка «Комсомолец», загорелась и затонула.

Тщательное расследование причин катастрофы, проведенное конструкторами, возложило всю ответственность на действующие силы флота, которые не обеспечили должной подготовки личного состава лодки в борьбе с пожаром и общей борьбе за живучесть, а также не смогли организовать информирование конструкторского бюро и судостроительного предприятия о проблемах, связанных с техническим состоянием подводной лодки. Романов возлагает на флот всю ответственность за неспособность справиться с пожаром на «Комсомольце». Как пишет Романов, это произошло потому, что команда не задействовала штатные системы борьбы с пожаром. В ходе разговора, который состоялся в сентябре 1995 г., Романов сказал, что системы, установленные на «Комсомольце», были отключены во избежание частых случайных срабатываний. Члены команды «Комсомольца» поступили так из-за боязни понести наказание за возможное повреждение чувствительной аппаратуры, вызванное непреднамеренным запуском. Установленные на «Комсомольце» системы пожаротушения были аналогичны автоматическим разбрызгивателям, имевшимся на борту злополучного эсминца «Отважный» класса «Кашин», который взорвался и затонул в Черном море в 1974 г. В подводных силах упор делался на походы, на действия в море, на развертывание любой ценой; все это определялось русским словом «пахать». В периоды нахождения на базе члены команд были задействованы на бесполезной для них работе типа покраски каменных бордюров, загрузки грузовых автомобилей, и политических занятий — вместо того, чтобы заниматься на тренажерах. В результате, когда лодки уходили на задание или принимали участие в учениях, членам команды приходилось осваивать свои основные обязанности в ходе работы, в реальных и порой опасных условиях. Соблюдение мер безопасности считалось дурным тоном, который подрывал моральный дух и сеял недоверие к боевой технике, вооружению и командному составу.

С другой стороны, представители оперативных сил советского ВМФ и большая часть спасшихся участников инцидентов винили судостроителей и конструкторов в отказах систем пожаротушения и другого штатного оборудования, обеспечивающих безопасность эксплуатации подводных лодок, а также за отсутствие надлежащего спасательного оборудования. Расследование происшествия с «Комсомольцем» выявило и другие огрехи, которые не были связаны с конструкцией лодки или ее эксплуатацией. Эти огрехи имели отношение к организации сил поиска и спасения, управлению и контролю, и отжившей свое практики засекречивания реальных действий сил флота, что не дало возможности получить своевременную помощь от находящихся поблизости спасательных средств Норвегии. Суммируя вышесказанное, те недостатки, которые всплыли на свет божий при гибели «Комсомольца», оказались совершенно такими же, как те, на которые указывали результаты расследования, долго скрываемые от общественности, о гибели линкора «Новороссийск» в 1955 г., о пожаре и гибели эсминца «Отважный» в 1974 г., и более ранних инцидентов с подводными лодками. Все говорило о неспособности эксплуатантов идти в ногу с быстро усложняющимися флотскими технологиями и излишней поспешности при вводе в боевой состав новых кораблей и подводных лодок. Вооруженные силы, отбросив предосторожность, неслись неизвестно куда, практикуясь только в боевом применении своих вооружений.

Конструктор подводных лодок Романов, работавший в ЦКБ «Рубин» морского судостроения в Ленинграде, был так раздосадован повторяющимися инцидентами с подводными лодками, что опубликовал свои мысли по этому поводу в вышедшей в 1995 г. сенсационной книге «Трагедия подводной лодки «Комсомолец»: аргументы конструктора», объяснив, с точки зрения конструктора, многие отказы.

Более ранние инциденты с реакторами находившихся в море атомных подводных лодок первого поколения К-3, К-19, К-11 и К-27 в 1960-х и 1970-х годах послужили прецедентом для расхождения во мнениях между конструкторами и флотом. Причины драматической гибели ударной подводной лодки К-8 «Кит» и 58 членов ее команды у побережья Испании в 1970 г., а также подводной лодки К-219 «Навага» в районе Бермудских островов в 1986 г. были во всех деталях обнародованы только после развала СССР. В 1989 г., в разгар горбачевских реформ, известие о сенсационной гибели «Комсомольца» было в советских средствах массовой информации представлено лишь как факт, частично; ужасающие подробности этого происшествия стали полностью известны только через шесть лет. Претензии по поводу отсутствия надлежащей подготовки личного состава флота, выдвинутые Романовым, получили сердитую отповедь со стороны двух высших адмиралов советского ВМФ. Адмирал Флота В. Чернавин и его первый заместитель И. Капитанец выступили со статьей на страницах популярного издания «Военно-морской сборник», который является русским эквивалентом сборника «Просидингз», издаваемого военно-морским институтом США. Основными причинами происшествий адмиралы назвали отсутствие надлежащей политической мотивации и некачественное строительство лодок. Адмирал Капитанец писал, что некондиционные материалы, слабый контроль качества и безразличие рабочих-судостроителей внесли свою лепту в неудовлетворительное состояние техники безопасности в ВМФ. Он привел такой факт: дизельное топливо, используемое в советском ВМФ, воспламеняется при температуре, которая на 20 градусов ниже температуры воспламенения американского дизельного топлива. Капитанец заявил также, что спасательное оборудование отказало во время ухода лодки на дно, а не тогда, когда моряки начали его использовать.

После того, как в 1985 г. Горбачев уволил главнокомандующего ВМФ Адмирала Фиата СССР С. Горшкова, и после смерти адмирала в 1988 г., достоянием общественности стали подлинные истории об ужасающих потерях, понесенных флотом за двадцать семь лет направляемой Горшковым динамичной экспансии советского ВМФ. По иронии, эти откровения заставили приподнять завесу секретности, которая долгие годы покрывала операции подводных лодок по обе стороны бывшего «железного занавеса». В рассказах русских подводников открыто говорилось о многочисленных инцидентах с участием иностранных ударных подводных лодок, в результате которых повреждения получали подводные лодки обеих сторон. Любой из этих инцидентов мог привести к потере ракет, повреждению реактора и гибели экипажа в морской пучине.

Изменения, которые последовали за начатым Горбачевым 1985 г. процессом открытости, сильнейшим образом повлияли на советский ВМФ. К настоящему времени документально подтверждено, что в первые десять лет прорыва в Клуб ядерных держав (1958—1968 гг.) советский ВМФ потерял восемь подводных лодок и двести моряков, а более четырехсот человек получили смертельные дозы облучения. В эти годы динамичной советской военно-морской экспансии получившие большие дозы радиации военнослужащие отправлялись в отдаленные госпитали, где симптомы их болезни маскировались под нервные расстройства. Многие жертвы получили диагноз пострадавших от «травмы, вызванной стрессом».

Многие умерли от радиационного отравления, и их останки были захоронены в необозначенных могилах, сведения об остальных отсутствуют.

Верховный Совет, высший законодательный орган, который обычно «ставил печать» на постановлениях ЦК партии, превращая их таким образом, в законы, запретил медицинским учреждениям в официальном свидетельстве о смерти указывать причиной смерти «радиационное отравление» или «облучение».

Злоключения СССР с атомной энергией начались с происшествий на прототипах его атомных подводных лодок и надводных кораблей. Первый в мире атомный ледокол, широко разрекламированный «Ленин», был построен в конце 1950-х годов. На одном из трех реакторов ледокола в 1966 г. произошло расплавление топливного элемента, что привело к гибели по меньшей мере тридцати членов команды ледокола. Ядерная силовая установка ледокола, служившая испытательной площадкой для силовых установок будущих подводных лодок, была демонтирована и затоплена в Карском заливе близ Новой Земли, отдельные участки которого до сих пор сильно заражены.

Первая советская подводная лодка с ЯЭУ, прославленный «Ленинский комсомол», на которой ходил пионер атомного подводного флота Леонид Осипенко, была спущена на воду в 1957 г. Ее прототипом была К-3, подводная лодка «Проект 627» «Кит» (по классификации НАТО — класс «Новембер»), ставшая первой советской подводной лодкой, которая в подводном положении достигла Северного полюса и всплыла там. За этот успех командир лодки Осипенко и его старший помощник, известный рационализатор в области атомной энергии Лев Жильцев, были удостоены Никитой Хрущевым звания Герой Советского Союза. Тот факт, что во время похода к полюсу из-за утечки в парогенераторе реактора смертельное облучение получили двенадцать членов команды К-3, был спокойно замат. Через четыре года та же самая лодка из-за пожара на борту потеряла тридцать девять человек команды, кое-как вернулась в порт приписки, потом была выведена из боевого состава флота и аналогично затоплена в Баренцевом море близ Новой Земли — в растущей могиле неудачных советских атомных проектов. А ведь эту лодку можно было превратить в музей.

Имя Николая Мормуля, инженера той первой подводной лодки, о которой было упомянуто в главе 10, стало легендой на длинной дороге неудач с советскими подводными лодками. После катастроф на борту ледокола «Ленин» и на подводных лодках К-11, К-27, К-140, К-329, К-222, К-123, К-314, К-431, К-192, К-8, К-19, повлекших гибель более чем 250 моряков, инженер-ядерщик Мормуль стал открытым критиком безопасности советских подводных лодок. Он предпринимал попытки, которые оказались тщетными, представить в инженерное управление ПИ ВМФ детальные инструкции, целью которых являлись корректирующие действия на эксплуатируемых атомных силовых установках подводных лодок с последующей доработкой этих установок. Он тут же попал в немилость к высшему командованию за отказ прекратить попытки составить новые инструкции по эксплуатации ядерных энергетических установок. ГК ВМФ Адмирал Флота Советского Союза С. Горшков приказал упрятать Мормуля в тюрьму за отсутствие чувства патриотизма и его попытки предать огласке уже давно имевшиеся факты плачевного состояния советского подводного флота. Единственным реальным «преступлением» Мормуля были его выступления в пользу улучшения состояния безопасности силовых установок. В 1986 г., вскоре после чернобыльского инцидента, когда Мормуль еще находился в заключении, он направил Горбачеву письмо с написанной им инструкцией по улучшению состояния безопасности на полностью дефектных ядерных силовых установках по всему СССР. Его профессиональный опыт был опять проигнорирован, а он сам был назван «общественно вредным».

Мормуль был выпущен Горбачевым в 1987 г. в ходе массового освобождения политических заключенных. Ему присвоили звание контр-адмирала и вернули на Северный флот на должность старшего инженера. Но уже было поздно — его знания игнорировались преимущественно по политическим причинам. Позднее Мормуль написал книгу, в которой поведал о скрываемом прошлом советского подводного флота и о грустных фактах засорения моря ядерными отходами. Книге, написанной в 1992 г., цензура долго не давала хода, но в конце концов она была напечатана в России в 1996 г.

Более трагичными, чем рассказы об отдельных военно-морских катастрофах на море, являются приводимые Мормулем данные и официальные свидетельства о большом количестве атомных реакторов и единиц атомного оружия, разбросанных на дне океана и находящихся в разной степени разрушения. Тревожные сообщения, которые стали появляться после 1991 г., подтверждают количество и местоположение вышедших из строя атомных реакторов и потерянных атомных боеголовок, лежащих на дне океана, которые являются останками сорокалетней истории скрываемых катастроф советского подводного флота. В одном только месте свалки — в Карском море, возле Новой Земли, которая является крупнейшей могилой советских атомных отходов — по данным 1992 г., на дне моря уже находится 3,5 миллиона кюри ядерного мусора. Это составляет одну десятую часть радиационного загрязнения, попавшего в атмосферу во время инцидента в Чернобыле. Источники остаточной радиации в этом районе моря представлены 1 брошенным корпусом подводной лодки (К-27), 16 неисправными реакторами (в 6 реакторах все еще находится топливо) и 9000 тонн отработанного ядерного топлива и жидких ядерных отходов; все это покоится на глубине не более 50 метров.

В период с конца 1950-х годов до 1993 г. обычной практикой советского, а затем и российского ВМФ являлся сброс жидких и твердых радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива в воду в обозначенных районах Баренцева моря и Тихого океана. Точно определить место сброса каждой партии атомного мусора невозможно, поскольку, по свидетельству Мормуля и самих участников сброса, большое количество атомного мусора в советское время сбрасывалось без регистрации места сброса, ночью, в местах, не разрешенных для сброса. Это практиковалось как в северной части Баренцева моря, так и в Японском море, у баз Тихоокеанского флота.

Несанкционированный секретный сброс радиоактивных отходов в море был результатом господствующих настроений в разгар так называемого застойного периода советской истории, когда старший командный состав флота и руководство судостроительных предприятий избегали брать ответственность за свои действия из-за боязни наказания. Давление на производство по выпуску продукции согласно нереалистичным планам центрального руководства превалировало над всем остальным. Партийные чиновники и руководители судостроительных предприятий, выпускавших корабли для ВМФ, фальсифицировали документы, чтобы показать, что они соответствуют показателям центрального плана. Контроль качества при строительстве ядерных энергетических установок был слабым или отсутствовал вообще. Безопасности при строительстве на судостроительных предприятиях не было. Карьерный рост зависал от выполнения производственных показателей, качество или безопасность производства мало влияли на него.

После того как появились сообщения о таком катастрофическом советском военно-морском наследии, и в связи с нарастающим международным требованием прекратить сброс атомных отходов в море, президент РФ Б. Ельцин в 1992 г. учредил комиссию, которая должна была изучить и доложить ему ситуацию с атомным мусором в районах вблизи бывших советских военно-морских баз. Через год работы комиссия выпустила доклад, который известен под его коротким названием «Доклад Яблокова» [22]

. В докладе приводятся подробности об известных советских захоронениях атомного мусора в Северной Атлантике, Баренцевом море, и в Тихом океане. Однако, по мнению Н. Мормуля, «Доклад Яблокова» говорит только о малой толике из общего объема незарегистрированных захоронений.

«Доклад Яблокова» также в общих чертах упоминает об известных ранее по данным разведки, а также из обнародованных адмиралом Мормулем сведений о нескольких серьезных происшествиях на реакторах подводных лодок, в том числе и о происшествии в бухте Чазма.

Этот страшный инцидент случился 10.08.1985 г., когда на базе Тихоокеанского флота Шкотово-22, что примерно в 50 километрах к северу от Владивостока, на борту атомной подводной лодки К-314 началась неуправляемая самопроизвольная цепная реакция деления урана. Инцидент произошел во время смены топлива в активной зоне атомного реактора ударной подводной лодки «Проект 671» (но классификации НАТО — класс «Викгор-1») — через пять месяцев после столкновения лодки с американским авианосцем «Китти Хок». При подготовке к смене топлива была обнаружена утечка из-под крышки реактора — дефект, который обычно устраняется в сухом доке. Однако, стремясь сэкономить время, команда лодки и рабочие судостроительного предприятия попробовали выполнить ремонт на лодке, которая находилась на плаву.

В процессе подъема крышки реактора, что требовалось для удаления отработанного топлива, рабочие случайно извлекли два топливных стержня, что вызвало неуправляемую цепную реакцию деления, в результате чего крышку реактора весом в одну тонну подбросило вверх на высоту более 100 метров, потом она упала опять на лодку. Взрыв разметал радиоактивное топливо и тела десятых рабочих и матросов по бухте. От взрыва в воздух поднялось ядерное топливо и решетчатая ловушка-поглотитель нейтронов, образовав громадный шлейф заражения, содержащий в себе примерно 4 кубометра высокорadioактивного материала; этот шлейф накрыл площадь, равную по площади

территории, зараженной после трагедии в Чернобыле, и вытянулся на 6 километров в сторону Владивостока. Вскоре после взрыва рабочим и морякам приказали навести порядок на месте происшествия и помалкивать об инциденте.

Как рассказали свидетели, после того как возгорание было ликвидировано, ворота предприятия были закрыты, а рабочим, участвовавшим в уборке места взрыва, было приказано сбрить волосы, сдать одежду и несколько раз принять душ. Останки тел десяти погибших вместе с другими зараженными предметами были захоронены в специально подготовленных ямах. С лодки сняли реакторы и, отбуксировав к дальнему пирсу, там и оставили. В 1994 г. она все еще находилась у этого пирса. Подробное описание этого происшествия было вырезано цензорами до публикации книги Мормуля.

Согласно официально приводимым данным «Доклада Яблокова», четыре цельных корпуса подводных лодок лежат на дне Атлантического океана (К-8, К-278 и К-219) и Карского моря (К-27), на дне моря покоятся и восемнадцать атомных реакторов, имеющих разные степени повреждения. Помимо этих чрезвычайно опасных объектов, дно Мирового океана усеяно тридцатью восемью ядерными боеголовками, из них тридцать штук лежат на глубине 6000 метров у Бермудских островов. Эти боеголовки, находящиеся внутри корпуса лодки, затонули вместе с ней. Это была первая в истории гибель ПЛАРБ в море, и этой лодкой оказалась К-219 «Проекта 667» (по классификации НАТО — класс «Янки»), нестабильное жидкое ракетное топливо послужило причиной нескольких инцидентов на советском ВМФ. В одном из таких случаев, произошедшем на аналогичной лодке класса «Янки», имевшей ракеты большей дальности полета, но заправленные все тем же жидким топливом, экипажу лодки, во избежание взрыва на борту, пришлось открыть крышки ракетной шахты и отстрелить одну баллистическую ракету с атомной боеголовкой в Тихий океан. Несколькими днями позже лихорадочные усилия ВМФ увенчались успехом, и отстреленная боеголовка была поднята.

Многие годы официальным ответом ВМС США и советского ВМФ на критику по поводу затопления атомных отходов являлось утверждение о том, что лучшим местом для захоронения старых реакторов и боеголовок является глубокая грязь на морском дне—чем глубже, тем лучше. Да, говорят специалисты, это верно, но только в том случае, когда контейнер, в котором находится реактор, или корпуса ракет, загерметизированы и не имеют механических повреждений. Однако как долго такие контейнеры могут оставаться на дне моря в их неизменном состоянии? ВМС США тщательно следят за состоянием придонной среды вблизи останков затонувших американских атомных подводных лодок «Трешер» (SSN-593) и «Скорпион» (SSN-589) — единственных американских лодок, потерянных в результате происшествий на море, и публикуют результаты каждые несколько лет.

В 1991 г. Россия унаследовала от СССР самый большой в мире флот атомных подводных лодок — 245 единиц, и должна была решать в будущем неизбежную задачу по выводу этих лодок из боевого состава ВМФ и их последующей утилизации. В докладе, выпущенном в 1996 г. организацией «Фонд Беллона» — норвежской группой, контролирующей состояние окружающей среды и имеющей свои отделения в России, выражена международная озабоченность относительно того, что российские ядерные объекты представляют серьезную экологическую угрозу соседним регионам и что Россия неспособна и не хочет вкладывать средства для исправления ситуации. Доклад вызвал такое раздражение в политических кругах России, что российский участник исследований и работы над докладом капитан 1-го ранга в отставке А. Никитин был арестован и обвинен в краже секретных материалов, касающихся дислокации атомных подводных лодок и информации по атомным реакторам ВМФ, что считается жизненно важным для национальной безопасности России.

Преемница КГБ, Федеральная служба безопасности России, начала свой неожиданный натиск в октябре 1995 г. арестом отставного капитана 1-го ранга Никитина. Целью подобного поступка, скорее всего, было дать сигнал преимущественно иностранным исследователям, которые относительно безнаказанно мотаются туда и сюда по ранее закрытым военным территориям России, собирая данные для анализа ядерной безопасности и ущерба окружающей среде, вызванного обилием ядерного мусора и практикой его захоронения в советские времена.

Как свидетельствует доклад «Фонда Беллона», утилизация твердых и жидких радиоактивных отходов представляет собой основную проблему, влияющую на программу вывода кораблей из боевого состава. Одной из наиболее серьезных угроз для безопасности является неспособность поддерживать в надлежащем состоянии хранилища отработанного ядерного топлива и радиоактивных отходов.

В 1995 г. бывший командующий Северным флотом адмирал О. Ерофеев заявил, что «вопросы хранения отработанного топлива ядерных реакторов, радиоактивных отходов, списанных подводных лодок, и недостатки в обслуживании лодок, продолжающих нести службу, являются проблемой не только Северного флота, но и Российского государства. Поэтому необходимые действия будут естественными не только для Северного флота, но и для МЧС. Если сегодня не принять мер по разрешению ситуации, то через какое-то время ситуация может стать критической и привести к экологической катастрофе». Кто может знать этот- вопрос лучше адмирала Ерофеева?

Стремясь облегчить проблему демонтажа реакторов, Россия попросила помощи у Запада и получила ее. За последние пятнадцать лет американская, норвежская, японская, британская, французская и итальянская программы значительно помогли в разрешении этой проблемы. По данным «Фонда Беллона», мониторинг радиационной обстановки и чрезвычайное реагирование на ядерные инциденты в местах дислокации Северного флота вышли на такой уровень, что, например, в 2008 г. все потенциально опасные объекты находились под круглосуточным наблюдением. По заверениям А. Пономаренко, координатора «Фонда Беллона» (Мурманск) по ядерной и радиационной безопасности, «легкие проекты», под которыми мы подразумеваем и разрушение подводных лодок, капитально завершены». Тем не менее практически ничего не делается по выводу из эксплуатации надводных кораблей с ядерной силовой установкой, и Россия, похоже, приостановила вывод из боевого состава двух первых крейсеров класса «Киров», которые могут вернуться на службу.

СНОВА АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Драматический поворот в поведении Советского Союза — от обычной угрюмой секретности до сползания к доброте, последовавший после московской встречи на высшем уровне Горбачева и Рейгана, — явился шоком, хотя и приятным, для граждан западных стран, проживавших тогда в Советском Союзе. Большинство сомневалось, будут ли теплые чувства живы и на следующий год. Однако драматическое расслоение советского коммунизма набирало силу как снежный ком и достигло осенью 1989 г. кульминации, которой стало разрушение Берлинской стены. Конец «холодной войны» был неминуем, и в Москве происходили невероятные события. Начиная с лета 1988 г. американцы наблюдали прорыв в переговорах по Договору о ядерных средствах промежуточной дальности (ЯСПД), обмен визитами между маршалом С. Ахромеевым и адмиралом У. Кроу, введение в действие Соглашения по военному сотрудничеству между США и СССР, и возобновление практики обмена визитами военных кораблей. Советская армия покинула Афганистан, и министр обороны Д. Язов принес извинения за смерть майора Д. Николсона, который, выполняя свои служебные обязанности в американской военной миссии в Потсдаме, был застрелен советским часовым. В 1989 г. сотрудников американского посольства в Москве было трудно чем-нибудь удивить.

Военно-морской атташе США только что вернулся в Москву, завершив свои дела в очередном знаковом мероприятии, — он сопровождал начальника штаба ВМС США К. Троста и его делегацию в поездке по основным военно-морским базам Советского Союза. Трост стал первым из начальников штабов видов вооруженных сил США, приехавшим по новому соглашению с визитом в СССР. В Североморске, где располагался штаб Северного флота, Троста и его небольшую делегацию плюс атташе пригласили на борт советской ударной подводной лодки с ЯЭУ класса «Виктор-III», самой современной на то время советской ударной лодки. Для американцев организовали небольшой стол в кают-компании, где принимала пищу команда лодки, и они были удивлены, когда к еде им

предложили вино. Адмирал Трост сказал советскому офицеру, выступавшему в роли хозяина, что на кораблях ВМС США вино не подают. Советский офицер ответил, что красное вино имеет свойства поглощать изотопы малой мощности. Это был правдивый ответ, но он компрометировал радиологическую герметичность советских реакторов. Для американских атташе это время было особенно пьянящим. Потратив годы своей шпионской работы на подглядывание из-за забора, наблюдение за судостроительными верфями и вбухав миллионы долларов на поездки, чтобы увидеть то немногое, что удастся увидеть в закрытой системе, атташе вдруг столкнулись с неожиданным обаянием и даже «братством по оружию» со стороны их советских хозяев.

Одним из самых значимых событий того времени был приезд в Москву оркестра корпуса морской пехоты США — личного оркестра американского президента, который, наверное, является одним из лучших военных оркестров в мире. Президентский оркестр проделал грандиозное концертное турне по шести основным городам Советского Союза, начав с Москвы, где выступил совместно с прославленным оркестром Советской армии. Военно-морской атташе сопровождал оркестр во время поездок в Киев, Минск и Ленинград. В каждом городе морские пехотинцы сначала выступали в одном из городских концертных залов, а потом давали концерт на ближайшей военной базе. Это было необыкновенное ощущение — неожиданно оказаться на территории, которая была закрыта для иностранцев со времен Второй мировой войны, и ничем себя не ограничивать. Русские могут быть замечательно гостеприимными хозяевами — когда им это разрешают.

Сообщения о нарастающем беспокойстве в странах Восточной Европы и заигрывании центральных властей с гражданами этих стран ежедневно передавались в вечерней московской программе «Время». Па четвертом году гласности М. Горбачева публике стали показывать больше реальной жизни. В том примечательном октябре жесткое противостояние народа коммунистическим властям в Венгрии, Чехословакии и Восточной Германии со всеми подробностями описывалось в московской англоязычной газете «Москоу ньюс». Эти события плюс отказ советского правительства от контроля над Русской православной церковью нарастающим вихрем новостей неслись по просторам Советского Союза. В Рождество (25 декабря) 1989 г. программа «Время» показала изрешеченные пулями тела Николае и Елены Чаушеску, лежащие во дворе какого-то дома в Тырговиште. Эта сцена, которую видели по телевизору в каждой семье в Советском Союзе, стала недобрый знаменем для коммунистических руководителей Москвы.

Драматичное разрушение Берлинской стены отозвалось в московском дипломатическом сообществе реакцией военных и военно-морских атташе из стран Восточной Европы. За предыдущие два с половиной года американский военно-морской атташе наладил отношения личной дружбы с военно-морским атташе из Восточной Германии кэптенем Рольфом Франке. Рольф был старшим военно-морским офицером в посольстве Германской Демократической Республики, ГДР. Всю свою военную карьеру он прослужил офицером разведки и, возможно, не видел моря или военного корабля с тех пор, как был курсантом военно-морского училища в Берлине. В качестве атташе или военного советника он побывал на Кубе, в Перу и во Вьетнаме, а также еще в нескольких странах, о которых он предпочитал не распространяться. Как и большинству других атташе из стран Варшавского договора, находящихся в заграничных командировках, ему разрешалось взять с собой в Москву только жену. Под предлогом обучения детей в школах своей страны от атташе требовали оставлять дома детей или другого члена семьи, особенно если командировка приходилась на страну Запада. Некоторые называли это залогом, другие называли это страховкой, гарантирующей возвращение атташе домой.

В Берлине у Рольфа были внуки, которые периодически к нему приезжали. Чем дальше они жили в Москве и чем хуже становилась ситуация в ее родной Восточной Германии, тем замкнутее и угрюмее вела себя его жена. Рольф часто приглашал американца в свое посольство, расположенное на Ленинском проспекте, и, по мере изменения ситуации в Берлине, становился более разговорчивым.

Рольф стал открыто говорить о своих планах увольнения со службы, о зарплате и ситуации у него на родине. Он казался преданным коммунистом, но не раз заявлял, что их система из года в год делает ужасающие ошибки. Оставаясь один на один с американским атташе, он дружески критиковал восточногерманского президента Эрика Хонеккера. В обычное время

и в нормальных условиях американский атташе охарактеризовал бы его поведение как превосходный пример должностного лица, собирающегося переметнуться на Запад. Если его намерения действительно были таковыми, то быстрый ход событий в Берлине полностью его обогнал. Случилось так, что вся его страна перебежала на Запад, а он опоздал. Рольф поведал, что опасается за собственную безопасность и безопасность его семьи. Рольф был в гостях на квартире американского военно-морского атташе, когда стало известно о погроме штаб-квартиры секретной полиции ГДР («Штази») в Берлине. Рольф сказал, что собирается перевезти всю свою семью в Москву и ждать, пока ситуация прояснится. Он сказал, что его послужной список, скорее всего, не даст ему возможности нормально уволиться из вооруженных сил и что его, возможно, даже посадят в тюрьму. Для него те дни были действительно тяжким испытанием.

Судьба руководителей стран коммунистического Востока не заслуживает сожаления, и они справедливо считаются ответственными за политику, которая вызвала много трагических смертей среди граждан их стран, пытавшихся бежать на Запад, и за разрушенные семьи и физические и душевные страдания их населения. Тем не менее многие западные дипломаты, служившие в странах Восточной Европы, искренне сочувствовали офицерам стран Варшавского договора, жизнь которых в тот период дала трещину.

Пик в военных отношениях Восток—Запад пришелся на празднование в 1989 г. дня Национальной народной армии ГДР. В том году отмечалась 40-я годовщина образования ГДР и ее вооруженных сил. Всего за месяц до крушения Берлинской стены, когда будущее Германии покоилось в руках Генерального секретаря Горбачева и Политбюро, планировался большой дипломатический прием. Сороковая годовщина ГДР была не просто национальным днем восточных немцев, она стала еще и последним крупным «выпендрёжем», устроенным в Москве одной из стран — членов Варшавского договора. Через два года взорвался и Советский Союз.

Вот как это запомнилось П. Хухтхаузену, уже уволенному из ВМС США:

Ранним рождественским утром 1991 г. бывшего военно-морского атташе ВМС США в СССР, отдыхавшего в своей московской квартире, разбудил телефонный звонок. Атташе уволился из ВМС США в сентябре 1990 г., а потом вернулся в Москву в качестве представителя фирмы «Консалт Америка». В этот раз ему звонил капитан 1-го ранга в отставке Валентин Серков, один из творцов «Соглашения о предотвращении инцидентов на море» и специалист по морскому праву. Взволнованным голосом Серков предложил встретиться и вместе наблюдать монументальное событие. Днем раньше ушел со своего поста М. Горбачев, и Серков ожидал чего-то совершенно необычного. Серков предлагал встретиться чуть свет на Красной площади у Спасских ворот.

Отставной атташе натянул меховую шапку, надел пальто и пошел из своей квартиры на Таганке на Красную площадь; ему предстояло пройти три километра. Снег летел с другого берега Москвы-реки и щипал его лицо, он горбился на холодном ветру, по продолжал плестись по безлюдной набережной. Интересно, что там будет, думал американец. Он шел по утренней Москве, оставляя за собой маленькие клубы пара, в который превращался выдыхаемый им воздух. Солнце прорвалось сквозь рваные лохматые тучи, и небо окрасилось ярко-розовым цветом. В эти ранние утренние часы, когда улицы еще были почти безлюдны, Москва являла себя во всей своей красе.

Он пришел на Красную площадь, на которой никого не было, за исключением кремлевских часовых в серых шинелях и меховых шапках, медленнодвигающихся по квадрату. Он разглядел крупную фигуру Серкова, стоявшего спиной к черной кованой оградке с западной стороны собора Василия Блаженного и смотревшего поверх мавзолея Ленина. Серков махнул рукой и направился к американцу.

— Посмотри туда, — сказал он. Американец заметил застывшие слезинки на ярко-красном лице подошедшего Серкова. — Убрали, гляди!

Американец повернулся и посмотрел в ту сторону, куда указывал Серков. Высоко над кремлевским куполом трепетал бело-сине-красный российский триколор! Полностью красный флаг СССР с серпом и молотом был снят! На восходе солнца, подставив себя поземке, на Красной площади стояли двое мужчин, двое бывших офицеров военно-морской разведки — один русский, второй американец. Кремлевские часовые молча смотрели на них. Советский Союз умер. Какое-то время спустя, во время празднования Дня военно-

морского флота в июле 1992 г., старый российский морской флаг с бело-голубым крестом святого Андрея заменил советский военно-морской флаг. Советский флаг с серпом и молотом оставался до 1997 г. на кораблях Черноморского флота, который был предметом дележа между Россией и Украиной. Этот флаг продолжают с гордостью демонстрировать на военных парадах и в День военно-морского флота, потому что он никогда не был сдан врагу на поле боя и был водружен над берлинским рейхстагом в 1945 г.

Должность американского военно-морского атташе в СССР имеет длинную историю, полную захватывающих приключений и интриг. Начинаясь она с командера ВМС США Х. Кёлера, который в годы Гражданской войны 1920-х годов тайком разъезжал по России и сообщал, как у большевиков идут дела.

Перед Кёлером была поставлена задача «выяснить... является ли большевизм реальной силой, работающей идеей, которая продолжит существование, или же он является фальшивой доктриной, каковой он предстает на первый взгляд». В то морозное утро на Красной площади, но прошествии семидесяти одного года и целой череды своих предшественников, служивших в разное время в Москве американскими военно-морскими атташе, Хухтхаузен, в недавнем прошлом сам бывший американским военно-морским атташе, осознал, что на заданные Кёлеру вопросы дан окончательный ответ. Красные знамена, реявшие с 1917 г. над большевистским флотом, наконец, спущены.

Почти семидесятилетняя конфронтация с коммунизмом закончилась. Полностью ли ушли с ней семена антагонизма?

За периодом «дикого Запада», характерным для российского президента Б. Ельцина в 1990-х годах, последовало явное сокращение ранее раздутых разведывательных служб, предпринятое президентом В. Путиным, восстановившим государственную власть.

Секретные военно-морские базы, которые были открыты для граждан Запада в период ельцинских послаблений в отношении государственной безопасности, были опять закрыты. В 1999 г. отставной капитан американской военно-морской разведки, находившийся в России, очевидно, по делам бизнеса, был уличен в приобретении чертежей ранней модели восхитительного оружия — подводной ракеты «Шквал», имеющей скорость 200 узлов и созданной в развитие итало-немецкой концепции времен Второй мировой войны. Бывшего офицера арестовали, судили, обвинили в шпионаже и приговорили к двадцати годам тюрьмы. Плохое состояние здоровья американца привело к тому, что он был освобожден по распоряжению Путина. Этот инцидент не способствовал снятию продолжающихся подозрений относительно намерений Запада. Трагическая гибель в 2000 г. российской ракетной подводной лодки «Курск» класса «Оскар II» вблизи Кольского залива первоначально объяснялась столкновением с американской подводной лодкой. Хотя последовавшее за этим инцидентом расследование назвало причиной гибели лодки и ее команды дефект торпеды «65—76», теперь уже снятой с вооружения, многие офицеры российского флота до сих пор полагают, что в гибели «Курска» повинны ВМС США. («Шквал» в этом инциденте не участвовал.) Старые привычки умирают трудно, в особенности когда дело касается русского менталитета, зафиксированного на теории заговора, которой русская культура пронизана еще с царских времен.

Разногласия, возникшие в 1999 г. и 2008 г. между Атлантическим альянсом и Россией по Балканам и Кавказу, оставили у России впечатление того, что Запад проводит политику двойных стандартов. Хотя само НАТО использовало военную силу, чтобы очертить новые границы Сербии и гарантировать независимость Косово, Россия подверглась осуждению за посягательство на суверенитет Грузии при освобождении народов Абхазии и Осетии. Москва, однако, по другому действовала в отношении чеченских сепаратистов, которые были усмирены кровью для обеспечения безопасного доступа к стратегическим ресурсам Каспийского моря. То самое относится к официальной российской военно-морской доктрине 2001 года, которая подчеркивает необходимость сдерживать попытки иностранных государств игнорировать национальные интересы России и противостоять им. ВМФ все также придерживается оставшейся со времен «холодной войны» тактики борьбы с авианосцами и защиты подходов к материковой части России, но реальный баланс сил в настоящий момент нарушен модернизацией стареющего стратегического подводного флота России, призванного обеспечить хотя бы минимальное сдерживание. В этом контексте развёртывание в Восточной Европе американского противоракетного щита против

иранских ракет рассматривается как нарушение стратегического баланса. И все же, несмотря на явное противостояние, кажется маловероятным, чтобы Россия и Запад начали новую и взаимно невыгодную «холодную войну».

Как материализация решений встречи руководителей стран-членов НАТО в ноябре 2010 г., на которой присутствовал президент России Д.А. Медведев, Россия и НАТО установили новые отношения партнерства и отправили на покой прежние недоразумения, которые использовались некоторыми людьми, желавшими возврата к нежелательному и неприятному холоду в отношениях двух сторон.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Морская крылатая ракета «Хе-293Д» доктора Г. Вагнера, ставшая прототипом как для американских, так и для советских разработок

Фотография советского грузового судна, сделанная 7 мая 1953 г. Вблизи Владивостока через перископ ПЛ «Ремора» (SS-487). Американские подводные лодки наблюдали за поставками оружия в Северную Корею

Подразделение итальянских пловцов-подрывников на построении, 1950-е гг. Советский ВМФ неофициально обвинял «морских дьяволов» князя Боргезе в гибели «Новороссийска»

Крейсеры класса «Свердлов», которые Хрущев считал ненужными, сделали серию визитов на Запад. Английский офицер командер Л. Крэгг пропал при выполнении второго осмотра днища крейсера класса «Свердлов» в Портсмуте

Никита Хрущев и Николай Булганин с британским военно-морским атташе на борту крейсера «Орджоникидзе»

Подводная лодка советского производства класса «Виски», переданная Египту. Вашингтон манипулировал данными разведки о перемещениях подводных лодок коммунистического блока с целью заставить Лондон и Париж по-новому взглянуть на их суэцкую операцию

Ракетные тягачи, выводимые с Кубы в ноябре 1962 г., на борту «Ивана Ползунова», полностью открыты для наблюдения в соответствии с американо-советским соглашением

Советский корабль-разведчик первого поколения «Вертикаль», созданный на базе китобойного судна

Египетский ракетный катер класса «Комар». Молниеносная ракетная атака этими катерами по Эль-Ариш могла спровоцировать израильтян на ответные действия против злополучного «Либерти»

Шведское разведывательное судно «Орион»

Советский разведывательный корабль «Кавказ». Подобные корабли стали поступать в советский ВМФ в 1970-х гг.

В черноморских проливах. Чья-то разведка за работой...

Так русские представляли себе американскую гидроакустическую систему «СОСУС»

Тихий океан, 1978 г. Советский самолет-разведчик «Ту-95Д» («Медведь») над американским авианосцем «Энтерпрайз»

Судно ВМС США «Ванденберг», которое следило за советскими испытаниями, находясь менее чем в 20 милях от побережья Камчатки

Советское судно инструментальных измерений класса «Сибирь» использовалось для слежения за траекториями советских и американских ракет

Подводные лодки НАТО. Вверху — «Оскар I» (класс SSGN), внизу «Виктор III» (класс SSN)

Особо секретное тестовое лазерное судно «Диксон», переделанное из грузового судна

«Урал», корабль управления и дальнего обнаружения баллистических ракет

Судно ВМС США «Столуорт» было новым типом морского разведчика. Для обнаружения проходящих и уходящих подводных лодок оно буксировало вдоль советского побережья сверхчастотные антенны

Севшая на скалы в Карлсруна подводная лодка «С-363» (класс «Виски») представляла собой неопровержимое доказательство проникновения советских подводных лодок в территориальные воды Швеции

Недавно опубликованный рисунок российского художника, на котором изображена советская специальная лодка класса «Юниформ» за работой. Неизвестные на Западе предшественники этой лодки могли использоваться для действий в шведских водах. Части советских подводных лодок-разведчиков и специальных задач базировались на Северном и Тихоокеанском флотах

Десантный корабль-док ВМС США «Пенсакола» тайно доставил 44-метровую лодку «NR-1» в Средиземное море. За неделю до инцидента в Харсфьярдене в октябре 1982 г. три однотипных американских десантных корабля-дока находились в Балтийском море

Глубоководный аппарат «NR-1» — подводная лодка ВМС США, используемая как для военных, так и для гражданских исследований. «NR-1» стал неожиданным подозреваемым по инциденту в Харсфьярдене в октябре 1982 г.

Советские атташе за работой. Они собирают брошюры на американской военной выставке

Типичная фотография, сделанная атташе в Ленинграде в конце 1980-х годов. На заднем плане (в центре) крейсер класса «Киров» и наиболее уникальный и самый крупный из когда-либо построенных разведывательных кораблей «ССВ-33» «Урал». Недостаточно хорошее качество снимка не дает возможности провести детальный анализ

Типичный пример маскировки на судостроительном заводе «Адмиралтейский» в Ленинграде; атомную ударную подводную лодку класса «Виктор-1» прячут от любопытных глаз атташе и спутников

Ученые пытались копировать «летающие диски». Как и в случае с канадской фирмой «Авро», тарелка французской фирмы «Кузине» оказалась неудачной. Соединенные Штаты опасались, что Советский Союз наладит массовое производство летающих дисков и запустит их со своих подводных лодок

«Волга», тендер советского Черноморского флота. 7 октября 1977 г. Над тендером, находившимся в Баренцевом море вблизи Кольского полуострова, в течение 18 минут летали девять дисков. Впоследствии советский ВМФ издал специальные инструкции по изучению объектов

Ударная подводная лодка «Проект-705» (по классификации НАТО — класс «Альфа») имела, наверное, лучшую конструкцию корпуса из всех когда-либо построенных лодок

Гордое наследие адмирала Горшкова: бывшие крейсера «Киров» (справа) и «Калинин» (слева) стоят рядом на базе Северного флота в Североморске в 1994 г. Западная разведка была очень обеспокоена состоянием безопасности на бывшем «Кирове» после того, как в 1990 г. на крейсере, находившемся в Средиземном море, случился инцидент с атомным реактором

Германия, год 1946. Короткий отдых С. Королева, М. Рязанского, Б. Чертока, Н. Пилюгина и Ю. Победоносцева. Через 15 лет, в 1961 г., ум, воля и энергия этих конструкторов поднимут в космос Ю.А. Гагарина

Примечания

1

«Wa-201» — лодка экспериментального типа, в которой использовалась принципиально новая энергетическая установка немецкого конструктора Гельмута Вальтера, где под воздействием катализатора происходило разложение перекиси водорода. Образовавшиеся при этом пар и кислород смешивались с водой и дизельным топливом, после чего полученная горючая смесь воспламенялась, и продукты сгорания смеси (высокотемпературный пар и углерод) приводили в движение турбину. Отработанные газы отводились в атмосферу, а вода циркулировала в закрытом контуре. На испытаниях лодка этого типа развивала скорость хода 26 узлов. Всего было построено 4 лодки подобного типа; все они были затоплены немцами в конце войны в 1945 г. (Примечание ред.).

2

Подводные лодки «U-1408» и «U-1410» относились к семейству экспериментальных лодок Г. Вальтера типа «XVII-B», строительство которых началось после создания первых экспериментальных подводных лодок «Wa-201» и «Wk-202». Лодки типа «XVII-B» имели большее по сравнению с первыми образцами водоизмещение и были оснащены двумя носовыми ТА и шноркелем. На верфи «Блюм унд Форс» было построено три таких лодки,

которые были затоплены немцами в 1945 г. Одна лодка типа «XVII-B» в 1947 г. была поднята англичанами и после ремонта введена в состав британских ВМС под именем «Метеорит».
(Примеч. ред.)

3

Лодка «XXI» серии («Electroboote» — электролодка), построенная к концу войны, была самой совершенной подводной лодкой, созданной немцами. Она имела шесть носовых торпедных аппаратов и при работе от аккумуляторов могла оставаться под водой 75 часов. Своим водоизмещением лодка намного превосходила лодки серии «VII», которых было построено более 700 единиц (подводное водоизмещение более 1000 тонн) и которые являлись наиболее многочисленной серией в немецком подводном флоте. Всего было построено 133 лодки серии «XXI», из которых только две лодки совершили боевые походы. Остальные лодки не приняли участия в войне из-за отсутствия экипажей. (Примеч. ред.)

4

Подводные лодки серии «XXIII» имели подводное водоизмещение 237 тонн, надводное 275 тонн, экипаж 14, были оснащены двумя ТА и предназначались для действий в прибрежной зоне. До окончания войны в боевой состав нацистского флота вошли 62 лодки этой серии, из которых только 6 лодок приняли участие в боевых действиях. (Примеч. ред.)

5

18.06.1940 г. де Голль выступил с речью на лондонском радио, в которой призвал французов не прекращать борьбу с нацизмом. Это заявление принято рассматривать основополагающим моментом французского Сопротивления, символом и руководителем которого считается генерал де Голль. (Примеч. ред.)

6

Сен-Пьер и Микелон — заморское владение Франции в северо-западной части Атлантического океана, к югу от о. Ньюфаундленд. Состоит из 8 островов общей площадью 242 квадратных километра. (Примеч. перевод.)

7

Характер и содержание работы американского военно-морского атташе, как они показаны в этой главе, относятся, преимущественно, к периоду 1945—1950-х годов. Тогда в аппарате военно-морского атташе имелись помощники, аккредитованные в советских портах Архангельск, Владивосток, Новороссийск и Одесса, что значительно расширяло разведывательные возможности атташе в решении стоявших перед ним организационных и разведывательных задач. О работе военно-морских атташе США и стран НАТО в СССР и других странах социалистического лагеря говорится в последующих главах. (Примеч. ред.)

8

Глишков Евгений Георгиевич (08.01.1903—01.07.1973) — инженер-контр-адмирал, военно-морской атташе при посольстве СССР в США в январе 1947 — июле 1950 гг. (Примеч. ред.)

9

Ванников Борис Львович (1897—1962) — генерал-полковник инженерно-технической службы (1944 г.), трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954 гг.). С 1937 г. заместитель наркома оборонной промышленности, с 1939 г. нарком, с 1941 г. заместитель наркома вооружения, в 1942—1946 гг. нарком боеприпасов СССР. С 1946 г. на ответственной работе по руководству оборонной промышленностью в аппарате Совета министров СССР. В 1953—1958 гг. 1-й заместитель министра среднего машиностроения СССР. (Примеч. перевод.)

10

Одна миля (морская) составляет 1853 метра. (Примеч. перевод.)

11

Один фут составляет 30,5 см. (Примеч. перевод.)

12

«Marina Rosso» (итал.) — «Русский флот». (Примеч. перевод.)

13

УНРПЛ (UNRRA, United Nations relief and rehabilitation administration (англ.) — Администрация ООН по оказанию помощи и реабилитации. Действовала по соглашению между 44 государствами в период 1943—1947 гг. и занималась оказанием помощи странам, пострадавшим во Второй мировой войне. Незавершенные проекты УНРРА были переданы Международной организации по делам беженцев и Всемирной организации здравоохранения. (Примеч. ред.)

14

В российской историко-мемуарной литературе, посвященной работе отечественной разведки в годы «холодной войны» и увидевшей свет до появления в США настоящей книги, можно найти и более яркие свидетельства того, как проводилась операция по возвращению Артамонова домой осенью 1975 г. Ей предшествовал довольно продолжительный подготовительный период, который начался летом 1966 г.

15

Китти Хок — курортный городок на атлантическом побережье США. (Примеч. перевод.)

16

О работе в Париже советского военного разведчика Любимова М. Болтуновым написана книга «Агентурой ГРУ установлено» (Москва, 2003, издательство «Русская разведка»). (Примеч. ред.)

17

Кокарда и золотое шитье офицерской фуражки. (Примеч. перевод.)

18

По имени знаменитой американской частной почтовой службы. (Примеч. перевод.)

19

Мэхен, Альфред Тейер (1840—1914), американский государственный и военный деятель, военно-морской историк, идеолог экспансионизма и создатель концепции маринизма. (Примеч. перевод.)

20

Игра слов: от названия популярного напитка «Виски со льдом» («Whisky with ice»). В данном случае «Виски» — класс советской подводной лодки. (Примеч. перевод.)

21

U-2 — высотный самолет-разведчик Стратегического авиационного командования ВВС США; принят на вооружение в конце 1955 г. Мировую известность «получил» 1 мая 1960 г., когда один из самолетов этого типа был сбит советской зенитной ракетой в районе Свердловска. Оставшийся в живых пилот самолета Гэри Пауэре был в 1962 г. обменен на советского разведчика Р. Абея, задержанного ранее американской контрразведкой. (Примеч. перевод.)

22

Яблоков А.В. — член-корреспондент РАН, профессор, доктор биологических наук, советник РАН. (Примеч. ред.)